

Вестник Пермского университета. Юридические науки	Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki	Perm University Herald. Juridical Sciences
2025. Выпуск 3(69)	2025. Vypusk 3(69)	2025. Issue 3(69)
Выходит 4 раза в год	Vykhodit 4 raza v god	Published 4 times a year
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»	Uchreditel': Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Permskiy gosudarstvennyy national'nyy issledovatel'skiy universitet"	Founder: Perm State University
Рассматриваются фундаменталь- ные и прикладные проблемы юри- дической науки. Исследуются со- временное состояние российского законодательства, правопримени- тельная практика, формулируются предложения по развитию и совер- шенствованию различных отраслей права. Анализируются теоретиче- ские и исторические аспекты госу- дарственно-правовых явлений, международное и зарубежное за- конодательство, проводится срав- нительное изучение правовых ин- ститутов в России и других странах.	Rassmatrivayutsya fundamental'- nye i prikladnye problemy yuridi- cheskoy nauki. Issleduyutsya so- vremennoe sostoyanie rossiskogo zakonodatel'stva, pravoprimeñitel'- naya praktika, formuliruyutsya predloženiya po razvitiyu i sover- shenstvovaniju razlichnykh otrac- ley prava. Analiziruyutsya teore- ticheskie i istoricheskie aspekty go- sudarstvenno-pravovykh yavlenij, mezhdunarodnoe i zarubezhnoe za- konodatel'stvo, provoditsya sravnitel'noe izuchenie pravovykh insti- tutov v Rossii i drugikh stranakh.	Fundamental and applied issues of juridical science are consid- ered. The current state of Rus- sian legislation, law enforce- ment practice are investigated, suggestions on development and improvement in different branches of law are formulated. Theoreti- cal and historical aspects of state legal phenomena, interna- tional and foreign legislation are analyzed, legal institutions of Russia and other countries are investigated in the comparative aspect.

Председатель редакционного совета:

Голубцов Валерий Геннадьевич,

д. ю. н., профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермского государственного национального исследовательского университета

Главный редактор журнала:

Кузнецова Ольга Анатольевна,

д. ю. н., профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермского государственного национального исследовательского университета

**Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук
(по группе научных специальностей 5.1. – Право)**

Журнал включен в международную базу данных Web of Science Core Collection

© Редакционная коллегия, 2025

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуни-
каций. Свидетельство о регистрации средства массовой информа-
ции ПИ № ФС77-66479 от 14 июля 2016 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бублик Владимир Александрович

д. ю. н., профессор, ректор, профессор кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета

Бурханова Лейла Марийсовна

к.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права Ташкентского государственного юридического университета

Валеев Дамир Хамитович

д. ю. н., профессор, заместитель декана юридического факультета по научной работе Казанского (Приволжского) федерального университета

Васильева Юлия Валерьевна

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета

Габов Андрей Владимирович

член-корреспондент РАН, д. ю. н., главный научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, заслуженный юрист РФ

Голубцов Валерий Геннадьевич

д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета (*председатель редакционного совета*)

Грачева Елена Юрьевна

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ

Ефремова Марина Александровна

д. ю. н., доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Кодан Сергей Владимирович

д. ю. н., профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, заслуженный юрист РФ

Кузнецова Ольга Анатольевна

д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета (*главный редактор*)

Майкл Лосавио

доктор права, профессор факультета юстиции Университета Луисвилла

Нешатаева Татьяна Николаевна

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия

Новоселова Людмила Александровна

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ

Пастухов Павел Сысоевич

д. ю. н., доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета

Прошляков Алексей Дмитриевич

д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета

Рассел Вивер

профессор права Университета Луисвилла, Школа Права им. Льюиса Д. Брендиеса

Средкова Красимира

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового права и соцобеспечения Софийского университета

Тужилова-Орданская Елена Марковна

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Института права Башкирского государственного университета

Хабриева Талия Ярулловна

академик РАН, д. ю. н., профессор, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заслуженный юрист РФ

Чернядьева Наталья Алексеевна

д. ю. н., доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал)

Щенникова Лариса Владимировна

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Кубанского государственного университета

EDITORIAL BOARD

Bublik Vladimir Aleksandrovich

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Rector, Professor in the Department of Business Law of the Urals State Law University

Burkhanova Leila Mariusovna

Candidate of Legal Sciences, Professor of the Department of Civil Law Tashkent State Law University

Valeev Damir Khamitovich

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty of Kazan (Volga region) Federal University

Vasileva Yuliya Valerevna

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor and International Law, Perm State University

Gabov Andrey Vladimirovich

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Chief Researcher of the Business and Corporate Law Sector of the Institute of State and Law of the Academy of Sciences of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation

Golubtsov Valerij Gennad'evich

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University (**Chairman of the Editorial Board**)

Gracheva Elena Yur'evna

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation

Efremova Marina Alexandrovna

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Criminal Law Disciplines, Kazan Branch of the Russian State University of Justice

Kodan Sergey Vladimirovich

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Theory of the State and Law, Urals State Law University, Honored Lawyer of the Russian Federation

Kuznetsova Olga Anatol'evna

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University (**Editor-in-Chief**)

Michael Losavio

Doctor of Law, Professor in the Department of Justice at the University of Louisville

Neshataeva Tatiana Nikolaevna

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International Law of the Russian Academy of Justice

Novoselova Liudmila Aleksandrovna

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Intellectual Rights of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation

Pastukhov Pavel Sysoevich

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Criminal Procedure and Criminology, Perm State University

Proshlyakov Aleksey Dmitrievich

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Urals State Law University

Russell L. Weaver

Professor of Law, University of Louisville, Louis D. Brandeis School of Law

Sredkova Krasimira

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor Law and Social Security of Sofia University

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, Bashkir State University

Khabrieva Talia Yarullovna

Academic of the Academy of Sciences of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation

Chernyadeva Natalya Alekseevna

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of State and Legal Disciplines of the Russian State University of Justice

Shchennikova Larisa Vladimirovna

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State University

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г. (г. Ереван, Армения)</i> Теоретико-правовые основы законодательных перечней: от концепции к практике применения	326
<i>Клеандров М. И., Виноградова Е. В. (г. Москва)</i> Эволюция статуса российских судей: историографический ракурс	351
<i>Трикоз Е. Н. (г. Москва)</i> Правовая экспансия римлян в ранней Британии: попытка романизации местного правопорядка	372

II. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Гришин Д. А. (г. Рязань)</i> Административно-правовое регулирование: предмет, метод, система	389
<i>Дискин Е. И. (г. Москва)</i> Концептуальные основы и правовое регулирование противодействия дезинформации: сравнительный анализ через призму междисциплинарности	409

III. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Чернышев Д. Б. (г. Екатеринбург)</i> «Святая инквизиция» в истории формирования современного уголовного процесса	430
--	-----

IV. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Маличенко В. С. (г. Москва)</i> Роль санкций в ограничении обеспечения международно-правовых гарантий охраны здоровья человека	445
<i>Пузырева Ю. В. (г. Москва)</i> Международно-правовое регулирование военно-силового подхода к борьбе с терроризмом на универсальном и региональном уровне (на примере ООН и СНГ)	461
<i>Gulyamov S. S. (Tashkent, Uzbekistan)</i> Mechanisms for Building Trust in AI-Assisted Justice Systems Through Cognitive, Emotional and Socio-Psychological Factors	482

Правила оформления и представления рукописей статей в журнал
ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ 492

CONTENTS

I. THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Ghambaryan A. S., Dallakyan L. G. (Yerevan, Armenia)

- The Theoretical and Legal Foundations of Statutory Lists:
From the Concept to Practical Application 326

Kleandrov M. I., Vinogradova E. V. (Moscow)

- Evolution of the Status of Russian Judges: A Historiographic Perspective 351

Trikoz E. N. (Moscow)

- Roman Legal Expansion in Early Britain: Attempt at Romanization of Local Law 372

II. PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

Grishin D. A. (Ryazan)

- Administrative-Law Regulation: The Subject, Method, System 389

Diskin E. I. (Moscow)

- Conceptual Foundations and Legal Regulation of Countering Disinformation:
A Comparative Analysis Through the Lens of Interdisciplinarity 409

IV. CRIMINAL LAW SCIENCES

Chernyshev D. B. (Yekaterinburg)

- The Holy Inquisition in the History of the Formation of Modern Criminal Procedure 430

IV. INTERNATIONAL LAW SCIENCES

Malichenko V. S. (Moscow)

- The Role of Sanctions in Violating International Legal Guarantees of Health Protection 445

Puzyreva Yu. V. (Moscow)

- International Legal Regulation of the Military-Force Approach to the Fight Against Terrorism
at the Universal and Regional Levels (taking the examples of the UN and the CIS) 461

Gulyamov S. S. (Tashkent, Uzbekistan)

- Mechanisms for Building Trust in AI-Assisted Justice Systems Through Cognitive, Emotional
and Socio-Psychological Factors 482

Guidelines for Preparing and Submitting Articles for Publication in the Scientific Journal

- PERM UNIVERSITY HERALD. JURIDICAL SCIENCES 492

I. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г. Теоретико-правовые основы законодательных перечней: от концепции к практике применения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 3(69). С. 326–350. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-326-350.

Ghambaryan A. S., Dallakyan L. G. *Teoretiko-pravovye osnovy zakonodatel'nykh perechney: ot kontseptsii k praktike primeneniya* [The Theoretical and Legal Foundations of Statutory Lists: From the Concept to Practical Application]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 3(69). Pp. 326–350. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-326-350.

УДК 340.13

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-326-350

Теоретико-правовые основы законодательных перечней: от концепции к практике применения

А. С. ГамбарянРоссийско-Армянский (Славянский) университет
E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com**Л. Г. Даллакян**Российско-Армянский (Славянский) университет
E-mail: Lilit.dallakyan@rau.am**Статья поступила в редакцию 30.04.2025**

Введение: в статье анализируется и разрабатывается концепция закрытых (*pimerus clausus*) и открытых (*pimerus apertus*) законодательных перечней, являющихся важным инструментом законодательной техники. Каждому виду перечня свойственны особая структура и специальные языковые средства, которые явно либо имплицитно указывают на закрытый либо открытый характер списка соответственно. Целью работы является анализ особенностей и классификация видов законодательных перечней, а также изучение судебной практики их применения, так как неправильный выбор вида перечня, ошибки в технике его формулирования или неверная квалификация перечня правоприменителем влечет за собой серьезные негативные последствия для правового регулирования. В результате научно-практического анализа осуществлена авторская классификация закрытых перечней согласно их расположению в элементах структуры правовых норм и полноте перечисления (полные и неполные закрытые перечни), а также проведена классификация открытых перечней согласно различным способам перечисления элементов списка и применению конкретизирующих языковых средств (простые перечни и перечни конкретизирующего характера). Кроме того, посредством анализа законодательства и судебной практики выведено понятие симулякра закрытых перечней, создающего иллюзию исчерпывающего списка, а также выявлено соотношение *pimerus clausus* и максими *expressio unius*, являющейся широко используемым в зарубежной судебной практике правилом интерпретации. **Выводы:** дифференциации открытых и закрытых списков и их подвидов, размежевание открытых перечней и неполных закрытых перечней, выявление симуляков закрытых перечней способствуют более глубокому пониманию их функциональной роли в правовом регулировании. Критический анализ судебной практики, в частности изучение применения *expressio unius*, исследование особенностей «открытия» судами закрытых законодательных перечней посредством развития права, выявление различных подходов судов к истолкованию и коррекции списков позволяют прийти к выводу о сложности и многогранности категории «законодательный перечень» и необходимости систематизации специальных знаний о всех его аспектах.

© Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г., 2025



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: классификация законодательных перечней; *numerus clausus*; *numerus apertus*; *expressio unius*; развитие права *contra legem*; симулякр закрытого законодательного перечня; неполный закрытый перечень; открытый законодательный перечень с применением конкретизирующих языковых средств

The Theoretical and Legal Foundations of Statutory Lists: From the Concept to Practical Application

S. Ghambaryan

Russian-Armenian (Slavonic) University
E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

L. G. Dallakyan

Russian-Armenian (Slavonic) University
E-mail: Lilit.dallakyan@rau.am

Received 30 Apr 2025

Introduction: the study analyzes and develops the concept of closed (*numerus clausus*) and open (*numerus apertus*) statutory lists, which are an important tool of legislative technique. Each type of lists is characterized by a special structure and special linguistic means that explicitly or implicitly indicate the closed or open nature of a list. **Purpose:** the article aims to analyze the types of statutory lists and provide a classification thereof, as well as to study judicial practice in their application. This is essential since a wrong choice of the type of list, errors in the technique of its formulation, or incorrect classification of a list by a law enforcer entails serious negative consequences for legal regulation. **Results:** the authors have developed a classification of closed lists according to their location in the elements of the structure of legal norms and to the completeness of the enumeration (complete and incomplete closed lists) as well as a classification of open lists according to various methods of enumerating their elements and the use of specifying language tools (simple lists and lists of a concretizing nature). In addition, through an analysis of legislation and judicial practice, the authors have derived the concept of a simulacrum of a closed list, which creates the illusion of an exhaustive list, and also have elucidated the relationship between 'numerus clauses' and the maxim 'expressio unius', which is a rule of interpretation widely used in foreign judicial practice. **Conclusions:** the differentiation of open and closed lists and their subtypes, the distinction made between open lists and incomplete closed lists, and the identification of simulacra of closed lists, all contribute to a deeper understanding of their functional role in legal regulation. A critical analysis of judicial practice, including the study of the application of 'expressio unius', the study of the 'opening' by courts of closed statutory lists through the development of law, the identification of different approaches of courts to the interpretation and correction of lists, indicates the complexity and multifaceted nature of the category of 'statutory list' and the need to systematize special knowledge about all its aspects.

Keywords: 'classification of statutory lists; *numerus clausus*; *numerus apertus*; *expressio unius*; development of law *contra legem*; simulacrum of a closed statutory list; incomplete closed list; open statutory list with concretizing language means applied

Введение

В эпоху динамично изменяющегося и усложняющегося законодательства владение правотворческой техникой оформления законодательных перечней, а также обладание практическими навыками их толкования и применения приобретают особое значение и актуальность. Настоящая статья посвящена анализу особенностей формирования и классификации открытых и закрытых законодательных перечней, раскрытию их значения для правотворчества и правоприменительной деятельности, в том числе изучению судебной практики их применения, так как неправильный выбор вида перечня, ошибки в технике его формулирования или неверная квалификация перечня правоприменителем влекут за собой серьезные негативные последствия для всего правового регулирования. Соответственно, объектом данного исследования являются законодательные перечни, которые выступают в качестве важного элемента законодательной техники

и одновременно объекта правоприменительной деятельности, предметом исследования – проблемы формирования, толкования, применения и классификация их видов.

В ходе работы использованы историко-правовой и сравнительно-правовой методы исследования, системный анализ законодательства и doctrinalных источников, методы дедукции, индукции и абстрагирования, а также эмпирический метод, примененный для анализа обширной судебной практики.

Таким образом, данная статья представляет собой комплексное исследование, результатом которого является разработка теоретических основ концепции закрытых (*numerus clausus*) и открытых (*numerus apertus*) законодательных перечней, выполненная с опорой на всесторонний анализ законодательного материала и проблем правоприменительной (судебной) практики, послуживших основой представленных теоретических положений.

1. Общие положения о законодательных перечнях

1.1. Закрытые (*numerus clausus*) и открытые (*numerus apertus*) законодательные перечни

Законодательные перечни представляют собой системы, состоящие из элементов, имеющих юридическое значение, и бывают двух видов: закрытые и открытые.

Закрытый перечень технически завершается точкой, поставленной непосредственно после последнего из перечисляемых элементов, из чего следует, что перечисление является исчерпывающим, и правоприменитель, как правило, не может добавить другие элементы в этот список. Для обозначения того, что установленный законодательством перечень (список) является закрытым, или исчерпывающим, часто используется латинская формулировка *numerus clausus*, в которой слово *numerus* буквально означает «номер» или «число», а слово *clausus* – «ограниченный», соответственно, *numerus clausus* переводится как «ограниченное количество».

Как показали исследования, сам термин *numerus clausus* возник в немецкой юридической литературе, в которой он применялся для описания вещных прав и в контексте того, что не только количество, но и содержание имущественных прав ограничено. Ученые отмечают, что «...применительно к вещному праву ранние упоминания термина “*numerus clausus*” появились в проекте Германского гражданского кодекса, разработанного Гирке (Von Gierke 1889), а также учебниках Ортманна (Örtmann 1899) и Хека (Heck 1930), где авторы ссылаются на “*numerus clausus*” для описания правила в немецком праве, согласно которому только законодательство, в частности Германский Гражданский кодекс, может определять, что является вещным правом и каким может быть содержание такого вещного права» [17, с. 5].

Противоположностью *numerus clausus* является термин *numerus apertus*, под которым подразумевается открытый перечень/список. Открытый перечень технически сформулирован таким образом, что после последнего элемента списка следует, к примеру, такая формулировка, как «и т. д.», из чего можно заключить, что список не является исчерпывающим и правоприменитель может добавлять в него другие элементы, аналогичные элементам списка.

В юриспруденции распространенным примером *numerus clausus* и *numerus apertus* является законодательная техника перечисления обстоятельств, отягчающих и смягчающих уголовную ответственность. Например, в уголовном законодательстве Армении обстоятельства, отягчающие ответственность, изложены в логике *numerus clausus*, а смягчающие обстоятельства – в логике *numerus apertus*.

Техника закрытого и открытого перечней имеет как преимущества, так и недостатки. Закрытый перечень наделен высокой степенью определенности, в результате чего усмотрение правоприменителя существенно ограничено и он, как правило, лишен возможности добавлять новые элементы в закрытый список. С другой стороны, закрытый перечень лишен гибкости, и правоприменитель не имеет возможности адаптировать закрытый перечень к меняющимся условиям. Внесение изменений либо дополнений в закрытый перечень в целом является прерогативой законодателя.

В отличие от закрытого, открытый перечень является более гибким, поскольку правоприменитель имеет возможность дополнить этот список новыми элементами с помощью соответствующих правил толкования. Вместе с тем открытый перечень не обладает высокой степенью определенности, что может привести к необоснованному расширению пределов усмотрения правоприменителя.

Для формулирования открытого перечня используются два основных способа перечисления: простое перечисление и перечисление конкретизирующего характера (с детализирующими элементами).

В случае простого перечисления список завершается формулировкой «и т. д.» или «другие случаи», из чего однозначно следует, что данное перечисление не является исчерпывающим. Например, согласно статье 8 Закона Республики Армения (далее – РА) «О рекламе» запрещается реклама, которая нарушает пристойность рекламы, а именно (среди прочего) прямо или косвенно порочит или выражает неуважение к государственным символам (гербу, флагу, гимну, валюте и т. д.)¹. Указанный список государственных символов является *открытым*, то есть по смыслу закона государственными символами могут считаться, например, государственные награды и медали, в отношении которых, согласно логике открытого списка, действуют те же запреты.

В случае перечисления конкретизирующего характера список излагается с применением слов «в частности», «среди прочих», «например», «включая», при этом перечисление завершается не словами «и т. д.», а точкой. К примеру, в пункте 5 части 2 статьи 24 Закона РА «О гражданстве Республики Армения»² указано, что заявление гражданина о выходе из гражданства РА отклоняется, если «<...> он имеет обязательства, предусмотренные Законами “Об обороне” и “О военной службе и статусе военнослужащего”, в частности...» (здесь и далее выделено нами. – А. Г., Л. Д.), после чего следует перечисление наиболее очевидных обязательств, которые служат основанием для отклонения заявления.

¹ О рекламе: Закон Республики Армения от 31 мая 1996 г. №55 // Бюллетень Нац. Собрания РА. 1996/10 (1110), ст. 120.

² О гражданстве: Закон Республики Армения от 6 нояб. 1995 г. №061 // Бюллетень Нац. Собрания РА 1995/8.

Представленный пример наглядно показывает, что законодатель перечислил основания для отклонения заявления гражданина о выходе из гражданства посредством *открытого* перечисления с *конкретизирующими элементами* – с использованием слова «в частности», соответственно, указанные основания не являются исчерпывающими, из чего следует, что правоприменитель может счесть, что наличие других обязательств, предусмотренных в иных статьях Закона, также является основанием для отклонения заявления о выходе из гражданства. В данном случае правоприменитель с помощью правила толкования *analogia intra legem* должен определить, какая из многочисленных обязанностей, предусмотренных в Законах РА «Об обороне» и «О военной службе и статусе военнослужащего», может считаться основанием для отклонения заявления о выходе из гражданства.

Приведем другой пример: часть 1 статьи 62 Закона РА «Об основах администрирования и административном производстве» изложена в следующей редакции¹:

«Ничтожным является тот административный акт, в котором, **в частности**, имеются следующие очевидные грубые ошибки:

- а) из акта четко не видно или не ясно однозначно, который административный орган его принял;
- б) акт принят некомпетентным административным органом;
- в) из акта не ясно, кому он определенно адресован, или не известно, какой вопрос он регулирует;
- г) данным актом на его адресата возлагается очевидным образом неправомерная обязанность или ему предоставляется неправомерное право».

В данном случае перечисление очевидных грубых ошибок не завершается формулировкой «и т. д.» или «другие очевидные грубые ошибки», из чего на первый взгляд может сложиться впечатление, что этот перечень закрыт. Между тем об открытом характере рассматриваемого перечня свидетельствует тот факт, что законодатель технически изложил список этих ошибок посредством *открытого* перечисления *конкретизирующего характера*, с применением слова «в частности», то есть перечислил случаи наиболее очевидных грубых ошибок, что само по себе не исключает возможности, что в ходе правоприменения в данный перечень могут быть включены и иные случаи очевидных грубых ошибок. Так,

принятие акта неуполномоченным административным органом включено в законодательный перечень очевидных грубых ошибок, однако фактическое принятие административного акта со стороны органа, который в смысле данного закона не является административным, в указанном перечне не предусмотрено. Однако теоретически возможна ситуация, когда сотрудник органа, не считающегося в институциональном или функциональном смысле административным, фактически осуществляет администрирование. Например, сотрудник образовательного комплекса Министерства внутренних дел РА (государственная некоммерческая организация) составляет на основании официального бланка административный акт о привлечении водителя к административной ответственности, в результате чего гражданин уплачивает штраф, который поступает в государственный бюджет. В данном случае очевидно, что образовательный комплекс Министерства внутренних дел РА не является административным органом, однако его сотрудник фактически осуществил администрирование. В этой ситуации мы имеем дело с очевидной грубой ошибкой, которая не включена в законодательный перечень в качестве основания для признания акта ничтожным. Тем не менее, поскольку данный законодательный перечень является *открытым*, правоприменитель может дополнить его новым элементом.

Что же касается включения новых элементов в открытые списки (как в простые, так и в списки с конкретизирующими языковыми средствами), то в обоих случаях для этого используется правило толкования *analogia intra legem* (в ангlosаксонских правовых системах это правило называется *eiusdem generis*² и *noscitur a sociis*³), согласно которому в открытый перечень могут быть добавлены элементы, аналогичные элементам, перечисленным в списке. Например, если в открытом законодательном списке перечислены «озера, реки, ручьи и другие водоемы», у правоприменителя возникает вопрос, позволяет ли формулировка «другие водоемы» включать в этот список, например, бассейны. В случае применения правила толкования *analogia intra legem* правоприменитель должен сделать вывод, что бассейн как искусственный водоем не может быть включен в этот список, поскольку озера, реки, ручьи, перечисленные в списке, являются естественными водоемами, а бассейн таким не является [23; 28, с. 839].

¹ Об основах администрирования и административном производстве: Закон Республики Армения от 18 февр. 2004 г. №О-41-Ն // Официальные Ведомости РА 2004.03.31/18(317), ст. 413.

² *Eiusdem generis* – одного и того же вида, класса или природы. При толковании законов, завещаний и других инструментов правила *eiusdem generis* заключается в том, что, когда за общими словами следует перечисление лиц или вещей, обозначенных словами конкретного и специального значения, такие общие слова не должны толковаться в их самом широком смысле, а должны считаться применяемыми только к лицам или вещам того же общего рода или класса, что и конкретно упомянутые [20, с. 608].

³ *Noscitur a sociis* – познаётся по окружению (It is known from its associates). Значение слова известно или может быть известно из сопровождающих его слов. Доктрина означает, что общие и специальные слова связаны друг с другом и приобретают окраску, ограничивая общие слова смыслом, аналогичным менее общим [там же, с. 1209].

1.2. Области применения закрытых перечней (*numerus clausus*)

В юриспруденции выражение *numerus clausus* употребляется не только для указания на закрытый (исчерпывающий) характер законодательных перечней, но и в других целях, например, для указания квоты (количественного ограничения численности лиц), относящейся к какой-либо группе лиц, к примеру, для установления квот, выделенных для студентов вузов или заключенных. Так, Конституционный суд Германии в делах 1 BvL 32/70 и 1 BvL 25/71 (Постановление от 18 июня 1972 г.) рассмотрел конституционность квот, которые ограничивали свободу приема студентов в медицинские вузы (абсолютного *numerus clausus* мест для получения высшего образования в области медицины) в связи с нехваткой учебных мест по медицинским специальностям [5, с. 579–580]. Европейский суд по делу «Ананьев и другие против России» (Ananyev and Others v. Russia) в Постановлении от 10 января 2012 г. отметил: «<...> было бы целесообразно установить максимальную вместимость – *maxitum capacity* (*numerus clausus*) для каждого следственного изолятора через определение пространства на каждого заключенного и возможное количество квадратных и, возможно, кубических метров <...>¹. В данном случае *numerus clausus* использовался в контексте ограничения максимального количества заключенных.

Тем не менее в юриспруденции *numerus clausus* чаще всего используется для обозначения того, что перечисление каких-либо элементов в положениях закона является закрытым, или исчерпывающим. Повторим, что суть его заключается в том, что законом устанавливается закрытый, или исчерпывающий, перечень элементов (обстоятельств), имеющих юридическое значение, из чего правоприменитель делает вывод, что он не правомочен делать предметом правовых операций какое-либо обстоятельство (элемент), не предусмотренное в этом перечне. При этом последний вывод делается на основе правила толкования *expressio unius* (об этом далее). Данное правило представляет собой предположение, что явное включение в текст закона определенных вещей подразумевает исключение других, не упомянутых в нем вещей [22, с. 87].

Ссылаясь в своих решениях на формулировку *numerus clausus*, суды РА обозначают ее как принцип. Однако, по нашему мнению, латинское выражение

numerus clausus, обозначающее закрытый список или ограничение количества, не является принципом права, поскольку само по себе не несет никакой идеологической нагрузки. Это не фундаментальная идея, а формулировка, призванная обозначить ограничение количества элементов, включенных в список. Поэтому использование в судебных актах слова «принцип» наряду с формулировкой *numerus clausus* лишено юридического значения.

Отдельные авторы упоминают принцип «ограничение по типу (the type restriction)» наряду с формулировкой *numerus clausus*, но из их суждений трудно понять, как соотносятся «*numerus clausus*» и «ограничение по типу (the type restriction)» [27, с. 33–34]. Обе формулировки, по сути, выражают одно и то же значение, поскольку *numerus clausus* сам по себе содержит ограничение по типам объектов (элементов), предусмотренных в списке.

Административный суд Республики Армения (далее – РА) рассматривает *numerus clausus* как «количественное ограничение» (см., например, административное дело № ЧԴ/6004/05/22)², а уголовные суды РА – как закрытый список (см., например, уголовное дело № ԵԱՀԴ/0030/01/16)³. Подход уголовных судов РА к раскрытию сущности *numerus clausus* посредством применения формулировки «закрытый список» является более приемлемым, поскольку ограничение количества является одним из свойств закрытого списка, то есть если список является закрытым, то это означает, что количество элементов, перечисленных в списке, ограничено.

Суды РА ссылались на *numerus clausus* для характеристики закрытого характера следующих законодательных перечней:

1) исчерпывающий перечень видов доказательств в уголовном судопроизводстве (уголовное дело № ԵԱՀԴ/0030/01/16), упомянутый нами выше;

2) исчерпывающий перечень препаратов, полученных из конопли, определенных отдельными пунктами приложения 1 к Уголовному кодексу РА (уголовное дело № ԵԱՀԴ /0095/01/17);⁴

3) исчерпывающий перечень обстоятельств, исключающих производство по делам об административных правонарушениях (административное дело № ЧԴ/6004/05/22), указанных выше;

4) исчерпывающий перечень промежуточных судебных актов административного суда РА, подлежащих обжалованию в апелляционном порядке (административное дело № ЧԴ /1073/05/19);⁵

¹ Case Ananyev and Others v. Russia Applications nos. 42525/07 and 60800/08. Strasbourg. 10 January 2012. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng%22itemid%22:\[%22001-108465%22\].](https://hudoc.echr.coe.int/eng%22itemid%22:[%22001-108465%22].)

² Решение Административного суда РА первой инстанции № ЧԴ/6004/05/22 от 4 авг. 2022 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

³ Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции № ԵԱՀԴ/0030/01/16 от 2 окт. 2017 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

⁴ Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции № ԵԱՀԴ/0030/01/16 от 31 янв. 2017 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

⁵ Решение Апелляционного Административного суда № ЧԴ/1073/05/19 от 4 апр. 2019 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «DataLex».

5) исчерпывающий перечень строительных объектов или строительных работ, имеющих классификацию с низким уровнем риска, установленную в приложении к Постановлению Правительства РА от 19.03.2015 № 596-Н (административное дело № ЧԴ/0204/05/23)¹.

Таким образом, установленный законом закрытый перечень представляет собой систему, состоящую из исчерпывающего перечисления элементов, имеющих юридическое значение, которая, выступая в качестве символа правового запрета, считает недопустимым выполнение юридически значимых операций с элементами, не предусмотренными в этом списке. Тем самым законодательный закрытый перечень как юридический символ содержит косвенный (имплицитный) запрет.

1.3. Закрытый законодательный перечень в контексте методов правового регулирования

Императивный метод правового регулирования формируется на основе доминирующего сочетания запретительного и обязывающего способов правового регулирования, а диспозитивный метод – на основе доминирования разрешительного (правоустанавливающего) способа. Содержание закрытого перечня может быть изложено как разрешающими, так и обязывающими или запрещающими способами правового регулирования, то есть этот список может содержать как разрешающие, так и обязывающие или запрещающие положения. Однако закрытый перечень сам по себе подразумевает использование императивного метода правового регулирования, поскольку, устанавливая закрытый перечень, законодатель имплицитно запрещает (исключает) возникновение каких-либо правовых последствий, связанных с другими элементами, не предусмотренными в перечне. Другими словами, закрытый перечень может эксплицитно содержать императивные нормы, устанавливающие обязанности и запреты, или диспозитивные нормы, закрепляющие права, при этом законодательный закрытый перечень сам по себе содержит имплицитный запрет, в соответствии с которым считается недопустимым совершать какие-либо юридические операции с элементами, не предусмотренными в перечне². Например, Кассационный суд РА в Постановлении от 12 февраля 2010 г. отметил: «<...> УПК РА не предусматривает возможности обжалования

решения о самоотводе в Апелляционном уголовном суде РА. Применяя известное правило толкования *expressio unius*, согласно которому невключение элемента в исчерпывающий перечень следует толковать в смысле его исключения, Кассационный суд констатирует, что УПК РА устанавливает, что решения о самоотводе не подлежат обжалованию»³.

Таким образом, Кассационный суд РА вывел запрет на обжалование решений о самоотводе из установленного Законом закрытого перечня судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию в Апелляционный суд РА, однако Суд не указал, что статья закона, предусматривающая закрытый перечень, эксплицитно содержит правовой запрет. Формулировки Кассационного суда РА верны, поскольку закрытый перечень судебных актов, подлежащих обжалованию, предусматривает не запрет, а право на обжалование. Другое дело, что из закрытого характера этого перечня вытекает имплицитный запрет на обжалование судебных актов, не предусмотренных в перечне.

Суды первой инстанции также выводят правовые запреты из закрытого перечня, но не указывают, что в этом перечне имеется эксплицитный правовой запрет на совершение действий с элементом, не предусмотренным в перечне. Например, в Решении от 19 марта 2013 г.⁴ Суд первой инстанции РА отметил: «При изучении статьи 189 ГПК РА выясняется, что законодатель исчерпывающе перечислил подлежащие судебному рассмотрению дела об установлении фактов, в числе которых отсутствует компетенция по установлению факта рождения, поэтому необходимо применить известное правило толкования *expressio unius*, согласно которому невключение какого-либо элемента в исчерпывающий список следует толковать в смысле его исключения, то есть суть его заключается в том, что если какой-либо элемент не включен в закрытый перечень, то норма, устанавливающая перечисление, может **толковаться как закрепляющая запрет на данный элемент**»⁵.

Как мы видим, Суд первой инстанции РА не указал, что в данной статье имеется правовой запрет, а вывел правовой запрет путем толкования нормы, устанавливающей исчерпывающий перечень.

В отличие от Кассационного суда РА и судов первой инстанции РА, Конституционный суд РА при определении конституционности закрытых перечней

¹ Решение Административного суда РА первой инстанции № ЧԴ/0204/05/23 от 11 окт. 2023 г [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «DataLex».

² Вышеизложенное не распространяется на ситуации, когда в случае законодательных закрытых перечней опровергается презумпция сознательного молчания законодателя и устанавливается, что непредусмотрение какого-либо элемента в закрытом перечне является результатом законодательной ошибки, однако это отдельная тема для обсуждения.

³ Постановление Кассационного суда РА от 12 февр. 2010 г. № ԵԿԴ/0547/06/09 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

⁴ Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции № ԵԿԴ/2970/02/12 от 19 марта 2013 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

⁵ Гражданко-процессуальный кодекс Республики Армения 1998 г. (ՅՕ-247) // Бюллетень Нац. Собрания РА 1998.09.09/20(53). Утратил силу 09.04.2018.

формулирует свою позицию так, как будто в статье закона, предусматривающей закрытый перечень, прямо содержится запрет на совершение юридических операций с элементами, не предусмотренными в перечне. Так, в части 2 статьи 401 УПК РА¹ установлен исчерпывающий перечень судебных актов, подлежащих исключительному пересмотру, в котором окончательный судебный акт о применении меры пресечения не предусмотрен (речь идет об исключительном порядке пересмотра по новым и вновь открывшимся обстоятельствам). Конституционный суд РА в Постановлении УП-1736 от 4 июня 2024 г. рассмотрел вопрос конституционности невключения окончательного судебного акта о применении меры пресечения в этот закрытый перечень и сформулировал свои суждения в постановлении так, словно в части 2 статьи 401 УПК РА прямо установлен правовой запрет: «**Существование запрета**, установленного частью 2 статьи 401 УПК РА, лишает смысла в некоторых случаях подачу индивидуальных жалоб в Конституционный суд, поскольку решение, выносимое Конституционным судом, фактически, не может быть предпосылкой для пересмотра окончательного судебного акта по конкретному делу <...>. Более того, при наличии **этого запрета** в некоторых случаях не создается возможности для восстановления и защиты нарушенных прав и свобод человека»².

Как мы видим, Конституционный суд РА прямо указывает на запрет, предусмотренный частью 2 статьи 401 УПК РА, хотя в данной статье не указано прямого (эксплицитного) запрета. Другое дело, что из установленного законом закрытого перечня судебных актов, подлежащих исключительному пересмотру, вытекает косвенный (имплицитный) запрет на пересмотр судебных актов, не представленных в этом перечне.

Законодатель, предусматривая закрытые перечни в сфере частного права, также использует императивный метод правового регулирования. Хотя по этому вопросу среди специалистов частного права существуют споры, распространенным является подход, согласно которому если в законе установлен закрытый перечень гражданских прав [27, с. 32], например вещных прав, или закрытый перечень форм собственности [21], то стороны не могут создавать новые права или новую форму собственности. Это может сделать только законодатель.

Специалисты по гражданскому праву отмечают, что установление закрытого перечня свойственно императивному методу правового регулирования, и объясняют это публичным интересом, поскольку вещные права должны признаваться не только сторонами, но и всеми, поэтому законом устанавливаются императивные нормы, где возможность

свободы ограничена: «В определенной степени цель ограничения по типу и причина его установления могут быть охарактеризованы как желание законодателя наложить определенные ограничения на собственника вещи, чтобы собственник не мог зайти слишком далеко в обременении вещным правом принадлежащей ему собственности» [27, с. 33–34].

Тем не менее в теории частного права отмечается, что в соответствии с социально-экономическим развитием общества на практике из *numeris clausis* делается множество исключений и предлагается смягчить императивный характер регулирования вещных прав [1, с. 46].

Отдельные российские специалисты указывают, что в случае закрытого законодательного перечня конкретных вещных прав наличествует сочетание императивных и диспозитивных методов регулирования: «Применительно к нормативному закреплению четкого перечня вещных прав значение *numeris clausus* состоит в сочетании имплицитного запрета на создание не поименованных законом видов субъективных прав соглашением сторон, что характерно для правонаделения как императивной черты метода регулирования гражданских правоотношений, и свободы субъектов гражданских прав по своему усмотрению создавать регламентированные законом виды субъективных прав, что соответствует дозволению как черте диспозитивного метода гражданско-правового регулирования» [11, с. 144]. В этой цитате речь идет о перечне вещных прав, но важно то, что автор упоминает об эксплицитном запрете, вытекающем из закрытого перечня.

Учредительная власть, устанавливая конституционные закрытые перечни, может регулировать определенные отношения с помощью императивного метода. В этом случае конституционный закрытый перечень становится критерием определения конституционности законов. Например, Конституцией РА 1995 года был предусмотрен закрытый список субъектов, имеющих полномочия на законодательную инициативу (депутаты и правительство РА), в то время как в действовавшем в тот период Законе РА «О телевидении и радио» было указано, что Устав Общественной телерадиокомпании утверждается Национальным Собранием РА, а полномочия по разработке Устава Общественной телерадиокомпании и представлению его на рассмотрение в Национальное Собрание РА были возложены на руководящий орган Общественной телерадиокомпании – Совет общественной телерадиокомпании³. Эти законодательные положения были истолкованы таким образом, что Национальное Собрание РА утверждает Устав Общественной

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 30 июня 2021 г. №О-306-1. URL: <https://www.arlis.am/>.

² Постановление Конституционного суда Республики Армения УП-1736 от 4 июня 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы Arlis.

³ О телевидении и радио: Закон Республики Армения от 18 нояб. 2000 г. №О-97 // Официальные ведомости РА. 2000.11.18/27 (125).

телерадиокомпании посредством принятия закона, следовательно, представление Устава в Национальное Собрание РА на рассмотрение, по сути, считалось осуществлением полномочий законодательной инициативы. В связи с этим Конституционный суд РА в Постановлении УП-278 от 11 января 2001 г. отметил: «Статьей 75 Конституции РА предусмотрен исчерпывающий перечень субъектов, имеющих право законодательной инициативы в Национальном Собрании, и по закону другие органы не могут быть уполномочены представлять в законодательный орган проекты правовых актов, которые становятся предметом рассмотрения в соответствии с процедурой принятия закона и нормы которых должны получить юридическую силу нормы закона»¹.

На этом основании Конституционный суд РА постановил, что положение Закона РА «О телевидении и радио», согласно которому «Совет разрабатывает и представляет в Национальное Собрание Устав Общественной телерадиокомпании», не соответствует требованиям части первой статьи 75 Конституции РА, то есть закрытому перечню органов, имеющих полномочия на законодательную инициативу.

Статья 75 Конституции РА 1995 года предусматривала уполномочивающую норму, однако посредством закрепления закрытого перечня субъектов законодательной инициативы Учредительная власть урегулировала право законодательной инициативы императивным методом.

Таким образом, в общетеоретической плоскости можно отметить, что, прибегая к технике закрытого перечня (*numeris clausus*), законодатель желает урегулировать данные отношения императивным методом, то есть имплицитно запрещает делать предметом юридических операций элементы, не предусмотренные перечнем. В этом случае для определения метода правового регулирования не имеет значения, содержит ли законодательный закрытый перечень уполномочивающие, запрещающие или обязывающие нормы.

1.4. Возможность расширительного толкования нормы, устанавливающей закрытый перечень

Являются ли законодательные нормы, устанавливающие закрытый перечень, объектом расширительного толкования? Другими словами, может ли правоприменитель добавить новый элемент в закрытый перечень посредством расширительного толкования? Прежде чем перейти к этому вопросу, необходимо уточнить следующее обстоятельство. Вопрос о расширительном толковании нормы, предусматривающей закрытый перечень, необходимо отличать от толкования разрешающих, запрещающих или обязывающих норм, составляющих

содержание закрытого перечня, или элементов гипотезы, присутствующих в перечне. Вне сомнений, положения, составляющие элементы закрытого перечня (их содержание), подлежат толкованию, причем посредством толкования выявляются системные связи между основной нормой, определяющей неполный закрытый перечень, и нормой, определяющей иные элементы этого перечня.

Вернемся к первоначальному вопросу, ответом на который выступает следующий тезис: норма, предусматривающая закрытый перечень, не является объектом расширительного толкования.

Во-первых, закрытый перечень в той мере, в какой речь идет о том, предусмотрен ли тот или иной элемент в закрытом списке, сам по себе не нуждается в расширительном или ограничительном толковании, поскольку исчерпывающий список (перечисление элементов) в силу своей структуры и формы уже является определенным, поэтому изначально ясно, предусмотрен ли тот или иной элемент в закрытом перечне или нет.

Во-вторых, если в закрытом перечне в конкретной ситуации исключается наличие законодательного пробела, то можно предположить, что законодатель, формулируя норму с использованием техники закрытого перечня и не предусматривая в этом перечне иных элементов, сознательно не хотел подвергать регулированию элементы, не предусмотренные в перечне (в случае закрытых списков соотношение законодательного пробела и намеренного молчания законодателя является предметом отдельного обсуждения).

Если правоприменитель сужает законодательный закрытый перечень или добавляет в него перечень новые элементы, не предусмотренные законом, то он не толкует норму ограничительно или расширительно, а противоречит этой норме, которая предусматривает закрытый список, и осуществляет развитие права *contra legem*, в результате чего либо отказывается от применения элемента, содержащегося в закрытом перечне (негативное развитие права *contra legem*), либо добавляет в закрытый перечень новый элемент (позитивное развитие права *contra legem*).

Чтобы замаскировать то, что принятное решение о добавлении в закрытый перечень нового элемента является, по сути, развитием права *contra legem*, суды РА предпочитают преподносить свое решение об «открытии» закрытого перечня как результат расширительного толкования нормы, предусматривающей этот закрытый перечень. Так, Кассационный суд РА Постановлением от 28 ноября 2024 г. по делу № 3ЧУ/0044/15/24² дополнил установленный статьей 389 УПК РА исчерпывающий перечень подлежащих обжалованию судебных актов новым

¹ Постановление Конституционного суда РА УП-278 от 11 янв. 2001 г. [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы Arlis.

² Постановление Кассационного суда РА от 28 нояб. 2024 г. № 3ЧУ/0044/15/24 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

судебным актом, не предусмотренным в перечне, – Определением суда первой инстанции об отказе в возбуждении производства по делу в связи с ходатайством частного участника процесса о снятии ареста с имущества (для краткости назовем это решение судебным актом «Х»).

В указанном деле Кассационный суд РА не согласился с Апелляционным судом РА, который оставил жалобу без рассмотрения по причине того, что судебный акт «Х» не входит в перечень судебных актов, подлежащих пересмотру в особом порядке. Кассационный суд в своем Постановлении указал: «Апелляционный суд РА, исключив возможность обжалования решения Суда первой инстанции в порядке особого пересмотра, подверг **ограничительному толкованию положения**, предусмотренные статьей 389 УПК РА <...>, необоснованным является вывод Апелляционного суда РА о том, что решение Суда первой инстанции не подлежит обжалованию, поскольку оно не предусмотрено статьей 389 УПК РА <...> Апелляционный суд РА <...> неверно истолковал положения, предусмотренные статьей 389 УПК РА <...>».

В вышеупомянутом случае Кассационный суд РА, по сути, решил вопрос правильно, однако стратегия его аргументации является спорной. Так, Кассационный суд РА сделал статью 389 Кодекса (которая содержала перечень судебных актов, подлежащих обжалованию) объектом толкования, а затем отметил, что Апелляционный суд РА «неправильно» истолковал положение о закрытом перечне, поскольку подверг его ограничительному толкованию.

Кассационный суд РА использовал и другие формулировки, вызывающие вопросы, например: «<...> вывод Апелляционного суда РА о том, что судебный акт «Х» не подлежит обжалованию, является необоснованным». Из данной формулировки, на первый взгляд, складывается впечатление, что Кассационный суд РА поставил под сомнение тот факт, что с точки зрения закона судебный акт «Х» не подлежит обжалованию (то есть не предусмотрен закрытым перечнем). Между тем бесспорно, что судебный акт «Х» действительно не предусмотрен в закрытом законодательном перечне судебных актов, подлежащих обжалованию, следовательно, бесспорно и то, что с точки зрения законодательства судебный акт «Х» не подлежит непосредственному обжалованию.

В рассматриваемом случае Кассационный суд РА не истолковал расширительно норму, содержащую закрытый перечень, а, по сути, выступил против законодательного закрытого перечня и «открыл» его, иными словами, восполнил существующий в списке пробел. Кассационный суд РА по этому делу в целом принял правильное решение, поскольку невключение судебного акта «Х» в список судебных актов, подлежащих обжалованию, уязвимо с точки зрения ряда принципов уголовного процесса, однако методология исправления этой

ситуации заключается не в расширительном толковании закрытого перечня, а в применении к законодательному закрытому перечню доктрины развития уголовно-процессуального права *contra legem* или *extra legem*.

2. Максима *Expressio unius est exclusio alterius* в контексте закрытых перечней

2.1. Общие положения

Как уже упоминалось выше, *Expressio unius est exclusio alterius* – это известное латинское изречение (*maxima*), получившее широкое распространение в юридической практике и в дословном переводе означающее: «Выражение одной вещи исключает другие вещи» [30, с. 853]. Рассматриваемая максима работает посредством так называемого отрицательного вывода: если закон явно упоминает определенные категории, это подразумевает, что те категории, которые прямо в законе не упомянуты, намеренно исключены законодателем из текста закона. Соответственно, данная максима состоит в логической и содержательной связи с закрытым перечнем *numeris clauses*, так как оба указанных правовых инструмента могут применяться для достижения схожих или общих целей, что будет рассмотрено ниже, но прежде считаем необходимым проанализировать особенности данной юридической максими.

Если обратиться к встречающемуся в иностранной юридической литературе описанию сути этой максими, то можно обнаружить, что, к примеру, оксфордское издание «Руководство по латыни в международном праве» называет *expressio unius* каноном толкования и определяет данное правило так: «Явное указание одного является исключением другого» [16]. Согласно общему смыслу пояснений, изложенных в «Руководстве», обоснование, лежащее в основе *expressio unius*, заключается в том, что прямое включение предмета в нормативный текст указывает на то, что составители знали о наличии иных предметов и вопросов и решили намеренно их исключить. В качестве иллюстрации того, как *expressio unius* работает на практике, приводится международный договор, в котором установлено, что гражданские суда проходят через территориальные воды другого государства без уведомления, из чего следует, что на военные суда данное правило не распространяется и требуется соответствующее уведомление до того, как иностранный военный корабль войдет в территориальные воды, поскольку квалификация «без уведомления» была явной для гражданских судов, но не упоминалась в отношении военных судов.

На первый взгляд, рассматриваемое латинское изречение воспринимается как одна из тех максим, которые используются для построения юридической аргументации, однако в англо-американской традиции, где данная максима получила наибольшее распространение, ее чаще называют не максимой, а правилом *толкования*,

в основном лингвистическим правилом толкования. Вероятно, это обусловлено тем, что *expressio unius* относится к так называемым лингвистическим максимам, которые предлагают прочтение текста, в том числе юридического, посредством логико-лингвистических мыслительных операций с опорой на языковые закономерности.

К примеру, в публикации 1915 года, посвященной правилам составления и толкования текстов законодательства, в перечне основных правил, которые применяются при толковании статутов, в частности в пункте 5, упоминается *expressio unius*, а в предыдущем предложении высказывается предположение, что законодательному органу известны правила грамматики, и они должны соблюдаться им при толковании закона, если только этим не будет нарушено намерение законодателя или это не приведет к абсурдным результатам [19, с. 513]. Судья Верховного суда США Конни Баррет в параграфе «Каноны толкования» своего научного труда отмечает, что правила, которые применяются судами при толковании закона, традиционно подразделяются на лингвистические и субстантивные (содержательные). Согласно К. Баррет, посредством лингвистических канонов к законам применяются правила синтаксиса, стандартным примером чего служит правило *expressio unius est exclusio alterius* [18, с. 117].

Если более подробно рассмотреть различия данных категорий, то обнаружится, что максима – это лаконичное изречение, служащее неким ориентиром для правоприменителя, так как она является выражением обобщенного опыта правоприменения и устоявшихся доктринальных взглядов, а правило толкования, по сути, есть предписание, которое определяет, как необходимо интерпретировать юридический текст. Так или иначе, юридические максимы и правила толкования, не будучи тождественными понятиями, могут выступать средствами толкования норм права. Максима может содержать в себе некий общий принцип, истину, которая служит правопримениителю отправной точкой для рассуждений, а правило толкования содержит в себе конкретные предписания и последовательность действий, применяемых специально для интерпретации норм права. Из вышеизложенного можно заключить, что и правила толкования, и так называемые лингвистические максимы (*linguistic maxims*) являются устоявшимися канонами толкования, тем самым составляя существенную часть англо-американской доктрины толкования права.

2.2. Происхождение *expressio unius*

Также достаточно интересным является вопрос происхождения и исторических корней данной максими. При цитировании *expressio unius* юридические

словари определяют его как римскую максиму, так как сама фраза латинского происхождения, тем не менее данное правило, или *regula*, в ныне известном нам изложении отсутствует в трудах римских юристов и своде римского права *Corpus Juris Civilis*, но при этом получило свое изначальное распространение в Англии, в системе Общего права, где данное правило часто непосредственно цитировалось и до сих пор цитируется судами при разрешении дел, а также упоминается в юридической литературе и различных научных трудах.

Как утверждает современный Оксфордский словарь, самое раннее упоминание *expressio unius* в Оксфордском словаре английского языка относится к 1719 году и встречается в трудах Томаса Салмона [26]. Одним из самых ранних судебных дел, на которое часто ссылаются английские источники и образовательные ресурсы, является дело R. v Inhabitants of Sedgley 1831 года (SC 9 LJMCOS 61), в котором толковался Закон «О помощи бедным» 1601 года, устанавливающий налогообложение в пользу бедных на «земли, дома и угольные шахты»¹. Суд должен был определить, распространяется ли данный закон на известняковые рудники. Используя принцип *expressio unius exclusio alterius*, суд постановил, что поскольку известняковые рудники не были прямо указаны в перечне закона, где перечислены объекты, облагаемые налогом, то из этого можно сделать вывод, что закон не подразумевает, что указанный налог должен применяться к другим видам шахт – известняковым.

Даже итальянские авторы упоминают *expressio unius* в контексте английского Common Law. Так, указывается, что система толкования договоров в английском Общем праве вращается вокруг ряда правил герменевтики, одним из которых является применяемый судьями прием, заключенный в формуле *expressio unius est exclusio alterius*, означающий, что наличие конкретного обстоятельства предполагает исключение обстоятельств, прямо не предусмотренных договором [25, с. 54–55].

Исходя из вышесказанного очевидно, что многие латинские изречения, применяемые в английском праве, хотя и не были созданы непосредственно римскими юристами (при этом определенные римские юридические концепции заимствовались англо-американской юридической традицией и судами для своих нужд), были выражены на латинском языке, чтобы продемонстрировать, что они вдохновлены римским правом, авторитетным в средневековой Европе.

Как отмечают современные английские юристы, многочисленные латинские принципы и фразы были апробированы в английских судах, и обычно было проще продолжать привычно использовать латинские фразы и максимы, которые были всем

¹ R. v Inhabitants of Sedgley 1831 (SC 9 LJMCOS 61). English Reports Citation. Pp.1068-1069. URL: <http://www.commonlii.org/int/cases/EngR/1831/265.pdf>.

знакомы, чем пытаться заменить их английской фразой [24]. В течение столетий суды Общего права, создавая судебные прецеденты, напрямую ссылались на юридические максимы, обосновывая ими свои решения. Таким образом, максимы, в том числе лингвистические, получили свое нормативное закрепление посредством английского прецедентного права.

2.3. Соотношение

numerus clausus и *expressio unius*

Возвращаясь к тезису о непосредственной связи между рассмотренным выше закрытым перечнем *numerus clausus* и максимой *expressio unius*, отметим, что оба указанных правовых инструмента могут применяться для ограничения произвольного толкования текста закона правоприменителями, хотя, как уже упоминалось выше, *expressio unius* является правилом интерпретации, а *numerus clausus*, по сути, служит приемом законодательной техники для формулирования закрытых/исчерпывающих перечней. Тем не менее и *numerus clausus*, и *expressio unius* являются теми факторами, которые исключают возможность необоснованного расширения различных списков и перечней, установленных законом. Так, *expressio unius* подразумевает исключение из правового регулирования тех элементов, которые прямо не упомянуты в законодательном тексте, а *numerus clausus* изначально вводит в закон исчерпывающий перечень элементов, объектов или прав.

Правила *expressio unius* и *numerus clausus* могут взаимодополнять друг друга. Например, как уже упоминалось, в отрасли гражданского права при анализе вещных прав можно опираться на *numerus clausus* для определения перечня возможных вещных прав, а правило *expressio unius* может служить для вывода о том, что если в тексте закона непосредственно перечисляются залог, сервитут и прочие вещные права, то создавать вещное право, которое не упомянуто законодателем в этом перечне, запрещено. Отметим также, что правило *expressio unius* в основном применяется к закрытым перечням, однако может использоваться и безотносительно каких-либо перечней и списков; к примеру, если законом непосредственно упоминается лишь один элемент или одна конкретная правовая категория, это влечет за собой тот же вывод о том, что данное правовое регулирование не может распространяться на какой-либо иной элемент или иную категорию, прямо не установленную законом.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что несмотря на указанные различия оба рассматриваемых нами правовых инструмента имеют своей целью обеспечение предсказуемости и стабильности правового регулирования, при этом *expressio unius* служит инструментом интерпретации и анализа

юридических текстов, а *numerus clausus* выполняет функцию нормативного ограничения, которое зачастую выступает препятствием для создания объектов или новых правовых категорий, не предусмотренных законодателем.

Кроме того, правило *expressio unius*, как и *numerus clausus*, во многом пересекается с таким явлением, как квалифицированное молчание закона. Квалифицированное молчание законодателя может закрепляться посредством оформления закрытого перечня *numerus clausus* и интерпретироваться через логику *expressio unius*, если контекст и общая логика закона позволяют предположить, что законодатель осознанно пошел на исключение из текста закона определенных элементов и категорий. Если же молчание закона вызвано упущением законодателя, его ошибкой либо последующим пробелом, то применение правила *expressio unius* может привести к ошибочной интерпретации закона и негативным последствиям, что будет рассмотрено нами ниже, так как есть опасность того, что в подобных случаях чрезмерно буквальное и узкое толкование закона может привести к абсурдным результатам, не соответствующим намерениям законодателя. Рассмотрим на примерах армянской судебной практики как обоснованные, так и весьма спорные случаи применения *expressio unius*.

2.4. Применение *expressio unius* в армянской судебной практике

Суды различных инстанций Республики Армения довольно активно применяют данную максиму в своей юридической практике, называя *expressio unius* методом толкования (в гражданских делах) либо просто правилом *expressio unius* (в уголовных делах). Ссылки на данную максиму исчисляются десятками судебных дел. Возможно, столь широкое применение правила толкования из системы Common law обусловлено тем, что в правовую систему Республики Армения после судебно-правовых реформ 2007 года был введен и законодательно закреплен институт судебного прецедента, который частично заимствовал черты английской модели прецедента, в том числе правило *stare decisis*, адаптировав их к потребностям и особенностям правовой системы Армении. Рассмотрим наиболее актуальные дела, судебные решения по которым были вынесены в 2023–2024 годах.

Так, довольно интересным и неоднозначным примером применения судом *expressio unius* является гражданское дело № ЦЧП/3692/02/23 от 19 марта 2024 г.¹, где предметом рассмотрения Апелляционного суда Республики Армения стал вопрос о том, является ли совместно нажитым имуществом приобретенная в браке квартира, которая была куплена на средства, полученные одним из супругов в результате продажи своего личного имущества,

¹ Решение Апелляционного суда РА № ЦЧП/3692/02/23 от 19 марта 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

переданного ему в дар. Суд отклонил жалобу истца о признании квартиры в качестве его личного имущества, обосновав свою позицию в том числе использованием правила *expressio unius*. Применив указанное правило к рассматриваемой правовой норме, суд постановил, что можно констатировать, что законодатель в статье 201 Гражданского кодекса РА посредством закрытого перечня определил те исключения, при наличии которых имущество является не совместной собственностью супругов, а личным имуществом одного из них. К примеру, таковым является имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар или в порядке наследования. По мнению суда, поскольку законодатель не включил в указанный перечень имущество, приобретенное во время брака на средства, полученные от распоряжения личным имуществом одного из супругов, то, следовательно, указанное правовое положение статьи 201 Гражданского кодекса РА согласно правилу *expressio unius* можно толковать как запрет на квалификацию подобного имущества, в данном случае квартиры, в качестве личной собственности одного из супругов.

Заметим, что в данном случае толкование, которое дал Апелляционный суд, присовокупив к нему применение правила *expressio unius*, видится довольно неоднозначным. Одним из критических замечаний, относящихся к *expressio unius*, является то, что данной максимой зачастую делается чрезмерный акцент на текстуализм и буквальный подход к толкованию закона. Мы уже говорили о том, что при применении *expressio unius* необходим сбалансированный подход, который бы учитывал намерение законодателя и общий контекст закона. Казалось бы, по логике законодателя, если имущество, полученное во время брака в дар, является личным имуществом супруга, то и денежные средства, которые были получены в результате продажи данного личного имущества, также являются его личными, а равно и собственность, которая впоследствии была приобретена супругом на данные личные средства. Не совсем ясно, почему при осуществлении сделки одного из супругов со своим личным имуществом право на это личное имущество автоматически трансформируется в институт совместно нажитой общей собственности супружеской, как это следует из правовой позиции Апелляционного суда. Механическое применение *expressio unius* может привести к чрезмерно узкому толкованию закона и результатам, которые не отражают

истинные намерения законодателя. В данном случае в результате подобного толкования может сложиться судебная практика, которая ограничивает право одного из супругов на свободное распоряжение своим личным имуществом.

Более выверенную позицию по данному вопросу занял Верховный суд РФ, который в своем Определении от 22 сентября 2020 г. (№ 41-КГ20-10-К4) постановил, что имущество, приобретенное в браке на личные средства одного из супругов, полученных от продажи личного имущества, может быть исключено из режима общей совместной собственности супругов¹. Согласно правовой позиции Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ при определении статуса имущества суд должен учитывать целый ряд юридически значимых обстоятельств, в том числе стоимость приобретенного имущества и размер внесенных личных средств, а также промежуток между продажей личного имущества и приобретением новой недвижимости. Данный вопрос становился предметом разъяснения Пленума ВС РФ гораздо раньше, в 1998 году. Так, согласно абзацу 4 пункта 15 Постановления Пленума ВС РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» не является общим совместным имуществом, приобретенное хотя и во время брака, но на личные средства одного из супругов, принадлежавшие ему до вступления в брак, полученное в дар или в порядке наследования².

Вместе с тем довольно часто и резонно *expressio unius* применяется судами при рассмотрении дел, связанных с утверждениями фактов, которые имеют юридическое значение. По делу № 672/38825/02/23 от 29 сентября 2023 г.³ Суд первой инстанции отклонил требование истца об утверждении в порядке особого производства факта собственности на земельный участок. Суд отметил, что в статье 26 Гражданского процессуального кодекса РА (далее – ГПК РА) законодатель четко и исчерпывающе определил дела, которые могут рассматриваться в порядке особого производства, и в перечне указанной статьи не предусмотрено оснований для рассмотрения в порядке особого производства исков о признании права собственности. Соответственно, в данных обстоятельствах, применив общепринятое правило толкования *expressio unius*, согласно которому неупоминание какого-либо элемента в исчерпывающем перечне следует толковать как его исключение, суд пришел к выводу, что не обладает компетенцией в порядке особого производства и в рамках статьи 26 ГПК РА рассматривать иски о признании права собственности на земельный участок.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22 сент. 2020 г. № 41-КГ20-10-К4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака Постановление Пленума ВС РФ от 5 нояб. 1998 г. № 15 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции № 672/38825/02/23 от 29 сентября 2023 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

В деле № գԴ4/0114/02/23 от 16 апреля 2024 г.¹ Судом первой инстанции в рамках особого производства по просьбе заявителя рассматривался вопрос утверждения факта смерти лица, являющегося наследодателем. Дело в том, что факт смерти лица не был своевременно зарегистрирован ни в одном из соответствующих органов. Суд отметил, что из анализа статьи 237 ГПК Республики Армения следует, что законодатель исчерпывающим образом (в девяти пунктах) перечислил все те дела, по которым суд в порядке особого производства уполномочен рассматривать вопрос об установлении фактов, однако полномочие устанавливать факт смерти лица в данном перечне отсутствует. Поэтому в данном случае, по мнению суда, необходимо применить общезвестное правило толкования *expressio unius*, согласно которому отсутствие какого-либо элемента в исчерпывающем перечне следует толковать как его исключение, так как сущность этого правила заключается в том, что если какой-либо элемент не включен в закрытый перечень, то норму, определяющую этот перечень, можно толковать как устанавливающую запрет на данный элемент. Соответственно, суд постановил, что вопрос утверждения факта смерти должен быть рассмотрен по существу, но не в порядке особого производства, как того желал истец, а в рамках других правовых процедур, предусмотренных законом, в частности в рамках исследования судом других фактов, имеющих юридическое значение.

3. Виды закрытых законодательных перечней

3.1. Общие положения

Классификация закрытых законодательных перечней мало изучена в теории права. В этой работе законодательные закрытые перечни будут классифицированы по двум основаниям. Во-первых, в соответствии с логической структурой правовой нормы, то есть в зависимости от того, в каком структурном элементе правовой нормы закреплен закрытый законодательный перечень: в гипотезе, диспозиции или в негативной санкции. Во-вторых, в соответствии с полнотой перечисления элементов закрытого перечня в конкретной статье закона, то есть в зависимости от того, каким является перечень – полным или неполным. Заранее отметим, что в случае неполных закрытых перечней список не превращается в неопределенную систему, просто элементы неполного перечня технически заключены (перечислены) не в одной статье, а в разных статьях, в частности отдельные элементы неполного списка могут быть зафиксированы и в другой статье.

3.2. Виды закрытых перечней согласно их расположению в элементах структуры правовых норм

Закрытые перечни могут быть предусмотрены в трех элементах логической структуры правовой нормы: в гипотезе, диспозиции и в негативных санкциях.

В закрытом перечне, расположенному в гипотезе (гипотеза с закрытым перечнем), перечислены условия (юридические факты), необходимые для возникновения правоотношений. При этом закрытый перечень гипотезы может быть как сложным, то есть для возникновения правового последствия необходимо наличие всех элементов закрытого перечня, так и альтернативным, то есть наличие любого условия, предусмотренного в закрытом перечне, является достаточным для возникновения правоотношения.

Если сознательное невключение какого-либо факта (элемента) в закрытый перечень гипотезы или его упоминание порождает серьезные правовые проблемы, например приводит к нарушению принципа права, то восполнение закрытого списка на основе доктрины развития права *extra legem* или «открытие» и добавление нового элемента на основе доктрины развития права *contra legem* в основном допускается при условии, что вытекающие из этого последствия не являются ограничительными для частного лица. Закрытый перечень, расположенный в гипотезе, никоим образом не может быть «открыт» или восполнен, если последствия, которые он влечет за собой, носят запрещающий, обязывающий или карательный характер.

В закрытом перечне, содержащемся в диспозиции, перечислены правовые последствия, которые возникают при соблюдении соответствующих условий и могут иметь запрещающий, разрешающий или обязывающий характер. Замкнутую систему запрещающих или обязывающих элементов (правовых последствий), предусмотренную в закрытом перечне диспозиций, запрещается восполнять на основе доктрины развития права *extra legem* или «открывать» ее на основе доктрины развития права *contra legem*, если это может наложить на частное лицо ограничения, не предусмотренные в закрытом перечне.

Закрытый перечень, содержащийся в санкции, предусматривает исчерпывающий перечень видов наказаний, которые могут быть назначены за то или иное правонарушение. Указанный перечень может состоять из основных и дополнительных наказаний или основных и альтернативных наказаний. С определенной оговоркой, закрытым перечнем санкций следует считать и те случаи, когда санкция нормы предусматривает только один вид наказания (абсолютно определенная санкция). Подчеркнем, структура санкции, состоящая из одного элемента, хотя и является исчерпывающей, может рассматриваться как список со строгими оговорками.

¹ Решение Суда РА первой инстанции общей юрисдикции № գԴ4/0114/02/23 от 16 апреля 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

Закрытый перечень, содержащийся в санкции, не может быть восполнен или «открыт» правоприменителем на каком-либо основании. Указанный перечень может быть изменен только законодателем. Если закрытый законодательный перечень предусматривает наиболее строгие виды наказания, то этот перечень не может быть дополнен посредством какого-либо иного правового акта, кроме как законом, даже если речь идет о дополнении его более мягким наказанием. «Открытие» или восполнение закрытого перечня санкций со стороны суда или другого правоприменительного органа подорвет стабильность и определенность применяемой в государстве системы карательных мер. Например, согласно части 6 статьи 5 Закона РА «Об общественных организациях» член организации может быть исключен из организации в случаях и порядке, установленных уставом организации. Согласно пункту 12 части 1 статьи 13 того же Закона в уставе организации закрепляются случаи и порядок исключения члена из организации¹. Указанным Законом предусмотрен один вид санкции, подлежащей применению к члену общественной организации, – исключение из организации. Отсутствие более мягкого наказания в закрытом перечне санкций следует толковать в соответствии с правовой максимой *expression unius exclusion alterius*. Это означает, что закрытый список, содержащий в себе наказание в виде исключения из организации, не может быть «открыт» или восполнен со стороны общественной организации посредством внесения иного наказания в виде «приостановления членства», которое, хотя и является более мягкой санкцией, не предусмотрено законом. Между тем на практике существует ситуация, противоположная сказанному. Так, пунктом 17 устава Общественной организации «Футбольная федерация Армении» (далее – Федерация) предусмотрена такая санкция, как «приостановление членства». В соответствии с указанным пунктом Устава – «Собрание может приостановить членство любого члена, если последний регулярно и/или грубо нарушает свои обязанности <...>. Член Федерации, членство которого приостановлено, теряет все права, вытекающие из членства. Другие члены не могут иметь спортивных связей с членом Федерации, членство которого приостановлено. Дисциплинарный и этический комитет может применять другие санкции».

В гражданском деле № ԵԴ/2554/02/21 член Федерации ООО «Футбольный клуб Торпедо», чье членство было приостановлено, оспаривал в суде законность (правомерность) пункта 17 Устава Федерации. Основным правовым вопросом в данном деле стал

вопрос о том, имеет ли общественная организация право «открыть» исчерпывающий перечень санкций, предусмотренных законом, и предусмотреть в своем Уставе иную меру ответственности – приостановление членства, которая, хотя и является более мягкой мерой по сравнению с санкцией, предусмотренной законом (исключение из организации), не закреплена в законе.

Суд первой инстанции РА выразил положительную позицию по этому вопросу и в решении от 11 мая 2021 г. отметил: «<...> устав общественной организации является ее учредительным, основным документом, и законом устанавливаются основные требования, предъявляемые к его форме и содержанию, однако список этих требований не является окончательным, и статья 13 Закона прямо свидетельствует об этом, устанавливая, что уставом могут быть закреплены также другие положения, не противоречащие закону, касающиеся организации деятельности. <...> Положения, установленные уставом организации, касающиеся приостановления членства, не носят произвольного характера, и определено условие, при наличии которого может быть рассмотрен вопрос о **временном или окончательном** приостановлении членства. Такое регулирование **напрямую вытекает из законодательства РА, не противоречит внутригосударственным правовым актам и само по себе является санкцией, основание, порядок и условия применения которой определены уставом**. Суд считает необходимым отметить, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения членом организации своих обязанностей, установленных законом или уставом, определение меры ответственности, то есть правовых последствий нарушения обязанностей, является правомерным, не противоречит какому-либо закону или правовому акту, напротив, призвано обеспечить нормальное функционирование организации»².

В указанном деле Суд использовал ряд формулировок, уязвимых с точки зрения формальной логики и законодательства.

Во-первых, Суд, используя формулировку «временное или окончательное приостановление членства», признал, что приостановление может быть окончательным. Между тем приостановление членства, в отличие от прекращения членства, всегда носит временный характер.

Во-вторых, Суд отметил, что «регулирование приостановления членства напрямую вытекает из законодательства РА», но не сослался на законодательное положение, из которого непосредственно следует подобное регулирование. На самом деле в законодательстве РА не предусмотрено какой-либо

¹ Об общественных организациях: Закон Республики Армения от 4 дек. 2001 г. №О-22-Ն // Официальные ведомости РА. 2017.01.25/5(1280), ст. 58.

² Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции № ԵԴ/2554/02/21 от 11 мая 2021 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

нормы, из которой можно было бы вывести положение о приостановлении членства. Неслучайно Суд уже в следующем предложении изменил логику суждения и отметил, что это регулирование не противоречит внутригосударственным правовым актам. Если бы регулирование приостановления членства вытекало непосредственно из законодательства или было бы предусмотрено законодательством, то Суду не пришлось бы говорить о том, что это регулирование не противоречит закону. Если какое-либо регулирование прямо предусмотрено законом (или прямо вытекает из закона), излишне говорить о том, что это регулирование не противоречит закону.

В-третьих, ирония заключается в том, что Суд параллельно с утверждением о том, что регулирование приостановления членства вытекает из законодательства РА, отметил, что основание, порядок и условия применения «приостановления членства» установлены Уставом. По всей вероятности, Суд забыл о своем первоначальном утверждении о том, что регулирование приостановления членства напрямую вытекает из законодательства РА, поскольку далее отметил, что институт приостановления членства предусмотрен Уставом, который не является частью законодательства РА.

В действительности в основе решения Суда лежит следующая логика: если приостановление членства не запрещено законодательством, то это может быть предусмотрено Уставом. Если это так, то данное решение Суда, разрешающего гражданские споры, обусловлено сугубо частноправовым мышлением, основанном на девизе «разрешено все, что не запрещено законом», которое, однако, не должно применяться, когда речь идет о юридической ответственности, даже если эта ответственность относится к сфере частного права.

Приостановление членства в общественной организации ограничивает основное (конституционное) право на свободу объединения, согласно которому каждый имеет право на свободное объединение с другими лицами, включая создание профессиональных союзов и вступление в них. А свобода объединений может быть ограничена только законом (ч. 1 и 3 ст. 45 Конституции РА). С точки зрения конституционного права ясно, что приостановление членства, как акт вмешательства в свободу объединения, может быть предусмотрен только парламентским (в формальном смысле) законом.

Таким образом, запрещается восполнять на основании доктрины развития права *extra legem* исчерпывающие виды мер наказаний, которые предусмотрены в закрытом перечне санкций, или «открывать» подобные перечни на основании доктрины позитивного развития права *contra legem*, даже если этим предполагается ввести более мягкий вид наказания.

Вместе с тем если за нарушения, не конкретизированные (не уточненные) законом, предусмотрена одна мера ответственности, которая по сравнению с

анalogичными ситуациями является самой строгой, к примеру, такая мера как исключение члена из организации, то применение этой строгой санкции к менее значительным (малозначительным) нарушениям может противоречить конституциальному принципу соразмерности. Чтобы избежать нарушения принципа соразмерности, законодателю следует внести изменения в закрытый перечень санкций либо пропорционально следовать прибегнуть к механизму конституционного правосудия (если, конечно, возможно решить вопрос таким образом). Если ситуация такова, что разрешить вопрос через законодательный процесс или механизм конституционного правосудия не представляется возможным, то суду не остается ничего иного, как считать, что норма, запрещающая данное действие, является «несовершенной нормой» – *leges im perfectae* [4, с. 161–164; 9, с. 77], т. е. за нарушение этой нормы не предусмотрено соразмерного правонарушению отрицательного правового последствия (меры ответственности). В таком случае суд, руководствуясь конституционным принципом соразмерности, должен отказаться от применения единственной и самой строгой меры ответственности, предусмотренной законом за незначительные (малозначительные) правонарушения. Если суд, основываясь на конституционном принципе соразмерности, отказывается применить единственный, но несоразмерный вид наказания, то этим он противопоставляется законодательному требованию о применении единственной санкции, предусмотренной законом, что можно считать негативным развитием права *contra legem*.

В судебной практике РА редко, но встречаются случаи негативного развития права *contra legem*. Так, Комитет государственных доходов РА в результате проверки зафиксировал, что компания «НАТФУД» не зарегистрировала в установленном порядке в системе электронного учета маркировку, наклеенную на 2-килограммовую колбасу. Комитет государственных доходов РА, основываясь на единственной абсолютно определенной санкции, предусмотренной пунктом 1 части 1 статьи 424 Налогового кодекса РА, оштрафовал компанию на сумму 500 тыс. драмов РА (примерно на 1300 дол. США).

Организация обжаловала штраф в Административном суде первой инстанции РА, однако последний своим решением от 19 апреля 2023 г. отклонил иск, мотивируя это следующим образом: «<...> налоговое правонарушение – это самостоятельный вид правонарушения, который отличается своим целевым назначением и направленностью. Налоговое правонарушение не содержит элемента, характерного для административного или уголовного правонарушения – субъективной стороны (обязательное наличие вины), поэтому наличие или отсутствие вины для привлечения лица к ответственности за налоговое правонарушение не может иметь значения и служить основанием для освобождения лица от ответственности. <...> Штраф

в отношении истца был наложен на основании пункта 1 части 1 статьи 424 Налогового кодекса РА, и в соответствии с этой нормой законодатель не установил никаких исключений, в том числе в связи с отсутствием намерения уклониться от уплаты налогов или фактом устранения недостатков <...>¹.

Апелляционный административный суд РА, основываясь на принципе соразмерности налоговой ответственности, не согласился с Судом первой инстанции РА и решением от 6 мая 2024 г.² признал акт налогового органа недействительным по следующей причине: «<...> Хотя законодательство предусматривает налоговую ответственность за отчуждение маркированных товаров с нарушением установленного законом порядка, в период обнаружения правонарушения товар, подлежащий маркировке, был отчужден компанией "НАТФУД" по налоговой накладной, в результате чего Апелляционный суд зафиксировал, что в ней указано "Колбаса 2 кг", цена "5483,6" драмов. Иными словами, несоответствие маркировки реализованных товаров закону не повлекло за собой никаких финансовых последствий, налогоплательщик не скрывал налоги и не нанес государству материального ущерба, поэтому применение меры налоговой ответственности в размере 500 000 драмов при таких обстоятельствах не вытекает из принципа соразмерности ответственности, установленного Налоговым кодексом Республики Армения»³.

Налоговый кодекс РА, в отличие от Кодекса РА об административных правонарушениях, не предусматривает возможности освобождения от ответственности в случае совершения малозначительного правонарушения. Законом также не определено каких-либо механизмов индивидуализации ответственности, предусмотренной за налоговое правонарушение. При таких обстоятельствах Апелляционный административный суд РА, взяя за основу принцип соразмерности, прямо закрепленный в части 1 статьи 3 Налогового кодекса РА⁴, развел налоговое право вопреки законодательному требованию о применении абсолютно определенной санкции и вывел из принципа соразмерности новое правило поведения, согласно которому лицо может быть освобождено от налоговой ответственности в случае совершения малозначительного правонарушения.

3.3. Полные и неполные закрытые перечни

В зависимости от полноты перечисления элементов закрытого перечня в конкретной статье закона законодательные закрытые перечни (нормы, их закрепляющие) бывают полными и неполными.

В случае полностью закрытых перечней все элементы списка перечислены в конкретной статье. Например, в статье 12 УПК РА предусмотрен полный закрытый перечень оснований для прекращения уголовного преследования, поскольку в данной статье заключены все основания для прекращения уголовного преследования.

В случае полного закрытого перечня норма не предусматривает ссылки на другую статью, поэтому элементы данного списка не могут быть указаны в других статьях, в противном случае между этими нормами возникнет противоречие.

В случае неполных закрытых перечней основная часть (но не вся) элементов списка перечислена в конкретной статье, однако данный перечень неполный, поскольку в других статьях, возможно, предусмотрены и иные элементы данного списка. Например, в части 1 статьи 389 УПК РА установлен неполный закрытый перечень судебных актов, подлежащих особому пересмотру (непосредственному обжалованию) в Апелляционном суде РА, поскольку в указанном положении, с одной стороны, перечисляются судебные акты, подлежащие обжалованию, а с другой – отмечается, что пересмотр в апелляционном суде РА подлежат также «другие судебные акты в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом». В данном случае перечень судебных актов, подлежащих обжалованию в Апелляционном суде РА, закрыт, поскольку такие акты исчерпывающе перечислены в законе. Однако этот перечень неполный, так как конкретная статья содержит ссылку на другие статьи закона, которые могут предусматривать и иные судебные акты, подлежащие обжалованию в Апелляционном суде РА.

Конституционный суд РА в своем Постановлении №УП-1725 от 16 апреля 2024 г. квалифицировал перечень судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию в Административном апелляционном суде РА, как «открытое перечисление» (мы называем его неполным закрытым перечнем). Конституционный суд РА счел перечень актов открытым перечислением на основании формулировки «иные решения подлежат обжалованию в случаях, предусмотренных законом», которая установлена в пункте 12 Кодекса административного судопроизводства РА.

¹ Решение Административного суда РА первой инстанции №ЧԴ/6794/05/22 от 19 апреля 2023 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

² Решение Апелляционного административного суда РА №ЧԴ/6794/05/22 от 6 мая 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

³ Решение Апелляционного суда РА было обжаловано в Кассационном суде РА, однако последний Постановлением от 16.10.2024 отказал в принятии апелляционной жалобы к производству.

⁴ Налоговый кодекс Республики Армения от 4 окт. 2016 г. №О-165-Ն // Официальные ведомости РА. 2016.11.04/79 (1259), ст. 1038.

Так, Конституционный суд РА отметил: «Часть 1 статьи 131 Кодекса административного судопроизводства РА посредством исчерпывающего перечня устанавливает промежуточные судебные акты, подлежащие непосредственному обжалованию в порядке апелляционного производства. Вышеуказанное положение Кодекса, по сути, устанавливая исчерпывающий перечень промежуточных судебных актов, подлежащих немедленному обжалованию в порядке апелляционного производства (пункты 1– 11 ч. 1 ст. 131), **одновременно** устанавливает посредством данного списка **открытое перечисление** (пункт 12) <...>»¹.

Использованная Конституционным судом РА формулировка «устанавливает посредством данного списка **открытое перечисление**» не является удачной, поскольку может вызвать путаницу и быть ошибочно принятой за открытый перечень судебных актов, подлежащих обжалованию. В действительности, использованное судом словосочетание «**открытое перечисление**» не следует отождествлять с **открытым перечнем** судебных актов, подлежащих обжалованию.

Конституционный суд РА не счел перечень судебных актов, подлежащих обжалованию, **открытым** на основании формулировки «иные решения в случаях, предусмотренных законом». Напротив, Конституционный суд РА четко указал, что те судебные акты, которые не предусмотрены как в этом списке (общим регулированием), так и специальными регулированиями, установленными законом, не могут быть объектом непосредственного обжалования.

Таким образом, во избежание терминологической путаницы список в приведенных выше ситуациях следует квалифицировать как **неполный закрытый перечень**.

4. Симулякры законодательных закрытых перечней

4.1. Общие положения

На практике, как правило, не составляет труда определить, является ли законодательное перечисление закрытым или открытым списком. Однако существуют ситуации, когда перечисление, предусмотренное в законе, на первый взгляд напоминает закрытый список, но в действительности это не закрытый перечень, а симулякр (от лат. *simulacrum* – «подобие, копия») закрытого перечня, то есть это подобие закрытого списка, который на самом деле таковым не является.

Решение конкретных правовых вопросов микроуровня (малого масштаба), например вопроса о том, является ли перечень судебных актов,

подлежащих непосредственному обжалованию, закрытым или открытым перечнем, в основном не представляет сложности.

Сложнее сформулировать в технике закрытого перечня вопросы макроуровня (крупномасштабные вопросы) или определить, каким является подобный перечень с точки зрения закрытости или открытости. Например, сложности возникают с установлением того, является ли список норм, перечисленных в законе, исчерпывающим (закрытым) или нет, или является ли список прав человека, закрепленных в Конституции, исчерпывающим или нет, или является ли список принципов права исчерпывающим или нет.

Общий подход заключается в том, что законодательно закрепить закрытый перечень, касающийся вопросов большого масштаба, в принципе невозможно, поэтому недопустимо. Даже если они сформулированы в тексте закона с использованием техники закрытого перечня, это все равно не настоящий закрытый список, а скорее его имитация (симулякр закрытого законодательного перечня).

Порой возникает необходимость обсуждения сложных вопросов правовой формы и содержания для идентификации подобных перечней в качестве закрытых или открытых, даже встречаются случаи, когда возникает необходимость обсуждения более фундаментальных вопросов теории права, например вопросов правопонимания. Так, исследователь, основываясь на юридическом позитивизме и исходя из номинального законодательного перечисления принципов права, может сделать вывод о закрытом законодательном перечне принципов права. Между тем в действительности масштаб принципов права не позволяет применить к ним логику закрытого законодательного перечня или сделать вывод о закрытости законодательного перечня принципов, даже если в тексте закона содержится номинальное перечисление принципов, напоминающее закрытый законодательный список. Если законодатель осуществил перечисление принципов, внешне напоминающее закрытый список, то его следует считать не закрытым перечнем принципов права, а симулякром такого перечня (об этом далее).

Симулякры закрытых перечней, относящихся к масштабным вопросам, создают еще один симулякр «открытия» этого списка согласно логике *contra legem*, однако если что-то является иллюзией, значит, и противопоставление этому – тоже иллюзия. В случае симулякра закрытых перечней логика «открытия» этого списка посредством *contra legem* не работает, хотя такое впечатление и может создаться.

¹ Постановление Конституционного суда Республики Армения №70-1725 от 16 апр. 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы Arlis.

4.2. Симулякры закрытых перечней

в макроправовом измерении

4.2.1. Симулякр закрытого перечня норм, закрепленных в законе

В разное время высказывались мнения о замкнутой системе правовых норм, в том смысле что право – это всеобъемлющая система, в которой нет пробелов, поэтому перечисленные в ней нормы являются исчерпывающими. Например, Карл Шmitt в своей известной работе отмечал, что Конституция представляет собой замкнутую систему норм [29, с. 59]. В течение многих лет преобладающим мнением было то, что существуют такие закрытые системы права, как, например, система уголовного права, которая признана замкнутой системой из-за правила *nullum crimen, nulla poena sine lege* [2, с. 141].

Вопрос о том, является ли список норм, перечисленных в законе, закрытым или открытым, непосредственно связан с вопросом о возможности наличия законодательного пробела. Если мы исходим из доктрины о том, что закон является всеобъемлющей системой и в нем не может быть пробелов, то это означает, что список норм, перечисленных в законе, закрыт.

В настоящее время признание получает подход, согласно которому даже Конституция и Уголовный кодекс (его общая часть) не являются замкнутыми системами и в них возможны пробелы. Например, в части 3 статьи 4 Уголовного кодекса РА, принятой в 2021 году, прямо указано, что нормы общей части Уголовного закона могут применяться по аналогии, если это не ухудшает положения человека¹. Однако с точки зрения правовой формы перечисление статей в законе создает впечатление, что список норм, закрепленных в законодательстве, также является исчерпывающим. Но когда мы переходим от правовой формы (статьи) к содержанию (норме), то становится ясно, что за формальным закрытым перечнем статей нет объективной реальности. Система правовых норм, закрепленных в статьях закона, не является замкнутой, поскольку всегда возможны пробелы, которые в случае применения аналогии восполняются новыми нормами.

Государство признает факт открытого перечня правовых норм, когда закон (например, Закон–РА «О нормативных правовых актах») разрешает правоприменителям восполнять законодательные пробелы посредством аналогии закона и права.

Когда суд на основе аналогии закона и права фактически добавляет новые правила (нормы) в право-порядок, список статей закона внешне не изменяется, но список правовых норм претерпевает изменения.

Всё это свидетельствует о том, что перечисление статей в законе создает впечатление закрытого перечня правовых норм, однако это всего лишь иллюзия, поскольку в законодательстве всегда возможны пробелы, которые восполняются новыми нормами.

4.2.2. Симулякр закрытого перечня прав человека, закрепленных в Конституции

Является ли перечень прав человека, закрепленных в Конституции, закрытым или нет? Например, есть научные исследования, посвященные обзору практики Конституционного суда Германии, признавшего ряд прав человека, которые не включены в перечень основных прав, установленных Основным законом 1949 года, в качестве конституционных прав, к примеру, таких как общее личное право [8]. За основу данного подхода берется идея открытого перечня прав человека, перечисленных в Конституции.

В конституционном праве РА на протяжении многих лет признавалась концепция открытого перечня прав человека, и об этом прямо говорилось в тексте Конституции РА. Так, в статье 43 Конституции РА 1995 года было прямо указано: «Права и свободы, закрепленные в Конституции, не являются исчерпывающими и не могут толковаться как отрицание других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина»².

Конституционный суд РА в Постановлении №П-350 от 22 февраля 2002 г. отметил: «Указанное конституционное положение можно интерпретировать так, что гражданин РА или любое лицо, находящееся под юрисдикцией РА, может иметь не только права или свободы, не прописанные в Конституции, но и такие права и свободы, которые являются логическим продолжением прав и свобод, закрепленных в Конституции РА, или являются дополнительной гарантией, обеспечивающей их реализацию. [...] права и свободы, перечисленные Конституцией РА, не являются исчерпывающими, человек и гражданин могут иметь другие общеизвестные права и свободы [...]. Нормы Конституции о правах и свободах человека носят не запретительный, а упрашивывающий характер³.

¹ Уголовный кодекс Республики Армения от 5 мая 2021 г. №О-199-Ն. URL: <https://www.arlis.am/>.

² Конституция Республики Армения (принята всенародным голосованием 5 июля 1995 г.) // Официальные ведомости РА 1995. Спец. выпуск, ст. 77.

³ Постановление Конституционного суда Республики Армения №П-350 от 22 февр. 2002 г. [Электронный ресурс]. Доступ из информационно-правовой системы Arlis.

В статье 42 Конституции РА в редакции 2005 года положение об открытом перечне основных прав человека, по сути, сохранилось, однако оно было изложено в следующей формулировке: «Основные права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией, не исключают других прав и свобод, установленных законами и международными договорами»¹.

В Конституции РА в редакции 2015 года не предусмотрено специальной нормы относительно открытого перечня основных прав человека, однако это не означает, что подход Учредительной власти к этому вопросу изменился². Просто регулирование открытого перечня основных прав человека было осуществлено по-другому. В статье 39 Конституции РА закреплено основное право человека на свободу действий, которое согласно доктрине «зашщищает все проявления свободы действий, независимо от того, имеют ли они формальное закрепление или нет» [6, с. 57]. Армянские юристы отмечают, что право на свободу действий, гарантированное статьей 39 Конституции РА, всеобъемлющим образом защищает все те свободы человека, которые не защищены более конкретными основными правами. В теории основных прав человека право на свободу действий именуется общим основным правом, «заполняющим пробелы», которое в смысле всеобъемлющей защиты свободы и в ее интересах «включает в себя» защиту от всех необоснованных ограничений свобод, не входящих в предмет защиты какого-либо конкретного основного права [14, с. 40].

Таким образом, если в конституции государства прямо не упоминается об открытом перечне основных прав или основные права человека перечислены в виде закрытого перечня, то объем (масштаб) основных прав человека не позволяет считать его закрытым перечнем. Практика показывает, что перечень прав человека, перечисленных в текстах конституций, дополняется новыми правами с помощью различных методов, например посредством расширительного толкования или расширения предмета их защиты.

4.2.3. Симулякр закрытого перечня принципов права, перечисленных в законе

Как уже упоминалось, в законах иногда дается номинальное перечисление принципов отрасли права. В правовой системе РА существуют как открытые, так и закрытые способы законодательного перечисления правовых принципов. Например, в Законе РА «Об основах администрирования и административном производстве» использована техника откры-

того перечисления принципов. Во второй главе Закона изложены (перечислены) основные принципы администрирования, однако в том же законе прямо указано, что перечисление принципов является открытым. Так, в статье 12 Закона прямо указано, что основные принципы администрирования, установленные настоящей главой, не являются исчерпывающими и не могут быть препятствием для применения иных принципов администрирования.

В других законах предпринимались попытки представить принципы права в формате закрытого перечня. Например, в третьей главе УПК РА перечислены принципы уголовного процесса, однако, в отличие от Закона РА «Об основах администрирования и административном производстве», в УПК РА не предусмотрено нормы о том, что перечисление принципов уголовного судопроизводства не является исчерпывающим, в результате чего создается впечатление, что законодательное перечисление принципов уголовного процесса закрыто. Как уже упоминалось, масштаб принципов не позволяет исчерпывающе перечислить их в закрытом законодательном списке или сделать вывод о закрытости перечня принципов. Неслучайно на практике суды РА иногда признают и применяют процессуальные принципы (например, принцип взаимного уважения участников уголовного процесса или принцип процессуальной честности), которые не перечислены в третьей главе УПК РА. Это свидетельствует о том, что суды РА не рассматривают законодательный перечень принципов уголовного процесса как закрытый.

Чтобы развеять иллюзию о закрытом законодательном перечне принципов права, отметим, что даже сторонники юридического позитивизма часто указывают на то, что принципы права – это фундаментальные положения, которые не только непосредственно перечислены в тексте закона, но и получили опосредованное закрепление. В последнее время также упоминается об имплицитных и эксплицитных принципах права, что также преодолевает иллюзию закрытого перечня принципов [15, с. 149–150].

4.3. Симулякры закрытых перечней в микроправовом измерении

Симулякры закрытого перечня иногда встречаются и в микроправовом измерении, то есть вопросах малого масштаба, например, таковыми являются симулякры исчерпывающего перечня видов доказательств в уголовном процессе РА. Так, в части 1 статьи 86 УПК РА перечислены виды доказательств: 1) показания задержанного; 2) показания обвиняе-

¹ Конституция Республики Армения (принята всенародным голосованием 5 июля 1995 г.) с поправками от 27 нояб. 2005 г. // Официальные ведомости РА 2005. Спец. выпуск, ст. 1426.

² Там же. Ст. 1118.

мого; 3) показания потерпевшего; 4) показания свидетеля; 5) заключение эксперта; 6) мнение эксперта; 7) показания эксперта; 8) вещественные доказательства; 9) протоколы доказательственных и других процессуальных действий; 10) внепроцессуальные документы. На первый взгляд, законодатель перечислил виды доказательств в виде закрытого перечня, что создает впечатление, что виды доказательств, предусмотренные частью 1 статьи 86 УПК РА, являются исчерпывающими.

Суждение (утверждение) о том, что законодатель предусмотрел исчерпывающий (закрытый) список видов доказательств, было широко распространено в советской, а теперь и в определенных постсоветских уголовно-процессуальных системах [10, с. 18]. Например, судья С. Марабян в приговоре от 2 октября 2017 г. отметил: «<...> понятие “иной документ” (внепроцессуальный документ) не делает закрытый перечень видов доказательств, определенных законом (принцип *numerus clausus*), открытым. <...> понятие “иной документ” должно толковаться ограниченно, в противном случае при расширительном толковании понятия “иной документ” закрытый перечень видов доказательств, определенных законом (принцип *numerus clausus*) фактически становится открытым, что позволяет «вводить» в уголовное производство под наименованием “иной документ” все, что угодно, что в принципе противоречит основополагающим положениям доказательственного права, лежащим в основе УПК РА, в частности, правилам допустимости доказательств, четкого перечисления законом видов доказательств или концепции закрытого перечня»¹.

Приведем еще один пример. Апелляционный уголовный суд РА в решении от 9 июля 2018 г. указал: «<...> в основу обвинительного приговора могут быть положены исключительно доказательства, закрытый перечень которых четко определен Кодексом (принцип *numerus clausus*), и в них не предусмотрено такого доказательства как “объяснение” представителя потерпевшего или какого-либо другого лица (уголовное дело № СԴ1/0003/01/18)»².

Суды Армении, делая заявления о закрытом перечне видов доказательств, попали в ловушку «первого впечатления». На самом деле этот список не является исчерпывающим (закрытым). Перечисление видов доказательств в законе создает иллюзию закрытого перечня. Дело в том, что в постсоветском уголовном процессе в качестве доказательств используются «иные документы» или «внепроцессу-

альные документы», посредством которых в уголовный процесс официально вводятся данные, не включенные в законодательный перечень видов доказательств. Например, документы и носители информации, созданные в результате оперативно-розыскных мероприятий, не отнесены процессуальным законодательством к видам уголовно-процессуальных доказательств, однако они всегда использовались в качестве доказательств через категорию «иные документы».

Суждение о том, что законодательство предусматривает исчерпывающий список доказательств, создает ложные ожидания законности. Между тем для законности процесса доказывания принципиальным является не исчерпывающий перечень видов доказательств, а исчерпывающий перечень предусмотренных законом способов (доказательственных действий) собирания доказательств. Например, интервьюирование потерпевшего сотрудником полиции не является процессуальным способом собирания доказательств, поэтому видеозапись интервью не является доказательством не потому, что такой вид доказательства не предусмотрен законом (его можно считать внепроцессуальным документом), а потому, что законом не предусмотрена возможность собирания доказательств таким способом. Основным процессуальным способом получения данных от жертвы преступления является не интервью, а допрос.

Как уже отмечалось, формулировка статьи 86 части 1 УПК РА создает впечатление, что законодатель предоставил исчерпывающий перечень видов доказательств, однако в данном случае мы имеем дело с иллюзией исчерпывающего перечня видов доказательств. Так, в части 1 статьи 86 УПК РА документы, составленные в результате оперативно-розыскных мероприятий, не отнесены к видам доказательств, а в части 2 этой же статьи прямо запрещается использование в качестве доказательств по уголовному делу документов, составленных в результате оперативно-розыскных мероприятий, а также сведений, зафиксированных на каких-либо носителях информации. Иллюзорность всего этого обосновывается тем, что законодатель в определенных ситуациях всё же признал в качестве доказательств документы, составленные в результате оперативно-розыскных мероприятий, а его процессуальной формой – внепроцессуальный документ (ст. 96 УПК РА). Получается, что документы, состав-

¹ Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции № ԵՀԿՂ/0030/01/16 от 2 окт. 2017 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex. Указанный судебный акт был вынесен в период действия УПК РА от 1998 г., поэтому следует отметить, что в акте использованы формулировки, не предусмотренные новым УПК РА.

² Решение Апелляционного суда РА № СԴ 1/0003/01/18 от 9 июля 2018 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

ленные в результате оперативно-розыскных мероприятий, хотя и не указаны в закрытом перечне видов доказательств, предусмотренных частью 1 статьи 86 УПК РА, считаются доказательством – внепроцессуальным документом. Более того, в части 1 статьи 86 УПК РА результаты проверки или повторной проверки, проведенной по инициативе органа, осуществляющего производство, не отнесены к видам доказательств, но законодатель вновь отнес их к внепроцессуальным документам.

Кроме того, протоколы, составленные в результате иных процессуальных действий в соответствии с пунктом 9 части 1 статьи 96 УПК РА, являются видом доказательств, с помощью которых можно квалифицировать в качестве доказательств протоколы ряда процессуальных действий, не считающихся доказательственными действиями¹.

Российские теоретики также критиковали законодательное регулирование закрытого перечня видов доказательств, однако причина их критики иная. Они считают составление исчерпывающего перечня видов доказательств абсурдным, избыточным и вредным подходом исключительно по той причине, что такой список ограничивает возможности следователя защищать интересы потерпевшего и государства, такой список противоречит принципу свободной оценки доказательств и необоснованно препятствует возможному развитию средств доказывания [13, с. 217].

Исследования показывают, что в англо-саксонской и романо-германской процессуальных системах отсутствуют законодательные положения или теоретические суждения об исчерпывающем перечне видов доказательств [12]. Например, в статье 427 УПК Франции доказывание не ограничивается использованием доказательств, предусмотренных этим Кодексом, поскольку закон не содержит исчерпывающего или неисчерпывающего перечня видов доказательств. Данное обстоятельство прямо закреплено в части 1 статьи 81 УПК Франции, где указано, что следственный судья уполномочен в соответствии с законом осуществлять любые действия по собиранию информации, которые он считает необходимыми для установления истины. Следовательно, использование новых доказательств во французском уголовном процессе в принципе не является проблемой (например, электронные документы с цифровой подписью, компьютерная информация и т. д.) [7, с. 134].

В итальянском уголовном процессе, помимо видов доказательств, предусмотренных законом (типичные доказательства: свидетельские показания, заключение эксперта, результаты эксперимента, предъявленные для признания), при соблюдении определенных условий допускаются также средства доказывания, не предусмотренные законом (нетипичные (атипичные) доказательства). В соответствии со статьей 189 УПК Италии судья разрешает использование нетипичных доказательств только в том случае, если он считает, что они подходят для проверки фактов и не наносят ущерба моральной свободе человека [3, с. 152].

Заключение

На основе полученных результатов научно-практического исследования можно прийти к следующим выводам.

1. Законодательные перечни представляют собой системы, состоящие из элементов, имеющих юридическое значение, и бывают двух видов: закрытые (*numerus clausus*) и открытые (*numerus apertus*). Установленный законом закрытый перечень *numerus clausus* представляет собой систему, состоящую из исчерпывающего перечисления элементов, имеющих юридическое значение, которая, выступая в качестве символа правового запрета, считает недопустимым выполнение юридически значимых операций с элементами, не предусмотренными в этом списке. Тем самым законодательный закрытый перечень как юридический символ содержит косвенный (имплицитный) запрет.

2. Критический анализ судебной практики доказывает, что нормы закрытых перечней не подлежат расширительному толкованию, а попытки судов «расширить» закрытый перечень на самом деле являются формой развития права *contra legem*, а не расширительным толкованием. Таким образом, суды осуществляют «открытие» закрытых законодательных перечней посредством развития права *contra legem* и их восполнение посредством развития права *extra legem*.

3. Закрытые перечни могут классифицироваться согласно расположению в элементах правовых норм. При этом закрытый перечень, содержащийся в санкции, предусматривает исчерпывающий перечень видов наказаний и не может быть ни на каком основании восполнен посредством *extra legem* или «открыт» посредством *contra legem*. Указанный перечень может быть изменен только законодателем.

¹ В уголовном процессе РА результаты гипноза или детектора лжи не могут использоваться в качестве доказательств, что обусловлено не тем обстоятельством, что в ч. 1 ст. 86 УПК РА такой вид доказательств не предусмотрен, а тем, что законодатель запретил их использование (ч. 8 ст. 18, п. 6 ч. 3 ст. 97 УПК РА). Если на мгновение предположить, что законодатель изменил свой подход к получению доказательств с помощью гипноза и разрешил его, то в случае такого изменения не было бы необходимости предусматривать отдельный вид доказательств для данных, полученных с помощью гипноза, они будут использоваться либо как заключение эксперта, либо как показания.

4. Анализ законодательства выявил симулякры закрытых перечней, создающих иллюзию исчерпывающего списка. Симулякры закрытых законодательных перечней, относящихся к вопросам макроуровня, создают ложное впечатление, что всевозможные принципы, нормы права или права человека уже перечислены в законе, что, однако, не соответствует реальности, сложности и многогранности права, а только ограничивает правоприменительную практику.

5. Для формулирования открытого перечня используются два основных способа перечисления: простое перечисление и перечисление конкретизирующего характера (с применением конкретизирующих языковых средств) Перечисления конкретизирующего характера излагаются с применением слов «в частности», «среди прочих», «например», «включая», что указывает на то, что указанные в списке обстоятельства, права и иные элементы являются наиболее очевидными, но не исчерпывающими, что, соответственно, не исключает того, что правоприменитель может выявить и иные, не предусмотренные в перечне элементы и обстоятельства. При этом необходимо отличать открытые перечни от неполных закрытых перечней, в которых не все элементы списка технически содержатся в одной конкретной статье, а могут частично располагаться и в иных статьях.

6. Что касается включения правоприменителями новых элементов в простые и конкретизирующие открытые перечни, то в обоих случаях для этого используется правило толкования *analogia inter legem*, согласно которому в открытый перечень могут быть добавлены элементы, аналогичные элементам, перечисленным в списке.

7. Согласно смыслу максимы *Expressio unius est exclusio alterius*, если закон явно упоминает определенные категории, это подразумевает, что те категории, которые прямо в законе не упомянуты, намеренно исключены законодателем из текста закона. В англо-американской традиции, где данная максима получила наибольшее применение, ее чаще называют *не максимой, а правилом толкования*. Данное правило достаточно часто применяется судами Республики Армения при толковании закрытых законодательных перечней, что обусловлено в том числе заимствованием армянской судебной практикой некоторых черт прецедентного права стран Общего права.

8. Приведенная выше максима состоит в логической и содержательной связи с закрытым перечнем *numerus clausus*, так как оба указанных правовых инструмента применяются для ограничения чрезмерно произвольного толкования текста закона правоприменителями, оба препятствуют необоснованному расширению различных закрытых перечней и списков, которые установлены законом. Так, *expressio unius* подразумевает исключение из правового регу-

лирования тех элементов, которые прямо не упомянуты в тексте закона, а *numerus clausus* изначально вводит в закон исчерпывающий перечень элементов, объектов или прав. При этом *expressio unius* является собой инструмент интерпретации и анализа юридических текстов, а *numerus clausus* выполняет функцию нормативного ограничения, которое зачастую служит препятствием для создания объектов или новых правовых категорий, не предусмотренных законодателем.

Следует учесть, что порой сугубо механическое применение *expression unius* судами, без учета контекста закона, может привести к ошибочной интерпретации закона и абсурдным результатам, не соответствующим намерениям законодателя.

Библиографический список

1. Алдошкина А. Д. *Numerus clausus* вещных прав: происхождение и обоснование доктрины // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20, № 4. С. 45–93. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-4-45-93.
2. Альчуаррон К. Э., Булыгин Е. В., Герденфорс П., Макинсон Д. «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 380 с.
3. Барабанов П. К. Уголовный процесс Италии. М.: Спутник+, 2019. 467 с.
4. Ефимов В. В. Лекции истории римского права. СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1887. 494 с.
5. Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии. М.: Инфотропик, 2018. 1028 с.
6. Лейбо Ю. И., Толстопяченко Г. П., Экштайн К. А. Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» / под ред. К. А. Экштайна. М.: ЭКОМ, 2000. 447 с.
7. Недопустимость доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и государств англо-американской и романо-германской правовых семей: учеб. пособие / под науч. ред. А. Г. Волеводза. М.: Прометей, 2022. 466 с.
8. Нуссбергер А. Новые конституционные права в Основном законе Германии // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 5 (156). С. 51–57. DOI: 10.21128/1812-7126-2023-5-51-57.
9. Понтович Э. Э. Философия права. Часть I: Общее учение о праве. Кинешма: Типография Иваново-Вознесенского Губсоюза Потребительных Обществ, 1920. 100 с.
10. Попов А. П., Попова И. А., Зинченко И. А. Проблемы современного уголовно-процессуального

доказательственного права: монография. Пятигорск, 2019. 196 с.

11. Синицын С. А. Numerus clausus и субъективные права: понятие, значение, взаимосвязь // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14, № 2. С. 100–147.

12. Смирнов А. В. К вопросу о признании доказательств недопустимыми в уголовном процессе: экзистенциальный принцип // Уголовное судопроизводство. 2024. № 3. С. 20–23. DOI: 10.18572/2072-4411-2024-3-20-23.

13. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. 376 с.

14. Իրավունքի ընդհանուր տեսության հիմնախնդիրները: Ուսումնական ձեռնարկ: Գիտ.խմբ Ա.Ղամբարյան. Երևան. Քովկի Փոխս, 2024. 492 էջ.

15. Ղամբարյան Ա., Ղազարյան Ա., Թաղլուսյան Ա. Յայաստախ Յակովապետության քրեական դատավարություն (օրենսդրությունը, սկզբունքները, և սուրյեկտուները): Գիտական աշխատանք Գիտ խմբ Ա.Ղամբարյան. Երևան. Տիգրան Մեծ, 2024. 584 էջ.

16. Fellmeth A. X., Horwitz M. Guide to Latin in International Law 2nd ed. Oxford University Press, 2021. Online Version. URL: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780197583104.001.0001/acref-9780197583104.001.0001>. DOI: 10.1093/acref/9780197583104.001.0001.

17. Akkermans B. The Numerus Clausus of Property Rights. Maastricht Faculty of Law Working Paper. 2015. Issue 10. URL: <https://ssrn.com/abstract=2693667>.

18. Barrett A. C. Substantive Canons and Faithful Agency // Boston University Law Review. 2010. Vol. 90. Rev. 109. Pp. 109–181. URL: <https://www.bu.edu/law/journals/archive/bulr/documents/barrett.pdf>.

19. Benson T. B. Rules and Aids to Statutory Construction // The Virginia Law Register 1. 1915. № 7. Pp. 512–14. DOI: 10.2307/1105492.

20. Black's Law Dictionary. 4th ed. West Publishing Co., 1968. 1882 p.

21. Clover A.L. The Numerus Clausus as a Meta-principle of Trusts Law: Hiding in Plain Sight? // Trust Law International. 2024 № 205. Pp. 1–21. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4652609 DOI: 10.2139/ssrn.4652609.

22. Cross F. B. The Theory and Practice of Statutory Interpretation. Redwood City: Stanford University Press, 2009. 248 p. DOI: 10.1515/9780804769815-005.

23. Ghazi M. I. What are the difference between noscitur a sociis and ejusdem generis? URL: <https://www.linkedin.com/pulse/what-difference-between-noscitur-sociis-ejusdem-generis-ghazi-qelvf>

24. Lenehan E. Brief Guide to the Influence of Latin on English Law. March 2022. URL: <https://coniston-associates.co.uk/what-have-the-romans-ever-done-for-us/>.

25. Marseglia C. La conservazione degli effetti negoziali tra principi e clausole generali. Trento: Università degli Studi di Trento. Unitn E-Prints, Novembre 2010. URL: https://www.researchgate.net/publication/47649678_La Conservazione_degli_effetti_negoziiali_tra_principi_e_clausole_generali

26. Oxford English Dictionary, s.v. «expressio unius (n.)». 2023. July. Online version. URL: <https://doi.org/10.1093/OED/6798057030>

27. Paal K. The numerus clausus Principle and the Type Restriction – Influence and Expression of These Principles. Demonstrated in the Area of Common Ownership and Servitude// Juridica International. 2012. Vol. XIX. Pp.32–39

28. Sarvade S. Principles of Ejusdem Generis and Noscitur a Sociis: A Comprehensive Analysis // International Journal of Research Publication and Reviews. 2024. Vol 5. № 4. Pp. 8390–8392.

29. Schmitt C. Constitutional theory. Durham and London. Duke University Press, 2008. XIX+468 p. DOI: 10.4324/9781315231884.

30. Eskridge W. N., Frickey Ph. P., Garrett E. Cases and Materials on Legislation: Statutes and the Creation of Public Policy (American Casebook Series). 4th ed. West Academic Publishing, 2007. 1367 p.

References

1. Aldoshkina A. D. *Numerus clausus veshchnykh prav: proiskhozhdenie i obosnovanie dogmatischeskoy konstruktsii* [Numerus Clausus of Proprietary Rights: Origin and Justification of the Dogmatic Construction]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2020. Vol. 20. Issue 4. Pp. 45–93. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-4-45-93. (In Russ.).

2. Alchourrón C. E., Bulygin E. V., Gärdenfors P., Makinson D. «*Normativnye sistemy i drugie raboty po filosofii prava i logike norm*» ['Normative Systems' and Other Works on Philosophy of Law and Logic of Norms]. St. Petersburg, 2013. 380 p. (In Russ.).

3. Barabanov P. K. *Ugolovnyy protsess Italii* [Criminal Procedure of Italy]. Moscow, 2019. 467 p. (In Russ.).

4. Efimov V. V. *Lektsii istorii rimskogo prava* [Lectures on the History of Roman Law]. St. Petersburg, 1887. 494 p. (In Russ.).

5. Izbrannye resheniya Federal'nogo Konstitutionnogo Suda Germanii [Selected Decisions of the Federal Constitutional Court of Germany]. Moscow, 2018. 1028 p. (In Russ.).

6. Leybo Yu. I., Tolstopiyatenko G. P., Eckstein K. A. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k glave 2 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii «Prava i svobody cheloveka i grazhdanina»* [Scientific and Practical Commentary on Chapter 2 of the Constitution of the Russian Federation 'Rights and Freedoms of Man and Citizen']. Moscow, 2000. 447 p. (In Russ.).
7. *Nedopustimost' dokazatel'stv v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii i gosudarstv anglo-amerikanskoy i romano-germanskoy pravovykh semey* [Inadmissibility of Evidence in the Criminal Process of the Russian Federation and States of the Anglo-American and Romano-Germanic Legal Families]: a textbook. Ed. by A. G. Volevodz. Moscow, 2022. 466 p. (In Russ.).
8. Nussberger A. *Novye konstitutsionnye prava v Osnovnom zakone Germanii* [New Constitutional Rights in the German Basic Law]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 2023. Issue 5 (156). Pp. 51–57. DOI: 10.21128/1812-7126-2023-5-51-57. (In Russ.).
9. Pontovich E. E. *Filosofiya prava. Chast 1: Obshchee uchenie o prave* [Philosophy of Law. Part I: General Theory of Law]. Kineshma, 1920. 100 p. (In Russ.).
10. Popov A. P., Popova I. A., Zinchenko I. A. *Problemy sovremennoogo ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava* [Problems of Contemporary Criminal Procedural Evidence Law]: a monograph. Pyatigorsk, 2019. 196 p. (In Russ.).
11. Sinitsyn S. A. *Numerus clausus i sub "ekтивnye prava: ponyatie, znachenie, vzaimosvyaz'* [Numerus Clausus and Subjective Rights: The Concept, Significance, Interrelations]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 2. Pp. 100–147. (In Russ.).
12. Smirnov A. V. *K voprosu o priznanii dokazatel'stv nedopustimymi v ugolovnom protsesse: ekzistentsial'nyy printsip* [On Acknowledging Evidence Inadmissible in Criminal Proceedings: The Existential Principle]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 2024. Issue 3. Pp. 20–23. DOI: 10.18572/2072-4411-2024-3-20-23. (In Russ.).
13. Tomin V. T. *Ugolovnyy protsess: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Criminal Procedure: Current Problems of Theory and Practice]. Moscow, 2009. 376 p. (In Russ.).
14. Iravunqi yndhanur tesutyan himnakhndirnere [Issues of the General Theory of Law]: a textbook. Ed. by A. Ghambaryan. Erevan: Tigran Mets, 2024. 492 p. (In Arm.).
15. Ghambaryan A., Ghazaryan A., Tadevosyan A. *Hayastani Hanrapetutyany qreakan datavarutyun (orensdrutyune, skzbunknere ev subektner)* [Criminal Procedure of the Republic of Armenia: Legislation, Principles, and Subjects]: a scientific-educational textbook. Ed. by A. Ghambaryan. Erevan: Tigran Mets, 2024. 584 p. (In Arm.).
16. Fellmeth A. X., Horwitz M. *Guide to Latin in International Law*. 2nd ed. Oxford University Press, 2021. Available at: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780197583104.001.0001/acref-9780197583104>. DOI: 10.1093/acref/9780197583104.001.0001. (In Eng.).
17. Akkermans B. *The Numerus Clausus of Property Rights. Maastricht Faculty of Law Working Paper*. 2015. Issue 10. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2693667>. (In Eng.).
18. Barrett A. C. Substantive Canons and Faithful Agency. *Boston University Law Review*. 2010. Vol. 90. Pp. 109–181. Available at: <https://www.bu.edu/law/journals-archive/bulr/documents/barrett.pdf>. (In Eng.).
19. Benson T. B. Rules and Aids to Statutory Construction. *The Virginia Law Register*. 1915. Issue 7. Pp. 512–514. DOI: 10.2307/1105492. (In Eng.).
20. *Black's Law Dictionary*. 4th ed. West Publishing Co, 1968. 1882 p. (In Eng.).
21. Clover A. L. The Numerus Clausus as a Meta-Principle of Trusts Law: Hiding in Plain Sight? *Trust Law International*. 2024. Issue 205. Pp. 1–21. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4652609. DOI: 10.2139/ssrn.4652609. (In Eng.).
22. Cross F. B. *The Theory and Practice of Statutory Interpretation*. Redwood City: Stanford University Press, 2009. 248 p. DOI: 10.1515/9780804769815-005. (In Eng.).
23. Ghazi M. I. *What Are the Difference between noscitur a sociis and ejusdem generis?* Available at: <https://www.linkedin.com/pulse/what-difference-between-noscitur-sociis-ejusdem-generis-ghazi-qelvf>. (In Eng.).
24. Lenehan E. *Brief Guide to the Influence of Latin on English Law*. March 2022. Available at: <https://coniston-associates.co.uk/what-have-the-romans-ever-done-for-us/>. (In Eng.).
25. Marseglia C. La conservazione degli effetti negoziali tra principi e clausole generali. Trento: Università degli Studi di Trento; Unitn E-Prints, 2010. Available at: https://www.researchgate.net/publication/47649678_La Conservazione_degli_effetti_negoziiali_tra_principi_e_clausole_generali. (In It.).
26. *Oxford English Dictionary*, 'expressio unius (n.)'. 2023, July. DOI: 10.1093/OED/6798057030. (In Eng.).
27. Paal K. The numerus clausus Principle and the Type Restriction – Influence and Expression of These Principles. Demonstrated in the Area of Common Ownership and Servitude. *Juridica International*. 2012. Vol. XIX. Pp. 32–39. (In Eng.).
28. Sarvade S. Principles of Ejusdem Generis and Noscitur a Sociis: A Comprehensive Analysis. *International Journal of Research Publication and Reviews*. 2024. Vol. 5. Issue 4. Pp. 8390–8392. (In Eng.).
29. Schmitt C. *Constitutional Theory*. Durham and London: Duke University Press, 2008. XIX+ 468 p. DOI: 10.4324/9781315231884. (In Eng.).
30. Eskridge W. N., Frickey Ph. P., Garrett E. *Cases and Materials on Legislation: Statutes and the Creation of Public Policy* (American Casebook Series). 4th ed. West Academic Publishing, 2007. 1367 p. (In Eng.).

Информация об авторах:

A. С. Гамбарян

Доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой теории права и конституционного права
Российско-Армянский (Славянский) университет
0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123

ORCID: 0000-0002-6322-4664
ResearcherID: AAT-8467-2021

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.31857/S013207690002203-5
DOI: 10.17223/15617793/438/27
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-754-765
DOI: 10.21638/spbu14.2021.315
DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-84-110
DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).322-331
DOI: 10.21638/spbu14.2024.113
DOI: 10.31857/S102694520025195-5
DOI: 10.17072/1995-4190-2023-62-552-567
DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).15-24
DOI: 10.24234/wisdom.v24i4.947

Л. Г. Даллакян

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории права и конституционного права
Российско-Армянский (Славянский) университет
0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123

ORCID: 0000-0002-7539-0707
ResearcherID: N-6360-2019

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.31857/s013207690002203-5
DOI: 10.17223/15617793/438/27
DOI: 10.21638/spbu14.2021.418
DOI: 10.17223/15617793/487/22

About the authors:

A. S. Ghambaryan

Russian-Armenian University
123, Hovsep Emin st., Yerevan, 0051,
Republic of Armenia

ORCID: 0000-0002-6322-4664
ResearcherID: AAT-8467-2021

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.31857/S013207690002203-5
DOI: 10.17223/15617793/438/27
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-754-765
DOI: 10.21638/spbu14.2021.315
DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-84-110
DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).322-331
DOI: 10.21638/spbu14.2024.113
DOI: 10.31857/S102694520025195-5
DOI: 10.17072/1995-4190-2023-62-552-567
DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).15-24
DOI: 10.24234/wisdom.v24i4.947

L. G. Dallakyan

Russian-Armenian University
123, Hovsep Emin st., Yerevan, 0051,
Republic of Armenia

ORCID: 0000-0002-7539-0707
ResearcherID: N-6360-2019

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.31857/s013207690002203-5
DOI: 10.17223/15617793/438/27
DOI: 10.21638/spbu14.2021.418
DOI: 10.17223/15617793/487/22

Информация для цитирования:

Клеандров М. И., Виноградова Е. В. Эволюция статуса российских судей: историографический ракурс // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 3(69). С. 351–371. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-351-371.

Kleandrov M. I., Vinogradova E. V. *Evolyutsiya statusa rossiyskikh sudej: istoriograficheskiy rakurs* [Evolution of the Status of Russian Judges: A Historiographic Perspective]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 3(69). Pp. 351–371. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-351-371.

УДК 340.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-351-371

Эволюция статуса российских судей: историографический ракурс

Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политики-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639)

М. И. Клеандров

Институт государства и права РАН

E-mail: mklean@ksrf.ru

Е. В. Виноградова

Институт государства и права РАН

E-mail: evsfrf@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.09.2025

Введение: исследование эволюции статуса судей сквозь призму ретроспективного анализа отечественных источников позволяет сформировать целостную картину. В формате историографических подходов обозначается контекстное влияние прошлого на современное состояние, определяющее перспективы дальнейшего развития концепции прав и обязанностей лиц, осуществляющих отечественное судопроизводство. Исследуются проявления различных форм судопроизводства в Древней Руси, самодержавной России, подходы к его реализации в советский и современный периоды. Цель заключается в формировании системных подходов к требованиям для лиц, осуществляющих правосудие. Использование в исследовании формально-юридического, историографического, сравнительно-правового, историко-правового и других **научных методов** позволило прийти к выводам, обосновывающим следующие **результаты**. Основой российского правосудия служит утверждение о том, что статус судьи – это совокупность его прав, обязанности и ответственности, при этом здесь рассматривается лишь правовой компонент статуса, однако остаются без внимания (за необходимыми исключениями) такие его компоненты, как моральный, этический, нравственный, психологический, физиологический и др. Анализ существенных характеристик судей обнаруживает черты, позволяющие интегрировать их в концепции современного правосудия. **Выводы:** на основе анализа статуса судей выявлена контекстная обусловленность концепции прав и обязанностей лиц, обеспечивающих реализацию отечественных политico-правовых ценностей при осуществлении правосудия. Это способствует созданию отечественной историографической модели политico-правовых знаний, применение которой можно считать весьма важным элементом системы формирования превентивных механизмов противодействия искажениям роли России в цивилизационном развитии.

Ключевые слова: суд; судья; статус; регулирование; эволюция; права; обязанности; ответственность; совершенствование

© Клеандров М. И., Виноградова Е. В., 2025



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Evolution of the Status of Russian Judges: A Historiographic Perspective

The study was carried out as part of the scientific project 'Creating a Russian historiographic model of political-legal knowledge and its application when developing means of countering ideological distortions of Russia's civilizational development', financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement No. 075-15-2024-639 of July 12, 2024)

M. I. Kleandrov

Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences
E-mail: mklean@ksrf.ru

E. V. Vinogradova

Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences
E-mail: evsfrf@gmail.com

Received 05 Sep 2025

Introduction: research into the evolution of the status of judges, conducted through the prism of a retrospective analysis of domestic sources, allows us to form a holistic picture. In the format of historiographic approaches, the study shows contextual influence of the past on the current state, determining the prospects for further development of the concept of the rights and responsibilities of persons conducting legal proceedings in Russia. The paper explores the manifestations of various forms of legal proceedings in Ancient Rus', in autocratic Russia, approaches adopted in the Soviet and modern periods. **The purpose** of the study is to develop systemic approaches to the requirements for persons administering justice. The use of formal-legal, historiographic, comparative-legal, historical-legal, and other **scientific methods** allowed us to come to conclusions that substantiate the following **results**. The foundation of Russian justice is the assertion that the status of a judge is a combination of his rights, duties, and responsibilities, with only legal component of the status considered here, that is, without taking into account (with necessary exceptions) such components as moral, ethical, psychological, physiological, etc. An analysis of the essential characteristics of judges reveals features that allow integrating them into the concepts of modern justice. **Conclusions:** based on the analysis of the status of judges, the study has revealed contextual determinacy of the concept of the rights and responsibilities of persons ensuring the implementation of domestic political and legal values when administering justice. This contributes to the creation of a domestic (Russian) historiographic model of political and legal knowledge, the application of which can be considered an important element of the system of preventive mechanisms formed to counteract distortions of Russia's role in civilizational development.

Keywords: court; judge; status; regulation; evolution; rights; duties; responsibility; improvement

Введение

Издавна Русь (Россия) – одно большое этноконтактное пространство, где соседствовали, соседствуют и будут соседствовать люди самых разных народов и этносов, сохранить единство которых, в числе прочих скреп, помогает организационно-правовой механизм правосудия, центральной составляющей которого были, есть и будут судьи. В предметном поле историографии судебной власти значительное место занимают исследования статуса судьи. В российском сегменте они представлены учебными изданиями [41; 43; 44; 53; 60; 81], монографическими исследованиями [7; 29; 42; 57; 58], отдельными статьями [18]. В них, а также в ряде иных отдельных научных изданий [14; 72] есть немалые по объему списки использованной литературы (библиографические списки и пр.), в которых наличествуют работы, посвященные анализу статуса судей.

В девятитомнике «История суда и правосудия в России» [32; 33; 34], изданном учеными Российского государственного университета правосудия в 2020–2022 годах, практически каждый том начинается с историографии проблематики правосудия соответствующего исторического периода.

Еще пятьдесят лет назад задавался вопрос: можно ли считать, что всесторонность и полнота судебного исследования, принятие законных и обоснованных решений определяются степенью развитости у судей качеств, относящихся к морально-волевой сфере, а следовательно, можно ли обеспечить успех профессиональной деятельности судьи воспитанием у любого юриста таких качеств? Н. В. Радутная ответ на него в значительной мере связывает с решением проблемы учета при подборе кадров судей индивидуально-психологических качеств и свойств личности. Если определяющими для деятельности профессионального судьи являются морально-волевые

качества, формирование которых может быть осуществлено в процессе воспитания, в том числе и при обучении, и в ходе профессиональной деятельности, то можно считать, что любое лицо, имеющее юридическое образование, способно быть судьей и достичь мастерства в своей профессии? Если же значительное место в овладении этим мастерством занимает интеллектуальная сфера (качества ума, память, воображение), то можно говорить, во-первых, о способности быть судьей по профессии и, во-вторых, о необходимости обеспечения особых условий при подготовке ответственности судьи в целях развития этих качеств [67].

Сама потребность независимости судей – при осуществлении правосудия – возникла давно. П. Баренбойм отмечает, что история библейского земского суда начинается с главы 2 (стихи 13–21) книги «Исход», где молодой Моисей пытался по своей инициативе рассудить спор двух евреев и услышал от одного из них вопрос: «Кто поставил тебя начальником и судьёю над нами?». Уже в этом вопросе право судить ассоциировалось с правом руководить. В этой же главе описано, что Моисей женился на Сепфоре, дочери священника земли Мадамской (соседней с Египтом) по имени Рагуил, который впоследствии и дал своему зятю совет о создании отдельного сословия судей [9, с. 37].

Также П. Баренбойм указывает, что в обосновании божественного происхождения монархов библейских времен можно было встретить ссылки на судей-богов в эпосе того времени. Так, в анналах ассирийского царя Ашшурнаасирпала II кроме перечисления тысяч отрезанных для острастки носов, ушей и кистей рук можно найти следующие строки: «Шамаш, судия, простирая свою добрую сень надо мной, и я величественно воссел на престол, а он вручил мне скипетр, пасущий человеков». Шамаш был судьей в рамках специализации среди многочисленных ассирийских богов. Этот нюанс всё же не выходит за рамки доктринального обоснования божественного начала монархической власти, полученной от Бога, который воспринимался во всех религиях как «высший судия» [9, с. 72].

В. А. Терехин, рассматривая исторический аспект правосудия, полагает, что в настоящее время в науке сложилось три мнения относительно времени зарождения правосудия, суда и судебной власти: 1) они существовали в догосударственном историческом периоде; 2) появившись вместе с государством и правом; 3) суд, а тем более судебная власть – продукты эволюционного развития общества и государства. Сам же он указывает, что категория «правосудие» очень близка такому понятию, как «разрешение социальных конфликтов». Функция урегулирования споров выполнялась как в государственном, так и в догосударственном обществе, поскольку и тогда проживающее население не обходилось без конфликтов. В то же время сформировалась общественная идея о правде, равенстве и справедливости как

основа стабильности и развития социума. Причем потребность в реализации указанных социальных ценностей генетически является первичной, вследствие чего возникла функция справедливого урегулирования противоречий. Процедуры разбирательства притязаний сторон и принимаемые решения тогда основывались на общепризнанных правилах поведения, нормах морали и нравственности, религиозных канонах, традициях конкретного общества и т. д. По всей видимости, вначале люди сами решали возникающие конфликты, затем для этой цели они стали приглашать третьих – независимых – лиц. Впоследствии из них отбирались наиболее авторитетные люди или коллективы. Это были физические лица и народные формирования, имеющие совершенно разное наименование, в том числе «суд» [79, с. 95–96].

Далее В. А. Терехин справедливо отмечает: «Анализ становления публичного института урегулирования споров как способа реализации власти показывает, что в большинстве стран на первых этапах развития государства эта функция осуществлялась не самостоятельными судами, а администрацией. Не стало исключением и Русское государство, где до определенного периода все публичные полномочия сосредотачивались в одном лице и не были разделены. В те времена функцию разрешения коллизии выполняли представители администрации – князья, княжеские наместники, бояре, посадники, губные старосты, помещики и др. Рассматривая споры, эти представители власти руководствовались юридическими процедурами и другими нормами права, однако субъектом воплощения в жизнь государственной воли был не суверенный суд, а орган или должностное лицо администрации. И только значительно позже, вероятнее всего, при правлении Петра I (первая четверть XVIII в.), стали зарождаться самостоятельные суды и назначаться судьи, призванные на профессиональной основе разрешать правовые конфликты» [79, с. 97].

Важно учитывать, что статусные характеристики конкретного судьи в значительной мере зависят от места судебного органа, в котором этот судья осуществляет правосудие, в судебной системе государства. А это значит, что и эволюция статуса судьи определяется эволюцией структуры судебной системы государства. В свою очередь проблематика этого сегмента юридической науки исследована в достаточной степени [4; 12; 20; 22].

Предмет настоящего исследования выводит за его пределы механизм вершения правосудия теми, кто не являлся профессиональным судьей, находящимся на службе государства. Разумеется, потребность в справедливости, правосудии, защите нарушенных прав (в том числе основанных на обычаях) и их восстановлении имелась и в ранних, в историческом плане, государствах, в догосударственных образованиях и даже в первобытных обществах [39; 40]. И эта потребность далеко не всегда удовлетворялась в

самых разнообразных мирных формах, которые можно охарактеризовать как предвестники правосудия. Например, о кровной мести и возмездии как механизмах восстановления нарушенной справедливости подробно писал Г. В. Мальцев [52].

Осуществление правосудия в Древней Руси

Судьи – плод общества [59], и с развитием общества и общественных отношений, включая правовые, трансформацией подходов к осуществлению правосудия и судебной системы изменялись и статусные характеристики судьи.

В догосударственных образованиях профessionальных судей не было, хотя сам суд как способ несилового разрешения споров и конфликтов существовал, поэтому он намного старше государства [27; 62; 80]. Можно даже сказать, что осознание необходимости механизма восстановления нарушенной справедливости возникло и начало проявляться одновременно с «изобретением» огня, и оба эти явления в своем значении в истории развития человеческой цивилизации примерно равны. Пожалуй, на первых стадиях архаичного сообщества людей, объединенных в племена и роды, более или менее организованные коллективы создавали механизмы примирения, стремились сами урегулировать споры, разногласия, ссоры и проч. в самом широком смысле.

Важно отметить, что для осуществления правосудия в догосударственных образованиях неотъемлемой привилегией лица, обладающего властью, было назначение «вершителя правосудия». Но требования к нему декларировались. Как отметил профессор А. И. Буркин, в древнерусском юридическом сборнике XIII века в первую очередь речь идет о праведности судей и справедливого суда: «Слушайте, все судьи земли. Да не сотворите неправды в суде, ибо Божий суд истинен. Проклят всякий судящий неправедно. Блажен муж, кто послушает глаголов сих, и не устыдится лица сильного на суде, но избавит обидимого из руки неправедного. И сам он избавлен будет на суде страшного дня пред судящими в правду» [15].

Ситуация мало изменилась и в начальных государственных образованиях.

Требования к людям, осуществляющим правосудие, например, в Древнем Риме определялись следующим образом: «Нам нужен человек от природы умный и в жизни бывалый, который видел бы насквозь, что думают, чувствуют, предполагают и ожидают его сограждане и все люди, которых он хочет в чем-то убедить своею речью... Надо, чтобы он умел нащупать пульс людей любого рода, любого возраста, любого сословия; он должен чутьем понимать мысли и чувства тех, перед которыми он ведет или поведет дело» [6, с. 248].

В древнерусском юридическом сборнике XIII века «Мерило праведное» речь идет о праведности судей и справедливом суде, и там воспроизведены слова святого Василия Великого о речении великого царя Константина: «Да будет же судия нелицемерен. Ни богатого не боясь, ни нищего не милуя, ни нищего не милуя, но не принимая лица сильного и нищего на суде, ибо Господень Суд. Недостойно слушать клевету. Не принимай дара, чтобы не поразить свою душу» [6, с. 60].

На Руси согласно Уложению 1649 года государственные суды подразделялись на три вида: 1) высшие – суд царя и Боярской думы; созданная в 1681 году Раправная палата стала постоянной судебной коллегией Боярской думы, состояла из председателя и его товарищей, назначавшихся государем из думных чинов, и занималась разрешением судебных дел, которые передавались на рассмотрение государя и Думы в порядке доклада и апелляции; 2) центральные – суд приказов; 3) местные – суд воевод, губных и земских учреждений. Но тогда судьи были государственными людьми, и свои полномочия они также осуществляли «по совместительству», ведение правосудия для них было не основным занятием [68, с. 37]. По мнению О. В. Григорьева, в Московской Руси повсеместно существовало право «кто управляет, тот и судия» [24]. Строго говоря, сам термин «судья» в современном значении стал использоваться лишь в ходе судебных преобразований Петра I, а до этого он применялся в бюрократическом обиходе исключительно для обозначения руководителей приказов [71, с. 254]. Как указывает Д. О. Серов, Петр I специально не регламентировал статус судей, в частности, не ввел в отношении них каких-либо квалификационных требований [71, с. 269, 449].

Судебная система России дореформенного (до 1864 г.) периода

Судебная система, контекстно предопределяющая статус судьи, в этот период структурировалась стихийно и постоянно подвергалась различным изменениям. Подтверждением этому служит появление и узкоспециализированных судов, например: *Сиротский суд в Иркутской губернии* (состоял из старост – гильдейского, мещанского, церковного и двух членов городского магistrата, а соответствующим судебным органом в отношении дворянских вдов, малолетних сирот и имений выступала Дворянская опека, учреждаемая в каждом уезде в лице уездного дворянского предводителя, уездного судьи и выборных заседателей [1, с. 67]); *судебные органы сельской юстиции* [1, с. 67]; *Совестные суды* (создаваемые под непосредственным наблюдением монарха, характеризующиеся относительной независимостью от общесистемной административно-судебной системы [1, с. 68, 69; 3; 55; 56; 69]); *станичные суды* и *волостные* [32, с. 287–303]; *Университетский суд*

(ему были подведомственны студенты, преподаватели, а также чиновники и служащие учебного округа; он состоял из трех инстанций: ректора, университетского суда и университетского совета [35]); горный суд (представлявший собой административно-судебный институт, которому были подведомственны дела служащих горных заводов, а также споры с участием населения, проживающего на территории горных округов, находящихся в ведении Уральского горного правления; система горных судов включала горного начальника, горные гражданские суды, Уральское горное правление и Сенат [35, с. 194, 195]); коммерческие суды [86] (прообраз органов государственного арбитража советского периода нашей истории и арбитражных судов современного периода); иноверческие суды (в Восточной Сибири – постоянно действовавший аппарат родовой администрации в лице рекрутируемого губернскими властями из числа «почетных родовичей родоначальника, единолично вершившего суд и расправу на основе местных обычаев» [2, с. 15]; с принятием в 1822 году (в ходе реализации правотворческих планов М. М. Сперанского) единого правительственный акта (Устава об управлении инородцев и об инородческом кочевом суде) представляет собой трехступенчатую систему Родового управления, Инородной управы и Степной думы) [1, с. 24]; система органов церковного правосудия, создание которых связано с основанием Святейшего правительственного синода, ставшего высшим органом церковной власти [71, с. 290–299]; Высший суд, созданный Петром I особым Указом от 9 февраля 1723 г., состав которого был укомплектован несколькими сенаторами, шестью генералами и офицерами гвардии, а также московским вице-губернатором. Созывался этот суд нерегулярно, в разное время им были вынесены приговоры в отношении 29 человек [71, с. 323], что свидетельствует о его правосудной деятельности в «пульсирующем» режиме. Как оказывается в литературе, только судебными преобразованиями Петра I было реорганизовано и впервые учреждено в общей сложности 13 специализированных судебных органов [71, с. 332]. А позже учрежден Верховный уголовный суд Российской империи [11].

В России в XVIII веке и в первой половине XIX века предусматривались определенные требования к судьям судов разных видов и разновидностей. В значительной мере определяющую роль в отборе кандидатов на судебные должности играли дворянские собрания, которым губернское руководство представляло сведения о карьере кандидатов. На губерниях, не имевшие органов дворянского самоуправления (Архангельская, Вятская, Пермская и др.), распространялись правила централизованного назначения судей; специальные правила наделения судей полномочиями были установлены в отношении сибирских губерний [21]. Порядок укомплектования (в современном значении слова) судебского корпуса,

или «порядок определения в должности» (по терминологии периода Екатерины II), среди прочих, представлен в монографии Т. Л. Мигуновой [54]; в статье В. А. Воропаева отмечено, что были изменены квалификационные требования к кандидатам в судью.

И хотя к судьям – относительно их морально-нравственных качеств – предъявлялись высокие требования (например, в Калужской губернии в пожеланиях собрания дворянства, приуроченного к избранию судей, предлагалось «в законисполнители выбирать особ достойнейших и способных по своим знаниям, опытности и добрым свойствам содержать весы правосудия в точнейшем наблюдении, дабы в противном случае не пожертвовать нашим спокойствием» [71, с. 115]), в работе В. Бочкарева, выделившего в результате всестороннего анализа деятельности судебных органов и учреждений дореформенной России их недостатки, названы, среди прочих, низкий умственный и нравственный уровень личного состава суда, рабская зависимость суда от администрации [13, с. 239].

Тем не менее до Судебной реформы 1864 года должного отделения суда от администрации не было осуществлено; соответственно, не функционировал отдельный полнокровный, специально отобранный по правильным критериям судейский корпус. И если судейские обязанности того времени совмещались с административными, отодвигаясь, естественно, на второй план, качественный отбор на судейские должности не мог быть эффективным.

Подводя итог рассмотрению дореформенных (1864 г.) статусных характеристик судейского корпуса, уместно сослаться на И. П. Слободянку [72, с. 24–25], в свою очередь, ссылающегося на дореволюционную работу В. Бочкарева [13], сохранившуюся в библиотеках как в форме отдельного оттиска, так и в виде статьи, опубликованной в сборнике «Судебная реформа», которая была основана на значительном количестве источников и в которой в результате всестороннего анализа деятельности судебных органов и учреждений дореформенной России наиболее полно выделены следующие характерные для них недостатки: «1) принцип сословности, как основание системы судоустройства; 2) низкий умственный и нравственный уровень личного состава суда; 3) нищенские оклады жалованья по ведомству министерства юстиции, порождавшие непомерное взяточничество решительно во всех судебных местах; 4) рабская зависимость суда от администрации; 5) фактическое бессилие прокурорского надзора; 6) бесконечное разнообразие и многочисленность судебных инстанций; 7) непомерная волокита, при обилии процессуальных форм; 8) отсутствие устности и гласности в судопроизводстве; 9) господство канцелярской тайны; 10) следственный или инквизиционный характер процесса, основанный на теории формальных доказательств, и 11) бесцельная жестокость карательной системы».

Статус российских судей после Судебной реформы 1864 года

Статус российских судей серьезно усовершенствовался в результате Судебной реформы 1864 года. При этом обращает на себя внимание утверждение Г. А. Джаншиева (известного ученого того периода): до судебной реформы «у нас не было судей в настоящем смысле слова: это были агенты министерства юстиции» [26].

Относительно проблематики статуса судей Судебная реформа Российской империи может быть охарактеризована следующими нововведениями: 1) официально введен институт кандидатов на должность судьи (чего у нас нет и сегодня); 2) предусмотрено обеспечение заполнения судебского корпуса юристами с высшим профессиональным образованием; 3) введены цензы для претендования на должность судьи (ценз «канкетного» характера, ценз профессионального уровня подготовки претендента на должность судьи, имущественный ценз и др.); 4) установлен и закреплен более-менее четкий порядок наделения судейскими полномочиями; 5) судебные полномочия уже не могли осуществляться «по совместительству», наряду с иными властно-распорядительными (административными) полномочиями; 6) и главное – провозглашены вполне конкретные требования к судьям, с учетом того, что согласно примечанию пункта 2 статьи 1 введения к книге первой «Общее учреждение судебных установлений» «судебная власть духовных, военных, коммерческих, крестьянских, станичных и инородческих судов определяется особыми о них постановлениями» [51, с. 387].

Временными Правилами о Волостном суде в местностях введено Положение о земских участковых начальниках: «При отправлении своих обязанностей судьи носят присвоенный их должности знак. В порядке ответственности, временного устраниния и удаления от должности они подчиняются правилам, установленным для волостных старшин. Волостные судьи получают денежное содержание из волостных сумм. Размер сего содержания и способ вознаграждения из оного кандидатов, за исполнение ими обязанностей судей, определяются уездным съездом, причем годовой оклад содержания не должен превышать: для председателя волостного суда – ста рублей, а для волостного судьи – шестидесяти рублей. Предположения съезда по сим предметам утверждаются губернским присутствием. Примечание. В случае возложения обязанностей председателя суда на волостного старшину последний не получает за сие особого вознаграждения».

В целом же отношение к самому институту волостных судей было, во всяком случае в Думе, скорее отрицательным. М. В. Нельтина приводит высказывание председателя Комиссии III Государственной Думы по судебной реформе Шубинского: «Нравственная сторона волостного суда, – заявил он, – всем

нам ведома в тысяче анекdotических рассказов <...>. Что касается умственной стороны волостного суда, то ведь она прямо в детском состоянии. Ведь сами судьи говорят: мы неграмотны; ведь в громадном большинстве лучшие из них умеют рисовать фамилию» [61].

Но это относится к низовому уровню судебского корпуса имперской России. А пунктами 202–204 отделения первого главы первой раздела шестого «Об определении, увольнении и перемещении должностных лиц судебного ведомства» было установлено: «Должности председателей, товарищей председателей и членов судебных мест, в том числе и судебных следователей, а равно чинов прокурорского надзора, обер-секретарей, секретарей и их помощников, замещаются, с соблюдением порядка, в следующих 203–211 статьях указанного, не иначе, как из числа лиц, имеющих аттестат университетов, или других высших учебных заведений, об окончании курса юридических наук, или о выдержании экзамена в сих науках, или же доказавших на службе свои познания по судебной части. Членами Окружного суда могут быть назначаемы лица, служившие по судебной части не менее трех лет, в званиях, не ниже секретаря Окружного суда. В члены Окружного суда могут также быть определяемы и присяжные поверенные, состоявшие в сем звании не менее десяти лет и получившие аттестаты советов присяжных поверенных, а равно свидетельства судебных мест, при которых они состояли, о точном, исправном и безукоризненном, во все сие время, исполнении своих обязанностей» [61].

О глубине проработки, в том числе и прежде всего теоретической (даже научной), проблематики статусных характеристик российских судей положениями Судебной реформы Российской империи 1864 года свидетельствует анализ источников. Элементы судебско-статусной составляющей российских судей того периода, в частности, подробно описал Н. В. Муравьев: «1) высшее юридическое, а следовательно, и высшее общее образование, наличие которого до известной степени предполагает и воспитание, – это великое и необходимое искусство жить среди себе подобных, больше всего отличающее интеллигентного человека от дикаря; 2) общественная и нравственная благонадежность, измеряемая ненахождением ни в одном из опорочивающих личность формальных состояний (судимость, несостоятельность и проч.); 3) чистота и целостность судебной профессии, достигаемая посредством несовместительства ее ни с какой стороны; 4) практическая подготовка к самостоятельной судебной деятельности, измеряемая сроками подготовительной судебной практики; 5) определенные условия и порядок назначения на судебные должности и правильная постепенность судебного движения или карьеры, гарантирующие успех труда, значение заслуг и вместе оставляющие простор талантам и отличиям; 6) независимость от чинов и относительная высота положения на общей

служебной лестнице; 7) самостоятельность как служебного положения, так и деятельности, выражавшаяся: а) в несменяемости и неперемещаемости судей по усмотрению начальства до тех пор, пока они сами своими законно установленными поступками не опозорили или не унизили своего звания и б) в законной свободе убеждения и слова чинов прокуратуры; 8) единение между чинами судебного сословия, проявляющееся внешним образом, между прочим, в самоуправлении судов по делам их внутреннего распорядка и в процессуальной нераздельности лиц прокурорского надзора; наконец, 9) точные правила о материальном обеспечении, как во время нахождения на службе, так и по ее оставлении (эмеритура)» [84, с. 44].

Конечно, в последующий период, вплоть до 1917 года, многие позитивные введения Судебной реформы 1864 года, включая относящиеся к статусу российских судей, были искажены либо вообще утрачены в ходе разного рода корреляций нормативно-правовых предписаний (иногда их именуют Судебной контрреформой), но одно несомненно – тогда был сформирован корпус профессиональных российских судей, обладающих достойным правовым статусом.

Февральская революция, изменив государственный строй России, трансформировала и нормативную составляющую статуса судей, правда – в основном ситуативно, не радикально.

Статус советского судьи

Формирование статуса советского судьи предопределено Октябрьской (1917 г.) революцией, после которой вопрос о прежнем механизме правосудия, а значит, и о прежнем судейском корпусе был решен самым радикальным образом. Декрет от 24 ноября 1917 г. «О суде»¹ относительно деятельности прежних судов осуществил следующее: «доныне существующие общие судебные установления» упразднил, «приостановил действие существующего доныне института мировых судей, – заменяя мировых судей, избираемых доныне непрямыми выборами, местными судами в лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам очередных судей», при этом «местные судьи избираются впредь на основании прямых демократических выборов...» и т. д.

В целом всё регулирование правосудия в тот период имело ситуативный характер, и иного не могло быть в условиях жесточайшей Гражданской войны. Как отмечается в юридической литературе, в первые годы советской власти было принято более 400 декретов и других актов, которые содержали уголовно-

правовые, судоустройственные и судопроизводственные нормы [19, с. 6; 31].

По завершении Гражданской войны началом планомерного судебного строительства и комплектования судебного корпуса можно, пожалуй, назвать Положение о судоустройстве РСФСР, утвержденное Постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 г.²

Немаловажной особенностью того исторического периода было то, что, несмотря на Декрет о суде № 1, предусмотревший ликвидацию либо серьезную реорганизацию всех существовавших ранее судов, в стране продолжали действовать суды религиозного толка. Например, как отметил М. В. Кожевников, на территории Чечни, Дагестана, Горской республики (Кабарды) действовали шариатские суды, Киргизской республики – аксакальские, Ферганской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской областей, Туркестанской Республики – суд казиев [48, с. 132]. По мнению А. Л. Карабанова, «не желая вторгаться в сферу религиозных, национальных и других чувств и обычаев народов и народностей СССР и осознавая, к каким последствиям могут привести подобные вторжения, советская власть умышленно долгое время принудительным путем не упраздняла эти суды. На первых порах эти органы пытались лишь поставить под определенный контроль, создать правовую базу для их деятельности. В некоторых регионах они даже были взяты на государственное содержание» [37, с. 57]. В статье 4 Основ судоустройства Союза ССР и союзных республик, утвержденных Постановлением ЦИК СССР от 29 октября 1924 г.³ (в ст. 16 Основ провозглашалось: «При Центральном Исполнительном Комитете Союза ССР согласно ст. 43–48 Основного Закона (Конституции) Союза ССР состоит Верховный Суд Союза ССР»; это «при» свидетельствует о том, что ни о какой независимости механизма правосудия в то время речи не было), предусматривалось: «Судьей может быть всякий, не опороченный по суду гражданин и гражданка Союза ССР, отвечающие следующим условиям: а) иметь право избирать и быть избранным в совет; б) иметь стаж общественной политической работы в рабоче-крестьянских общественных, профессиональных или партийных рабочих организациях или стаж практической работы в органах советской юстиции или в соответствующих административных государственных органах. Сроки и условия обязательного для судьи стажа определяются по принадлежности законодательством Союза ССР и законодательством союзных республик».

Кадровые предпочтения, практически на официальном уровне, к кандидатам на судейские должности в 1930–1940-х годах выразил нарком юстиции СССР Н. В. Крыленко: «Безграмотный человек не может быть судьей уже потому, что он не может написать и составить приговора. В еще большей степени

¹ СУ РСФСР. 1917. № 4, ст. 50.

² Там же. 1922. № 69, ст. 902.

³ Собрание законодательства СССР. 1924. № 23, ст. 203.

необходима и грамотность политическая, ибо деятельность суда есть одна из важнейших функций по управлению государством, по разрешению ряда сложнейших функций политики, экономики и быта. Пригодность кандидата в судьи лучше всего будет определяться его прежней работой и деятельностью в общественных, хозяйственных и политических организациях» [50, с. 19].

Делая вывод о кадровой политике в данной сфере, некоторые авторы подчеркивают, что наряду с правовыми нормами, регулировавшими формирование судейского корпуса, важную роль играли неправовые компоненты, к числу которых относятся избрание и отзыв судей только с согласия партийных комитетов, перемещение судей по партийной линии, партийная принадлежность и т. д. При этом «чистки», имевшие целью улучшить состав суда, на деле порождали текучесть кадров судей и, как следствие, рост числа народных судей, имевших незначительный стаж работы [16, с. 116, 123, 130].

При этом кадры судей и руководителей судов были номенклатурой соответствующих партийных органов. Как отмечается в литературе, в циркуляре Уральского областного комитета РКП(б) от 24 января 1924 г. указывалось, что назначение народных судей производится областным исполнкомом после согласования с окружными комитетами РКП(б), а члены партии среди судей по РСФСР в 1928 году составляли 85,9 % [82, с. 200]. Естественно, что партийные комитеты, органы судебного управления «требовали от судей при вынесении решений и приговоров руководствоваться революционным (социалистическим) правосознанием и принципом революционной целесообразности... Критерием подбора судей являлся опыт революционной борьбы, а не юридическое образование и професионализм» [82, с. 200, 201].

Всевластие партийных органов в кадровой судейской политике, сопряженное с относительной их безответственностью в этом вопросе, приводило к тому, что, как отмечает Е. А. Соседов, в Тамбовской губернии (и нет оснований полагать, что в других губерниях положение было принципиально иным) «некоторые судьи губернского суда и народных судов зачислялись в штат и осуществляли судебные полномочия до назначения их Губисполкомом и Наркомюстом, а затем не утверждались в установленном Положением о судоустройстве порядке либо после утверждения вообще не приступали к работе...» [73, с. 289]. Осуществление правосудия не судьей, назначенным на должность в установленном законом порядке, – не правосудие, однако подобные ситуации в качестве чрезвычайного положения в тот период, судя по всему, не воспринимались.

Великая Отечественная война внесла коррективы в кадровую политику комплектования судейского корпуса. Как отмечается в юридической литературе, согласно разъяснению НКЮ СССР от 23 октября 1941 г. в условиях военного времени «начальники управлений, невзирая на закон (! – М. К., Е. В.),

снимали и назначали судей» [46, с. 38]. К лету 1942 года число народных судей в РСФСР уменьшилось в два раза по сравнению с довоенным временем, но в первый год войны оперативный состав военных трибуналов войск НКВД был увеличен на 350 % (всего же в годы войны было сформировано 250 военных трибуналов дивизий и укрепрайонов РККА (3000 судей)) [63].

В военный период, как отмечает М. В. Кожевников, «необходимая потребность в судьях общих судов взамен мобилизованных в ряды РККА удовлетворялась за счет избрания на эти должности народных заседателей, показавших в довоенное время свою пригодность выполнять обязанности судьи» [45].

После окончания войны была проведена демилитаризация военных трибуналов. Например, военные трибуналы транспорта были преобразованы в линейные транспортные суды (железнодорожного и водного транспорта) с довоенным режимом подбора и назначения судей и народных заседателей. При этом такой подбор, как отмечается в литературе, осуществлялся по формальным показателям – партийности, юридического образования, стажа работы в органах юстиции (в 1949 г. в линейных транспортных судах, например, работали 99,5 % членов ВКП(б), а также один член ВЛКСМ и один беспартийный; высшее юридическое образование имели 29,1 %, не имели юридической подготовки 12,8 %) [85, с. 886].

Качественному пополнению судейского корпуса страны в первые послевоенные годы препятствовали тяжелые условия, в которых судьям приходилось жить и работать. Так, согласно Приказу Наркомата юстиции СССР от 14 июля 1945 г. в СССР была проведена паспортизация участков народных судов. Выяснилось, что здания, принадлежавшие до войны судебным учреждениям, им не возвращались. Постановление СНК СССР от 8 августа 1943 г. не было выполнено. На 1 сентября 1945 г. «в РСФСР 642 народных суда (16,8 %) не имели зала судебных заседаний, 99 судов располагались в одной комнате, 440 – в двух, 1160 – в трех. Только в 962 судах имелись пишущие машинки (23 %). В Полтавской области пять народных судов вообще не имели помещений и размещались в частных домах. В Диканьском народном суде граждане во время совещания выходили на улицу. Ирклеевский народный суд находился в проходной комнате районной прокуратуры. В Новосибирской области из 75 народных судов 38 располагались в помещениях из одной – трех комнат, пять судов – в одной комнате, шесть не имели комнат вообще. Народный суд 7-го участка г. Новосибирска располагался в бане. В Пензенской области из 56 народных судов 48 располагались в сгнивших домах. Народный суд Урицкого района размещался в землянке... При этом члены областных судов в 1954 г. получали 1000 руб. в месяц (народные судьи – 690–880 руб., милиционер – 1300 руб.). Народный судья Горьковской области с двумя детьми жил в помещении народного суда...» [47].

Осенью 1950 года министр юстиции СССР К. П. Горшенин предлагал Совету министров СССР принять положение о кандидатах на судебные должности, но предложение было отклонено СМ СССР [45]. Института кандидатов на должности судей у нас нет и сегодня. Но если идея его создания не была реализована тогда, совершенно в других условиях, не пора ли вернуться к ней сегодня?

Требования к судьям в СССР, сформулированные в 1930-е годы, принципиально не изменились и в последующем. Серьезные изменения механизма комплектования судейского корпуса СССР начались на исходе 1980-х годов, во времена перестройки, гласности, отмены статьи 46 Конституции СССР о верховенстве партии и т. д.

Весьма знаковым явлением эволюции статуса российских судей послужил первый в истории нашей страны специальный Закон СССР от 4 августа 1989 г. «О статусе судей в СССР»¹. Этим Законом провозглашалась независимость судей и народных заседателей, обеспечиваемая установленным законом порядком их избрания и освобождения, неприкосновенностью судей и народных заседателей, строгой юридической процедурой осуществления правосудия, тайной совещания судей при вынесении решений и запрещением требовать ее разногласия, ответственностью за неуважение к суду или вмешательство в разрешение конкретных дел, созданием необходимых организационно-технических условий для деятельности судов, а также материальным и социальным обеспечением судей, соответствующим их высокому статусу.

Были установлены требования, предъявляемые к кандидатам в судьи и народные заседатели: народным судьей может быть избран гражданин СССР, достигший ко дню выборов 25 лет, имеющий высшее юридическое образование, стаж работы по юридической специальности не менее двух лет и сдавший квалификационный экзамен. Судьями вышестоящих судов могут быть избраны граждане СССР, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической специальности не менее пяти лет, в том числе, как правило, не менее двух лет в качестве судьи. Судьей военного трибунала может быть избран гражданин СССР, достигший ко дню выборов 25 лет, состоящий на действительной военной службе, имеющий высшее юридическое образование и воинское звание офицерского состава. Лицо, впервые избираемое судьей военного трибунала, должно сдать квалификационный экзамен. Народным заседателем может быть избран гражданин СССР, достигший ко дню выборов 25 лет, а народным заседателем военного трибунала – гражданин СССР, состоящий на действительной военной службе.

Регулировали и подбор кандидатов в судьи. Было установлено, что он осуществляется органами юстиции в соответствии с требованиями этого Закона

на основе рекомендаций и учета мнения трудовых коллективов, в которых работают выдвигаемые кандидаты, и заключения квалификационной коллегии судей. Лица, впервые рекомендуемые кандидатами в судьи, проходят профессиональную подготовку в случаях и порядке, определяемых Министерством юстиции СССР. А представление кандидатов в народные судьи районных (городских) народных судов, судьи краевых, областных, городских судов, судов автономных областей, судов автономных округов, верховных судов автономных республик производится совместно Министерством юстиции и Верховным Судом союзной республики. Кандидаты в судьи верховных судов союзных республик представляются в порядке, установленном законодательством союзных республик, с учетом мнения Верховного Суда СССР и Министерства юстиции СССР.

Реформирование статуса судей в современной России

Приближался распад СССР, что повлекло радикальные преобразования в механизме комплектования судейского корпуса. Трансформация этого механизма была обусловлена прежде всего тем, что власть тогда разделялась не на законодательную, исполнительную и судебную, а на партийную (доминирующую), советскую и хозяйственную. Не был обеспечен подбор кадров на должность судей не по партийному (а ранее – внесословному и т. д.) принципу, а значит, судьи не были гарантированно независимыми. Не был предусмотрен подбор среди желающих стать судьями «лучших из лучших», что можно организовать только на основе конкурса. Не была обеспечена надлежащая привлекательность судейской должности – ни высоким окладом, ни соответствующим «социальным пакетом», ни должным судейским иммунитетом и т. д. Не был сформирован и легализован институт кандидатов на должность судьи, дающий возможность создания необходимого кадрового резерва.

В процедуре отбора кандидатов на должность судей и наделения их судейскими полномочиями едва, на самом исходе рассматриваемого исторического периода, начала формироваться самостоятельная роль органов судейского сообщества. Именно они способны нейтрализовать попытки выдвижения в судьи органами, структурами, инстанциями, группами и т. п. «своих» людей, которые, будучи назначенными судьями, могли быть от своих выдвигаемых зависимы и при отправлении правосудия решать их задачи.

В итоге можно сделать вывод: тогда отсутствовала четкая, закрепленная нормативно, программа кадровой политики. Не сдавали свои главенствующие позиции в деле комплектования судейского корпуса и органы КПСС. Ю. И. Стецовский писал:

¹ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989, № 9, ст. 223.

«На вопрос: не должен ли судья, вступая в должность, приостановить свое членство в КПСС? – министр юстиции СССР В. Яковлев заявлял: “А на каком основании? Закон этого не предусматривает... Лишь судью возможности иметь те или иные политические взгляды – это значит посягнуть на его законные права”. Иными словами, посягнуть на «право» судьи – проводить политику произвола КПСС. Формула «судьи независимы и подчиняются только райкому» прочно укоренилась. С деполитизацией судов и других государственных учреждений ЦК КПСС был решительно не согласен. При таком положении ни о какой самостоятельной судебной власти, о подчинении суда закону всерьез говорить не приходится. Представление к избранию и квалификационная аттестация судьи, его отзыв зависели от усмотрения партийных органов, от Минюста и Верховного Суда. Сообщила, например, центральная газета об отмене приговора, и редакция получает постановление коллегии Министерства юстиции союзной республики: «Судье... строго указано на проявленную ею небрежность и безответственность, она привлечена к партийной ответственности, постановление коллегии разослано всем судам республики» [74, с. 60].

В конце XX века положение дел с назначением федеральных судей, признанных работать в субъектах РФ, приобрело особый характер. Несмотря на то что Конституцией РФ, федеральными конституционными законами «О судебной системе Российской Федерации» и «Об арбитражных судах в Российской Федерации», как и Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации», было установлено (в то время), что федеральных судей назначает на должность Президент РФ «с учетом мнения представительных (законодательных) органов субъектов Российской Федерации», в отдельных субъектах РФ периодически возникали требования передать назначение судей в их ведение [30].

Иногда дело заходило дальше предъявления требований. Так, в феврале 1998 года Генеральный прокурор РФ сообщил, что в Республике Башкортостан «судьи избираются государственным собранием республики. Но, самое главное, этими судьями вынесено более 400 приговоров...»¹. Это означало, что несколько сотен человек осуждены нелегитимным судом. Одна из причин (во всяком случае официально высказываемая) – желания руководителей отдельных субъектов Федерации самостоятельно назначать судей: слишком длительная процедура прохождения документов на кандидата в судьи – иногда до полугода.

С нефедеральными судьями положение дел также иногда вызывало недоумение. Так, пунктом 2 статьи 14 Закона Ханты-Мансийского автономного округа «Об Уставном Суде Ханты-Мансийского автономного округа»² было определено, что судьи этого

Уставного Суда могут выполнять свои обязанности и по совместительству, что в принципе выводит их за пределы правового поля государственных судей.

Но, по существу, угроза устройству механизма федерального правосудия была еще более серьезной, и исходила она из «недр» Администрации Президента РФ – Главного государственного правового Управления Президента РФ, что остро и крайне негативно было воспринято самим судейским корпусом Российской Федерации. Важный орган судейского сообщества страны – Совет судей РФ – принял по этому вопросу специальное Постановление от 29 октября 1998 г.

Конституция РФ и ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» устанавливают единую систему, включающую в себя федеральные суды и суды субъектов РФ, к которым отнесены конституционные (уставные) суды субъектов РФ и мировые судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции субъектов РФ. Данные положения в полной мере отвечают принципам федеративного устройства РФ. При этом федеральные суды являются непременным условием и гарантией сохранения РФ как единого, целостного государства. В то же время создано правовое поле для реализации интересов субъектов РФ на создание своих «местных» судов. Подготовленный Главным государственно-правовым управлением Президента РФ (далее – ГГПУ) проект федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции», выступление начальника ГГПУ Р. Г. Орехова на заседаниях Совета при Президенте Российской Федерации по вопросам совершенствования правосудия 18 июня 1998 г. и его публикация на страницах журнала «Российская юстиция» (№ 8 за 1998 г.) свидетельствуют о том, что ГГПУ фактически предлагает пересмотреть названные выше положения Конституции РФ и ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», предусматривая создание самостоятельных судебных систем субъектов РФ в составе народных судов субъектов РФ и апелляционно-кассационных судов субъектов РФ, которые действуют процессуально независимо от федеральной судебной системы.

И далее в этом Постановлении жестко было сказано: позиция ГГПУ вызывает недоумение и недоверие со стороны судейского сообщества России, поскольку: во-первых, инициирует центробежные силы в обществе, что, безусловно, приведет к сепаратизму; во-вторых, данная инициатива исходит от чиновников ГГПУ Президента РФ, в то время как сам Президент РФ занимает иную позицию, учитывая, что Конституция РФ и ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» были приняты по инициативе Президента РФ и, как следует из их содержания, включают положения, принципиально отличающиеся от инициатив ГГПУ; и т. д.

¹ Российская газета. 1998. 14 февр.

² Принят Думой Ханты-Мансийского автономного округа 11 сент. 1997 г.

И в результативной части этого Постановления указывалось: «Выразить принципиальное несогласие с позицией ГГПУ Президента РФ в части, касающейся создания самостоятельных судебных систем субъектов РФ, что заведомо противоречит соответствующим положением Конституции РФ и ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Об изложном проинформировать Президента РФ Ельцина Б. Н. и председателей палат Федерального собрания РФ».

Предвестником постсоветского регулирования статуса российских судей следует считать, по всей видимости, Концепцию судебной реформы, одобренную Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-І «О Концепции судебной реформы в РСФСР». Представленная (как сказано в п. 4 этого Постановления) Президентом РСФСР, она была одобрена (симптоматично, что не утверждена), но вместе с Постановлением не опубликована¹. В числе ее главных задач было названо «обеспечение суверенного права РСФСР осуществлять правосудие и уголовное преследование на своей территории в соответствии с собственным материальным и процессуальным правом» (п. 2 вышеназванного Постановления). На тот момент РСФСР входила в СССР, соответственно, судебная система РСФСР и законодательство РСФСР были – органически и юридически – составными частями судебной системы и законодательства СССР. Очевидно, что при разработке Концепции не предвиделся скорый спад СССР и предлагалось долгое и активное противостояние российских властей (прежде всего в его идеологово-правовом выражении) союзному центру.

В Концепции перечислялись 11 основных задач, концептуальное решение которых должно было обеспечить состоятельность самой судебной реформы, но о совершенствовании механизма комплектования судебского корпуса, да и вообще о судьях, там не упоминалось.

При этом в тексте Концепции отмечено лишь, причем в самых общих чертах, следующее: «край-угольным камнем преобразований будет несменяемость судей»; «представление кандидатур судей на должности председателей судов и другие судебные должности... должны быть прерогативами судебской корпорации». Также подчеркивалась необходимость запретить принадлежность судей к политическим организациям и движениям, образование партийных организаций в судах²; и указывалось, что «на Министерство юстиции РСФСР могут быть возложены следующие функции по формированию судебского корпуса: определение кадровой потребности судов; внесение представлений о введении дополнительных судебских должностей; подбор вне судебной системы кандидатов на судебские должности и их рекомендация органам судебской корпорации для

оценки пригодности к судебной работе; прогнозирование необходимой численности обучающихся в системе высшего юридического образования...; определение числа мест для стажировок будущих судей...; создание и организация учреждений, обеспечивающих повышение квалификации судей; ведение статистического и персонального учета сведений о судебских кадрах».

Поэтому в работе, посвященной анализу внедрения положений Концепции, весьма скромно говорилось о несменяемости судей, о первом пятилетнем сроке назначения мировых судей и о том, что в процедуре назначения судей так и не предусмотрены заключения соответствующих палат парламента. При этом признано, что реализованная (и то лишь частично) и озвученная в Концепции идея о том, что представление кандидатур судей на должности председателей судов и другие судебные должности должны быть прерогативой судебской корпорации, себя не оправдала и что необходимо отказаться от монополии судебского сообщества в данной сфере [49, с. 22–23].

Словом, серьезным ориентиром, а тем более программным документом в вопросе создания эффективного организационно-правового механизма отбора кандидатов на должности судей и наделения их судебскими полномочиями Концепция судебной реформы не стала. Соответственно, незначительную роль в этом вопросе сыграли и указы Президента РФ от 22 ноября 1994 г. № 2100 «О мерах по реализации Концепции судебной реформы в Российской Федерации» и от 23 мая 1995 г. № 521 «О некоторых организационных мерах по ускорению проведения судебной реформы в Российской Федерации».

Важно отметить, что в научной литературе сама Концепция судебной реформы подвергалась (в тот период) серьезной критике [78]. И сегодня, по прошествии длительного времени со дня ее одобрения Верховным Советом РСФСР, к ней можно предъявить серьезные претензии (вместе с тем при наличии в ней множества положительных моментов).

Знаковым для статуса российских судей постсоветского периода является Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-І «О статусе судей в Российской Федерации»², статья 1 которого, именуемая «Судьи – носители судебной власти», провозгласила следующее: судебная власть в Российской Федерации принадлежит только судам в лице судей и привлекаемых в установленных законом случаях к осуществлению правосудия представителей народа; судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей; судьями являются лица, наделенные в конституционном порядке полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе; судьи независимы и подчиняются только

¹ Была опубликована в 1922 году издательством «Республика».

² Ведомости СНД и ВС РФ, 1992. № 30, ст. 1792.

Конституции РФ и закону, и в своей деятельности по осуществлению правосудия они никому не подотчетны; проявление неуважения к суду или судьям влечет установленную законом ответственность, а требования и распоряжения судей при осуществлении ими полномочий обязательны для исполнения всеми лицами без исключения, государственными органами, общественными объединениями, должностными лицами, другими юридическими и физическими лицами; информация, документы и их копии, необходимые для осуществления правосудия, представляются по требованию судей безвозмездно, неисполнение требований и распоряжений судей влечет установленную законом ответственность.

Значимой и сегодня служит статья 2 этого Закона, именуемая «Единство статуса судей», в которой указывалось, что все судьи в РФ обладают единым статусом, а особенности правового положения некоторых категорий судей, включая судей военных судов, определяются федеральными законами, а в случаях, предусмотренных федеральными законами, – также законами субъектов РФ. Особенности правового положения судей Конституционного Суда РФ определяются федеральным конституционным законом. Судьям в зависимости от занимаемой должности, стажа работы в должности судьи и иных предусмотренных законом обстоятельств присваиваются квалификационные классы. Присвоение судье квалификационного класса не означает изменение его статуса относительно других судей в Российской Федерации.

Четко были названы требования, предъявляемые к судье, в частности: судья обязан неукоснительно соблюдать Конституцию РФ и другие законы. Он при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалять авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности.

Большое значение имело в то время закрепление законом недопустимости вмешательства в деятельность судьи. Было установлено, что всякое вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия преследуется по закону, при этом судья не обязан давать каких-либо объяснений по существу рассмотренных или находящихся в производстве дел, а также представлять их кому бы то ни было для ознакомления, иначе как в случаях и порядке, предусмотренных процессуальным законом.

В этом Законе также закреплялись сроки полномочий судьи, провозглашалась его несменяемость, раскрывались основания и порядок приостановления и прекращения полномочий судьи, его неприкосновенность (п. 3 ст. 16 Закона, устанавливающий, кто принимает решения по вопросу о возбуждении уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого по другому

уголовному делу, был предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ [66]), обозначалось право на поддержание уровня квалификации, необходимого для осуществления полномочий судьи и др.

Одним из документов, раскрывающих судейско-статусные (морально-этического плана) характеристики судьи, послужил Утвержденный Постановлением Совета судей РФ от 21 октября 1993 г. Кодекс чести судьи Российской Федерации [70, с. 9–10] (впоследствии преобразованный в Кодекс судейской этики), который, как указывалось в его преамбуле, устанавливает правила поведения судьи в профессиональной и внеслужебной деятельности, обязательные для каждого судьи РФ, независимо от занимаемой должности, а также для судей, находящихся в отставке, но сохранивших звание судьи и принадлежность к судейскому сообществу.

Несмотря на то что судейское сообщество России и его органы законодательное оформление обрели лишь с принятием Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»¹, высший и иные органы судейского сообщества страны действовали смело и энергично.

После принятия в 1992 году Закона о статусе судей к настоящему времени в него было внесено более 60 изменений и дополнений. Некоторые из них ситуативны, некоторые малозначимы либо просто редакционны. Но есть немало и сущностных, имеющих принципиальное значение, например: в часть 4 статьи 1 Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ было добавлено положение о том, что в своей деятельности по осуществлению правосудия судьи никому не подотчетны; пункт 1 статьи 2 Закона был дополнен подпунктом: «Особенности правового положения судей Конституционного Суда Российской Федерации определяются федеральным конституционным законом»; были введены статья 7.1 «Исполнение обязанностей судьи» и в новой редакции – статья 13 «Приостановление полномочий судьи» и статья 14 «Прекращение полномочий судьи»; была серьезно скорректирована статья 6 «Порядок наделения судей полномочиями» (и позднее она неоднократно изменялась). А в Федеральный закон от 15.12.2001 № 169-ФЗ были введены статья 6.1 «Порядок наделения полномочиями и прекращения полномочий председателей и заместителей председателей судов» и статья 6.2 «Полномочия председателей и заместителей председателей судов» (также впоследствии неоднократно изменяемые).

Изменения в Закон о статусе судей, внесенные Федеральным законом от 5 апреля 2005 г. № 33-ФЗ, на первый взгляд незначительны, прежде всего это касается положения о том, что по результатам рассмотрения всех документов, представленных гражданами, претендующими на должность судьи, Квалификационная коллегия судей (ККС) принимает

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002, № 30, ст. 3013.

решение о рекомендации одного претендента на должность судьи. Слова «одного из» были заменены словами «одного из нескольких». Таким образом, ККС на одно вакантное место судьи могла рекомендовать несколько претендентов, что оставляет открытый вопрос: а кто выбирает одного кандидата на единственную вакантную должность судьи из нескольких (не говоря уже о параметрах, которыми этот выбирающий должен руководствоваться)?

С принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 274-ФЗ (в связи с принятием Федерального закона «О противодействии коррупции») в Закон о статусе судей было внесено немало изменений в части механизма комплектования судебского корпуса России. Так, были изменены требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи.

Позднее последовали и иные корректировки Закона о статусе судей, в той или иной мере определяющие различные статусные характеристики российских судей. И нет никаких сомнений в том, что этот процесс будет продолжаться и в будущем, в том числе в отдаленном и далеком.

Научно-технический прогресс уже сейчас серьезно влияет на данный процесс посредством воздействия нейросетей, искусственного интеллекта [17]. Следует надеяться, что и в будущем вопрос о замене судьи-человека судьей-роботом не возникнет.

Но определенную, а то и существенную помощь судье-человеку в осуществлении им справедливого правосудия искусственный интеллект может, в том числе в психологическом аспекте, в реализации важнейшей потребности для судьи вынести максимально (вряд ли это слово полностью здесь уместно, но другого не отыскать) справедливый судебный акт.

Пределы судебского усмотрения

Важное (если не важнейшее) место в статусных характеристиках судьи занимает проблематика пределов его полномочий в ходе непосредственной правосудной работы. Существующие в настоящее время конституционные и законодательные принципы судопроизводства вводят, естественно, определенные, подчас императивные, ограничения для судей, как в ходе судебного процесса, так и при принятии судебного акта. Так было издавна, еще более фундаментально это действует в настоящее время. И этот «люфт» для судьи, этот сегмент его правосудной деятельности в рамках названных ограничений в последние годы серьезно исследован юридической наукой. Одной из классических научных работ по проблеме судебского усмотрения является монография Председателя Верховного Суда Израиля Барака Аарона, опубликованная в переводе с английского языка на русский в 1999 году благодаря усилиям Председателя Конституционного Суда РФ, чл.-корр. РАН М. В. Баглай с его вступительной в данной монографии статьей [8]. Серьезный научный и практический

интерес представляют рассмотренные в этой монографии характеристики судебского усмотрения – его определение, предмет, пределы и др.

Позже российскими учеными были опубликованы несколько монографических работ, посвященных проблематике судебского усмотрения [10; 64; 76]. Также по этой проблематике защищались диссертации [23; 28; 65], организовывались и проводились конференции [75]. Характерной стороной проводимых в контексте анализа судебского усмотрения (практически равного – судебного – с многократно рассмотренной разницей между этими понятиями) исследований выступает изучение *внешних устремлений*: как, в чем, когда, при каких условиях и т. д. судья может / не может преступить границу законодательных закреплений при осуществлении им правосудия.

Вплотную к проблематике судебского усмотрения примыкают и вопросы внутреннего убеждения судьи [77]; дискреционных полномочий судей [38]; судебного право- и нормотворчества [25; 38]. И в целом в этих (и иных) работах исследовалась – также глубоко и многосторонне – проблематика внешних устремлений (возможности/невозможности) судьи при непосредственном осуществлении им правосудия.

Но у судебского (судебного) усмотрения есть и иная – внутренняя – сторона. Не выходя за пределы дозволенного (законом и сложившейся судебной практикой), судья тем не менее волен как вести судебный процесс, так и выносить судебный акт в весьма широком диапазоне возможностей, не нарушая при этом ни закона, ни иных нормативных предписаний, ни сложившейся судебной практики, ни актов органов судебского сообщества, а реализуя свой, судебско-творческий потенциал, разумеется – в меру своих способностей. Всё это – составная часть статусных характеристик судьи.

И этот диапазон в целом широк, причем для всех видов судопроизводств, что и более рельефно проявляется в УК РФ и в Кодексе РФ об административных правонарушениях.

Так, часть 1 статьи 6, именуемой «Принцип справедливости» УК РФ, провозглашает: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». И руководствуясь этим принципом, в рамках статьи 62 УК РФ, именуемой «Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств» (перечисленных в подп. а–к п. 1 ст. 61 УК РФ), и статьи 63 УК РФ, именуемой «Обстоятельства, отягчающие наказание» (перечисленные в подп. а–у ч. 1), учитывая перечень основных и дополнительных наказаний, перечисленных в пунктах а–н ст. 44 УК РФ, судья при определении срока наказания подсудимому выбирает: согласно статье 54 УК РФ, именуемой

«Арест», которая устанавливает содержание осужденного в условиях строгой изоляции, срок ареста от 1 до 6 месяцев; согласно части 2 статьи 56 УК РФ – от 2 месяцев до 20 лет.

При этом сроки, указываемые судьей в приговоре, с учетом сказанного, исчисляются в лучшем случае месяцами, а чаще – годами. Но ведь соблюдая в полном объеме по своей глубинной сущности принцип справедливости, учитывая все обстоятельства по конкретному судебному делу, судья может отойти от обыкновения и назначить, к примеру, срок лишения свободы с точностью до недели и даже дня (а для отбывающего уголовное наказание даже один час пребывания в колонии – срок долгий). Так, часть 1 статьи 4.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях (в ред. от 14.04.2023 № 122-ФЗ) гласит: «Сроки, предусмотренные настоящим Кодексом, исчисляются часами, сутками, днями, месяцами, годами».

Сходна ситуация уголовного наказания, в определенной мере, с ситуацией с наказанием за административные правонарушения. Статья 3.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях (в ред. от 03.02.2025) определяет административный штраф как вид административного наказания. И этот кодекс в качестве штрафа указывает зачастую: «от... до...», и «люфт» здесь, на усмотрение судьи, значителен.

Разумеется, здесь (в обоих видах правонарушений) требуется объемная, комплексная и вместе с тем филигранная работа (в идеале – с использованием информации, находящейся за пределами судебного дела). Это относится не только к подсудимому или административному ответчику (с целью выявления глубинной сущности его личности), но и к потерпевшим, общественному мнению и т. д.

Для российского судьи, в силу его чрезмерной судебской занятости, это практически неподъемная задача. Но, как бы то ни было, юридическая наука уделяет должное внимание методологии судебного познания, включающего в себя и максимальную точность соответствия вынесенного по делу судебного акта содеянному. В частности, следует согласиться с С. М. Амосовым, указавшим: «И если в теоретических рассуждениях легко осваивать самые тонкие качества права, давать ему аранжировку в философской, логической, исторической и экономической среде, то конкретная правовая квалификация состояний и действий часто не выдерживает высокого уровня гармонии и отражает использование только какой-то одной правовой составляющей. Принятые в таком случае судебные решения выглядят неуклюже, будучи схематично правильными, вызывают отрицательное отношение в обществе. В этом плане освоение методологии судебного познания позволяет понять механизм мыслительной деятельности судьи от первичного ознакомления с материалами дела до завершающего решения» [5, с. 182–183]. Проблематика судебского усмотрения исследуется и путем эмпирических наблюдений: анализируется статистика, проводятся анкетные опросы, экспертные

интервью [36], также особенности профессионального мышления судей изучаются посредством использования последних достижений когнитивных наук [83].

Заключение

В заключении следует отметить, что анализ правового содержания отдельных государственно-правовых институтов, в частности статуса судей, позволяет предложить аргументы для дискурсов о значимости отечественных политico-правовых ценностей, формирующих доктрину российской державности. Важность таких исследований основана на том, что в современном политico-правовом дискурсе отчетливо прослеживается тенденция к трансформации концептуальных основ правосудия, размываются грани допустимого и дозволенного.

Исследование статуса лица, в силу закона легитимизующего его право на осуществление правосудия, представляет собой создание конструкта, элементами которого являются политico-правовые основы, имеющие глубокие исторические корни в российском государстве и относящиеся к институтам, которые достаточно часто становятся предметом правовых исследований. При этом следует отметить, что находящиеся в разных плоскостях исследования основ статуса судьи предполагают их перманентность. Исключительность требований к судье основана на том, что, в отличие от большинства лиц, реализующих полномочия в системе законодательной и исполнительной власти, он реализует эту власть, за редким исключением, лично. Это делает обязательным предельно очевидные требования к нему не только как к профессиональному, но и как гражданину, обеспечивающему в каждом своем решении реализацию принципов справедливости и законности. Именно от его деятельности зависит степень доверия граждан к закону и действиям государства.

Библиографический список

1. Авдеева О. А. Судебная система Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX в. (историко-правовое исследование). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1999. 204 с.
2. Авдеева О. А. Судебная система Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX вв. (сравнительный анализ общеимперских и региональных начал): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 23 с.
3. Авдеева О. А. Эволюция судебной системы инородцев Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX вв. // История государства и права. 2000. № 3. С. 22–25.
4. Алексеевская Е. И. Законы развития судебной системы. М.: Юстицинформ, 2016. 148 с.
5. Амосов С. М. Судебное познание в арбитражном процессе. М.: Рос. акад. правосудия (РАП), 2003. 240 с.

6. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин; Нац. обществ.-науч. фонд. М.: Мысль, 1999. Т. 1. Античность. Восточные цивилизации. 749 с.
7. Бабенко В. Н. Судебная система России: история и современность / РАН. ИНИОН; М-во юстиции РФ. Рос. правовая акад. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РПА Минюста России, 2007. 263 с.
8. Барак А. Судейское усмотрение: пер. с англ. М.: НОРМА, 1999. 377 с.
9. Баренбойм П. Первая Конституция Мира. Библейские корни независимости суда: учеб. пособие. М.: Белые альвы, 1997. 141 с.
10. Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект. М.: Проспект, 2022. 128 с.
11. Боленко К. Г. Верховный уголовный суд в системе российских судебных учреждений первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 29 с.
12. Большакова В. М. Развитие судебной системы как предмет исследования в позднеклассической науке // Государство и право. 2024. № 1. С. 197–204.
13. Бочкарев В. Дореформенный суд // Судебная реформа: в 5 т. / под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. М.: Объединение, 1915. Т. 1. С. 205–241.
14. Бурдина Е. В. Органы судейского сообщества в судебной системе России: Монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 398 с.
15. Буркин А. И. Становление и развитие судебных органов в период русского централизованного государства (IX – XVII вв.) // Судья. 2013. Вып. 9. С. 56–64.
16. Виниченко О. Ю., Филонова О. И. Модернизация судебной власти в период нэпа. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2013. 172 с.
17. Виноградова Е. В. Информационные инструменты в праве. LegalTech, LawTech и RegTech // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 14–21.
18. Виноградова Е. В. Формирование правового статуса органа судебного конституционного контроля Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 43–45.
19. Власов В. И. История судебной власти. М.: Юристъ, 2004. Кн. 2 (1917–2003 годы). 643 с.
20. Воронов В. А. Эволюция статуса судей в законодательстве Российской империи первой половины XIX в. // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016 гг.): сб. науч. тр. Екатеринбург: УрГЮУ, 2016. Т. 3. С. 15–19.
21. Воропанов В. А. Правовое регулирование порядка отбора и назначения лиц на должности судей и судебных представителей дворянского сословия в законодательстве Российской империи первой половины XIX века // Администратор суда. 2013. № 1. С. 30–33.
22. Горбуз А. К., Краснов М. А., Мишина Е. А., Саттаров Г. А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. СПб.: Норма, 2016. 480 с.
23. Грачева Ю. В. Судебное усмотрение в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 32 с.
24. Григорьев О. В. Осуществление правосудия в российской армии до реформы Петра I // Военно-юридический журнал. 2009. № 10. С. 26–30.
25. Гук П. Судебное нормотворчество: теория и практика: монография. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 188 с.
26. Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. М.: Статут, 2004. 52 с.
27. Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского процесса. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 283 с.
28. Ермакова К. П. Пределы судебного усмотрения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 26 с.
29. Ермошин Г. Т. Статус судьи в Российской Федерации: научная категория и конкретизация в законодательстве: монография. М.: РГУП, 2015. 434 с.
30. Ермошин Г. Т. Статус судьи в Российской Федерации. Социально-правовые аспекты: монография. М.: Рос. акад. правосудия (РАП), 2010. 215 с.
31. Ильина Т. Н. Кадровое обеспечение судебных учреждений в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: институт кандидатов на должности по судебному ведомству // Администратор суда. 2010. № 2. С. 189–194.
32. История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. Т. 4: Суд в Российской империи в 1725–1864 гг. 656 с.
33. История суда и правосудия в России: монография: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В. М. Сырых. Т. 1: Законодательство и правосудие в Древней Руси (IX – середина XV века) / отв. ред. тома Д. В. Дождев, А. В. Мартышин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 640 с.
34. История суда и правосудия в России: монография: в 9 т. / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. Т. 9: История конституционного правосудия в России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 632 с.
35. История судебной системы в России: учеб. пособие для студентов вузов / Ю. П. Титов [и др.]; под ред. Ю. П. Титова. 2-е изд. М.: Проспект, 2011. 288 с.
36. Как судьи принимают решение: эмпирические исследования права / под ред. В. В. Волкова. М.: Статут, 2012. 368 с.
37. Карабанов А. Л. Советская и современная российская система правосудия. Сравнительный историко-правовой анализ: монография. М.: ЮНИТИДАНА, 2019. 144 с.
38. Кириллова А. Д. Дискреционные полномочия в правоприменительной деятельности судей:

теоретико-правовое исследование. СПб.: Юрид. центр, 2017. 182 с.

39. Клеандров М. И. Локальный суд для высшей школы: исторический опыт законодательного решения // Проблемы юридической ответственности: история и современность: ст. по итогам Всерос. науч.-прав. конф. / под ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2004. С. 146–156.

40. Клеандров М. И. О первоначальных истоках справедливого правосудия в человеческой цивилизации // Российское правосудие. 2022. № 1. С. 50–58.

41. Клеандров М. И. Правовые основы статуса судей: курс лекций. М.: Российская академия правосудия, 2010. 256 с.

42. Клеандров М. И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. М.: Норма, 2008. 446 с.

43. Клеандров М. И. Статус судьи: учеб. пособие. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 2000. 444 с.

44. Клеандров М. И. Судья – центральное звено судебной системы: учебное пособие. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. 232 с.

45. Кодинцев А. Я. Кадровая кампания в системе органов юстиции СССР в 1946–1955 гг. // Администратор суда. 2009. № 3. С. 66–69.

46. Кодинцев А. Я. Кадровый состав советских судов в 1941–1945 годах // Администратор суда. 2011. № 11. С. 35–42.

47. Кодинцев А. Я. Материальное обеспечение судебной деятельности в СССР в послевоенный период (1946–1956 гг.) // Администратор суда. 2011. № 2. С. 35–40.

48. Кожевников М. В. История советского суда. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 376 с.

49. Краснов М. А. Судебная реформа: от Концепции 1991 г. до сегодняшнего дня (попытка инвентаризации): доклад. М.: Ин-т права и публич. политики, 2001. 67 с.

50. Крыленко Н. В. Советское правосудие. Суд и прокуратура в СССР. 2-е изд. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. 24 с.

51. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. / науч. консультант проекта Е. А. Скрипилев / отв. ред. А. В. Наумов. М.: Мысль, 2003. Т. II: От Свода законов к судебной реформе 1864 г. 798 с.

52. Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 736 с.

53. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2024. 448 с.

54. Мигунова Т. Л. Право, администрация и суд в реформе Екатерины Великой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 411 с.

55. Мигунова Т. Л. Совестный суд Екатерины II // Закон и право. 2007. № 2. С. 116–120.

56. Мигунова Т. Л. Учреждение совестного суда в России // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 3 (61). С. 228–232.

57. Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М.: Проспект, 2010. 128 с.

58. Модернизация статуса судьи: современные международные подходы / отв. ред. Т. Н. Нешатаева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 335 с.

59. Монтескье Ш. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина. М.: Госполитиздат, 1955. 800 с.

60. Мурадьян Э. М. Судебное право. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 567 с.

61. Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 40 с.

62. Нидерле Л. Славянские древности / пер. с чеш. Т. Ковалевой и М. Хазанова; ред. А. Л. Монгайт. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. 784 с.

63. Обухов В. В. Правовые основы организации и деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 228 с.

64. Папкова О. А. Усмотрение суда. М.: Статут, 2005. 441 с.

65. Пивоварова А. А. Правосознание и усмотрение судьи: соотношение понятий, роль при назначении наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. 20 с.

66. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 1996 г. № 6-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2. С. 21–25.

67. Радутная Н. В. Народный судья. Профессиональное мастерство и подготовка. М.: Юрид. лит., 1977. 144 с.

68. Рожнов А. А. Виды судов в Московском государстве во второй половине XVI – XVII в. // Российский судья. 2015. № 11. С. 37–40.

69. Самсонов А. А. Новгородский совестный суд // История государства и права. 2015. № 6. С. 42–47.

70. Сборник нормативных актов о суде и статусе судей Российской Федерации. Вып. 1. М.: Норма: ИНФРА-М, 1997. 255 с.

71. Серов Д. О. Судебная реформа Петра I. Историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2009. 488 с.

72. Слободянюк И. П. Суд и закон в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.): монография. М.: Изд-во РГТЭУ, 2005. 289 с.

73. Соседов Е. А. Становление и деятельность судебных органов в условиях новой экономической политики. 1922–1928 гг.: историко-правовое исследование (на примере Тамбовской губернии). Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2013. 509 с.

74. Стецовский Ю. И. Судебная власть: учеб. пособие. М.: Дело, 1999. 398 с.

75. Судейское усмотрение: понятие, основания, пределы: материалы VI Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Москва, 19 марта 2015 г.) / отв. ред. О. А. Егорова, Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2015. 176 с.
76. Тарусина Н. Н. О судебном усмотрении: заметки семейноведа. Ярославль: Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2011. 288 с.
77. Телятников В. И. Убеждение судьи. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 331 с.
78. Темушкин О. Реформа, повернутая вспять... // Дело и право. 1996. № 4. С. 12–26.
79. Терехин В. А. Суд в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека: теория и практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 350 с.
80. Тиганов А. И. Правовой статус судей России в XVII – начале XX века: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2012. 28 с.
81. Туманова Л. В. Статус судьи в Российской Федерации: учеб. пособие. М.: Проспект, 2020. 400 с.
82. Филонова О. И. Роль правосознания судей в модернизации РСФСР в 1921–1929 гг. // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 3. С. 199–205.
83. Цветков Ю. А. Игры, в которые играют судьи. Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 383 с.
84. Шахрай С. М., Krakovskiy K. P. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию судебной реформы в России. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014. 568 с.
85. Шкаревский Д. Ш. К вопросу об эволюции кадрового состава специальных транспортных судов в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016 гг.): сб. науч. тр. / отв. ред. А. С. Смыкалин. Екатеринбург: УрГЮУ, 2016. Т. 3. С. 885–888.
86. Яковлев В. Ф., Семигин Г. Ю. Экономическое (коммерческое) правосудие в России: в 4 т. М.: Юристъ, 2004. Т. 4. 886 с.

References

1. Avdeeva O. A. *Sudebnaya sistema Vostochnoy Sibiri v XVII – pervoy polovine XIX v. (istoriko-pravovoe issledovanie)* [The Judicial System of Eastern Siberia in the 17th – First Half of the 19th Centuries (Historical-Legal Research)]. Irkutsk, 1999. 204 p. (In Russ.).
2. Avdeeva O. A. *Sudebnaya sistema Vostochnoy Sibiri v XVII – pervoy polovine XIX vv. (sравнительный анализ общечемпирских и региональных наследий)*: автoref. дис. ... канд. юрид. наук [The Judicial System of Eastern Siberia in the 17th – First Half of the 19th Centuries (A Comparative Analysis of All-Imperial and Regional Principles): Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2001. 23 p. (In Russ.).
3. Avdeeva O. A. *Evolyutsiya sudebnoy sistemy inorodtsev Vostochnoy Sibiri v XVII – pervoy polovine XIX vv.* [Evolution of the Judicial System of Indigenous Peoples of Eastern Siberia in the 17th – First Half of the 19th Centuries]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 2000. Issue 3. Pp. 22–25. (In Russ.).
4. Alekseevskaya E. I. *Zakony razvitiya sudebnoy sistemy* [Laws of the Development of the Judicial System]. Moscow, 2016. 148 p. (In Russ.).
5. Amosov S. M. *Sudebnoe poznanie v arbitrazhnom protsesse* [Judicial Cognition in Commercial Proceedings]. Moscow, 2003. 240 p. (In Russ.).
6. Antologiya mirovoy pravovoy mysli [Anthology of World Legal Thought]: in 5 vols. Moscow, 1999. Vol. 1: Antichnost'. Vostochnye tsivilizatsii [Antiquity. Eastern Civilizations]. 749 p. (In Russ.).
7. Babenko V. N. *Sudebnaya sistema Rossii: istoriya i sovremennost'* [The Judicial System of Russia: History and Modernity]. 2nd ed., rev. and exp. Moscow, 2007. 263 p. (In Russ.).
8. Barak A. *Sudeyskoe usmotrenie* [Judicial Discretion]. Transl. from Eng. Moscow, 1999. 377 p. (In Russ.).
9. Barenboym P. *Pervaya Konstitutsiya Mira. Bibleyskie korni nezavisimosti suda* [The First Constitution of the World. Biblical Roots of Judicial Independence]: a textbook. Moscow, 1997. 141 p. (In Russ.).
10. Berg L. N. *Sudebnoe usmotrenie i ego predely: obshcheteoreticheskiy aspekt* [Judicial Discretion and Its Limits: A General Theoretical Aspect]. Moscow, 2022. 128 p. (In Russ.).
11. Bolenko K. G. *Verkhovnyy ugolovnyy sud v sisteme rossiyskikh sudebnykh uchrezhdeniy pervoy poloviny XIX veka: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk* [The Supreme Criminal Court in the System of Russian Judicial Institutions of the First Half of the 19th Century: Synopsis of Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2009. 29 p. (In Russ.).
12. Bol'shakova V. M. *Razvitie sudebnoy sistemy kak predmet issledovaniya v pozdneklassicheskoy nauke* [Development of the Judicial System as a Subject of Research in Late-Classical Science]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2024. Issue 1. Pp. 197–204. (In Russ.).
13. Bochkarev V. *Doreformennyy sud* [Pre-Reform Court]. *Sudebnaya reforma* [Judicial Reform]: in 5 vols. Moscow, 1915. Vol. 1. Pp. 205–241. (In Russ.).
14. Burdina E. V. *Organy sudeyskogo soobshchestva v sudebnoy sisteme Rossii* [Bodies of the Judicial Community in the Judicial System of Russia]: a monograph. Moscow, 2016. 398 p. (In Russ.).
15. Burkin A. I. *Stanovlenie i razvitiye sudebnykh organov v period russkogo tsentralizovannogo gosudarstva (IX – XVII vv.)* [The Formation and Development of Judicial Bodies in the Period of the

- Russian Centralized State (9th – 17th Centuries)]. *Sud'ya – Judge*. 2013. Issue 9. Pp. 56–64. (In Russ.).
16. Vinichenko O. Yu., Filanova O. I. *Modernizatsiya sudebnoy vlasti v period nepa* [Modernization of Judicial Power during the NEP Period]. Kurgan, 2013. 172 p. (In Russ.).
17. Vinogradova E. V. *Informatsionnye instrumenty v prave. LegalTech, LawTech i RegTech* [Information Tools in Law. LegalTech, LawTech and RegTech]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* – Legal Policy and Legal Life. 2023. Issue 1. Pp. 14–21. (In Russ.).
18. Vinogradova E. V. *Formirovanie pravovogo statusa organa sudebnogo konstitutsionnogo kontrolya Rossiyskoy Federatsii* [The Formation of the Legal Status of the Body of Judicial Constitutional Control of the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* – Law and State: the Theory and Practice. 2020. Issue 1 (181). Pp. 43–45. (In Russ.).
19. Vlasov V. I. *Istoriya sudebnoy vlasti* [History of Judicial Power]. Moscow, 2004. Book 2: 1917–2003. 643 p. (In Russ.).
20. Voronov V. A. *Evolutsiya statusa sudey v zakonodatel'stve Rossiyskoy imperii pervoy poloviny XIX v.* [Evolution of the Status of Judges in the Legislation of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century]. *Evolutsiya rossiyskogo i zarubezhnogo gosudarstva i prava. K 80-letiyu kafedry istorii gosudarstva i prava Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta (1936–2016 gg.)* [Evolution of Russian and Foreign State and Law. On the occasion of the 80th anniversary of the Department of History of State and Law at the Ural State Law University (1936–2016)]: a collection of scientific papers. Yekaterinburg, 2016. Vol. 3. Pp. 15–19. (In Russ.).
21. Voropanov V. A. *Pravovoe regulirovanie poryadka otbora i naznacheniya lits na dolzhnosti sudey i sudebnykh predstaviteley dvoryanskogo sosloviya v zakonodatel'stve Rossiyskoy imperii pervoy poloviny XIX veka* [Legal Regulation of the Procedure for Selection and Appointment of Persons to the Positions of Judges and Judicial Representatives of the Nobility in the Legislation of the Russian Empire of the First Half of the 19th Century]. *Administrator suda* – Court's Administrator. 2013. Issue 1. Pp. 30–33. (In Russ.).
22. Gorbuz A. K., Krasnov M. A., Mishina E. A., Sattarov G. A. *Transformatsiya rossiyskoy sudebnoy vlasti. Opyt kompleksnogo analiza* [Transformation of Russian Judicial Power. An Experience of Complex Analysis]. St. Petersburg, 2016. 480 p. (In Russ.).
23. Gracheva Yu. V. *Sudebnoe usmotrenie v ugovolnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial Discretion in Criminal Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2002. 32 p. (In Russ.).
24. Grigor'ev O. V. *Osushchestvlenie pravosudiya v rossiyskoy armii do reformy Petra I* [Administration of Justice in the Russian Army Before Peter I's Reform]. *Voenno-yuridicheskiy zhurnal* – Military-Law Journal. 2009. Issue 10. Pp. 26–30. (In Russ.).
25. Guk P. *Sudebnoe normotvorchestvo: teoriya i praktika* [Judicial Lawmaking: Theory and Practice]: a monograph. Saarbrücken, 2012. 188 p. (In Russ.).
26. Dzhanshiev G. A. *Osnovy sudebnoy reformy (k 25-letiyu novogo suda)*. *Istoriko-yuridicheskie etyudy* [Foundations of Judicial Reform (on the occasion of the 25th anniversary of the new court)]. Historical-Juridical Sketches]. Moscow, 2004. 52 p. (In Russ.).
27. Duvernius N. *Istochniki prava i sud v Drevney Rossii. Opyty po istorii russkogo grazhdanskogo protsessa* [Sources of Law and Court in Ancient Russia. Essays on the History of Russian Civil Procedure]. St. Petersburg, 2004. 283 p. (In Russ.).
28. Ermakova K. P. *Predely sudebnogo usmotreniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Limits of Judicial Discretion: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2010. 26 p. (In Russ.).
29. Ermoshin G. T. *Status sud'i v Rossiyskoy Federatsii: nauchnaya kategoriya i konkretizatsiya v zakonodatel'stve* [The Status of a Judge in the Russian Federation: The Scientific Category and Specification in Legislation]: a monograph. Moscow, 2015. 434 p. (In Russ.).
30. Ermoshin G. T. *Status sud'i v Rossiyskoy Federatsii. Sotsial'no-pravovye aspekty* [The Status of a Judge in the Russian Federation. Socio-Legal Aspects]: a monograph. Moscow, 2010. 215 p. (In Russ.).
31. Il'ina T. N. *Kadrovoe obespechenie sudebnykh uchrezhdeniy v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: institut kandidatov na dolzhnosti po sudebnomu vedomstvu* [Personnel Provision for Judicial Institutions in the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: The Institute of Candidates for Positions in the Judicial Department]. *Administrator suda* – Court's Administrator. 2010. Issue 2. Pp. 189–194. (In Russ.).
32. *Istoriya suda i pravosudiya v Rossii* [History of Court and Justice in Russia]: in 9 vols. Moscow, 2021. Vol. 4: Sud v Rossiyskoy imperii v 1725–1864 gg. [Court in the Russian Empire in 1725–1864]. 656 p. (In Russ.).
33. *Istoriya suda i pravosudiya v Rossii* [History of Court and Justice in Russia]: in 9 vols. Moscow, 2020. Vol. 1: *Zakonodatel'stvo i pravosudie v Drevney Rusi (IX – seredina XV veka)* [Legislation and Justice in Ancient Rus' (the 9th – Middle 15th Centuries)]. 640 p. (In Russ.).
34. *Istoriya suda i pravosudiya v Rossii* [History of Court and Justice in Russia]: in 9 vols. Moscow, 2022. Vol. 9: *Istoriya konstitutsionnogo pravosudiya v Rossii* [History of Constitutional Justice in Russia]. 632 p. (In Russ.).
35. *Istoriya sudebnoy sistemy v Rossii* [History of the Judicial System in Russia]: a textbook for university students. 2nd ed. Moscow, 2011. 288 p. (In Russ.).
36. *Kak sud'i primayut reshenie: empiricheskie issledovaniya prava* [How Judges Make Decisions: Empirical Studies of Law]. Ed. by V. V. Volkov. Moscow, 2012. 368 p. (In Russ.).
37. Karabanov A. L. *Sovetskaya i sovremennaya rossiyskaya sistema pravosudiya. Sravnitel'nyy istoriko-*

pravovoy analiz [The Soviet and Modern Russian System of Justice. A Comparative Historical-Legal Analysis]: a monograph. Moscow, 2019. 144 p. (In Russ.).

38. Kirillova A. D. *Diskretionnye polnomochiya v pravoprimeritel'noy deyatel'nosti sudey: teoretiko-pravovoe issledovanie* [Discretionary Powers in the Law-Enforcement Activities of Judges: Theoretical-Legal Research]. St. Petersburg, 2017. 182 p. (In Russ.).

39. Kleandrov M. I. *Lokal'nyy sud dlya vysshay shkoly: istoricheskiy opyt zakonodatel'nogo resheniya* [Local Court for Higher School: Historical Experience of the Legislative Solution]. *Problemy yuridicheskoy otvetstvennosti: istoriya i sovremennost'* [Problems of Legal Responsibility: History and Modernity]: articles following an All-Russian scientific-legal conference. Tyumen, 2004. Pp. 146–156. (In Russ.).

40. Kleandrov M. I. *O pervonachal'nykh istokakh spravedlivogo pravosudiya v chelovecheskoy tsivilizatsii* [On the Initial Origins of Fair Justice in Human Civilization]. *Rossiyskoe pravosudie* – Russian Justice. 2022. Issue 1. Pp. 50–58. (In Russ.).

41. Kleandrov M. I. *Pravovye osnovy statusa sudey* [Legal Foundations of the Status of Judges]: a course of lectures. Moscow, 2010. 256 p. (In Russ.).

42. Kleandrov M. I. *Status sud'i: pravovoy i smezhnye komponenty* [The Status of a Judge: Legal and Related Components]. Moscow, 2008. 446 p. (In Russ.).

43. Kleandrov M. I. *Status sud'i* [The Status of a Judge]: a textbook. Novosibirsk, 2000. 444 p. (In Russ.).

44. Kleandrov M.I. *Sud'ya – tsentral'noe zveno sudebnoy sistemy* [Judge as a Central Link of the Judicial System]: a textbook. Tyumen, 1999. 232 p. (In Russ.).

45. Kodintsev A. Ya. *Kadrovyaya kampaniya v sisteme organov yustitsii SSSR v 1946–1955 gg.* [Personnel Campaign in the System of Justice Bodies of the USSR in 1946–1955]. *Administrator suda* – Court's Administrator. 2009. Issue 3. Pp. 66–69. (In Russ.).

46. Kodintsev A. Ya. *Kadrovy sostav sovetskikh sudev v 1941–1945 godakh* [Personnel of Soviet Courts in 1941–1945]. *Administrator suda* – Court's Administrator. 2011. Issue 11. Pp. 35–42. (In Russ.).

47. Kodintsev A. Ya. *Material'noe obespechenie sudebnoy deyatel'nosti v SSSR v poslevoennyy period (1946–1956 gg.)* [Material Maintenance of Judicial Activities in the USSR in the Post-War Period (1946–1956)]. *Administrator suda* – Court's Administrator. 2011. Issue 2. Pp. 35–40. (In Russ.).

48. Kozhevnikov M. V. *Istoriya sovetskogo suda* [History of the Soviet Court]. Moscow, 1948. 376 p. (In Russ.).

49. Krasnov M. A. *Sudebnaya reforma: ot Konseptsii 1991 g. do segodnyashnego dnya (popytka inventarizatsii)* [Judicial Reform: from the 1991 Concept to the Present Day (an attempt at inventory]): a report. Moscow, 2001. 67 p. (In Russ.).

50. Krylenko N. V. *Sovetskoe pravosudie. Sud i prokuratura v SSSR* [Soviet Justice. Court and Prosecutor's Office in the USSR]. 2nd ed. Moscow, 1937. 24 p. (In Russ.).

51. Kutafin O. E., Lebedev V. M., Semigin G. Yu. *Sudebnaya vlast' v Rossii: istoriya, dokumenty* [Judicial Power in Russia: History, Documents]: in 6 vols. Moscow, 2003. Vol. II: *Ot Svoda zakonov k sudebnoy reforme 1864 g. [From the Code of Laws to the Judicial Reform of 1864]*. 798 p. (In Russ.).

52. Mal'tsev G. V. *Mest' i vozmezdie v drevnem prave* [Revenge and Retribution in Ancient Law]: a monograph. Moscow, 2014. 736 p. (In Russ.).

53. Marchenko M. N. *Sudebnoe pravotvorchestvo i sudeyskoe pravo* [Judicial Lawmaking and Judge-Made Law]: a textbook. 2nd ed., rev. and exp. Moscow, 2024. 448 p. (In Russ.).

54. Migunova T. L. *Pravo, administratsiya i sud v reforme Ekateriny Velikoy* [Law, Administration and Court in the Reform of Catherine the Great]. St. Petersburg, 2002. 411 p. (In Russ.).

55. Migunova T. L. *Sovestnyy sud Ekateriny II* [Catherine II's Court of Conscience]. *Zakon i pravo – Law and Legislation*. 2007. Issue 2. Pp. 116–120. (In Russ.).

56. Migunova T. L. *Uchrezhdenie sovestnogo suda v Rossii* [Establishment of the Court of Conscience in Russia]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava* – Saratov State Law Academy Bulletin. 2008. Issue 3 (61). Pp. 228–232. (In Russ.).

57. Mikhaylovskaya I. B. *Sudy i sud'i: nezavisimost' i upravlyayemost'* [Courts and Judges: Independence and Manageability]. Moscow, 2010. 128 p. (In Russ.).

58. *Modernizatsiya statusa sud'i: sovremennye mezhdunarodnye podkhody* [Modernization of the Status of a Judge: Modern International Approaches]. Ed. by T. N. Neshataeva. Moscow, 2011. 335 p. (In Russ.).

59. Montesquieu Ch. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, 1955. 800 p. (In Russ.).

60. Murad'yan E. M. *Sudebnoe pravo* [Judicial Law]. St. Petersburg, 2007. 567 p. (In Russ.).

61. Nemytina M. V. *Sud v Rossii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Court in Russia: Second Half of the 19th – Early 20th Century: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1999. 40 p. (In Russ.).

62. Niederle L. *Slavyanskie drevnosti* [Slavic Antiquities]. Transl. from Czech by T. Kovaleva, M. Khananov; ed. by A. L. Mongait. Moscow, 1956. 784 p. (In Russ.).

63. Obukhov V. V. *Pravovye osnovy organizatsii i deyatel'nosti voennykh tribunalov voysk NKVD SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (istoriko-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Foundations of the Organization and Activities of Military Tribunals of the NKVD Troops of the USSR During the Great Patriotic War of 1941–1945 (Historical-Legal Research): Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2002. 228 p. (In Russ.).

64. Papkova O. A. *Usmotrenie suda* [Judicial Discretion]. Moscow, 2005. 441 p. (In Russ.).

65. Pivovarova A. A. *Pravosoznanie i usmotrenie sud'i: sootnoshenie ponyatiy, rol' pri naznachenii*

- nakazaniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal Consciousness and Judicial Discretion: Comparing the Concepts, the Role in Sentencing: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Samara, 2009. 20 p. (In Russ.).
66. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 7 marta 1996 g. № 6-P* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-R of March 7, 1996]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* – Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1996. Issue 2. Pp. 21–25. (In Russ.).
67. Radutnaya N. V. *Narodnyy sud'ya. Professional'noe masterstvo i podgotovka* [People's Judge. Professional Skill and Training]. Moscow, 1977. 144 p. (In Russ.).
68. Rozhnov A. A. *Vidy sudov v Moskovskom gosudarstve vo vtoroy polovine XVI – XVII v.* [Types of Courts in the Muscovite State in the Second Half of the 16th – 17th Centuries]. *Rossiyskiy sud'ya* – Russian Judge. 2015. Issue 11. Pp. 37–40. (In Russ.).
69. Samsonov A. A. *Novgorodskiy sovestnyy sud* [Novgorod Court of Conscience]. *Istoriya gosudarstva i prava* – History of State and Law. 2015. Issue 6. Pp. 42–47. (In Russ.).
70. *Sbornik normativnykh aktov o sude i statuse sudey Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Normative Acts on the Court and the Status of Judges of the Russian Federation]. Moscow, 1997. Issue 1. 255 p. (In Russ.).
71. Serov D. O. *Sudebnaya reforma Petra I. Istoriko-pravovoe issledovanie* [Judicial Reform of Peter I. Historical-Legal Research]. Moscow, 2009. 488 p. (In Russ.).
72. Slobodyanyuk I. P. *Sud i zakon v Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.)* [Court and Law in the Russian Empire (Second Half of the 18th – First Half of the 19th Centuries)]: a monograph. Moscow, 2005. 289 p. (In Russ.).
73. Sosedov E. A. *Stanovlenie i deyatel'nost' sudebnykh organov v usloviyah novoy ekonomicheskoy politiki. 1922-1928 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie (na primere Tambovskoy gubernii)* [The Formation and Activities of Judicial Bodies in Conditions of the New Economic Policy. 1922-1928: Historical-Legal Research (a case study of Tambov Province)]. Tambov, 2013. 509 p. (In Russ.).
74. Stetsovskiy Yu. I. *Sudebnaya vlast'* [Judicial Power]: a textbook. Moscow, 1999. 398 p. (In Russ.).
75. *Sudeyskoe usmotrenie: ponyatie, osnovaniya, predely* [Judicial Discretion: The Concept, Grounds, Limits]: proceedings of the VI Interregional Scientific-Practical Conference (Moscow, March 19, 2015). Moscow, 2015. 176 p. (In Russ.).
76. Tarusina N. N. *O sudebnom usmotrenii: zameтки semeynoveda* [On Judicial Discretion: Notes of a Family Law Specialist]. Yaroslavl, 2011. 288 p. (In Russ.).
77. Telyatnikov V. I. *Ubezhdenie sud'i* [Conviction of a Judge]. St. Petersburg, 2004. 331 p. (In Russ.).
78. Temushkin O. *Reforma, povernutaya vspyat'...* [Reform Turned Back...]. *Delo i pravo* – Business and Law. 1996. Issue 4. Pp. 12–26. (In Russ.).
79. Terekhin V. A. *Sud v gosudarstvenno-pravovom mehanizme obespecheniya prav i svobod cheloveka: teoriya i praktika* [Court in the State-Legal Mechanism for Ensuring Human Rights and Freedoms: Theory and Practice]: a monograph. Moscow, 2013. 350 p. (In Russ.).
80. Tiganov A. I. *Pravovoy status sudey Rossii v XVII – nachale XX veka: istoriko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [The Legal Status of Judges in Russia in the 17th – Early 20th Centuries: Historical-Legal Research: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Kursk, 2012. 28 p. (In Russ.).
81. Tumanova L. V. *Status sud'i v Rossiyskoy Federatsii* [The Status of a Judge in the Russian Federation]: a textbook. Moscow, 2020. 400 p. (In Russ.).
82. Filonova O. I. *Rol' pravosoznaniya sudey v modernizatsii RSFSR v 1921-1929 gg.* [The Role of Judges' Legal Consciousness in the Modernization of the RSFSR in 1921–1929]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* – Tyumen State University Herald. Law. 2013. Issue 3. Pp. 199–205. (In Russ.).
83. Tsvetkov Yu. A. *Igry, v kotorye igrayut sud'i. Dekonstruktsiya pravosudiya i sudebnoy deyatel'nosti v paradigme pravovogo realizma* [Games Judges Play. Deconstruction of Justice and Judicial Activity in the Paradigm of Legal Realism]: a monograph. Moscow, 2023. 383 p. (In Russ.).
84. Shakhryay S. M., Krakovskiy K. P. *Sud skoryy, pravyy, milostivyy i ravnyy dlya vsekh. K 150-letiyu sudebnoy reformy v Rossii* [A Court That is Speedy, Righteous, Merciful and Equal for All. To the 150th Anniversary of the Judicial Reform in Russia]. Moscow, 2014. 568 p. (In Russ.).
85. Shkarevskiy D. Sh. *K voprosu ob evolyutsii kadrovogo sostava spetsial'nykh transportnykh sudov v kontse 1940-kh – nachale 1950-kh gg.* [On the Evolution of the Personnel Composition of Special Transport Courts in the Late 1940s – Early 1950s]. *Evoliutsiya rossiyskogo i zarubezhnogo gosudarstva i prava. K 80-letiyu kafedry istorii gosudarstva i prava Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta (1936-2016 gg.)* [Evolution of Russian and Foreign State and Law. To the 80th Anniversary of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University (1936-2016)]: a collection of scientific papers. Yekaterinburg, 2016. Vol. 3. Pp. 885–888. (In Russ.).
86. Yakovlev V. F., Semigin G. Yu. *Ekonomicheskoe (kommercheskoe) pravosudie v Rossii* [Economic (Commercial) Justice in Russia]: in 4 vols. Moscow, 2004. Vol. 4. 886 p. (In Russ.).

Информация об авторах:

М. И. Клеандров

Доктор юридических наук,
член-корреспондент РАН,
профессор, главный научный сотрудник
Институт государства и права Российской академии наук
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

ORCID: 0009-0002-2483-1717
ResearcherID: NLO-3288-2025

Е. В. Виноградова

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора конституционного
права и конституционной юстиции
Институт государства и права Российской академии наук
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

ORCID: 0000-0002-3568-9042
ResearcherID: M-4613-2015

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.14505/jemt.v9.1(25).18
DOI: 10.1051/e3sconf/202020806007
DOI: 10.14505/jarle.v10.6(44).11
DOI: 10.17072/1995-4190-2022-55-22-47
DOI: 10.31857/S1026945224070034
DOI: 10.17072/1995-4190-2024-64-217-238

About the authors:

M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russia

ORCID: 0009-0002-2483-1717
ResearcherID: NLO-3288-2025

E. V. Vinogradova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russia

ORCID: 0000-0002-3568-9042
ResearcherID: M-4613-2015

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.14505/jemt.v9.1(25).18
DOI: 10.1051/e3sconf/202020806007
DOI: 10.14505/jarle.v10.6(44).11
DOI: 10.17072/1995-4190-2022-55-22-47
DOI: 10.31857/S1026945224070034
DOI 10.17072/1995-4190-2024-64-217-238

Информация для цитирования:

Трикоз Е. Н. Правовая экспансия римлян в ранней Британии: попытка романизации местного правопорядка // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 3(69). С. 372–388. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-372-388.

Trikoz E. N. *Rimskoye pravovoye rasshireniye v ranney Britanii: popytka romanizatsii mestnogo prava* [Roman Legal Expansion in Early Britain: Attempt at Romanization of Local Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 3(69). Pp. 372–388. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-372-388.

УДК 340.15; 340.136

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-372-388

Правовая экспансия римлян в ранней Британии: попытка романизации местного правопорядка

Е. Н. Трикоз

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы

E-mail: alena_trikoz@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.05.2025

Введение: в литературе по ранней истории англосаксонского права (*pre-saxon law*) существует заметный пробел в исследовании зарождения общего правопорядка в римской провинции Британия (I в. – нач. V в.) и типологической оценке этой смешанной юридической среды. **Цель и задачи:** проанализировать попытку адаптации местного права древних бриттов к правовой политике Римской империи. Ставятся задачи проследить проникновение римской техники ревизии и упорядочения романо-кельтского вульгаризированного права, провести частичную реконструкцию этно-правовой идентичности городского населения. **Методы и материалы:** изучаются источники юридической романистики и нарративной традиции древней и раннесредневековой Британии, а также комплекс различных материальных источников, включая римские надписи Британии. Используется историографический концепт «романизация провинций» и связанный с ним историко-культурологический подход, позволяющий проследить преемственность римского правопорядка в бритто-романских городах, взаимосвязь правовой политики бриттских элит с процессами урбанизации и адаптации римского права к местному правопорядку. В процессе исследования были применены такие методологические подходы, как диалектический, культурологический, общеисторический, социологический, формально-догматический. **Результаты и обсуждение:** выявлен процесс фрагментарного смешения обычного бритто-кельтского права и общих устоев островных бриттов с инородной правовой системой римской метрополии более высокого порядка. В ходе социально-политической и культурно-религиозной трансформации в римской провинции Британия произошла гибридизация местного правопорядка, что свидетельствует о применимости концепта правовой аккультурации, означавшего постепенную романизацию древнеанглийского права в ходе многолетней колонизации острова. Тем не менее юридико-политическая романизация не привела к полному поглощению или исчезновению коренной бритто-кельтской политико-правовой традиции, которая во времена англосаксонской гептархии составила синтез с позднеримскими правовыми конструкциями и нормами древнегерманского права.

Ключевые слова: Британия; римская провинция; романизация; бритто-кельтское право; римское право; предклассическое общее право; правовая аккультурация; систематизация права; ревизия и адаптация права

© Трикоз Е. Н., 2025



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Roman Legal Expansion in Early Britain: Attempt at Romanization of Local Law

E. N. Trikoz

MGIMO University

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

E-mail: alena_trikoz@mail.ru

Received 07 May 2025

Introduction: in the literature on the early history of Anglo-Saxon law (pre-common law), there is a noticeable gap in the study of the emergence of the common legal order in the Roman province of Britain (1st–early 5th centuries) and in the typological assessment of this mixed legal environment. **Purpose and objectives:** the study aims to analyze the attempt to adapt the local law of the ancient Britons to the legal policy of the Roman Empire. The objectives are to trace the penetration of the Roman technique of revision and regulation of the Romano-Celtic vulgarized law, to conduct a partial reconstruction of the ethno-legal identity of the urban population. **Methods and materials:** the research materials are sources of legal Romanism and of the narrative tradition of ancient and early medieval Britain, as well as a set of various material sources, including Roman inscriptions of Britain. The historiographic concept of 'provincial Romanization' and the related historical and cultural approach are used to trace the continuity of the Roman legal order in the Briton-Roman cities, the relationship between the legal policy of the British elites and the processes of urbanization and adaptation of Roman law to the local legal order. The study employed dialectical, culturological, general historical, sociological, formally dogmatic methodological approaches. **Results and discussion:** the research has revealed the process of fragmentary mixing of the customary Briton-Celtic law and communal principles of the island Britons with the legal system of the Roman metropolis, an alien system of the higher order. In the course of the socio-political and cultural-religious transformation in the Roman province of Britain, there occurred hybridization of the local legal order. Thus, it is possible to apply the concept of legal acculturation, this meaning gradual Romanization of Old English law during the long-term colonization of the island. Nevertheless, legal and political Romanization did not lead to the complete absorption or disappearance of all aspects of the indigenous Briton-Celtic political and legal culture.

Keywords: Britain; Roman province; Romanization; Briton-Celtic law; Roman law; pre-classical common law; legal acculturation; systematization of law; revision and adaptation of law

Введение

Последователь исторической школы права, английский профессор Дж. Г. Филлимор утверждал, что любая правовая система в своем естественном прогрессе проходит три стадии развития: первая – это период «младенчества» права, который характеризуется господством обычаем; вторая стадия отличается усложнением и разнообразием права, в результате чего правовой массив хаотично наращивается и требует прецедентного подхода; третья стадия является вершиной эволюции права, которая выражается в кодификации права, возводящей право уже в ранг подлинной науки [78, pp. 1–8].

На последней стадии достигается то важное систематическое единство, на основании которого факты, обработанные правовым опытом и систематизированные юридическим разумом, воплощаются в одном сводном томе, а сама юриспруденция становится в

один ряд с самыми либеральными и достойными занятиями и юрист уже больше не является простым воспевателем формул (лат. *cantor formularuon*) или улавливателем слов (лат. *Syllabarum aiceps*). Эти три периода «изначальной грубости, последующей путаницы и окончательной системы ясно различимы в эволюции римского права», включая этап его распространения на колонии и провинции, в эпоху Антонинов и Севера, когда он достигло высшей точки мыслимого совершенства и систематики [78, p. 4].

Другой британский правовед – Генри С. Мейн – начал свою самую влиятельную работу «Древнее право» 1861 года с главы «Древние кодексы», в которой рассматривал классические памятники древности, включая римские «Двенадцать таблиц», и противопоставлял эти кодексы современной идеи кодификации в европейской и английской правовой традиции, анализируя способы влияния римской модели систематизации права [67].

В данной статье мы проследим процесс правовой экспансии римлян в кельто-римской провинции Британия, сопутствующие ему попытки архаической систематизации и упорядочения местного правопорядка, с элементами римской техники ревизии и адаптации традиционного права бриттов к высоко развитому праву Римской империи.

Рассматриваемая нами проблема укладывается в более общий концепт «романизации» Британии, под которым можно понимать распространение имперских культурных традиций (латинского языка, римского права, системы управления городами, техники строительства дорог и общественных зданий и др.) в рамках общего процесса взаимодействия двух культур [3, с. 200–203].

Кельтские общины бриттов (кельт. *brith* – «пёстрый», «разный», лат. *britanni*, англ. *britons*) и их политические союзы (протогосударства)¹ на протяжении примерно с середины I до начала V века были частью Римской империи в качестве обособленной провинции Британия (лат. *Provincia Britannia*)². Римское господство закрепилось в центральной и южной частях острова Альбион, за исключением его северной части – Каледонии (Шотландия) и острова Хиберния (Ирландия) [40, pp. 523–525].

В политico-правовой истории римской Британии можно выделить четыре основных периода: 1) цезарианский период, названный в честь первых римских походов полководца Гая Юлия Цезаря (55 г. до н. э. – 43 г. н. э.); 2) подготовка к романизации, когда складывалась система клиентских королевств, начиная от завоевания острова Клавдием (43–47 гг.) и до военного наместничества Юлия Агриколы (78–84 гг.); 3) период федерализации и расширения куриального самоуправления, когда Британия делилась на Верхнюю и Нижнюю с отдельными префектами и затем стала диоцезом из пяти провинций с романизированной системой куриалов (конец II в. – III в.); 4) период конфедеративных тенденций вплоть до выхода Британии из состава Римской империи (IV в. – нач. V в.) [15].

В общей сложности более трех с половиной столетий Британия оставалась в статусе окраинной римской колонии, что отразилось на ее культурной, политической и собственно юридической истории. Сначала римская Британия развивалась как система архаичных клиентских королевств, основанных на местных кельтских политико-правовых традициях [26, с. 43; 76, с. 359–363], а затем как романизированный субъект Римской федерации с куриальным самоуправлением и адаптированной бритто-романской правовой системой. Но до прихода римлян у кельтских бриттов не было собственного письменного права, все споры решались по устным указам вождей и племенным обычаям, передававшимся на

кельтском и древнегалльском языках [39]. Сохранились явные лингвистические свидетельства тесных контактов между юго-западом Британии и галльской Бретанью в доримский период [102, pp. 255–260].

В письменный период правогенеза в обычно-правовой системе бриттонских общин, ассимилировавшихся с римскими завоевателями, наблюдалась фрагментарная правовая экспансия римского законодательного опыта [81]. Это подтверждается проникновением латинских государственных источников и правовых текстов, попытками их «одомашнивания» путем закрепления в бритто-кельтских сводах обычного права, включения отдельных норм римского права в формирующуюся традиционный правопорядок. Постепенно центральным звеном ранней англосаксонской традиции становятся нормы смешанного вульгарного бритто-римского права (*Romano-British vulgar law*) и обычай древнейшего ирландско-брегонского права (*Pre-Common Law Ireland and Brehon Law*) [54; 92, pp. 132–134].

Концепция «романизации Британии» в антиковедении и ее критика

В английском антиковедении концепцию «романизации Британии» развивали в своих работах П. Блэйр, Р. Джексон, Р. Коллингвуд, М. Миллет, Л. Ривел, И. Ричмонд, Ш. Фриэр, Ф. Хэверфилд и др. Эти исследователи отводили особую роль в этом процессе романо-британскому урбанизму и культурно-правовой трансформации Британии.

Так, Питер Блэйр отмечает, что ко времени первой экспедиции Цезаря в Британию в 54–53 годах до н. э. миграционные движения установили тесные связи родства и общие культурно-политические связи между народами бриттов и галлов. Но настоящая история Британии начинается с римской оккупации и правовой экспансии римлян, поскольку они первыми оставили существенные археологические и документальные свидетельства [35, pp. 5–7]. Очевидно, что политическим намерением Рима было «править», а не просто «завоевывать» очередную провинцию, что подразумевало установление и поддержание социального доминирования над местными бриттами в течение неопределенного периода [46, pp. 11–12].

С точки зрения Р. Джексона, автора книги «Римская оккупация Британии и ее наследие» (2021 г.), римская оккупация имела значимые для истории Британии последствия: создание Лондона как британской столицы, формирование контуров местной дорожной системы, разделение Англии и Шотландии, не входившей в состав римской провинции Британия, а также проникновение на острова самого римского права, ставшего «частью нашего наследия, хотя имело

¹ В «Англосаксонских хрониках» бритты упоминаются как отдельный народ континентальных кельтов, приплывших из области Арморики (Бретани), бывшей в те времена провинцией римской Галлии [4, с. 220–221].

² Древние берега Британии впервые были названы αι Вρετταναι древнегреческим географом Пифеем в 330-е гг. до н. э. [24].

косвенное влияние» [59, р. 6]. Как резюмирует Р. Хингли, «мы продолжаем жить последствиями римской экспансии, поскольку позднейшие общества усвоили, адаптировали и трансформировали римские концепты, практики и материалы» [57, pp. 20–22].

Культурно-историческое определение «романизации» изложил советский исследователь Г. С. Кнабе, который понимал под ней «процесс создания особой цивилизации (когда местные элементы взаимодействовали с римскими, сливаясь в дуальное экономическое, административное, юридическое и культурное тело) на территориях, завоеванных или находившихся под влиянием Рима» [10, pp. 644–645]. По мнению российского профессора Н. С. Широковой, романизация в Британии представляла собой двусторонний процесс взаимодействия и взаимопроникновения римской и местной (кельтской) культур, находивший выражение во взаимной адаптации и формировании специфической романо-британской культуры [24, с. 10].

В то же время есть более критические оценки феномена романизации англосаксонской правовой традиции. Противники признания исторического процесса романизации в ранней Британии и ее влияния на политический строй и правовую систему провинции [29, pp. 51–66] считают этот термин всего лишь вымысленным историографическим концептом и даже «в каком-то роде ругательством» [2, с. 17–19]. Они в целом призывают к деконструкции *романоцентристского взгляда* на мир римских провинций и господствующего дискурса о римском империализме, используя инструменты постколониальной теории [82].

Так, Н. Терренато оценивает «романизацию» в колониях Римской империи как глобальную аккультурацию или культурный бриколаж [94, pp. 20–27]. По мнению дореволюционного профессора П. Г. Виноградова, романизация Британии была всего лишь поверхностным фасадом, скрывающим более подлинный культурный опыт: «не существовало достаточно многочисленного римского населения, чтобы образовать племенной римский элемент в праве», хотя бы в силу того, что Британия была весьма отдаленной провинцией Римской империи [5, с. 14]. Во всяком случае в англосаксонских правовых памятниках, называемых «варварскими правдами», его следы на территории Англии почти полностью отсутствуют.

Русский правовед П. И. Дегай уточнял, что «хотя римское право, равно как и систематическое регулирование, издавна водворилось в Англии, но таковое учение имело мало там влияния на практику и редакцию законов» [8, с. 111]. Этую позицию поддерживает профессор В. А. Томсинов, утверждающий, что нет возможности говорить о серьезном влиянии римского права на английское право вплоть до Нормандского завоевания [18, с. 124].

Сложность изучения данного вопроса в раннесредневековой Британии связана с недостаточным количеством археологических свидетельств и письменных источников по правовой истории провинции, с фрагментацией нарративной традиции в ее описании и многочисленными лакунами («Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря, «Жизнеописания двенадцати Цезарей» Г. Светония Транквилла, «Агрикола» Тацита, «Римская история» Диона Кассия и др.) [93; 1, с. 85–89]. Более поздние работы св. Патрика и Гильды Премудрого («О погибели Британии», ок. 547 г.) демонстрируют выживание латинской грамотности и типично римского образования, обучения и понимания права в элитном обществе Британии на протяжении по крайней мере V – середины VI века [6; 49; 88]. Римский период в политико-правовой истории Британии описывал также хронист-архиdiакон Генрих Хантингтонский (лат. *Henricus Huntendenensis*) в его «Истории английского народа» (лат. *“Historia Anglorum”*) ок. 1135 года [54].

Кроме того, при изучении романизации Британии исследователи сталкиваются с различной степенью римского влияния в отдельных областях острова [7, с. 89–92; 53]. Многочисленные надписи на западе и отчасти в северной Британии отражают практику эпиграфики, тексты с живой латынью и римским содержанием [51, pp. 177–200]. Латынь активно влияла на правовые тексты с точки зрения их структуры и внешней формы, хотя они нередко составлялись на древнеанглийском языке (бриттонские диалекты) [83, pp. 87–91]. После ухода римлян англосаксонские племена оккупировали большую часть римской Британии, вытеснив, ассилировав или поработив местных романо-бриттов [27, pp. 138–140]. Но при этом даже во время строительства дамбы Оффа, отделявшей Уэльс от средневековой Англии, люди к западу от нее продолжали считать себя «римлянами», и подтверждение тому – большое количество латинских надписей, датированных постримским периодом, вплоть до VIII века [103]¹. Большинство латинских надписей в корпусе материальных памятников и эпиграфики встречается в крупных городах, где латынь была языком делопроизводства и торговли, а основой устного общения оставались бриттские диалекты [70, pp. 296–297].

Для изучения социально-экономической и правовой истории римской Британии можно привлекать и такие документы, как земельные акты, в частности «хартии Лландаффа» (лат. *Liber Landavensis*) – составленный в Уэльсе ок. 1125 года сборник документов, охватывающий пятьсот лет истории епархии, в котором собраны более сотни земельных грамот о передаче собственности кафедральному собору Лландаффа начиная с VI века [86].

¹ Древнеримские надписи из провинции Британия можно посмотреть на сайте: <https://romaninscriptionsofbritain.org/>.

Немаловажное значение для осмысления правовой жизни романо-бриттов имеют деревянные «таблички из Виндоланды» (лат. *Tabulae Vindolanae*) I–II веков, являющиеся памятниками бытовой письменности римской Британии, которые были обнаружены в количестве нескольких сотен в римских фортификациях стены Адриана в северной Англии. На этих дощечках из березы, липы, дуба сохранились сведения, записанные чернилами на древнеримской скорописи, о бытовой жизни легионеров, их отчеты, приказы и инструкции военачальников, записи о купцах, женщинах и рабах. В этих табличках есть упоминания о Лондиниуме (римском Лондоне), Галлии и самом Риме. Но наиболее ранними письменными документами периода римской Британии считаются восковые «таблички Блумберга» (*Bloomberg tablets*) из Лондона, датируемые 50–80-годами н. э. Часть из них содержит общую корреспонденцию, финансовую и юридическую документацию, включая решение судьи о назначении досудебного слушания, записи о займах и продажах, бухгалтерские счета, учебные материалы и др.¹

Источники права и правоприменение в римских провинциях Британии

О стойкой правопреемственности кельтских правовых обычаях и римских законов писал во второй половине XV века английский мыслитель, главный судья и член парламента Джон Фортескью (ок. 1394–1479) в своем трактате “De Laudibus Legum Angliae” [45]. Он подчеркивал, что Английское королевство изначально было заселено племенами бриттов и управлялось римлянами, а потом опять только бриттами, после которых пришли саксонцы и датчане, и затем окончательно стали править нормандцы. «Но в течение всего этого времени, когда доминировало несколько народов и их королей, Англия тем не менее управлялась теми же самыми обычаями, которые продолжают действовать и в настоящем праве» [98, р. 29].

Сохранилось не так много письменных свидетельств о применении римского законодательства в реальной жизни древних романо-британцев, социальная прослойка которых складывалась в основном в южной Британии как особая подкатегория «римских подданных» [38]. В связи с изданием императорского эдикта Каракаллы (*Constitutio Antonina*) 212 года общее гражданство было распространено на большинство свободных жителей Римской империи². Также и в римской Британии все свободные жители мужского пола объявлялись де-юре римскими гражданами и, следовательно, субъектами римского

права. Этот эдикт считается поворотным источником в направлении романизации окраин и провинциализации самого римского права [100, pp. 199–209].

Есть отдельные подтверждения проникновения и присутствия римского права в позднеантичной Британии [34, р. 48; 66, р. 303], где оно применялось опосредованно, от случая к случаю, и порой учитывало локальные обычай и традиционные нормы, если они были санкционированы имперскими конституциями [91, р. 108]. Тем самым создавался особый правовой симбиоз – *Roman vulgar law* [65]. Как отмечает Ш. Фриэр, сторонник традиционной линии «интервенционизма», Рим поощрял принятие элитными слоями коренных британцев римских правительственные институтов, изучение латинского языка, римских культов и верований, обычаяв и манер [47]. Сохранился ряд литературных свидетельств относительно использования латыни в Британии.

Так, Плутарх упоминает в своем трактате о том, что некий «грамматик» Деметриус из Тарса преподавал на латыни в Британии ок. 80 года н. э., а затем примерно в 90 году н. э. римский поэт Марк Валерий Марциал гордо пишет о том, что его произведения читаются в провинции Британия. Около 120 года римский оратор Деций Юний Ювенал попутно упоминает неких британских юристов, обучавшихся у галльских учителей римскому праву на латыни [53, р. 34].

Но указанный подход был более характерен для крупных городов Британии, нередко имевших особый статус муниципии, колонии или центра *civitatis*, населенных официальными лицами и военной прослойкой. В мелких же городах и особенно на границе с Уэльсом большинство бриттов жили за пределами городских стен и сохраняли часть доримских правовых и культовых традиций, инспирированных окружающим этнокультурным ландшафтом [81, pp. 74–75].

В этот период многие местные законы и обычай в провинциях пришлось подвергнуть *ревизии*, чтобы они в большей мере соответствовали применимому праву императорского Рима [52, pp. 12–29]. Постепенно зарождалась практика сортирования и записи бритто-кельтских и валлийско-ирландских правовых обычаяв и юридических обрядов. Дошедший до нас староирландский сборник “Trecheng Breth Féne” (англ. *Triad/Triple of Judgments of the Freemen*) ок. 850 года из почти 256 трехстиший (в форме троичных перечислений) содержит описание древних обычаяв, нормы права и модели поведения ирландцев (триады 149–186) – то, что обычно называли словом *Fénechas* (от ирл. *féne* – «свободное крестьянство» и *breitheamh* – «судья», англ. *brehon laws*), древняя правовая система дохристианской Ирландии [64].

¹ Эти почти полсотни деревянных табличек, сделанные из пихты и покрытые темным воском для письма стилусом, были найдены во время раскопок с 2010 по 2014 г. на месте здания Блумберга в финансовом районе Лондона. Кроме 403 восковых табличек, были обнаружены две чернильные таблички, написанные пером [97].

² Эдикт императора Каракаллы (греческий папирус 212 г. н. э.): «Итак, я дарую всем чужестранцам во всей вселенной римское право гражданства, за исключением тех, кто происходит от сдавшихся (лат. *dediticii*). При этом я сохраняю все государственно-правовые различия существующих общин» [20].

Существует версия, что в 440-е годы началась запись этих бретонских законов и кельтских обычаяев – св. Патрик распорядился сделать из них сборник – и что к этой систематизации был якобы причастен еще легендарный британский король Леир (валл. *Leir*, 909–849 гг. до н.э.) [28, pp. 169–175]. В «правовых главах» сборника бретонского права (триады с 149 по 186) шла речь о контрактах, оплате работникам, браке и сожительстве, разделе наследства, отказе от полномочий, принесении клятв, конфискации имущества, видах преступлений и др. [71].

В бритто-кельтском обычном праве были распространены институты усыновления, залога, поручительства, клиентство, ранговая иерархия, привилегии, судебные иммунитеты, свидетельские показания, наложение запрета на собственность и др. [31, pp. 360–365; 69, pp. 266–271]. Дети знати часто использовались в качестве заложников для обеспечения государственных соглашений и контрактов между кельтскими и германскими государствами, что подробно задокументировано в источниках.

Проводивший завоевательные походы в Британии римский император Клавдий инициировал некоторые гуманитарные реформы, в числе которых запрет на человеческие жертвоприношения, практиковавшиеся жрецами галлов и британскими друидами (древнеирл. *druí* – «колдун», средневаллийск. *dryw* – «пророк»). Существование друидизма на острове и миграция гонимых с континента сторонников кельтского жречества были одним из мотивов завоевания Британии, что позволило римлянам окончательно уничтожить корпорацию друидов и их обычно-правовую практику с магическими ритуалами [24, с. 69]. Как свидетельствовал сам Юлий Цезарь в «Записках...», местные друиды использовали греческий алфавит для устной фиксации своей практики, запрещали ее записывать, не желая делать общедоступным их особое учение (лат. *disciplina*). В «орден» друидов вступали добровольно, а не по принципу наследственности, они не платили налогов, были освобождены от военной службы и других повинностей, могли заниматься дипломатической и судебной деятельностью.

В литературе по кельтскому друидизму отмечается, что друиды выполняли и юридические функции, когда во время своих ежегодных собраний отправляли правосудие, разбирали различные преступления, дополняли приговоры особой санкцией в виде отлучения от культа тех, кто не повиновался их решениям [23, с. 21–22]. Они практически монополизировали как гражданскую, так и уголовную юрисдикцию. Для своих священных практик в дубовых рощах друиды нередко прибегали к жертвоприношениям захваченных преступников, тела которых замуровывали в «плетёном человеке» и подвергали ритуальному сожжению. Они приносили в жертву пленников, чтобы обнаружить божественную волю в потоке их крови и трепещущих внутренностях

(*Tacitus*, Ann., xiv, 30; *Diodorus Siculus*, v, 31, § 3). Как отмечал Плиний Старший, римские наместники постепенно искоренили отвратительные обряды друидизма, включавшие человеческие жертвоприношения и даже ритуальный каннибализм.

Императорские конституции и комициальные законы объявлялись руководящим источником права в римских провинциях, включая островную Британию [58, р. 87]. Имперская канцелярия передавала правовые акты на латинском языке в преторианский секретариат (*Praefectura praetorio Galliarum*), откуда они рассыпались отдельными копиями всем нижестоящим магистратам Галльской префектуры, включая викария Британии (*vicarius Britanniae*) [36]. В провинциальных городах Британии постепенно перенималась римская муниципальная организация и судебное устройство по модели организации римской *civitas*, возводились общественные здания (базилики, театры, цирк, бани и проч.) [63, pp. 147–148; 77, pp. 189–192]. Если в начале римского правления Британия была поделена на 12 мелких племенных общин с самоуправлением, то к началу V века таких *civitates* насчитывалось уже около трех десятков.

Как известно, после разделения Римской империи на четыре префектуры Британия стала частью Галльской префектуры и управлялась особым наместником – викарием из Йорка. Став в свою очередь диоцезом, она была разделена на четыре субпровинции (*Britannia Prima*, *Britannia Secunda*, *Flavia* и *Maxima Caesariensis*) во главе со своими префектами [13].

Наместниками Британии назначались сенаторы в ранге экс-консула, легионеры-легаты и *juridici* избирались из сенаторов более низкого ранга, а *tribuni laticlavi* были будущими сенаторами. Рядом с этими чиновниками были поставлены по двое всадников, финансовый прокуратор и префект флота. Различались три вспомогательные уголовно-правовые коллегии, работавшие по аналогии одноименных римских магистратур: 1) чиновники *tresviri capitales*, которые были вправе арестовывать и наказывать беглых рабов, вести следствие, применять смертную казнь, осуществлять ночной полицейский надзор в городе и оказывать помощь в случае пожара, 2) коллегия *quattuorviri viarum curandarum* для присмотра за улицами и лишения гражданских прав и 3) коллегия *decemviri stlitibus judicandis* из десяти присяжных для уголовных процессов [33, pp. 3–4].

Префекты провинций Британии носили титул *legatus Augusti pro praetore* и часто назначались из бывших консулов. Они должны были совмещать роль премьер-министра, главы вооруженных сил и главного судьи в важных юридических вопросах, поддерживать отношения с местными вождями-клиентами, которые нередко поднимали бунты, разъезжать по областям провинции, выслушивая жалобы и набирать новое войско [16].

Так, один из самых знаменитых британских наместников Гней Юлий Агрикола (77/8–83/4 гг.), проводивший успешную военную деятельность (продвижение в Шотландии (Каледонии), а также покорение бригантов, селgovов и ордовиков в Уэльсе) и внесший большой вклад в романизацию Британии, реализовывал собственную «гуманистическую» программу [22, с. 231–240]: распространение грамотности, внедрение латинского языка, обширное градостроительство, сооружение дорог и фортификаций [41, pp. 10–14]. Хотя, по мнению римского историка Корнелия Тацита, «добровольное принятие» римских обычаяев и языка (британская латынь) местными племенами выступало скорее «формой рабства, а не цивилизации» (Tac. Agricolae. 19–21) [93].

На одну ступень ниже наместника в социальной иерархии стоял прокуратор провинции, бывший всадником и старшим должностным лицом по финансовым вопросам, подчинявшийся напрямую римскому императору [25]. Местные проримски настроенные аристократы и «олигархии железного века» сохраняли свой административный контроль и управление традиционными землями в рамках римских политических структур и римского законодательства [73]. Из местных землевладельцев – коренных бриттов и ассимилировавшихся римлян – формировался городской сенат. Большая часть римской Британии была разделена на округа, соответствующие территории традиционного расселения кельтских племен, у каждого из которых была своя бритто-романская племенная столица и, предположительно, свои городской сенат и магистраты.

Об этой политической связи с племенной аристократией, которая подвергалась романизации через муниципальное управление римлян, свидетельствует дошедший до нас памятник из города Вента Силурум – административного центра покоренного римлянами племени силуров в юго-восточном Уэльсе. Латинская надпись красными буквами на камне “*Civitas Silurum*” (или Камне Паулинуса), выставленном ныне в приходской церкви на юге графства Монмутшир, свидетельствует об учреждении своего рода «гражданской республики Силурия» (раннего городского совета)¹. Римский полководец и политик Тиберий Клавдий Паулин был римским наместником (*legatus Augusti pro praetore*) в Нижней Британии в 220 году н. э., правил как справедливый и милосердный губернатор, позволяя учреждать в отдельных городах советы по самоуправлению. Это произошло и в уэльском городе Вента Силурум (ныне г. Каэрвент), что послужило сохранению силурийской идентичности местных жителей и долговечности традиционной правовой культуры коренного племени [50, pp. 227–235].

Местные городские советы и судейские коллегии в Британии были сформированы по типу римских магистратур. Сенаторы в своем совете (или курии) выбирали особых магистратов для рассмотрения уголовных и гражданских дел, с применением норм римского и бритто-кельтского права. Магистраты председательствовали в судах и отправляли иные обязанности в городе (надзор за водоснабжением, дорогами, общественными работами и др.) [17, с. 230–235].

В куриях британских городов заседали романизированные куриалы (лат. *curiales* или *decuriones*) из местных жителей, которые принимали решения по локальным спорам [56]. Они должны были осуществлять свою юрисдикцию в соответствии с «интердиктами, эдиктами, формулами, обещаниями (*sponsiones* и *stipulationes*), гарантиями (*satis dationes*), защитами и проскрипциями», изложенными в эдикте губернатора провинции [61, pp. 10–11].

Так, в «Кодексе Феодосия» 438 года сохранился реескрипт императора Константина, адресованный викарию Британии Папию Пакациану (*Pacatianus, Vicarius Britanniarum*), об обязанностях провинциальных декурионов как муниципальных чиновников в главных городах (*Codex Theodosianus. XI. 7.2*) [87, p. 2].

При этом местные лидеры, выражавшие поддержку и готовность примириться с римскими политico-экономическими интересами, получили привилегию от властей метрополии осуществлять локальное управление в соответствии с бритто-кельтскими обычаями и местными законами, если они не противоречили римскому праву, обнародованному в эдикте римского наместника. Вероятно, что были сохранены довольно многие из бритто-кельтских обычаяев и даже некоторые из их правовых институтов отдельных городов Британии [106, p. 334]. Ведь римляне всегда относились с большим уважением и вниманием к древним обычаям (лат. *longa consuetudine*), если они не противоречили позитивному праву, в частности закону муниципия (*Codex Justinianus. VIII. Tit. 53*). Так, Ульпиан в работе «Об обязанностях проконсула» утверждал, что «долго применяющийся обычай (лат. *diuturna consuetudo*) следует соблюдать как право и закон в тех случаях, когда не имеется писаного (закона)» (*Digesta. 1.3.33; 3.4.6*).

В крупных городах провинции (Лондоне, Йорке, Колчестере, Силчестере и др.) при императорах Флавиях (69–96 гг.) для помощи местным префектам в их продолжающихся усилиях по романизации провинции была учреждена особая должность «судебного легата» (лат. *legatus iuridicus*; англ. *senior law officers*), назначавшегося из знатоков римского права и обычного права Британии [32, pp. 211–214].

¹ Латинская надпись гласила: «[Тиберию Клавдию] Паулину, легату Второго легиона Августа, проконсулу провинции Нарбоненсис, императору – пропреторианскому легату провинции Лугдуненсис, по постановлению совета в кантоне силуров».

Известно несколько имен таких британских «юридициев» (лат. *iuridici*), которые приезжали из столицы империи и служили в должности в течение нескольких лет: Gaius Salvius Liberalis (ок. 78–83 гг.), Lucius Javolenus Priscus (ок. 84–90-е гг.), Vettius Valens (130-е гг.), Sabucius Major Caecilianus (170-е гг.) и Antius Crescens Calpurnius (180–190-е гг.) [43].

До нас дошли документы разбирательства судебных дел с участием *legatus juridicus* в провинции Британия, которым в период между 84-м и 86-м годом был знаменитый римский юрист Луций Явлен Приск (ок. 60–120 гг.). Как известно, вернувшись в Рим после легатства в Британии, он был принят в коллегию жрецов-понтификов, в обязанности которой входило консультирование по сакральному праву. Явлен Приск был правоведом с высокой репутацией, руководил сабинианской юридической школой при императоре Траяне, был автором ряда правовых сочинений. Широко известны его *responsa prudentium* и *quaestiones*, популярные в провинции Британия. К слову, из них более сотни фрагментов процитированы в «Дигестах Юстиниана»¹.

Кроме того, известно, что в британском Йорке свой богатый правовой опыт передавали другие авторитетные классические юристы метрополии [104, с. 103–110]. В частности, римский префект претория и величайший (*maximus*) правовед империи Эмiliй Папиниан (*Aemilius Papinianus*; ок. 142–212 гг.), сопровождавший императора Септимия Севера в его последнем походе в Британию в 207/208 годах, в одно время стал префектом г. Йорка и во время службы на «форуме Йорка» (*Cassius Dio. Lib. LXXVII*) [37, р. 261] даже пригласил в качестве асессоров своих коллег-учеников, римских юристов Ульпиана и Юлия Павла [80, р. 457]. Они периодически призывались в Британию, чтобы рассудить сложные правовые споры в качестве арбитров [85, pp. 318–329] либо выступить в качестве судебных экспертов [87, pp. 5-6].

Как уточняет Т. Моммзен, римское право быстро развивалось в Британии особенно во II–III веках н. э., о чем свидетельствуют труды юристов Явлена и Ульпиана, которые обсуждали и комментировали судебные дела в римской Британии [74, р. 194]. Описывая вклад Папиниана и Ульпиана, профессор Дж. Г. Вигмор напоминает, что «для нас эти двое имеют сентиментальное значение, так как (вместе с Павлом) они когда-то вершили правосудие на острове Британия, будучи римскими магистратами и заседая в римской базилике» [107, р. 428].

Трансформация отдельных институтов права в римской Британии

Отдельные принципы и конструкции римского права, подобно «легальным трансплантам» [99, pp. 516–518], переносились на новую почву и активно применялись в делопроизводстве публичных властей Британии, как и при разрешении частных споров [62, р. 470]. Так, по свидетельству английского правоведа П. Стейна, по правилам и доктрина姆 римского классического права регламентировалось в римской Британии вещное, договорное и наследственное право, и такое состояние дел продолжалось довольно долгий период [87, pp. 2–3]. Британский историк Э. Гиббон подтверждает, что наследование, отчуждение и контракты в общем регулировались доктринаами римского права, а римские муниципальные правила в целом преобладали в британских городах [48, р. 365].

Важным последствием расширения влияния римской власти в Британии стало распространение здесь античной формы собственности [14, с. 23–32]. Профессор П. Уинфилд, как и ранее П. Виноградов, утверждает, что с римской концепцией права собственности может быть связана практика пожалования земли частным лицам, не обремененная местным обычным правом (*native folkright*) бриттов [101, р. 55]. Последствием экономической романизации в Британии стало появление вилл, которые по типу римских специализировались на получении излишков сельхозпродукции [12, с. 161–186]. Римский институт завещаний также проник в местное доклассическое общее право в бытность экспансии римлян. Также римской правовой практикой был инспирирован институт присяжных, позднее представленный в виде коллегии духовных магнатов на заседаниях судов широв-графств (*shire-moots*) [84, р. 65].

Постепенно развивалось в Британии *вульгаризированное уголовное право*, в котором смешивались отдельные положения римского права и бритто-кельтские нормы о преступлениях (*Romano-British criminal law*) [89]. Описывая в своих «Записках...» состояние древнекельтского и галльского уголовного права, Юлий Цезарь упоминает такие преступления, как убийство, кражи и грабеж, а также узурпация власти и коррупция (*Gallic War. 1.4.1; 6.13.5; 6.16.5*). Он выделяет в числе наиболее строгих наказаний запрет преступникам отправлять религиозные обряды и объявление их вне закона (*Gallic War. 6.13.6–8*), упоминая также смертную казнь (*Gallic War. 1.4.1; 6.16.4*). Но наиболее распространенной санкцией являлось наложение имущественных взысканий. Цезарь описывает их как *“praetitia poenasque”* («вознаграждение» и

¹ Явлен Приск наиболее известен своим высказыванием (D. 50. 17. 202): «Всякое определение в гражданском праве опасно, ибо редки те, которые не могут быть нисровергнуты» (лат. *Omnis definitio in iure civili periculosa est; parum est enim, ut non subverti posset*). [75, р. 29].

«штрафы/пени»¹, имея в виду двойственную природу имущественной санкции – как денежной реституции и как уплаты цены нарушенной чести, что было известно как в ранних кельтских законах, так и в древнеирландском и валлийском уголовном праве [60; 64, pp. 125–127]. В этом местном обычном праве был также известен институт задержания истцом/потерпевшим преступника, если он не шел добровольно на судоговорение [30, pp. 22–30]. С родственной валлийско-ирландскому праву терминологией мы видим эту практику и в раннем римском праве [42, pp. 272–275].

Раннесредневековый историк Гильдас Премудрый (500–570 гг.) довольно критично отзывался о традиционном праве римской Британии и местной уголовно-правовой практике: «Есть в Британии <...> судьи, но неправедные. Они сидят в кресле судьи, но редко стремятся к соблюдению норм законного судопроизводства. <...> Они держат в тюрьмах множество скованных людей, которых они, обременяя цепями, мучают скорее своей хитростью, нежели по заслугам» [6; 21].

Профессор У. Г. Миллер проследил зарождение уголовно-правовых норм в римской Британии, исследовав ранние памятники англосаксонского права. Он заметил, что на первом этапе становления системы уголовных законов они соединяли в себе как гражданские (частные) деликты, так и собственно уголовные (публичные) запреты и санкции. Но при этом «представления местного социума о преступном и уголовно наказуемом зависели от общих традиционных представлений о справедливом и неправомерном» [72, pp. 48, 90–95].

В любом случае в период экспансии римлян эти уголовно-правовые устои местных бриттов вынужденно соглашались с такими источниками права, как императорские конституции, комицальные законы и судебные решения по отдельным делам, а также комментарии к ним римских юристов.

Впоследствии доктринальное влияние получили уголовно-правовые фрагменты кодифицированных актов Римской империи, в частности Книга 9 «Кодекса Феодосия», Книги 47 и 48 «Дигест Юстинiana». По аналогии с сочинениями римских юристов преступления в римско-британском праве разграничивались на три категории в зависимости от способа их преследования: 1) *publica judicia*, 2) *extraordinaria crimina*, 3) *private delicta*.

Преступления первой категории *publica judicia* охватывали деяния, специально запрещенные конкретными законами и предусматривавшие серьезные наказания, начиная со смертной казни или без таковой. Такие наиболее тяжкие деликты были перечислены в титулах 4–15 Книги 48 «Дигест Юстинiana» [95].

Английский правовед Дж. Ф. Стифен попытался дать юридическую оценку закреплению норм о деликтах *publica judicia* в римском уголовном праве, указывая, что «они, по-видимому, не совсем отличались от наших современных законов об уголовной консолидации, и сами их формулировки были так же тщательно проработаны и твердо выражены, как и формулировки наших собственных парламентских актов. <...> Так же как Консолидационные акты 1861 года определяют убийство и воровство» [90, p. 14].

Преступления *extraordinaria crimina* охватывали правонарушения, по которым жертва по своей инициативе могла возбудить уголовное преследование, но при этом не проводилось специального расследования (*quaestio*) и не устанавливалось конкретного наказания. Согласно Книге 47 Дигест они обычно включали такие составы, как семейные преступления (*family offences*), незаконный аборт, исповедание новых религий, вымогательство взятки, судебная коррупция, ложное обвинение, завышение цен, кража скота, бродяжничество, разграбление могил и др. [96]. И наконец, третья категория преступлений *private delicta* охватывала перечень правонарушений, влекущих за собой определенный результат для потерпевшей стороны (например, *actio furti* и *actio injuriarum*).

Позднее в Англо-Норманнский период эта римская типология преступлений, предполагавшая разделение на три группы, косвенно сформировала известную английскую триаду преступлений: государственная измена, или фелония; мисдимины по общему праву; частные правонарушения-деликты (*torts*) [90, p. 12].

Дж. Ф. Стифен справедливо заметил определенное сходство между тем, как с течением времени римские категории *publica judicia* и *extraordinaria crimina* сформировали один тип преступлений, влекущих дискреционные наказания, так же как постепенно были устраниены в английском законодательстве почти все существенные различия между уголовным преступлением и правонарушением (*felony and misdemeanour*) [90, p. 13].

Заключение

В начале V века римское владычество в Британии завершилось и начался короткий субримский период (*sub-Roman Britain*) [55, pp. 11–15]. Эта фаза самоопределения Британии в целом была сравнительно недолгой, ограничившись одним поколением быстрого перехода от военно-политической власти римлян и бриттов к новому раннесредневековому господству германских племен англосаксов (лат.

¹ Caesar. Gallic War. 6.13.5: «[si caedes facta, si de hereditate, de finibus controversia est,] Druides rem decernunt, praemia poeniasque constituent» (лат. «[если совершены убийства либо возник спор о наследстве или о границах,] дело решают друиды и устанавливают награды и наказания»). Но до конца значение фразы *praemia poeniasque* у Цезаря не ясно [67, p. 136].

(*adventos Saxonum*), началом вторжения которых традиционно считаются 420-е годы, в контексте аналогичных военно-колонизационных миграций германцев [44, pp. 186–190].

Но продержавшееся почти четыре века в Британии правовое господство римлян оставило свой заметный след в генезисе англосаксонской правовой традиции (*pre-common law*), наряду с перестройкой этнополитической структуры острова по римскому образцу и другим наследием римлян (муниципальная система, латинский язык, сеть римских дорог, роза как символ государства и др.). В то же время слишком заметная разница в уровне цивилизованности и правовой грамотности римлян-завоевателей и покоренных бритто-кельтов сказалась на том, что римское право, будучи неотъемлемой частью властного аппарата метрополии, регулировало в основном отношения между самими римлянами и затем постепенно «покинуло» территорию Британских островов вместе с последними римскими легионами [11].

Крушение римских административно-политических структур в Британии, которая стала первой крупной провинцией, вышедшей из состава Империи в 410-е годы, привело к отходу от законодательства в римском стиле, отмене римской системы налогообложения, прекращению чеканки римской монеты и т. д. Как уточняет Гильдас Премудрый, в начале VI века римское право еще по инерции применялось в субримском обществе бриттов [55, pp. 3–12]. По мнению Ф. Поллака, «институты, которые в настоящее время имеют самый домашний и английский вид, могут, тем не менее, в конечном итоге быть связаны через норманные обычаи с системой правления Римской империи, разработанной в последние ее века» [79, p. xxxiii].

Кодификация римского права в начале VI века при дворе римско-византийского правителя Юстиниана не прошла незамеченной в Британии. Созданные в итоге «Дигесты» со временем окажут косвенное влияние на законодательство и правоприменительную практику постримских англосаксонских королевств. Как ярко выразился профессор Ф. У. Мейтленд, «английское право начинает говорить как раз в тот момент, когда римское право произносит свои окончательные слова», имея в виду, что «Кодекс Этельберта» (свод законов короля Æthelberht, 601/604 г.) появляется как раз в период после кодификации византийского императора Юстиниана [68, p. 165]. Важно подчеркнуть и то, что в 596 году в Британию прибыл посланник папы римского Григория, который к тому времени уже знал «Дигесты Юстиниана», – св. Августин (St. Augustine of Canterbury), будущий архиепископ Кентерберийский, с сорока другими миссионерами-бenedиктинцами, чьим личным законом было римское право и которые не только продолжили христианизацию бриттов, обратив в но-

вую веру кентского короля Этельберта, автора самого раннего кодекса законов, но и укрепили позиции римского права, наследие которого никуда не исчезло в гептархии и лишь возвращало свои былье позиции. В тот период римские миссионеры привлекли внимание кентского короля к технике кодификации права и к другим реформам великого Юстиниана. Находясь под этим римско-византийским влиянием, Этельберт распорядился систематизировать законы Кентского королевства и издать первый их свод в «римском стиле» (лат. *juxta exempla Romanorum*), на что прямо указывал Беда Достопочтенный (Bede. Hist. eccl. II, Ch. 5) [85, p. 319]. Этому прецеденту систематизации норм права по «римскому образцу» последовали несколько более поздних англосаксонских королей.

По мнению английского правоведа П. Стейна, после завоевания Британии германскими племенами англосаксов и независимо от прямого принятия ими британо-римского наследия «некоторые традиционные остатки законов, а также религии римских бриттов были сохранены, не принятые особо во внимание завоевателями, которых волновали только размер ренты в деньгах или натурой» [87, p. 4]. Как верно подметили Ф. Поллок и Ф. У. Мейтленд, «германское и римское право продвигались навстречу друг другу. И если первое становилось всё более цивилизованным, то другое было уже сильно варваризировано или, скорее, стало вульгаризированным» (*barbarized/vulgarized Roman law*), по сравнению с классической римской юриспруденцией [79, p. 15].

Со временем римское право восстановило свою «интеллектуальную экспансию», доктринально воздействуя на правосознание местных судей и ученых, стоявших у истоков национального общего права (*common law tradition*), включая раннесредневековых правоведов Гленвилла и Брактона [9, c. 38–40; 59, p. 6]. В VII веке в большинстве королевств гептархии появилась методика изучения римского права и техника его прикладного применения в судебных спорах [19, c. 664; 105, p. 103]. В течение нескольких столетий, вплоть до XI века, римское право преподавалось и изучалось в Кафедральной школе в Йорке [84, p. 319].

Островные юристы стали довольно пристально анализировать политico-правовые концепции бывшей метрополии и юридические тексты древних римлян, с тем чтобы впоследствии иметь возможность инкорпорировать эти проверенные временем конструкции и правила в королевские своды законов и судебную практику. В процессе становления ранней традиции общего права с ее неповторимой спецификой особую роль сыграл синтез позднеримских, кельтских и германских элементов юридического делопроизводства и правотворческой техники.

Библиографический список

1. Алексеева А. И. Нarrативная традиция в истории стратегической политики Рима в Британии в I в. до н.э. – I в. н.э. // Гуманитарные исследования. 2005. № 4. С. 85–89.
2. Барышников А. Е. Империя наносит ответный удар? «Археологические диалоги» и очередной виток дискуссии о романизации // Вестник ННГУ. 2015. № 1. С. 17–22.
3. Барышников А. Е. Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в современном английском антиковедении // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6(3). С. 200–211.
4. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / пер. В. В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001. 363 с.
5. Виноградов П. Г. Римское право в средневековой Европе. М.: Изд-во А. А. Карцева, 1910. 99 с.
6. Гильда Премудрый. О погибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / пер., вступ. ст. и прим. Н. Ю. Чехонадской. СПб.: Алетейя, 2003. 464 с.
7. Глебов А. Г. Римская Британия в III – IV веках и ее падение // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2011. № 2. С. 89–92.
8. Дегай П. И. Посоbия и правила изучения российских законов, или материалы к энциклопедии методологии и истории литературы российского права // Соч. д-ра прав Павла Дегая. М.: В тип. А. Семена, 1831. 143 с.
9. Касатов А. А. Понятие “*proprietas*” в трактате Генри де Брактона «О законах и обычаях Англии» (к вопросу о рецепции римского права) // История государства и права. 2010. № 4. С. 38–40.
10. Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия – образ, миф и история // Тит Ливий. История Рима от основания Города: в 3 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. 647–708 с.
11. Лапшина И. Е. Основные этапы развития английского права // Концепт. 2018. № 10. С. 186–192.
12. Ляпустина Е. В. Виллы в Западных провинциях Римской империи // Вестник Древней истории. 1985. Вып. № 1 (172). С. 161–186.
13. Малюгин О. И. Административное деление позднеримской Британии и проблема провинции *Valentia* в англо-американской историографии. URL: <http://antik-yar.ru/events/cl-civ-2011/papers/malyuginoi>.
14. Перфилова Т. Б. История Римской Британии в работах русских и советских специалистов // Европейская историография XX в. Ярославль, 1992. С. 23–32.
15. Сэлуэй П. Римская Британия (около 55 до н. э. – около 440 н. э.) // История Великобритании: пер. с англ. / ред. К. О. Морган. М.: Весь мир, 2008. 660 с.
16. Тинебекова М. Н. Восстание бриттов под руководством Боудикки в Римской Британии (60 г. н.э.) // Ученые записки: Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской. 1967. Т. 183, вып. 9. С. 117–137.
17. Тихонова О. С. Римский Лондон эпохи принципата; структура городского хозяйства // Нордия. 2003. Вып. 6–7. С. 230–266.
18. Томсинов В. А. Римское право в средневековой Англии // Античная Древность и Средние века. Проблемы социального развития. 1985. Вып. 22. С. 122–134.
19. Трикоз Е. Н. Систематизация права Англии в начале XVII века: значение идей Фрэнсиса Бэкона // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 54. С. 660–688.
20. Хрестоматия по древней истории: в 3 т. / под ред. В. В. Струве. М., 1936. Т. II. 360 с.
21. Чехонадская Н. Ю. Святой Гильда и падение Римской Британии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 351 с.
22. Широкова Н. С. Гней Юлий Агрикола и его деятельность в Британии // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2010. № 9. С. 231–270.
23. Широкова Н. С. Кельтские друиды и книга Франсуазы Леру // Леру Ф. Друиды / пер. с фр. С. О. Цветковой. СПб., 2003. С. 7–67.
24. Широкова Н. С. Римская Британия: Очерки истории и культуры. СПб.: Гуманитарная академия, 2016. 382 с.
25. Эзри Г. К. К вопросу о власти и провинциальной политике в Риме: сб. ст. Сарбрюкен: Изд-во LAP, 2014. 68 с.
26. Эзри Г. К. Политико-правовая история римской Британии // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. № 25. С. 39–45.
27. Arnold C. Roman Britain to Anglo-Saxon England. Indiana University Press, 1984. 179 p.
28. Asch R. G. Kulturkonflikt und Recht. Irland, das Common Law und die Ancient Constitution // Ius Commune. 1994. № 21. Pp. 169–212.
29. Barrett J. C. Romanization: a critical comment // Dialogues in Roman Imperialism / ed. by D. J. Mattingly. (Journal of Roman Archaeology. Supplementary series No. 23). Portsmouth, Rhode Island, 1997. Pp. 51–66.
30. Binchy D. A. Distraint in Irish Law // Celtica. 1973. Vol. 10. Pp. 22–71.
31. Binchy D. A. Celtic Suretyship, a fossilized Indo-European Institution? // The Irish Jurist. 1972. Vol. 7. Pp. 360–372.
32. Birley A. R. The Fasti of Roman Britain. Oxford: Clarendon Press, 1981. 476 p.
33. Birley A. R. The Roman Government of Britain. Oxford: OUP, 2005. 532 p.
34. Birley E. Roman Britain and the Roman Army: Collected papers. Kendal, 1953. 212 p.
35. Blair P. H. Roman Britain and Early England: 55 B.C.–A.D. 871. Edinburgh: Th. Nelson & Sons, 1963. 292 p.

36. Braund D. Ruling Roman Britain: Kings, Queens, Governors and Emperors from Julius Caesar to Agricola. London: Routledge, 1996. 217 p.
37. Cassius Dio Cocceianus. Dio's Roman history / Greek texts and page-facing English translation: in 9 vols. London: W. Heinemann, 1927. Vol. 9. 572 p.
38. Collingwood R., Wright R. The Roman Inscriptions of Britain. Vol. I: Inscriptions on Stone. Oxford: Clarendon Press, 1965. 854 p. Vol. II: Instrumentum Domesticum. Oxford: Clarendon Press, 1990-1991. 790 p.
39. Collingwood R. G. Roman Britain and the English Settlements. Oxford: Clarendon Press, 1956. 568 p.
40. Collis J. The Polities of Gaul, Britain, and Ireland in the Late Iron Age // The Later Iron Age in Britain and Beyond / ed. by C. Haselgrove & T. Moore. Oxford: Oxbow Books, 2007. Pp. 523–528.
41. Copeland T. Life in a Roman Legionary Fortress. Amberley Publishing Limited, 2014. 96 p.
42. Cornell T. J. The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC). London & New York: Routledge, 1995. 507 p.
43. Criddle A. The Real Lives of Roman Britain // World History Encyclopedia. 2016. URL: <https://www.worldhistory.org/review/145/the-real-lives-of-roman-britain>.
44. Dark K. Civitas to Kingdom: British Political Continuity 300–800. London: Leicester University Press, 1994. 322 p.
45. De laudibus legum Angliae: a treatise in commendation of the laws of England / by Chancellor Sir J. Fortescue; with translation by F. Gregor. Cincinnati: Robert Clarke & Co., 1874. 302 p.
46. Esmonde Cleary A. S. The Ending of Roman Britain. London: Batsford, 1989. 242 p.
47. Frere Sh. Britannia: A History of Roman Britain. London: Pimlico Press, 1987. 423 p.
48. Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. London: Strahan & Cadell, 1788–1789. Vol. V. 653 p.
49. Gildas. The Ruin of Britain and other works / ed. by M. Winterbottom. Chichester: Phillimore, 1978. 162 p.
50. Guest P. The Forum-Basilica at Caerwent (Venta Silurum): A History of the Roman Silures // Britannia. 2022. Vol. 53. Pp. 227–267.
51. Handley M. A. The origins of Christian commemoration in late antique Britain // Early Medieval Europe. 2001. Vol. 10 (2). Pp. 177–200.
52. Haselgrove C. Society and Polity in Late Iron Age Britain // A Companion to Roman Britain / ed. by M. Todd. Oxford: Blackwell with the Historical Association, 2004. Pp. 12–29.
53. Haverfield R. The Romanization of Roman Britain. Oxford: At the Clarendon Press, 1915. 91 p.
54. Henrici Archidiaconi Huntendunensis. Historia Anglorum. London, 1879 (Henry Archdeacon of Huntingdon. Historia Anglorum (History of the English People). Oxford, 1996. 1078 p.
55. Higham N. From sub-Roman Britain to Anglo-Saxon England: Debating the Insular Dark Ages // History Compass. 2004. Vol. 2 (1). Pp. 1–29.
56. Hingley R. Roman Officers and English Gentlemen: The Imperial Origins of Roman Archaeology. London: Routledge, 2000. 240 p.
57. Hingley R. Struggling with Roman Inheritance. A Response to Versluys // Archaeological Dialogues. A Journal for Debating Contemporary Archaeology. 2014. Vol. 21(1). Pp. 20–24.
58. Humfress C. Laws' Empire: Roman Universalism and Legal Practice // New Frontiers: Law and Society in the Roman World / ed. by P. du Plessis. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. Pp. 73–101.
59. Jackson R. What Do We Know about Law in Roman Britain? A talk by Sir Rupert Jackson to the Northern Legal History Group, 21 March 2024. URL: <https://www.northernlegalhistory.com/past-events>.
60. Jenkins D. The Law of Hywel Dda. Law Texts from Medieval Wales. Series: The Welsh Classics; vol. 2. Gomer Press, 1990. 425 p.
61. Johnston D. Roman Law in Context. Key Themes in Ancient History. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 220 p.
62. Jolowicz H., Nicholas B. Historical Introduction to Roman Law. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. 528 p.
63. Jones M. E. The End of Roman Britain. Cornell University Press, 1998. 336 p.
64. Kelly F. A Guide to Early Irish Law. Early Irish Law Series 3. Dublin: DIAS, 1988. 382 p.
65. Levy E. West Roman Vulgar Law: The Law of Property (Memoirs of the American Philosophical Society, vol. 29). Philadelphia: American Philosophical Society, 1951. 305 p.
66. Liversidge J. Britain in the Roman Empire. New York: Frederick A. Praeger, 1968. 526 p.
67. Maine H. Ancient Law, its connection with the early history of society and its relation to modern ideas / With an introduction and notes by F. Pollock. New York: Henry Holt and Co., 1906. 462 p.
68. Maitland F. W. Outlines of English Legal History // Social England / ed. by H.D. Traill. London: Cassell, 1893. Vol. 2. Pp. 418–435.
69. MacNeill E. Ancient Irish Law: The Law of Status or Franchise // Proceedings of the Royal Irish Academy. 1923. № 36. Pp. 265–316.
70. Mattingly D. An Imperial Possession: Britain in the Roman Empire. London, 2007. 622 p.
71. Meyer K. The Triads of Ireland / Royal Irish Academy. Dublin: Hodges Figgis & Co. Ltd., 1906. 54 p.
72. Miller W. G. Lectures on the Philosophy of Law, Designed Mainly as an Introduction to the Study of International Law. L., 1884. 492 p.
73. Millet M. The Romanization of Britain. An Essay in Archaeological Interpretation. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 255 p.

74. Mommsen Th. *The Provinces of the Roman Empire from Caesar to Diocletian* / transl. from German by W.F. Dickson. London, 1909. Vol. I. 367 p.
75. Nicholas B. *An Introduction to Roman Law*. Oxford: Clarendon Press, 1987. 320 p.
76. Parkes P. *Celtic Fosterage: Adoptive Kinship and Clientage in Northwest Europe // Comparative Studies in Society and History*. 2006. Vol. 48. Issue 2. 48. Pp. 359–395.
77. Perring D., Pitts M. *The making of Britain's first urban landscape: the case of Late Iron Age and Roman Essex // Britannia*. 2006. Vol. 37. Pp. 189–212.
78. Phillimore J. G. *Private Law among the Romans from the Pandects*. London, 1863. 448 p.
79. Pollock F., Maitland F. W. *History of English Law before the time of Edward I*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1898. 691 p.
80. Re E. D. *The Roman Contribution to the Common Law // Fordham Law Review*. 1961. Vol. 29. Issue 3. Pp. 447–494.
81. Revell L. *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 221 p.
82. Schrijver P. *The Rise and Fall of British Latin: Evidence from English and Brittonic // The Celtic Roots of English* / ed. by M. Filppula et al. Joensuu, 2002. Pp. 87–110.
83. Scrutton T. E. *The Influence of the Roman Law on the Law of England*. Cambridge, 1885. 199 p.
84. Sherman C. P. *The Romanization of English Law // The Yale Law Journal*. 1914. Vol. 23. Issue 4. Pp. 318–329.
85. Sims-Williams P. *The Book of Llandaf as a historical source*. Suffolk: Boydell & Brewer, 2019. 229 p.
86. Spence G., esq. *The Equitable Jurisdiction of the Court of Chancery*. London, 1846. Vol. I. 748 p.
87. St. Patrick: His Writings and Muirchu's Life / ed. and trans. by A. B. E. Hood. Chichester, Phillimore, 1978. 101 p.
88. Stacey R. Ch. *Ties That Bind: Immunities in Irish and Welsh Law // Cambridge Medieval Celtic Studies*. 1990. 20. Pp. 39–60.
89. Stephen J. F. *A History of the Criminal Law of England*. Cambridge University Press, 2014. Vol. 3. 606 p.
90. Stevens C. *The Social and Economic Aspects of Rural Settlement // Rural Settlement in Roman Britain* / ed. by C. Thomas. 1966. Pp. 108–128.
91. Stevens C. E. *A Possible Conflict of Laws in Roman Britain // Journal of Roman Studies*. 1947. Vol. 37. Pp. 132–134.
92. Tacitus. *De vita et moribus Iulii Agricolae* / transl. by H. Mattingly and rev. by J. B. Rives. London: Penguin Group, 2009. 176 p.
93. Terrenato N. *The Romanization of Italy: global acculturation or cultural bricolage? // Proceedings of the 7th Annual Theoretical Roman Archaeology Conference (Nottingham, 1997)* / ed. by C. Forcey, J. Hawthorne, R. Witcher. Oxford: Oxbow books, 1998. Pp. 20–27.
94. The Digest of Justinian / ed. and trans. A. Watson. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009–2011. Vol. 4. 768 p.
95. The Digest of Roman Law: Theft, Rape, Damage and Insult / ed. and trans. C. F. Kolbert. Middlesex, 1979. 192 p.
96. Tomlin R. S. O. *Roman London's first voices: Writing tablets from the Bloomberg excavations, 2010–2014*. London: Museum of London Archaeology, 2016. 309 p.
97. Tomsinov V. A. *Common Law в юридической конструкции государственного строя Англии первых десятилетий XVII века // Forging a Common Legal Destiny: Liber Amicorum in honour of William E. Butler*. London: Wildy, Simmonds & Hill Publishers, 2005. Pp. 17–31.
98. Trikоз E. N., Гуляева Е. Е. *The Communicative Function of Legal Transplants in Mixed Legal Systems // Kutafin Law Review*. 2023. Vol. 10(3). Pp. 515–543.
99. Varga R. *Constitutio Antoniniana. Law and Individuals in a Time of Change // Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование* / отв. ред. В. В. Дементьева. Ярославль, 2012. Pp. 199–209.
100. Vinogradoff P. *Roman Law in Mediaeval Europe*. London: Harper, 1909. 136 p.
101. Wendy D. *The Celtic Kingdoms // The New Cambridge Medieval History* / ed. by P. Fouracre. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Pp. 255–261.
102. Williams G. A. *The Welsh in Their History*. London: Croom Helm, 1982. 218 p.
103. Winfield P. H. *The Chief Sources of English Legal History*. Cambridge: Harvard University Press, 1925. 374 p.
104. Winkler J. F. *Roman law in Anglo-Saxon England // The Journal of Legal History*. 1992. Vol. 13(2). Pp. 103–110.
105. Whitaker J. *The History of Manchester: In Four Books. Book I. By the Rev. Mr. J. Whitaker*. London, 1773. 412 p.
106. Wigmore J. H. *A Panorama of the World's Legal Systems*. Washington, D.C.: Washington Law Book Company, 1936. 1206 p.

References

1. Alekseeva A. I. *Narrativnaya traditsiya v istorii strategicheskoy politiki Rima v Britaniy v I v. do n.e. – I v. n.e.* [Narrative Tradition in the History of Rome's Strategic Policy in Britain in the 1st Century BC – 1st Century AD]. *Gumanitarnye issledovaniya* – Humanitarian Researches. 2005. Issue 4. Pp. 85–89. (In Russ.).
2. Baryshnikov A. E. *Imperiya nanosit otvetnyy udar? «Arkheologicheskie dialogi» i ocherednoy vitok diskussii o romanizatsii* [Empire Strikes Back? 'Archaeological Dialogues' and a New Turn of the Romanization Debate]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 2015. Issue 1. Pp. 17–22. (In Russ.).

3. Baryshnikov A. E. *Rimskaya Britaniya i problema romanizatsii: krizis traditsionnoy kontseptsii i diskussiya o novykh podkhodakh v sovremenном anglyiskom antikovedenii* [Roman Britain and the Problem of Romanization: Crisis of the Traditional Concept and Discussion of New Approaches in Modern English Classical Studies]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 2012. Issue 6 (3). Pp. 200–211. (In Russ.).
4. Bede the Venerable. *Tserkovnaya istoriya naroda anglov* [Ecclesiastical History of the English People]. Transl. by V. V. Erlikhman. St. Petersburg, 2001. 363 p. (In Russ.).
5. Vinogradov P. G. *Rimskoe pravo v srednevekovoy Evrope* [Roman Law in Medieval Europe]. Moscow, 1910. 99 p. (In Russ.).
6. Gildas the Wise. *O pogibeli Britanii. Fragmety poslaniy. Zhitiya Gil'dy* [The Ruin of Britain. Fragments of Epistles. Lives of Gildas]. Transl., introd. and notes by N. Yu. Chekhonadskaya. St. Petersburg, 2003. 464 p. (In Russ.).
7. Glebov A. G. *Rimskaya Britaniya v III – IV veckakh i ee padenie* [Roman Britain in the 3rd – 4th Centuries and Its Fall]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorya. Politologiya. Sotsiologiya* – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology. 2011. Issue 2. Pp. 89–92. (In Russ.).
8. Degay P. I. *Posobiya i pravila izucheniya rossiyskikh zakonov, ili materialy k entsiklopedii metodologii i istorii literatury rossiyskogo prava* [Manuals and Rules for Studying Russian Laws, or Materials for the Encyclopedia of the Methodology and History of Literature of Russian Law]. Moscow, 1831. 143 p. (In Russ.).
9. Kasatov A. A. *Ponyatie «proprietas» v traktate Genri de Braktona «O zakonakh i obychayakh Anglii» (k voprosu o retsepsiya rimskogo prava)* [The Concept of ‘proprietas’ in the Treatise of Henry de Bracton ‘On the Laws and Customs of England’ (on the Issue of the Reception of Roman Law)]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 2010. Issue 4. Pp. 38–40. (In Russ.).
10. Knabe G. S. *Rim Tita Liviya – obraz, mif i istoriya* [Rome of Titus Livius – Image, Myth and History]. In: Titus Livius. *Istoriya Rima ot osnovaniya Goroda* [The History of Rome from the Foundation of the City]: in 3 vols. Vol. 1. Moscow, 1993. Pp. 647–708. (In Russ.).
11. Lapshina I. E. *Osnovnye etapy razvitiya anglyiskogo prava* [The Main Stages of the Development of English Law]. *Kontsept* – Concept. 2018. Issue 10. Pp. 186–192. (In Russ.).
12. Lyapustina E. V. *Villy v Zapadnykh provintsiyah Rimskoy imperii* [Villas in the Western Provinces of the Roman Empire]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 1985. Issue 1 (172). Pp. 161–186. (In Russ.).
13. Malyugin O. I. *Administrativnoe delenie pozdnerimskoy Britanii i problema provintsii Valentia v anglo-amerikanskoy istoriografii* [Administrative Division of Late Roman Britain and the Problem of the Province of Valentia in Anglo-American Historiography]. Available at: <http://antik-yar.ru/events/cl-civ-2011/papers/malyuginoi>. (In Russ.).
14. Perfilova T. B. *Istoriya Rimskoy Britanii v rabotakh russkikh i sovetskikh spetsialistov* [History of Roman Britain in the Works of Russian and Soviet Specialists]. *Evropeyskaya istoriografiya XX v.* [European Historiography of the 20th Century]. Yaroslavl, 1992. Pp. 23–32. (In Russ.).
15. Selway P. *Rimskaya Britaniya (okolo 55 do n. e. – okolo 440 n. e.)* [Roman Britain (c. 55 BC – c. 440 AD)]. *Istoriya Velikobritanii* [History of Great Britain]. Transl. from Eng.; ed. by K. O. Morgan. Moscow, 2008. 660 p. (In Russ.).
16. Tinebekova M. N. *Vosstanie brittov pod rukovodstvom Boudikki v Rimskoy Britanii (60 g. n.e.)* [The Uprising of the Britons under the Leadership of Boudicca in Roman Britain (60 AD)]. *Uchenye zapiski: Moskovskiy oblastnoy pedagogicheskiy institut im. N. K. Krupskoy – Scientific Notes: Krupskaya Moscow Regional Pedagogical Institute*. 1967. Vol. 183. Issue 9. Pp. 117–137. (In Russ.).
17. Tikhonova O. S. *Rimskiy London epokhi printsipata; struktura gorodskogo khozyaystva* [Roman London During the Principate; The Structure of the Urban Economy]. *Nortsiya – Nortia*. 2003. Issues 6–7. Pp. 230–266. (In Russ.).
18. Tomsinov V. A. *Rimskoe pravo v srednevekovoy Anglii* [Roman Law in Medieval England]. *Antichnaya Drevnost' i Srednie veka. Problemy sotsial'nogo razvitiya* [Ancient Antiquity and the Middle Ages. Problems of Social Development]. Sverdlovsk, 1985. Issue 22. Pp. 122–134. (In Russ.).
19. Trikoz E. N. *Sistematisatsiya prava Anglii v nachale XVII veka: znachenie idey Frenisa Bekona* [Systematization of the Law in England in the Early 17th Century: The Importance of Francis Bacon’s Ideas]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2021. Issue 54. Pp. 660–688. (In Russ.).
20. *Khrestomatiya po drevney istorii* [Reader on Ancient History]: in 3 vols. Ed. by V. V. Struve. Vol. II. Moscow, 1936. 360 p. (In Russ.).
21. Chekhonadskaya N. Yu. *Svyatoy Gil'da i padenie Rimskoy Britanii: dis. ...kand. ist. nauk* [Saint Gildas and the Fall of Roman Britain: Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2001. 351 p. (In Russ.).
22. Shirokova N. S. *Gney Yuliy Agrikola i ego deyatel'nost' v Britanii* [Gnaeus Julius Agricola and His Activities in Britain]. *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Investigations and Publications on the History of Ancient World]. 2010. Issue 9. Pp. 231–270. (In Russ.).
23. Shirokova N. S. *Kel'tskie druidy i kniga Fransuazy Lero* [Celtic Druids and the Book of Françoise Le Roux]. In: Le Roux F. *Druidy* [Druids]. Transl. from Fr. by S. O. Tsvetkova. St. Petersburg, 2003. Pp. 7–67 (In Russ.).

24. Shirokova N. S. *Rimskaya Britaniya: Ocherki istorii i kul'tury* [Roman Britain: Essays on History and Culture]. St. Petersburg, 2016. 382 p. (In Russ.).
25. Ezri G. K. *K voprosu o vlasti i provintsial'noy politiki v Rime* [On the Power and Provincial Politics in Rome]: a collection of articles. Saarbrücken, 2014. 68 p. (In Russ.).
26. Ezri G. K. *Politiko-pravovaya istoriya rimskoy Britanii* [Political and Legal History of Roman Britain]. *Intellektual'nyy potentsial XXI veka: stupeni poznaniya – Intellectual Potential of the 21st Century: Stages of Knowledge*. 2014. Issue 25. Pp. 39–45. (In Russ.).
27. Arnold C. *Roman Britain to Anglo-Saxon England*. Indiana University Press, 1984. 179 p. (In Eng.).
28. Asch R. G. Kulturkonflikt und Recht. Irland, das Common Law und die Ancient Constitution. *Ius Commune*. 1994. Issue 21. Pp. 169–212. (In Germ.).
29. Barrett J. C. Romanization: A Critical Comment. In: Mattingly D. J. (ed.) *Dialogues in Roman Imperialism* (Journal of Roman Archaeology. Supplementary series No. 23). Portsmouth, Rhode Island, 1997. Pp. 51–66. (In Eng.).
30. Binchy D. A. Distraint in Irish Law. *Celtica*. 1973. Vol. 10. Pp. 22–71. (In Eng.).
31. Binchy D. A. Celtic Suretyship, a Fossilized Indo-European Institution? *The Irish Jurist*. 1972. Vol. 7. Pp. 360–372. (In Eng.).
32. Birley A. R. *The Fasti of Roman Britain*. Oxford: Clarendon Press, 1981. 476 p. (In Eng.).
33. Birley A. R. *The Roman Government of Britain*. Oxford: OUP, 2005. 532 p. (In Eng.).
34. Birley E. *Roman Britain and the Roman Army*: collected papers. Kendal, 1953. 212 p. (In Eng.).
35. Blair P. H. *Roman Britain and Early England: 55 B.C.–A.D. 871*. Edinburgh: Th. Nelson & Sons, 1963. 292 p. (In Eng.).
36. Braund D. *Ruling Roman Britain: Kings, Queens, Governors and Emperors from Julius Caesar to Agricola*. London: Routledge, 1996. 217 p. (In Eng.).
37. Cassius Dio Cocceianus. *Dio's Roman History*: Greek texts and page-facing English translation: in 9 vols. Vol. 9. London: W. Heinemann, 1927. 572 p. (In Eng.).
38. Collingwood R., Wright R. *The Roman Inscriptions of Britain*. Vol. I: *Inscriptions on Stone*. Oxford: Clarendon Press, 1965. 854 p.; Vol. II: *Instrumentum Domesticum*. Oxford: Clarendon Press, 1990–1991. 790 p. (In Eng.).
39. Collingwood R. G. *Roman Britain and the English Settlements*. Oxford: Clarendon Press, 1956. 568 p. (In Eng.).
40. Collis J. The Polities of Gaul, Britain, and Ireland in the Late Iron Age. *The Later Iron Age in Britain and Beyond*. Ed. by C. Haselgrove, T. Moore. Oxford: Oxbow Books, 2007. Pp. 523–528. (In Eng.).
41. Copeland T. *Life in a Roman Legionary Fortress*. Amberley Publishing Limited, 2014. 96 p. (In Eng.).
42. Cornell T. J. *The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC)*. London & New York: Routledge, 1995. 507 p. (In Eng.).
43. Criddle A. *The Real Lives of Roman Britain. World History Encyclopedia*. 2016. Available at: <https://www.worldhistory.org/review/145/the-real-lives-of-roman-britain>. (In Eng.).
44. Dark K. *Civitas to Kingdom: British Political Continuity 300–800*. London: Leicester University Press, 1994. 322 p. (In Eng.).
45. *De laudibus legum Angliae: a Treatise in Commendation of the Laws of England*. Ed. by Chancellor Sir J. Fortescue; with transl. by F. Gregor. Cincinnati: Robert Clarke & Co., 1874. 302 p. (In Eng.).
46. Esmonde Cleary A. S. *The Ending of Roman Britain*. London, Batsford, 1989. 242 p. (In Eng.).
47. Frere Sh. *Britannia: A History of Roman Britain*. London: Pimlico Press, 1987. 423 p. (In Eng.).
48. Gibbon E. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Vol. V. London: Strahan & Cadell, 1788–1789. 653 p. (In Eng.).
49. Gildas. *The Ruin of Britain and Other Works*. Ed. by M. Winterbottom. Chichester: Phillimore, 1978. 162 p. (In Eng.).
50. Guest P. The Forum-Basilica at Caerwent (Venta Silurum): A History of the Roman Silures. *Britannia*. 2022. Vol. 53. Pp. 227–267. (In Eng.).
51. Handley M. A. The Origins of Christian Commemoration in Late Antique Britain. *Early Medieval Europe*. 2001. Vol. 10 (2). Pp. 177–200. (In Eng.).
52. Haselgrove C. Society and Polity in Late Iron Age Britain. *A Companion to Roman Britain*. Ed. by M. Todd. Oxford: Blackwell with The Historical Association, 2004. Pp. 12–29. (In Eng.).
53. Haverfield R. *The Romanization of Roman Britain*. Oxford: At the Clarendon Press, 1915. 91 p. (In Eng.).
54. Henrici Archidiaconi Huntendunensis. *Historia Anglorum*. London, 1879 (Henry, Archdeacon of Huntington. *Historia Anglorum: (History of the English People)*. Oxford, 1996. 1078 p.) (In Eng.).
55. Higham N. From Sub-Roman Britain to Anglo-Saxon England: Debating the Insular Dark Ages. *History Compass*. 2004. Vol. 2 (1). Pp. 1–29. (In Eng.).
56. Hingley R. *Roman Officers and English Gentlemen: The Imperial Origins of Roman Archaeology*. London: Routledge, 2000. 240 p. (In Eng.).
57. Hingley R. Struggling with Roman Inheritance. A Response to Versluys. *Archaeological Dialogues. A Journal for Debating Contemporary Archaeology*. 2014. Vol. 21 (1). Pp. 20–24. (In Eng.).
58. Humfress C. Laws' Empire: Roman Universalism and Legal Practice. *New Frontiers: Law and Society in the Roman World*. Ed. by P. du Plessis. Edinburgh University Press, 2013. Pp. 73–101. (In Eng.).
59. Jackson R. *What Do We Know about Law in Roman Britain?* A Talk by Sir Rupert Jackson to the Northern Legal History Group, 21 March 2024. Available at: <https://www.northernlegalhistory.com/past-events>. (In Eng.).

60. Jenkins D. *The Law of Hywel Dda. Law Texts from Medieval Wales*. Series: The Welsh Classics; vol. 2. Gomer Press, 1990. 425 p. (In Eng.).
61. Johnston D. *Roman Law in Context. Key Themes in Ancient History*. Cambridge University Press, 1999. 220 p. (In Eng.).
62. Jolowicz H., Nicholas B. *Historical Introduction to Roman Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. xxvi, 528 p. (In Eng.).
63. Jones M. E. *The End of Roman Britain*. Cornell University Press, 1998. 336 p. (In Eng.).
64. Kelly F. A *Guide to Early Irish Law*. Early Irish Law Series 3. Dublin: DIAS, 1988. 382 p. (In Eng.).
65. Levy E. *West Roman Vulgar Law: The Law of Property* (Memoirs of the American Philosophical Society, vol. 29). Philadelphia: American Philosophical Society, 1951. 305 p. (In Eng.).
66. Liversidge J. *Britain in the Roman Empire*. New York: Frederick A. Praeger, 1968. 526 p. (In Eng.).
67. Maine H. *Ancient Law, Its Connection with the Early History of Society and Its Relation to Modern Ideas*. With an introduction and notes by F. Pollock. New York: Henry Holt and Co., 1906. 462 p. (In Eng.).
68. Maitland F. W. Outlines of English Legal History. *Social England*. Ed. by H. D. Traill. Vol. 2. London: Cassell, 1893. Pp. 418–435. (In Eng.).
69. MacNeill E. Ancient Irish Law: The Law of Status or Franchise. *Proceedings of the Royal Irish Academy*. 1923. Issue 36. Pp. 265–316. (In Eng.).
70. Mattingly D. *An Imperial Possession: Britain in the Roman Empire*. London, 2007. 622 p. (In Eng.).
71. Meyer K. *The Triads of Ireland*. Royal Irish Academy. Dublin: Hodges Figgis & Co. Ltd., 1906. 54 p. (In Eng.).
72. Miller W. G. *Lectures on the Philosophy of Law, Designed Mainly as an Introduction to the Study of International Law*. London, 1884. 492 p. (In Eng.).
73. Millet M. *The Romanization of Britain. An Essay in Archaeological Interpretation*. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 255 p. (In Eng.).
74. Mommsen Th. *The Provinces of the Roman Empire from Caesar to Diocletian*. Transl. from Germ. by W. F. Dickson. London, 1909. Vol. I. 367 p. (In Eng.).
75. Nicholas B. *An Introduction to Roman Law*. Oxford: Clarendon Press, 1987. 320 p. (In Eng.).
76. Parkes P. Celtic Fosterage: Adoptive Kinship and Clientage in Northwest Europe. *Comparative Studies in Society and History*. 2006. Vol. 48. Issue 2. Pp. 359–395. (In Eng.).
77. Perring D., Pitts M. The Making of Britain's First Urban Landscape: The Case of Late Iron Age and Roman Essex. *Britannia*. 2006. Vol. 37. Pp. 189–212. (In Eng.).
78. Phillimore J. G. *Private Law among the Romans from the Pandects*. London, 1863. 448 p. (In Eng.).
79. Pollock F., Maitland F. W. *History of English Law Before the Time of Edward I*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1898. 691 p. (In Eng.).
80. Re E. D. The Roman Contribution to the Common Law. *Fordham Law Review*. 1961. Vol. 29. Issue 3. Pp. 447–494. (In Eng.).
81. Revell L. *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 221 p. (In Eng.).
82. Schrijver P. The Rise and Fall of British Latin: Evidence from English and Brittonic. *The Celtic Roots of English*. Ed. by M. Filppula et al. Joensuu, 2002. Pp. 87–110. (In Eng.).
83. Scrutton T. E. *The Influence of the Roman Law on the Law of England*. Cambridge, 1885. 199 p. (In Eng.).
84. Sherman C. P. The Romanization of English Law. *The Yale Law Journal*. 1914. Vol. 23. Issue 4. Pp. 318–329. (In Eng.).
85. Sims-Williams P. *The Book of Llandaff as a Historical Source*. Suffolk: Boydell & Brewer, 2019. 229 p. (In Eng.).
86. Spence G., esq. *The Equitable Jurisdiction of the Court of Chancery*. Vol. I. London, 1846. 748 p. (In Eng.).
87. St. Patrick. *His Writings and Muirchu's Life*. Ed. and transl. by A. B. E. Hood. Chichester, Phillimore, 1978. 101 p. (In Eng.).
88. Stacey R. Ch. Ties That Bind: Immunities in Irish and Welsh Law. *Cambridge Medieval Celtic Studies*. 1990. Vol. 20. Pp. 39–60. (In Eng.).
89. Stephen J. F. *A History of the Criminal Law of England*. Cambridge University Press, 2014. Vol. 3. 606 p. (In Eng.).
90. Stevens C. The Social and Economic Aspects of Rural Settlement. *Rural Settlement in Roman Britain*. Ed. by C. Thomas. 1966. Pp. 108–128. (In Eng.).
91. Stevens C. E. A Possible Conflict of Laws in Roman Britain. *Journal of Roman Studies*. 1947. Vol. 37. Pp. 132–134. (In Eng.).
92. Tacitus. *De vita et moribus Iulii Agricolae*. Transl. by H. Mattingly and rev. by J. B. Rives. London: Penguin Group, 2009. 176 p. (In Eng.).
93. Terrenato N. The Romanization of Italy: Global Acculturation or Cultural Bricolage? *Proceedings of the 7th Annual Theoretical Roman Archaeology Conference (Nottingham, 1997)*. Ed. by C. Forcey, J. Hawthorne, R. Witcher. Oxford: Oxbow books, 1998. Pp. 20–27. (In Eng.).
94. *The Digest of Justinian*. Ed. and transl. by A. Watson. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009–2011. Vol. 4. 768 p. (In Eng.).
95. *The Digest of Roman Law: Theft, Rape, Damage and Insult*. Ed. and transl. by C. F. Kolbert. Middlesex, 1979. 192 p. (In Eng.).
96. Tomlin R. S. O. *Roman London's First Voices: Writing Tablets from the Bloomberg Excavations, 2010–2014*. London: Museum of London Archaeology, 2016. 309 p. (In Eng.).
97. Tomsinov V. A. Common Law v yuridicheskoy konstruktsii gosudarstvennogo stroya Anglii pervykh desyatiletii XVII veka [Common Law in the Legal Structure of the State System of England in the First Decades of the

17th Century]. *Forging a Common Legal Destiny: Liber Amicorum in honour of William E. Butler*. London: Wildy, Simmonds & Hill Publishers, 2005. Pp. 17–31. (In Russ.).

98. Trikoy E. N., Gulyaeva E. E. The Communicative Function of Legal Transplants in Mixed Legal Systems. *Kutafin Law Review*. 2023. Vol. 10 (3). Pp. 515–543. (In Eng.).

99. Varga R. *Constitutio Antoniniana. Law and Individuals in a Time of Change. Ancient Civilization: Political Structures and Legal Regulation*. Ed. V. V. Dement'eva. Yaroslavl, 2012. Pp. 199–209. (In Eng.).

100. Vinogradoff P. *Roman Law in Mediaeval Europe*. London: Harper, 1909. 136 p. (In Eng.).

101. Wendy D. The Celtic Kingdoms. *The New Cambridge Medieval History*. Ed. by P. Fouracre.

Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Pp. 255–261. (In Eng.).

102. Williams G. A. *The Welsh in Their History*. London: Croom Helm, 1982. 218 p. (In Eng.).

103. Winfield P. H. *The Chief Sources of English Legal History*. Cambridge: Harvard University Press, 1925. 374 p. (In Eng.).

104. Winkler J. F. Roman Law in Anglo-Saxon England. *The Journal of Legal History*. 1992. Vol. 13 (2). Pp. 103–110. (In Eng.).

105. Whitaker J. *The History of Manchester*: in 4 books. Book I. London, 1773. 412 p. (In Eng.).

106. Wigmore J. H. *A Panorama of the World's Legal Systems*. Washington, D.C.: Washington Law Book Company, 1936. 1206 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Е. Н. Трикоз

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории права и сравнительного
правоведения
Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России
119454, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 76;

доцент кафедры публичной политики
и истории государства и права
Российского университета дружбы народов
имени П. Лумумбы
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

ORCID: 0000-0001-7331-480X
ResearcherID: A-7996-2018

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-660-688

About the author:

E. N. Trikoy

MGIMO University
76, prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

People's Friendship University of Russia named after
Patrice Lumumba
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia

ORCID: 0000-0001-7331-480X
ResearcherID: A-7996-2018

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-660-688

II. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Информация для цитирования:

Гришин Д. А. Административно-правовое регулирование: предмет, метод, система // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 3(69). С. 389–408. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-389-408.

Grishin D. A. *Administrativno-pravovoe regulirovanie: predmet, metod, sistema* [Administrative-Law Regulation: The Subject, Method, System]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2025. Issue 3(69). Pp. 389–408. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-389-408.

УДК 342.92

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-389-408

Административно-правовое регулирование: предмет, метод, система

Исследование проведено в рамках деятельности научной школы «Организация и административно-правовые основы государственного управления в УИС», функционирующей на базе Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань); https://apu.fsin.gov.ru/area/scientific_activities/nsch.php

Д. А. Гришин

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
E-mail: dagr1979@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 07.05.2025

Введение: статья посвящена анализу доктринальных проблем, связанных с определением предмета административно-правового регулирования и основных конституционно-правовых тенденций, оказывающих влияние на предмет и систему современного административного права. **Цель:** сформировать представление о предмете и методе административного (административно-процессуального) права, определить место данных отраслей в системе публичного права, систематизировать внутриотраслевое построение подотраслей и институтов. **Методы:** системно-структурный метод, примененный при формировании представления о системе правового воздействия; методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, использованные при формулировании авторских определений; сравнительно-правовой метод, давший возможность соотнести отечественный и зарубежные типы административно-правового регулирования; историко-правовой метод, позволивший рассмотреть эволюцию российского и зарубежного законодательства, регламентирующего административные отношения. **Результаты:** установлено, что критериями разделения системы права на отрасли, также служащими средствами внутриотраслевого построения подотраслей и институтов, являются две взаимосвязанные категории: «предмет» и «метод правового регулирования». Предмет – это определенная, обособленная от других сфера общественных отношений. Метод правового регулирования является собой единую структурированную систему правового воздействия, представленную уникальным для каждой отрасли права набором сочетаний первичных способов воздействия (первый структурный уровень), правовых средств (второй уровень) и правовых приемов (третий уровень) воздействия. **Выводы:** с учетом обозначенных критериев предлагается

© Гришин Д. А., 2025



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

выделять в системе публичного права следующие отрасли: административное право, административно-процессуальное право, административно-деликтное право и судебное административно-процессуальное право (административная юстиция).

Ключевые слова: административно-правовое регулирование; административные правоотношения; система административного права; предмет и метод правового регулирования

Administrative-Law Regulation: The Subject, Method, System

*The study was conducted within the framework of the scientific school ‘Organization and administrative-law foundations of public administration in the penal system’, functioning on the basis of the Academy of the FPS of Russia (Ryazan);
https://apu.fsin.gov.ru/area/scientific_activities/nsch.php*

D. A. Grishin

The Academy of the FPS of Russia
E-mail: dagr1979@rambler.ru

Received 07 May 2025

Introduction: the article explores doctrinal problems associated with defining the subject of administrative-law regulation and identifying the main constitutional-law trends that influence the subject and system of modern administrative law. **Purpose:** to form an idea of the subject and method of administrative (administrative-procedural) law, to determine the place of these branches in the system of public law, to systematize the intra-branch structure of the sub-branches and institutions. **Methods:** systemic-structural method, used in forming an idea of the system of legal impact; methods of analysis, synthesis, induction, deduction, used in formulating the author's definitions; comparative-legal method, used to compare domestic (Russian) and foreign types of administrative-law regulation; historical-legal method, employed to consider the evolution of Russian and foreign legislation regulating administrative relations. **Results:** the study has found two interrelated categories – the ‘subject’ and ‘method of legal regulation’ – to be the criteria for dividing the legal system into branches, also serving as means of intra-branch structuring of sub-branches and institutions. The subject is a specific sphere of social relations, separate from others. The method of legal regulation is a single structured system of legal impact, represented by a unique (for each branch of law) set of combinations of primary methods of legal impact (first structural level), means of legal impact (second level), and techniques of legal impact (third level). **Conclusions:** taking into account the abovenamed criteria, it is proposed to distinguish the following branches within the system of public law: administrative law, administrative-procedural law, administrative-tort law, and judicial administrative-procedural law (administrative justice).

Keywords: administrative-law regulation; administrative legal relations; system of administrative law; subject and method of legal regulation

Введение

Системообразующей категорией любой отрасли права является предмет правового регулирования. Четкое определение предмета позволяет сконцентрировать усилия ученых и правоприменителей на проблеме систематизации соответствующей отрасли, выстраивании межотраслевых связей с другими отраслями единой правовой системы. Ввиду этого определение предмета выступает ключевой исследовательской задачей для дальнейшего формирования определенной научной доктрины. Нельзя забывать, что предмет отрасли не является «статичной», не подлежащей изменению категорией. Он развивается,

видоизменяется и корректируется под влиянием системы политico-правовых и социально-экономических факторов, в том числе изменения государственно-правового устройства, конституционных реформ, модернизации собственно отраслевого законодательства, внедрения в повседневную жизнь современных технологий. Это предопределяет необходимость оперативного реагирования на соответствующие изменения в целях максимальной адаптации отрасли права и отраслевого законодательства под новые условия. Особенно актуальным сегодня является исследование предмета и системы административного права. Данная отрасль представляет собой «надотраслевой фундамент» не только для публичного права, но и

для всей системы государственного и общественного устройства страны. Как справедливо отмечает профессор К. Колианезе, «изучение административного права требует погружения в широкий спектр вопросов социальной науки: как нормативной, так и позитивной политической теории; индивидуальное и организационное поведение, а также право, политику, социологию, государственное управление и экономику» [63, с. 2]. Следует констатировать, что предмет административного права является очень объемным и выходит за рамки отдельной отрасли права, что позволяет говорить об определенном «поглощении» административным правом смежных публично-правовых отраслей, формировании из них комплексных (межотраслевых) правовых образований, сочетающих общие начала государственного управления (административное либо административно-процессуальное право) с особенностями его осуществления в той или иной сфере. Это, в свою очередь, порождает появление таких сложных правовых конструкций, как административно-экономическое, административно-финансовое, военно-административное право [12, с. 40] либо административно-правовое регулирование в экологической, финансовой, информационной, уголовно-исполнительной и иных сферах. В данном случае отнесение соответствующей сферы к административно-правовому регулированию базируется на публичном характере общественных отношений, возникающих в процессе выполнения органами, наделенными властно-распорядительными полномочиями, своих функций. При этом отрасли законодательства, которая собственно и регулирует соответствующие общественные отношения, отводится производная (вспомогательная) роль. Естественно, что подобный подход вызывает критику ученых – представителей иных публично-правовых наук, которые указывают на невозможность регулирования соответствующих отраслевых отношений нормами административного и/или административно-процессуального законодательства. Например, в теории финансового права сложился консенсус, что отношения, непосредственно связанные с выполнением органами государственного управления функций по планомерному образованию, распределению и использованию государственных денежных фондов, необходимых для реализации задач публичного характера и удовлетворения общесоциальных потребностей, регулируются нормами финансового законодательства и входят в предмет финансового права [56, с. 24; 57, с. 37; 58, с. 59; 59, с. 14]. Представители эколого-правовой науки также обосновывают позицию о том, что управленческие отношения, связанные с охраной окружающей среды, составляют предмет именно экологического права и регулируются не административным (административно-процессуальным) законодательством,

а нормами экологического законодательства [25, с. 135–203; 16, с. 187–256].

Усугубляет проблему определения предмета административного (административно-процессуального) права и формирования ее системы нечеткая нормативная систематизация и структурированность административного и административно-процессуального законодательства, обусловленная отсутствием базового (предпочтительно кодифицированного) федерального закона (либо законов), регламентирующего(их) основы государственного управления в Российской Федерации, в том числе закрепляющего(их):

- административные отношения в качестве самостоятельной и обособленной от других сферы правового регулирования, по аналогии с налоговым, бюджетным, водным, лесным, земельным и иным законодательством;
- единую структурированную систему органов исполнительной власти всех уровней;
- основные (типичные) государственные функции и сферы их реализации органами, наделенными властными полномочиями;
- порядок реализации (типичных) государственных функций;
- процесс взаимодействия частных и публичных субъектов, направленный на обеспечение закрепленных и гарантированных Конституцией РФ прав, свобод и законных интересов граждан.

Единственным кодифицированным нормативно-правовым актом, который, бесспорно, может быть отнесен к административному и административно-процессуальному законодательству, является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (далее – КоАП РФ). Иные нормативно-правовые акты федерального, регионального и местного уровней могут быть отнесены к актам административного и административно-процессуального законодательства условно, ввиду отсутствия четко определенной и закрепленной в законодательстве сферы общественных отношений, регламентируемой соответствующим законодательством и именуемой как «административные отношения».

Предмет административного права и основные тенденции, формирующие представление о нем

Современное российское административное право во многом сохранило в себе черты административного права советского периода. И это неудивительно, поскольку в Советском Союзе, особенно после Великой Отечественной войны, были сформированы базовые научные школы, которые заложили основу современной административно-правовой и административно-процессуальной науки. Причиной, обуславливающей формирование и наиболее динамичное

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон РФ от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.

развитие административного права в нашей стране в советский период, явилась объективная потребность государства в научном обеспечении функционирования единой системы государственного управления, представленной самостоятельным видом органов, выполняющих организационно-распорядительные функции, – органами государственного управления¹. Конституции СССР 1936 (гл. 5) и 1977 (гл. 16) годов закрепляли конституционно-правовой статус данных органов, наделяя их соответствующими полномочиями во всех сферах общественно-государственного устройства. Правовое регулирование государственно-управленческой деятельности осуществлялось нормативно-правовыми актами, которые в своей совокупности образовывали самостоятельную и крупнейшую отрасль советского права, а именно административное право или право государственного управления. Взаимодействие граждан, организаций и государства в тот исторический период выстраивалось посредством прямого целенаправленного управленческого воздействия со стороны органов государственного управления на граждан и организации. Именно управление, то есть прямое воздействие субъекта управления (орган государственного управления) на объект управления (гражданин), формируемые в рамках такого воздействия прямые и обратные связи, а также взаимодействие субъекта и объекта управления с внешней средой представляли собой единственную эффективную форму взаимодействия власти и общества. Гражданин воспринимался в качестве неотъемлемой составной части государства, деятельность гражданина должна быть подчинена государственным интересам и нацелена в первую очередь на решение общегосударственных задач. В этой связи между государственным аппаратом и гражданином не должны и не могут возникать споры и противоречия, так как их совместная созидательная деятельность объединена общей социально полезной целью и направлена на построение, укрепление и развитие социалистического государства, в рамках которого гармонично сочетаются публичные и частные интересы. Как отмечал профессор А. И. Елистратов, «советское административное право не нуждается в том подчеркнутом противоположении органов администрации и суда, которое должно было служить гарантией публичных прав граждан в буржуазном государстве» [24, с. 7]. При этом право, выполняя функцию универсального регулятора общественных отношений, обеспечивало единый процесс государственного управления. Другими словами, государственное управление осуществлялось в соответствии и во исполнение

требований законодательства, регламентирующего общественные отношения в двух взаимосвязанных сферах: в сфере внутренней организации государственного аппарата (прежде всего органов государственного управления), а также в сфере внешне властных управленческих отношений между государством и гражданами. Совокупность органически связанных между собой материальных и процессуальных норм и институтов, регулирующих данные общественные отношения, и составила предмет административного права – самостоятельной отрасли советской системы права. Профессор И. И. Евтихиев так характеризовал особенности юридических свойств правовых отношений, составляющие предмет советского административного права: «по субъектам – одной из сторон административно-правового отношения обязательно должен быть исполнительно-распределительный орган; по форме – возникает не через договорные соглашения сторон, а в силу веления уполномоченного органа управления; по условиям возникновения – издание приказа администрации, устанавливающего данное административно-правовое отношение, является обязанностью администрации при наступлении определенных конкретных фактов или условий (исключение признака диспозитивности); по содержанию – административно-правовое отношение не связывается с имущественными отношениями; по порядку юрисдикции – разрешение споров и наложение санкций, связанных наличием административно-правовых отношений и административно-правовыми деликтами происходит в административном (не судебном порядке)» [23, с. 10–11]. Для административно-правовых отношений, как отмечает автор, «характерна совокупность всех обозначенных юридических свойств» [23, с. 11]. Таким образом, административные правоотношения советского периода носили линейный (отношения между руководителем и его подчиненными), императивный, неимущественный и внесудебный характер.

Общепризнанной была система административного права, включающая в себя общую и особенную части. В общей части рассматривались общие вопросы государственного управления. Особенная часть посвящена государственному управлению по отдельным отраслям: управление обороной, иностранными делами, внешней торговлей, юстицией, промышленностью, сельским хозяйством, народным здравоохранением, социальным обеспечением [23; 44; 51]. Представленная в советский период система административного права является и сегодня наиболее распространенной в административно-правовой науке [2; 5; 8; 9; 10; 31].

¹ Конституция Союза Советских Социалистических Республик: утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 дек. 1936 г. (с последующими изменениями и дополнениями). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676 (дата обращения: 10.01.2025); Конституция Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 окт. 1977 г. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 10.01.2025).

С принятием в 1993 году Конституции РФ¹ изменился характер взаимоотношений между государством, обществом и гражданами. Гражданин перестал быть объектом управленческого воздействия и воспринимается уже в качестве субъекта управления, права и свободы которого являются для государства высшей ценностью и должны быть обеспечены публичной властью всех уровней. Это повлекло за собой изменение системы и структуры органов публичной власти, отказ государства от терминов «государственное управление», «орган государственного управления». На смену органам государственного управления пришли органы исполнительной власти, формируемые в интересах граждан страны и призванные реализовывать исполнительно-распорядительные функции, направленные на обеспечение и защиту закрепленных в Конституции РФ и российском законодательстве прав и свобод человека и гражданина. Обеспечение основных конституционных прав и свобод человека и гражданина является для современного российского государства основным целевым ориентиром и приоритетным направлением деятельности всех государственных органов. Современное российское государство не только не отрицает возможности возникновения конфликтов и споров между частными и публичными субъектами, но и, напротив, гарантирует независимое и беспристрастное рассмотрение соответствующего спора и вынесение по нему соответствующего закону справедливого решения. Кардинальное изменение характера взаимодействия граждан и государства было обусловлено тем, что на смену прямому государственно-управленческому воздействию, носившему субъектно-объектный характер, пришло взаимодействие равных субъектов. Государство в отношениях с гражданами не управляет ими, а формирует, посредством реализации нормотворческой функции, правовые рамки, в которых гражданам и организациям предоставляются и гарантируются возможности самостоятельно и в полном объеме реализовывать закрепленные в Конституции РФ и законодательстве права и свободы. И только в случае выхода за установленные правовые рамки государство прибегает к прямому управленческому воздействию посредством применения в том числе мер государственного принуждения. Отношения между частными и публичными субъектами – это отношения двух типов: управленческие и организационные. Похожее разделение типов воздействия существует в административном праве Китая, где «частные лица выступают в качестве объекта административного управления и партнера государственного органа» [69, с. 52]. Управленческие отношения характеризуются императивностью, юридическим неравенством его участников и возможностью субъекта, наделенного властью, применять меры государственного принуждения. Организационные отношения связаны

с порядком (процессом, процедурами) осуществления определенной деятельности. Как справедливо отмечает Е. С. Сергеева, «формальной особенностью базовых организационных отношений является их тесная связь с процедурой, которая предполагает следующие условия: специализированный способ реализации; письменную форму закрепления; четко установленные порядок и сроки реализации» [42, с. 168–169]. Процессуально-процедурному регулированию деятельности органов публичной администрации отводится особое место в системе административного права США. Как отмечает профессор В. Ф. Фокс, «в большинстве современных курсов административного права анализируется то, каким образом дела проходят через то или иное ведомство, а не суть самих дел» [64, с. 1–2].

Еще одной тенденцией, оказывающей непосредственное влияние на предмет административного права, явилась предметная отраслевизация смежных с административным правом публично-правовых сфер, то есть формирование, наряду с административным, таких отраслей права, как: финансовое право, экологическое право, информационное право, энергетическое право, земельное право, водное право, лесное право и др. В предмет данных отраслей включаются в том числе управленческие отношения, связанные с реализацией органами публичной власти своих полномочий, в соответствующей, четко определенной предметом отрасли сфере общественных отношений. Означает ли это, что административное и административно-процессуальное законодательство перестает оказывать свое регулирующее воздействие на общественные отношения в данных отраслях публичного права? Ответ на данный вопрос состоит в том, что административное законодательство играет своего рода роль конституции в сфере публично-правового регулирования и обеспечивает регламентацию наиболее общих стратегических вопросов организации и осуществления исполнительно-распорядительной деятельности органами публичной власти, формируя отечественную модель государственного управления. Особенности реализации данной модели, отраженные в отраслевом законодательстве, должны учитывать требования административного законодательства и не вступать в противоречия с ним.

И наконец, третьей тенденцией, оказывающей непосредственное влияние на содержание предмета административного права, является закрепленное в Конституции РФ место административного и административно-процессуального законодательства в системе правового регулирования общественных отношений. В соответствии с пунктом «к» статьи 72 Основного закона административное и административно-процессуальное законодательство, являющиеся базисом данных правовых отраслей, относятся к совместному ведению Российской Федерации и ее

¹ Российская газета. 25.12.1993. № 237.

субъектов. Из обозначенного в Конституции РФ правового предписания можно сделать следующие выводы.

Во-первых, законодатель выделяет в самостоятельную видовую категорию нормы административно-процессуального законодательства, отделяя их от материальных административно-правовых норм, тем самым на конституционном уровне формирует правовую основу для предметного обосновления административно-процессуального права в качестве самостоятельной отрасли российской системы права.

Во-вторых, являясь законодательством, отнесенным к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, его источниками в соответствии частью 2 статьи 76 Конституции РФ выступают федеральные законы, а также принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативно-правовые акты субъектов Федерации. В связи с этим возникает вопрос: могут ли федеральные конституционные и федеральные законы, не отнесенные к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, относиться к актам административного либо административно-процессуального законодательства, то есть являться источниками административного права? Ответ на данный вопрос имеет принципиальное значение для определения содержания предмета административного права и его источников. Обратимся к решению Конституционного Суда РФ. Постановлением от 9 января 1998 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации»¹ установлено, что федеральные конституционные и федеральные законы, не отнесенные к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, могут регулировать лесные отношения, становясь источниками лесного законодательства. Проводя аналогию с административным и административно-процессуальным законодательством, можно утверждать, что и его источниками могут являться федеральные конституционные и федеральные законы, не отнесенные к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Сформулированное в части 2 статьи 76 Конституции РФ предписание о том, что по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ, лишь наделяет субъекты РФ нормотворческими полномочиями в сферах, отнесенных Конституцией РФ к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, обеспечивая реализацию базового конституционного принципа построения Российского государства – принципа федерализма, и не может трактоваться как запрет либо препятствие в осуществлении нормативно-правового

регулирования соответствующих сфер федеральными конституционными и федеральными законами. В соответствии с пунктом «а» статьи 71 Конституции РФ принятие всех федеральных законов находится в ведении Российской Федерации, а не в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов и монопольно осуществляется Государственной Думой Федерального Собрания в порядке, регламентируемом статьями 104–108 Конституции РФ. Единственной особенностью рассмотрения проектов федеральных законов по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации является процедура их согласования с субъектами Российской Федерации (ст. 109)². Таким образом, источниками административного и административно-процессуального законодательства могут являться федеральные конституционные, федеральные законы и принятые в соответствии с ними подзаконные нормативно-правовые акты. Даные нормативно-правовые акты должны иметь межотраслевой (комплексный) характер правового регулирования. Например, Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-І «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»³, являясь источником административного права, содержит в себе нормы таких отраслей права, как финансовое право (ст. 7 «Финансовое обеспечение уголовно-исполнительной системы», ст. 34 «Государственное страхование и возмещение ущерба в случае смерти (гибели) илиувечья рабочих и служащих учреждений, исполняющих наказания, и следственных изоляторов»), гражданское право (ст. 11 «Имущество уголовно-исполнительной системы»), уголовно-исполнительное право (ст. 15 «Исполнение уголовных наказаний в учреждениях, исполняющих наказания» и др.).

В-третьих, категории «административно-процессуальное законодательство» и «законодательство об административном судопроизводстве» не являются тождественными. Законодательство об административном судопроизводстве выступает элементом единой системы федерального процессуального законодательства, находящегося в соответствии Конституцией РФ в исключительном ведении Российской Федерации (п. «о» ст. 71). Данное умозаключение основывается на положении части 1 статьи 2 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), в соответствии с которым порядок осуществления административного судопроизводства регулируется исключительно федеральным законодательством⁴. Таким образом, нормы Конституции РФ дифференцируют процессуальное законодательство в публично-правовой сфере на два вида: судопроизводство по административным

¹ Собр. законодательства Российской Федерации. 1998. № 3, ст. 429.

² Регламент Государственной Думы: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 янв. 1998 г. № 2134-II ГД. URL:<http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/> (дата обращения: 25.12.2024).

³ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации от 19 авг. 1993 г. № 33, ст. 1316.

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федер. закон РФ от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2015. № 10, ст. 1391.

делам, регламентируемое КАС РФ, то есть судебный административный процесс, и административный процесс, регламентируемый законодательством, отнесенным к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, представленный КоАП РФ, законами субъектов РФ и иными нормативно-правовыми актами федерального и регионального уровней, регулирующими порядок взаимодействия суда, органов, наделенных властными полномочиями, и частных субъектов при рассмотрении индивидуально-определенных дел и вынесении по ним административного либо судебного решения.

Все вышеперечисленные тенденции характеризуют:

- конституционно-правовые основы административного и административно-процессуального законодательства;
- современную систему государственного управления в России, содержание и характер управленческого воздействия, оказываемого на частноправовые субъекты в процессе выполнения публичных функций;
- соотношение административного права с иными публично-правовыми отраслями российской системы права, в том числе характер и степень «проникновения» административно-правового регулирования в другие публично-правовые отрасли;
- возросшую роль суда в вопросах обеспечения баланса частных и публичных интересов в процессе взаимодействия государственного аппарата и граждан, обусловленную формированием национальной системы административной юстиции.

Указанные тенденции не могли не отразиться на предмете административного права.

Таким образом, современные административные правоотношения, составляющие предмет административного права, – это регламентируемые административным и административно-процессуальным законодательством общественные отношения, а именно:

1) отношения, складывающиеся внутри системы исполнительной власти, в том числе органов и организаций, наделенных властно-распорядительными полномочиями, и надотраслевые внешне властные управленческие отношения;

2) общие организационные отношения в сфере взаимодействия органов, наделенных властными полномочиями, с гражданами и организациями;

3) охранительные административно-деликтные отношения;

4) отношения в сфере судебной защиты публичных интересов государства, а также прав и законных интересов частноправовых субъектов от неправомерных действий (решений) органов публичной администрации.

Спектр правовых отношений, составляющих предмет административного и административно-процессуального права, позволяет утверждать, что данная отрасль не похожа на зарубежные модели

административно-правового регулирования и обладает существенными особенностями. Например, административное право КНР – это отрасль, призванная регулировать преимущественно отношения в сфере контроля за деятельностью государственной власти. По словам профессора Ц. Ванг, «в правовой системе Китая административное право определяется, по сути, как право, относящееся к контролю за деятельностью исполнительной власти. Основная цель административного права состоит в том, чтобы сохранить полномочия правительства в рамках их законных границ, с тем, чтобы защитить граждан от злоупотреблений» [69, с. 52]. В США, как отмечает профессор Д. Мэшоу, административно-правовые отношения можно дифференцировать на три категории: конституционно-административные отношения, связанные с согласованием, назначением и смешением с должности высших должностных лиц страны, обладающих организационно-распорядительными полномочиями; организационно-административные отношения в сфере внутреннего построения системы административных органов и порядка (процедур) осуществления ими административных действий; отношения в сфере судебного надзора за законностью действий административных органов [65, с. 991–992]. При этом, как отмечает автор, процедурные аспекты организационно-административных отношений «настолько доминируют в нынешней концепции административного права, что позволяет говорить об этой области как об “административном процессе”, а не как об области административного права» [65, с. 978]. В европейских государствах административные отношения рассматриваются в основном в контексте административного судопроизводства (административной юстиции). По словам П. Крейга, именно суды ЕС внесли основной вклад в разработку теории административного права ЕС, наполнив его базовыми принципами, такими как пропорциональность, основные права, правовая определенность, законные ожидания, равенство и процессуальная справедливость [62, с. 5]. З. Ахтар, анализируя административное право Франции, указывает на все возрастающую роль механизмов судебного надзора за исполнительно-распорядительной деятельностью в сфере отношений между гражданами и должностными лицами административных органов [61, с. 224].

Анализ научной литературы позволяет выявить общемировую тенденцию расширения сферы административно-правового регулирования за счет включения в предмет административного права судебно-административных отношений. Данная тенденция, вне зависимости от формы государственного устройства и политического строя, вполне естественна и вытекает из самой сущности демократических институтов, основанных на верховенстве права и принципе разделения властей. В Китае административные судебные разбирательства стали общепризнанной чертой политico-правового ландшафта КНР после

вступления в силу Закона об административном судопроизводстве 1989 года [68, с. 218]. Для современной России, стран ЕС и США судебный контроль и надзор за деятельностью административных органов всегда являлся обязательной и наиболее важной для общества сферой правового регулирования. Во всех государствах Азиатского региона процессы расширения судебного присутствия в сфере административных отношений также проходят, но с разной степенью интенсивности [68, с. 213].

Однако будет неправильным утверждать, что административные отношения в государствах ЕС – это исключительно отношения в сфере административного судопроизводства. В Германии, например, ученые выделяют три подхода, применяемых при отнесении общественных отношений к административно-правовым:

- теория субординации, основанная на использовании метода «превосходства и подчиненности» между органом власти и гражданином;
- предметная теория: правовые положения, дающие право или обязывающие государственный орган выполнять конкретную публичную функцию;
- теория интересов, отражающая публичные цели (интересы) возникновения и развития соответствующих правовых отношений [67].

Подводя итог, отметим, что предмет отечественного административного права уникален, это обусловливается: особенностями российской правовой системы и законодательства, в том числе наличием самостоятельного административно-охранительного законодательства, нетипичного для большинства иностранных государств; надотраслевым характером как внешне властных управлеченческих, так и организационных отношений, составляющих предмет данной отрасли.

Доктринальные подходы к характеристике системы административного права

Ведущими учеными в области административно-правовой науки предпринимались и продолжают предприниматься попытки доктринального обоснования новых, отвечающих требованиям современного законодательства моделей построения системы административного права посредством выявления наиболее значимых и непротиворечивых критериев, позволяющих структурировать данную систему и выделить в ней системообразующие блоки (подотрасли, институты).

Обозначим некоторые современные подходы к характеристике системы административного права.

Первый подход: сохранение и адаптация к современным социально-политическим условиям и действующему законодательству разработанной в советский период системы административного права, с разделением ее на общую и особенную части [3; 4; 11]. В общую часть включаются вопросы, характеризующие основы государственного управления:

- формы, методы, меры государственного управления;
- обеспечение законности в государственном управлении;
- административная ответственность;
- административный процесс;
- государственная служба и др.

Особенная часть посвящена специфике государственного управления в экономической, социально-культурной и административно-политической сферах.

Второй подход: разделение административного права на две самостоятельные отрасли права:

- 1) административное право [2; 6], включающее общую (основы государственного управления; субъекты административного права; формы, методы государственного управления; обеспечение законности в государственном управлении; административные правонарушения и административная ответственность; государственная служба и др.) и особенную (государственное управление в различных сферах и отраслях) части;
- 2) административно-процессуальное право [13], включающее в себя теорию административного процесса и правовые основы административных производств, входящих в его структуру, и административного судопроизводства.

Третий подход: разделение административного права на три блока:правленческое право; полицейское право; административная юстиция [18].

Четвертый подход: сохранение предложенного в советский период разделения административного права на общую и особенную части, но по иным основаниям. Первым блоком в системе административного права является Общее административное право, включающее «правовые нормы, которые одинаково действуют во всех сферах организации и функционирования управления» [48, с. 439]. В систему Общего административного права входят: понятие и сущность публичного управления – «те правила, нормы, принципы, понятие и правовые институты, которые применимы ко всем областям административного права; иными словами, она регламентирует типичное, сравнимое, общее в системе управления» [48, с. 439]; субъектыправленческих действий; структура и содержание государственного управления;правленческий процесс; административное принуждение; административно-юрисдикционный процесс; административный процесс или административно-правовая судебная защита прав и свобод граждан от незаконных действий и решений органов управления и должностных лиц; возмещение вреда и ущерба, причиненных физическим и юридическим лицам, в административном порядке; контроль и надзор в сфере государственного управления [34; 35]. Особенная часть объединяет правовые нормы, регламентирующие конкретные сферыправленческой деятельности, например: строительное право, дорожное право, предпринимательское право, полицейское право, служебное право и т. д. [48, с. 441].

Пятый подход: отказ от традиционного деления административного права на общую и особенную части и разделение данной отрасли на следующие блоки: природа и система административного права; субъекты административного права и процесса; административно-правовое регулирование; механизм административно-правового управления, включающий в себя управление в различных сферах; административный процесс [55].

Шестой («функциональный») подход: выявление, анализ и систематизация базовых функциональных сфер общественных отношений, урегулированных административным правом, в числе которых: сфера административного нормотворчества; сфера административного правопредоставления; сфера административного обязывания; сфера административного стимулирования; сфера административного санкционирования; сфера противодействия административным деликтам; сфера разрешения административных споров; сфера противодействия административным казусам [12]. Административно-процессуальное регулирование представлено «интеграционной» теорией административного процесса, включающей в себя два вида процесса: судебный административный процесс и исполнительный (внесудебный) административный процесс [50; 52]. Основными целевыми ориентирами административного процесса являются: процессуальное обеспечение реализации основных функций государственными органами и органами, наделенными административно-публичными полномочиями, и судопроизводство по административным делам.

Седьмой подход: включение в систему административного права, помимо общей и особенной частей, третьей (или специальной) части, содержание которой составляет административное право зарубежных стран [1] либо административно-процессуальную деятельность [7].

Восьмой (научно-квалификационный) подход: отражает легально допустимые сегодня направления исследований по административному и административно-процессуальному праву, закрепленные в паспорте научной специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» (далее – паспорт). В паспорте термин «административно» употребляется 8 раз – в контексте мер административного принуждения, производства по делам об административных правонарушениях, административных процедур и административной юстиции. (Для сравнения: в паспорте специальности 12.00.14 «Административное право; административный процесс»

(2017 г.), характеризующем все сферы государственного управления и взаимодействия частных и публичных субъектов, термин «административно» встречается 43 раза¹.) В паспорте предложен новый термин «публично», который употребляется более 20 раз и по своему содержанию заменяет, а точнее, «поглощает», термин «административно»². Отсутствует в паспорте и упоминание такой базовой объединяющей административно-процессуальной категории, как «административный процесс». Можно констатировать, что в административно-правовой науке произошла «тихая революция», выразившаяся в существенном сужении сферы правового регулирования, составляющей предмет административного и административно-процессуального права и, как следствие, сокращении соответствующих направлений научных исследований. Не один из сформированных в науке и обозначенных в настоящей работе подходов к характеристике системы административного права не соответствует такому узкому пониманию ее предмета. Складывается впечатление, что при формулировании содержания паспорта специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» его автор (авторы) исходил из требований пункта «к» статьи 72 и части 2 статьи 76 Конституции РФ, относящих административное и административно-процессуальное законодательства к совместному ведению Российской Федерации и его субъектов, источниками которого являются исключительно федеральные законы, а также принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативно-правовые акты субъектов Федерации. Такими нормативно-правовыми актами являются, например, КоАП РФ, Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 59-ФЗ)³ и др. Иные нормативно-правовые акты, регламентирующие осуществление государственного управления в таких сферах, как информационная, финансовая, таможенная, экологическая, природоресурсная и др., сферах государственного контроля (надзора), государственной и муниципальной службы, по мнению разработчиков паспорта, не относятся к административному и административно-процессуальному законодательству и не составляют предмет данных правовых отраслей. Применительно к обозначенным сферам используется термин «публично-правовое».

Не будет преувеличением сказать, что подобного многообразия подчас противоречивых и не соответствующих друг другу подходов к содержанию и

¹ Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени [Электронный ресурс]: Приказ Министерства образования и науки РФ от 23 окт. 2017 г. № 1027. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное Приказом Министерства образования и науки РФ от 10 ноября 2017 г. № 1093 [Электронный ресурс]: Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февр. 2021 г. № 118. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 19, ст. 2060.

характеристике системы административного права нет ни в одной другой отрасли. Причины здесь объективны и кроются в предмете административного права, многообразии и несистематизированном характере его источников.

Таким образом, опора ученых на предмет как основной и единственный критерий разделения системы права на отрасли, также служащий критерием внутриотраслевого построения подотраслей и институтов, не позволяет прийти к консенсусу относительно места административного права в системе публичного права и внутреннего построения данной отрасли.

Метод правового регулирования административных отношений

Центральными элементами в системе правового регулирования, позволяющими дифференцировать отрасли права, ограничить самостоятельные отрасли от комплексных правовых образований, являются предмет и метод правового регулирования общественных отношений. Как справедливо отмечают профессора Н. И. Матузов и А. В. Малько, «в основе деления права на отрасли и институты лежат два критерия: 1) предмет правового регулирования; 2) метод правового регулирования. Они и выступают системообразующими факторами» [30, с. 399]. Дискуссии о методе правового регулирования, служащем самостоятельным критерием разделения правовых отношений на отраслевые виды, характерны не только для отечественной правовой системы. Как указывает профессор Б. Д. Маттарелла, многие ученые в основу отнесения общественных отношений к административным закладывали именно применяемый при регулировании соответствующих отношений метод «властных полномочий» [66]. По словам профессора С. Д. Князева, «именно в методе административного права должны найти отражение изменяющиеся потребности управленческих отношений в правовом регулировании, адекватном тем радикальным политическим и экономическим переменам» [26, с. 48].

В качестве методологической основы для обоснования места административного и административно-процессуального права в системе публичного права, а также внутриотраслевого построения данных отраслей обозначим сформулированную профессором В. Д. Сорокиным концепцию о едином предмете и методе правового регулирования [45]. По словам ученого, «метод правового регулирования может существовать и выполнять свою социальную функцию только как система трех первоначальных способов воздействия – дозволения, предписания и запрета» [46, с. 87–88]. Понимание метода правового регулирования в качестве «системы тесно взаимодействующих между собой юридических способов воздействия на поведение людей в форме дозволения, обязывания и запрета» довольно распространено сегодня в юридической литературе [36,

с. 19; 37, с. 27; 53, с. 9; 54, с. 93–94]. Как справедливо отмечает профессор В. Л. Кулапов, «разнообразное сочетание трех способов в рамках метода правового регулирования есть показатель его гибкости и универсальности, что и делает метод правового регулирования одним из самых эффективных средств организационного государственно-властного воздействия на поведение людей в обществе» [27, с. 103].

Первичные способы правового воздействия не являются единственными категориями, характеризующими метод правового регулирования. По мнению В. Д. Сорокина, «метод правового регулирования включает в себя совокупность юридических способов, средств и приемов воздействия социальных управляющих систем на социально-правовую среду в целом и на составляющие ее элементы» [46, с. 65]. Солидарны с позицией ученого и современные исследователи, которые также рассматривают метод правового регулирования в качестве системы взаимосвязанных средств, приемов, способов юридического воздействия на поведение людей, при помощи которых обеспечивается установленный в обществе правопорядок [14, с. 144; 19, с. 36; 33, с. 202–203; 43, с. 80–96]. Как отмечает Е. К. Щербакова, «методы сочетают в определенном соотношении средства, приемы и способы правового воздействия, необходимые и достаточные для достижения юридически значимых целей» [60, с. 13].

Таким образом, первичные способы, правовые средства и правовые приемы в совокупности и образуют систему правового воздействия, характеризующую метод правового регулирования общественных отношений. Данная система структурирована и включает три уровня. Верхний уровень структуры является собой метод правового регулирования, состоящий из системы способов воздействия на объект и предмет правового регулирования [36, с. 19]. Каждый способ правового воздействия, как указывает В. Л. Кулапов, представлен системой средств правового воздействия. Правовое средство – это система приемов правового воздействия [28, с. 330].

Основные направления научных исследований метода правового регулирования были сконцентрированы на системном анализе первичных способов правового воздействия (дозволение, предписание и запрет) и их уникальных сочетаний в различных отраслях единой правовой системы. Что касается таких категорий, как «правовые средства» и «приемы правового воздействия», то они были и в настоящее время остаются недостаточно изучены. В то же время, как справедливо отмечает А. В. Мильков, «проблема определения понятия “правовые средства” стоит достаточно остро, поскольку нередко его употребление произвольно, не подкреплено соответствующим анализом и не дает четкого представления о его смысловых границах» [32, с. 113]. Профессор М. Н. Марченко, например, отождествляет категорию «правовые средства» с такими категориями, как «правовые явления», «правовые феномены», «правовые

факторы», «правовые условия», которые могут считаться взаимозаменяемыми [39, с. 358–359]. При этом следует согласиться с позицией Ю. Б. Батурина, что «правовое средство – это самостоятельное научное понятие. В системе понятий теории права оно выполняет не дополнительную, служебную роль, а роль самостоятельной категории, раскрывающей свою сторону права, как это делают и другие понятия теории права» [17, с. 135].

Профессор С. С. Алексеев, характеризуя категорию «правовые средства», отмечал, что с общетеоретических позиций правовые средства – «это институциональные явления правовой действительности, воплощающие регулятивную силу права, которым принадлежит роль ее активных центров» [15, с. 15]. Данное определение позволяет прийти к следующим умозаключениям, характеризующим содержание категории «правовые средства»: во-первых, это инструменты, обеспечивающие реализацию правовых норм посредством активного воздействия на социальную среду, систему управления либо определенных субъектов; во-вторых, это объективно существующее явление – обязательный институт правовой системы. П. В. Попинов и Е. К. Щербакова также определяют «правовое средство» в качестве юридического (правового) инструмента, посредством применения которого достигаются цели и решаются задачи правового регулирования и удовлетворяются интересы субъектов права [38, с. 7; 60, с. 12]. В свою очередь Б. И. Пугинский указывает, что категория «правовое средство» является сложно составной и представляет собой «сочетания (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества» [40, с. 87].

Обобщая изложенное, отметим, что категория «правовое средство» представляет собой сложный юридический инструмент активного воздействия права на социальную среду, систему управления либо определенных субъектов, посредством реализации которого достигаются цели и решаются задачи правового регулирования.

Правовые приемы, в свою очередь, характеризуют внутреннее содержание правовых средств, являясь первичной категорией в системе правового воздействия. Правовые приемы выражают «последовательное и акцентированное использование правовых средств в процессе их воздействия на волю и сознание адресатов» [28, с. 330].

Совокупность способов, средств и приемов правового воздействия является единой структурированной системой правового регулирования общественных отношений, обладающей уникальным для каждой отрасли права набором сочетаний первичных способов воздействия (первый структурный уровень), правовых средств (второй уровень) и правовых приемов (третий уровень) воздействия.

В рамках такой трехуровневой структуры *первичные способы воздействия* определяют базовый тип правового регулирования. Современная правовая доктрина позволяет выделить три базовых типа правового регулирования: дозволительный (гражданское право), предписательный (публичное право), запретительный (уголовное право). Представленный подход, связанный с дифференциацией областей научных знаний в праве по первичному способу правового воздействия, является на сегодняшний день основным и применяется в системе аттестации научно-педагогических кадров. Так, отраслевые юридические науки разделены на три направления: 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» с преобладающим для данного научного направления предписательным первичным способом правового воздействия; 5.1.3. «Частноправовые (цивилистические) науки» с дозволительным первичным способом правового воздействия; 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» с запретом как основным первичным способом воздействия. Кроме того, процессуальное право органично встроено в систему публично-правового, частноправового и уголовно-правового регулирования.

Правовые средства – это юридические инструменты, с помощью которых определяются векторная направленность и целевые ориентиры правового воздействия. Использование самостоятельной категории «правовое средство» позволяет детализировать соответствующий первичный способ воздействия, выделив в нем такие признаки, как основания, характер и цели взаимоотношений участников соответствующего правового отношения. Данные признаки и выступают основаниями разделения правовых средств на отдельные виды.

Приемы правового воздействия являются самой многочисленной (в количественном плане) правовой категорией. Приемы отражают отдельные отраслевые особенности и тактические задачи, решаемые участником правоотношения при непосредственном осуществлении правового воздействия.

Место административного и административно-процессуального права в системе публичного права

Для публичного права характерен предписательный первичный способ правового воздействия. Данный способ в равной степени распространяется как на государственный аппарат, так и на граждан и организации и проявляется в юридических обязанностях всех субъектов публичных правоотношений исполнять установленные правовые предписания либо действовать в строгом соответствии с ними. Однако направленность самого правового предписания при публично-правовом регулировании может быть диаметрально противоположной: в одном случае

обязательное требование адресуется гражданину, организации либо нижестоящему государственному органу (должностному лицу), в другом – государственному аппарату со стороны гражданина (организации). Направленность правового предписания в адрес субъекта, не наделенного властью, образует отношение «власть – подчинение», при котором реализуется такое правовое средство, как «нисходящее подчинение» [22, с. 31] (администрирование, управление). В качестве правовых приемов воздействия при предписательном способе и «нисходящем подчинении» выступают такие приемы, как принуждение, стимулирование, поощрение и др. К данной группе приемов правового воздействия могут быть отнесены субординационные приемы в системе исполнительной власти, то есть приемы, реализуемые в различных сферах системы государственного управления. Таким образом, административное право (право публичного управления) – это отрасль права, характеризующаяся сочетанием предмета (общественных отношений, складывающихся внутри системы исполнительной власти, и надотраслевых внешне властных управлеченческих отношений) и системы правового воздействия, представляющей собой комбинацию предписательного первичного способа правового воздействия, правового средства «нисходящего подчинения» и правовых приемов властного воздействия, обеспечиваемых силой государственного принуждения. Регламенты реализации типичных государственных функций в системе государственного управления, таких как нормотворческая (принятие нормативно-правовых актов государственного управления), контрольно-надзорная и функция по управлению государственным имуществом, могут быть объединены в категорию «управленческий процесс». Отдельную группу управленческих отношений в административном праве составляют административно-договорные отношения. Для них характерна система правового воздействия, представленная сочетанием предписательного первичного способа правового воздействия и правового средства «абсолютного консенсуса». Данное правовое средство является типичным для гражданско-правовых отношений и представляет собой возможность добровольного вступления в правоотношение только при полном непротивлении его сторон. Но, в отличие от гражданских правоотношений с дозволительным первичным способом правового воздействия, вступление в договорные отношения в административном праве осуществляется в случае прямого указания в упраивомочивающей либо обязывающей административно-правовой норме на возможность и/или необходимость заключения соответствующего договора, то есть сочетается с предписательным способом правового воздействия. И наконец, последней комбинацией первичного способа и правового средства, применяемой при регулировании государственно-управленческих отношений, является сочетание предписательного способа правового воздействия

с правовым средством «правового компромисса». Правовой компромисс, как средство правового воздействия, наиболее типичен для трудовых отношений и характеризуется системой взаимных обязательств и правовых гарантий их обеспечения для участников соответствующих правоотношений (работодателя и работника). Отличие, по аналогии с административно-договорными отношениями, заключается в первичном предписательном способе правового воздействия, состоящем в установленной в законодательстве о государственной службе обязанности по обеспечению исполнения публичных полномочий специально уполномоченными должностными лицами, имеющими статус государственных служащих. Данная комбинация применяется при регулировании отношений в сфере государственной службы.

Система административного права в целом будет схожа с системой советского административного права и может быть представлена общей (включающей институты, характеризующие основы государственного управления, такие как: субъекты административного права; формы, методы государственного управления; обеспечение законности в государственном управлении; управленческий процесс; административно-договорное регулирование; государственная служба) и особенной (посвященной организационно-структурному построению системы государственного управления в различных сферах и отраслях) частями.

Иное сочетание первичного правового способа воздействия, правовых средств и правовых приемов представлено в организационных отношениях в сфере взаимодействия органов, наделенных властными полномочиями, с гражданами и организациями, когда направленность правового предписания адресуется источнику власти (государственному аппарату) со стороны граждан (организаций). В данном случае предписательный способ правового воздействия будет сочетаться с правовым средством «восходящего подчинения» [21, с. 31–35; 22, с. 27–31], или «реординации» [29, с. 225]. Сущность отношений данного типа строится на конституционных положениях, прямо указывающих, что функционирование государственного аппарата направлено на достижение основной цели – безусловное обеспечение прав и свобод человека как высшей ценности государства. Тем самым закрепляется и гарантируется главенствующая роль граждан страны, представляющих ее многонациональный народ, в системе государственного управления. Посредством реализации правового средства «восходящего подчинения» обеспечивается баланс частных и публичных интересов в социально-управленческой системе. Внешней формой выражения правового средства «реординации» выступают административно-процессуальные (процедурные) нормы, регламентирующие организацию и непосредственное взаимодействие органов публичной власти и граждан, с формально определенными целевыми ориентирами данного взаимодействия, с

определенной системой взаимных обязательств и правовых гарантий их обеспечения. На процессуальную форму отношений данного типа указывала профессор Н. Г. Салищева, по словам которой взаимодействие аппарата управления с гражданами и иными субъектами при рассмотрении обращений граждан в этот аппарат за реализацией в той или иной форме своих прав и законных интересов должно иметь обязательное процессуальное содержание [41, с. 153]. Значимость процессуального регулирования отношений данного типа отмечал Д. Мэшоу: «Я надеюсь, что юристов по административным вопросам удастся убедить выйти за рамки судебной доктрины и основополагающих требований внешнего административного права, чтобы увидеть, как административные процедуры действительно функционируют на уровне ведомства и как их можно улучшить» [65, с. 991–992].

Рассмотрим особенности отношений данного типа:

- инициатором отношений всегда выступает частноправовой субъект;
- данные отношения возникают (изменяются и прекращаются) непосредственно между государством, как источником публичной власти, и гражданином (организацией);
- содержательная основа данных отношений зиждется на правовом административном усмотрении, то есть на возможности выбора должностным лицом публичной администрации на основании результатов оценки определенной юридико-фактической ситуации возможного варианта своего право-применимого поведения;
- отношения данного типа не предполагают возможности применения в отношении частноправовых субъектов мер государственного принуждения.

Органы публичной администрации в отношениях, реализуемых в системе предписательного первичного способа воздействия в сочетании с правовым средством «восходящего подчинения», выполняют функцию обязательного первичного административного нормоконтроля, схожую по своему содержанию с применяемой в финансовом праве предварительной формой финансового контроля. Целями деятельности органов публичной администрации в организационных отношениях в сфере взаимодействия с гражданами и организациями являются:

- а) обеспечение реализации частноправовыми субъектами закрепленных в Конституции РФ и законодательстве прав и законных интересов;
- б) обеспечение качества и стабильности системы государственного управления посредством выявления и минимизации рисков, связанных с осуществлением гражданами и организациями отдельных, в том числе потенциально опасных, видов деятельности.

В качестве правовых приемов в рамках реализации предписательного способа воздействия и правового средства «восходящего подчинения» будут

выступать: административно-правовые жалобы, лицензионно-разрешительные производства (процедуры), производства (процедуры) в сфере оказания государственных услуг и др.

Представленная комбинация предмета правового регулирования, способа, средств и приемов правового воздействия позволяет выделить в структуре публичного права в качестве отдельной отрасли административно-процессуальное право, с включением в него институтов, регламентирующих:

– во-первых, основы организационного взаимодействия органов публичной власти и частноправовых субъектов. В целях формирования единой правовой базы, регламентирующей основы административно-процессуальной деятельности в сфере взаимодействия государственного аппарата и граждан (организаций), нами поддерживается обоснованная профессорами Ю. Н. Стариловым [47, 49] и К. В. Даудовым [20] концепция о необходимости принятия Федерального закона «Об административных процедурах». Данный закон, наряду с Федеральным законом № 59-ФЗ, создаст правовой базис для дальнейшего развития и совершенствования единого на федеральном и региональном государственном уровнях административно-процессуального законодательства;

– во-вторых, позитивные административные производства (процедуры) в сфере осуществления отдельных видов экономической деятельности: лицензирование, квотирование, сертификация и др.;

– в-третьих, разрешительные производства (процедуры), реализуемые в административно-политической и социально-культурной сферах: обращения граждан в органы публичной власти в целях реализации конституционных прав, таких как: право законного нахождения на территории Российской Федерации, свободного въезда Российской Федерацию и выезда из нее (ст. 27 Конституции РФ); право граждан на объединение, включая право создавать профсоюзные союзы для защиты своих интересов (ст. 30 Конституции РФ); право на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирований (ст. 31 Конституции РФ); право на получение высшего образования (ст. 43 Конституции РФ); право иностранного гражданина и лица без гражданства на политическое убежище (ст. 63 Конституции РФ) и др.

Третью группу административных и административно-процессуальных отношений составляют отношения юридической ответственности, то есть охранительные административно-деликтные отношения. Особенность данного типа отношений обуславливается реализацией предписательного способа воздействия, основанного на административном запрете совершения тех или иных действий. Данные отношения связаны с нарушением правового предписания в форме запрета и возникают после его совершения (нарушение запрета выступает в качестве юридического факта возникновения охранительного административно-деликтного отношения).

Правовым средством при подобном варианте реализации первичного способа правового воздействия будет «ретроспективное проецирование», то есть установление в нарушенном правовом предписании (запрете) формально определенным субъектом признаков и состава закрепленного в конкретной норме КоАП РФ административного правонарушения.

Особенности «ретроспективного проецирования», выступающего в качестве средства правового воздействия, состоят в следующем.

1. Данное средство реализуется при дозволительном, предписательном и запретительном типе правового регулирования общественных отношений и представляет собой обязательную процессуальную форму соответствующего типа правового регулирования. Процессуальная форма является необходимым средством обеспечения баланса публичных и частных интересов при привлечении к юридической ответственности правонарушителя, разрешении спора о праве.

2. Основным способом взаимодействия участников правоотношений при «ретроспективном проецировании» является судебно-арбитративный. Его сущность заключается в таком варианте построения отношений участников процесса, при котором в решении наиболее значимых юридических вопросов между ними стоит независимый и беспристрастный арбитр.

3. Цель «ретроспективного проецирования» состоит в объективной, независимой оценке действий (бездействий) субъектов правоотношений на предмет наличия либо отсутствия в данных действиях (бездействиях) признаков и состава правонарушения, а также нарушения договорного и иного требования и обязательства.

4. Сущность «ретроспективного проецирования» составляют: деятельность специально уполномоченных лиц, направленная на определение соответствия совершенных субъектом правоотношения действий (бездействий) содержанию запретительной нормы права, устанавливающей юридическую ответственность за такие действия (бездействия) и/или причинение ему иных негативных правовых последствий; независимая (в том числе судебная) оценка деятельности специально уполномоченных лиц, реализуемая в порядке соответствующего вида судопроизводства (гражданского, административного, уголовного).

5. Результатом «ретроспективного проецирования» является официальная реакция государства на сформированную проекцию в виде назначения и исполнения конкретной меры государственного либо правового принуждения в отношении лица, совершившего правонарушение либо допустившего нарушение договорного или иного обязательства.

В качестве правовых приемов, при подобном сочетании первичного способа и средства правового воздействия, выступает единая система основанных на нормах материального и процессуального

административно-деликтного законодательства действий, обеспечивающих формирование соответствующей проекции. К ним относится деятельность уполномоченных должностных лиц, связанная с привлечением к административной ответственности правонарушителей. В системе правовых приемов при подобном типе правового регулирования можно выделить принудительные процессуально-обеспечительные приемы, представленные мерами обеспечения производства по делу об административном правонарушении.

Второй группой правовых приемов являются приемы, выражающие реакцию государства на сформированную проекцию, то есть связанные с реализацией административно-правовой санкции. Данными приемами при подобном сочетании первичного способа и средства правового воздействия являются административные наказания, выступающие в качестве самостоятельной категории мер административного принуждения.

Анализируемая комбинация первичного способа, средства и приемов правового воздействия свойственна административно-деликтному праву.

Для отраслей уголовно-правового блока характерно сочетание первичного способа правового воздействия в виде правового запрета, правового средства («ретроспективного проецирования») и правовых приемов, обеспечивающих формирование проекции (уголовное право и уголовно-процессуальное право) и реакцию государства на сформированную проекцию (уголовно-исполнительное право). Применимая при запретительном типе правового регулирования комбинация первичного способа, правового средства и правового приема воздействия в определенной степени схожа с системой правового регулирования, характерной для административно-деликтного права. Отличие состоит в первичном способе правового воздействия. Для запретительного способа правовой запрет является абсолютным, что не предполагает возможность его соблюдения либо исполнения участником соответствующего правоотношения. Запретительный характер предписания при предписательном типе правового регулирования, напротив, предполагает возможность при надлежащем исполнении либо соблюдении обязательных требований субъектом правоотношения не быть подвергнутым принудительному государственному воздействию.

Четвертой, заключительной, комбинацией является сочетание преимущественно дозволительного либо предписательного (смешанный тип) первичного способа правового воздействия и «ретроспективного проецирования». Данный тип характерен для отношений в сфере судебной защиты прав и законных интересов государства либо частноправовых субъектов от неправомерных действий (решений) органов публичной администрации и представляет собой судопроизводство по административным делам или административную юстицию.

Результаты

Развитие разработанной В. Д. Сорокиным концепции единого метода правового регулирования позволяет упорядочить систему публичного права и выделить в ней следующие отрасли: административное право, административно-процессуальное право, административно-деликтное право и судебное административно-процессуальное право (административная юстиция). Каждая из обозначенных отраслей имеет конституционную основу для обоснления и отраслевизации, обладает однородной сферой регулируемых общественных отношений, применяемой уникальной комбинацией способов, средств и приемов правового воздействия, единством и органическим сочетанием материальных и процессуально-процедурных норм и институтов.

Использование трехуровневой структуры элементов (способ – средство – прием), характеризующих метод правового регулирования, позволяет систематизировать отраслевое деление внутри единой правовой системы России. Так, например, самостоятельность отрасли финансового права обусловливается не только предметом соответствующих отраслей, но и системой правового воздействия, представленной первичным предписательным способом, правовым средством «нисходящего подчинения» и особой категорией приемов финансово-экономического воздействия на финансовую систему (финансами, на финансы и с помощью финансов). Для экологического права характерно наличие приемов эколого-правового компенсационно-востановительного характера, направленных на природную среду и отдельные ее компоненты (приемы экологизации).

Комбинации первичных способов воздействия, правовых средств и правовых приемов реализуются в рамках единой правовой системы и позволяют оказывать комплексное правовое воздействие на участников правоотношений. При подобном комплексном воздействии первичная комбинация в системе «способ – средство – прием воздействия» выступает в качестве системообразующей. Данная комбинация формирует базовый тип правового регулирования с его главными целевыми ориентирами. Другие первичные способы, правовые средства и правовые приемы в рамках базового типа правового регулирования выполняют обеспечивающую функцию и являются производными от него. В качестве примера взаимосвязи и взаимозависимости способов, средств и приемов правового воздействия следует рассмотреть уголовно-исполнительные правоотношения. Для правоотношений данного типа характерно сочетание первичного запретительного способа, правового средства «ретроспективного проецирования» и системы правовых приемов, обеспечивающих реакцию государства на сформированную проекцию. В качестве подобных приемов выступают регулируемые уголовно-исполнительным законодательством

регулятивные и охранные меры воздействия на осужденных, направленные на достижение целей и решение задач уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Данные цели состоят в исправлении осужденных и предупреждении совершения новых преступлений, то есть имеют персональную (в отношении конкретного осужденного) воспитательно-корректирующую направленность. В рамках базового типа возникают, развиваются и прекращаются правоотношения «власти и подчинения», которые складываются между персоналом исправительного учреждения и осужденными. Для них характерен предписательный первичный способ воздействия, сочетающийся с правовым средством «нисходящего подчинения». Данный первичный способ, правовое средство и правовые приемы (в том числе меры принуждения) в рамках базового типа правового регулирования являются вторичными и обеспечивают достижение основных целей именно уголовно-исполнительного законодательства. Так, в случае выявления в действиях осужденного признаков правонарушения должностное лицо уголовно-исполнительной системы наделяется правом на применение принудительной меры, направленной на прекращение противоправного поведения. Данная мера является не чем иным, как производным от базового (запретительного) типа правового регулирования, правовым приемом, относящимся к комбинации: первичного средства – предписания, правового способа – «нисходящего подчинения» и приема – принуждения. Рассматриваемая комбинация в уголовно-исполнительных правоотношениях гарантирует их нормальное течение, то есть обеспечивает достижение основных целей уголовного и уголовно-исполнительского законодательства.

Выводы

1. Предмет административно-правового регулирования составляют четыре вида правовых отношений: надотраслевые управляемые, общие организационные, административно-деликтные и судебные административно-процессуальные.

2. Критериями разделения системы права на отрасли, также служащими средствами гармоничного и сбалансированного внутриотраслевого построения подотраслей и институтов, являются две взаимосвязанные категории: предмет и метод правового регулирования. Предмет – это определенная, обособленная от других сфера общественных отношений. Метод правового регулирования является собой единую структурированную систему правового воздействия, представленную уникальным для каждой отрасли права набором сочетаний первичных способов воздействия (первый структурный уровень), правовых средств (второй уровень) и правовых приемов (третий уровень) воздействия. Различные комбинации первичных способов, правовых средств и правовых приемов реализуются в рамках единой правовой

системы и позволяют оказывать комплексное правовое воздействие на участников правоотношений.

3. С учетом обозначенных критериев предлагаются выделить в системе публичного права следующие отрасли: административное право, административно-процессуальное право, административно-деликтное право и судебное административно-процессуальное право (административная юстиция).

Библиографический список

1. Административное право: курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2012. 704 с.
2. Административное право: учебник для общеобразовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России / под общ. ред. А. И. Каплунова. М.: ДГСК МВД России, 2011. 535 с.
3. Конин Н. М., Маторина Е. И. Административное право: учебник / М.: Юрайт, 2015. 574 с.
4. Административное право: учебник / под общ. ред. А. В. Зубача. М.: Юрайт, 2019. 530 с.
5. Административное право: учебник / под общ. ред. А. С. Телегина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2020. 340 с.
6. Административное право: учебник / под ред. А.И. Каплунова. СПб: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2024. 471 с.
7. Административное право: учебник / под ред. Л. Л. Попова, М. С. Студеникиной. М.: НОРМА, 2025. 736 с.
8. Административное право России. Общая часть: учебник / под ред. С. А. Старостина; Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина. М.: ИНФРА-М, 2010. 505 с.
9. Административное право России. Особенная часть: учебник / под ред. С. А. Старостина. М.: ИНФРА-М, 2012. 486 с.
10. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Л. Попов. М.: РГ-Пресс, 2015. 568 с.
11. Административное право Российской Федерации: учебник: в 2 т / под ред. Л. Л. Попова. М.: МГЮА, 2025. Т. 2. 312 с.
12. Административное право Российской Федерации: учебник / под ред. А. И. Стахова, В. А. Зюзина. М.: РГУП, 2022. 420 с.
13. Административно-процессуальное право: учебник / под ред. А. И. Каплунова. СПб: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2017. 376 с.
14. Актуальные проблемы теории права: учебник / И. А. Андреева, В. С. Афанасьев, И. В. Гончаров [и др.]. М.: Академия управления МВД РФ, 2021. 400 с.
15. Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификации // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 61–72.
16. Барбашова Н. В. Экологическое право: учебник. М.: ИНФРА-М, 2024. 538 с.
17. Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 149 с.
18. Бельский К. С. К вопросу о предмете административного права // Государство и право. 1997. № 11. С. 14–21.
19. Березина Е. А. Метод правового регулирования: теоретико-правовые проблемы понимания // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. в 2 т. (Тамбов, 24–25 мая 2019 г.). Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. Т. 1. С. 34–38.
20. Давыдов К. В. Административные процедуры: концепция правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 655 с.
21. Демин А. А. Административное право Российской Федерации: курс лекций. М.: Зерцало-М, 2002. 379 с.
22. Демин А. А. Метод правового регулирования как критерий ограничения административного права от других отраслей российского права, включая конституционное // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2004. № 2. С. 21–32.
23. Евтихиев И. И., Власов В. А. Административное право СССР: Учебник для юридических институтов и факультетов. М.: Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1946. 335 с.
24. Елистратов А. И. Административное право РСФСР: учебник / под общ. ред. д. А. Магеровского. Л., 1925. 215 с.
25. Ерофеев Б. В. Экологическое право России. Общая часть: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024. 230 с.
26. Князев С. Д. Предмет и система административного права Российской Федерации: традиционные взгляды и современные реалии // Юрист. 2001. № 5. С. 48–52.
27. Кулапов В. Л., Хохлова И. С. Способ правового регулирования. Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2010. 176 с.
28. Кулапов В. Л. Теория государства и права: учебник. Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2011. 486 с.
29. Курашвили Б. П. Очерк теории государственного управления. М.: Наука, 1987. 292 с.
30. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд. М.: Юристъ, 2001. 671 с.
31. Мигачев Ю. И. Попов Л. Л., Тихомиров С. В. Административное право Российской Федерации: учебник для вузов; под ред. Л. Л. Попова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 484 с.
32. Мильков А. В. К определению понятия «правовые средства» // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 113–115.
33. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 464 с.
34. Общее административное право: учебник: в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старицова. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2016. Ч. 1. 760 с.
35. Общее административное право: учебник: в 2 ч.: Административно-деликтное право; Административное судопроизводство / под ред. Ю. Н. Старицова. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2017. Ч. 2. 822 с.

36. Осипов М. Ю. Методы и способы правового регулирования и правотворчества: понятие и соотношение // Современное право. 2010. № 9. С. 18–21.
37. Пешков А. Б. О методе правового регулирования // Правоведение. 1971. № 2. С. 26–29.
38. Полинов П. В. Правовые средства регулирования рыночных отношений в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 188 с.
39. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учебник для студентов вузов. М.: Проспект, 2005. 1330 с.
40. Пугинский Б. И. Гражданские-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юрид. лит., 1984. 224 с.
41. Салищева Н., Абросимова Е. Административная реформа и административный процесс в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3 (52). С. 149–162.
42. Сергеева Е. С. Особенности организационных отношений в гражданском праве // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 166–171.
43. Сидорова Е. В. Теоретические основы комплексного правового регулирования: монография / Е. В. Сидорова. М.: Юстиция, 2017. 245 с.
44. Советское административное право: учебник для вузов по спец. «Правоведение» / под ред. Ю. М. Козлова. М.: Юрид. лит., 1985. 542 с.
45. Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003. 661 с.
46. Сорокин В. Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1976. 142 с.
47. Старицов Ю. Н. Административные процедуры – неотъемлемая часть законодательства о государственном и муниципальном управлении: проблемы теории, практики и законотворчества // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 4(39). С. 8–27.
48. Старицов Ю. Н. Из публикаций последних лет: воспоминания, идеи, мнения, сомнения...: сб. избр. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. 640 с.
49. Старицов Ю. Н. Много административных процессов не бывает, или административное судопроизводство – единственный вид современного российского административного процесса (по следам научно-практической конференции на тему «Современные проблемы построения российской модели административного процесса» (Сибирский юридический университет, г. Омск, 4 июня 2021 г.)) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 2 (45). С. 287–293.
50. Стахов А. И., Кононов П. И. Внесудебное административно-процессуальное право России: учебник. М.: Юрайт, 2025. 244 с.
51. Студеникин С. С., Власов В. А., Евтихьев И. И. Советское административное право: учебник для юридических высших учебных заведений / Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 438 с.
52. Судебное административно-процессуальное право России: учебник. М.: Юрайт, 2024. 571 с.
53. Теряевский С. А. Система методов правового регулирования в юридической практике современного российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 30 с.
54. Тунова Л. Б. Системные связи правовой действительности: методология и теория. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. 133 с.
55. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. М.: Юринформцентр, 1998. 798 с.
56. Финансовое право: учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева. М.: Проспект, 2017. 648 с.
57. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 768 с.
58. Финансовое право (общая часть): учеб. пособие / отв. ред. А. С. Чуева, П. М. Курдюк, И. Н. Иваненко. Краснодар, 2013. 141 с.
59. Шохин С. О. К вопросу о предмете и системе финансового права // Финансовое право. 2019. № 2. С. 12–14.
60. Щербакова Е. К. Механизм правового воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 38 с.
61. Akhtar Z. French Constitution, Droit Administratif and the Civil Code // European Journal of Law Reform. 2017. № 19 (3). Pp. 224–240.
62. Craig P. EU administrative law – the acquis. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2010/432745/IPOL-JURI_NT\(2010\)432745_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2010/432745/IPOL-JURI_NT(2010)432745_EN.pdf).
63. Coglianese C. Administrative Law: The U.S. and Beyond // Public Law and Legal Theory Research Paper Series Research Paper. 2015. № 16–20. 14 p.
64. Fox W. F. Understanding Administrative Law. 4th ed. The Catholic University of America, 2000. 27 p.
65. Mashaw J. L. The American Model of Federal Administrative Law: Remembering the First One Hundred Years // The George Washington Law Review. 2010. Vol. 78. № 5. Pp. 975–992.
66. Mattarella B. G. Administrative law in Italy: an historical sketch // Rivista Trimestrale di Diritto Pubblico. 2010. Vol. 4. Pp. 1009–1054.
67. Schmitz T. Introduction to German administrative law // German Public Law. URL: https://www.thomas-schmitz-astana.kz/Downloads/Schmitz_GermanPublicLaw_slide8.pdf.
68. Thiruvengadam A. K. Administrative Law and Governance in Asia: Comparative Perspectives by T. Ginsburg & A. H. Y. Chen, eds. [a book review] // Singapore Journal of Legal Studies. 2010. July Pp. 211–221.
69. Wang Z. Chinese Administrative Law in Transitional Society // Hallinnon Tutkimus. 2004. Issue 4. Pp. 52–61.

References

1. *Administrativnoe pravo* [Administrative Law]: a course of lectures. St. Petersburg, 2012. 704 p. (In Russ.).
2. *Administrativnoe pravo* [Administrative Law]: a textbook. Ed. by A. I. Kaplunov. Moscow, 2011. 535 p. (In Russ.).
3. *Administrativnoe pravo* [Administrative Law]: a textbook. Ed. by N. M. Konin, E. I. Matorina. Moscow, 2015. 574 p. (In Russ.).
4. *Administrativnoe pravo* [Administrative Law]: a textbook. Ed. by A. V. Zubach. Moscow, 2019. 530 p. (In Russ.).
5. *Administrativnoe pravo* [Administrative Law]: a textbook. Ed. by A. S. Telegin. Perm, 2020. 340 p. (In Russ.).
6. *Administrativnoe pravo* [Administrative Law]: a textbook. Ed. by A. I. Kaplunov. St. Petersburg, 2024. 471 p. (In Russ.).
7. *Administrativnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Administrative Law of Russia. General Part]: a textbook. Ed. by L. L. Popov, M. S. Studenikina. Moscow, 2025. 736 p. (In Russ.).
8. *Administrativnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Administrative Law of Russia. General Part]: a textbook. Ed. by S. A. Starostin. Moscow, 2010. 505 p. (In Russ.).
9. *Administrativnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Administrative Law of Russia. Special Part]: a textbook. Ed. by S. A. Starostin. Moscow, 2012. 486 p. (In Russ.).
10. *Administrativnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Administrative Law of the Russian Federation]: a textbook. Ed. by L. L. Popov. Moscow, 2015. 568 p. (In Russ.).
11. *Administrativnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Administrative Law of the Russian Federation]: a textbook: in 2 vols. Ed. by L. L. Popov. Moscow, 2025. Vol. 2. 312 p. (In Russ.).
12. *Administrativnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Administrative Law of the Russian Federation]: a textbook. Ed. by A. I. Stakhov, V. A. Zyuzin. Moscow, 2022. 420 p. (In Russ.).
13. *Administrativno-protsessual'noe pravo* [Administrative Procedural Law]: a textbook. Ed. by A. I. Kaplunov. St. Petersburg, 2017. 376 p. (In Russ.).
14. *Aktual'nye problemy teorii prava* [Current Problems of the Theory of Law]: a textbook. Ed. by I. A. Andreeva, V. S. Afanas'ev, I. V. Goncharov et al. Moscow, 2021. 400 p. (In Russ.).
15. Alekseev S. S. *Pravovye sredstva: postanovka problem, ponyatie, klassifikatsii* [Legal Means: The Problem Statement, Concept, Classification]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law. 1987. Issue 6. Pp. 61–72. (In Russ.).
16. Barbashova N. V. *Ekologicheskoe pravo* [Environmental Law]: a textbook. Moscow, 2024. 538 p. (In Russ.).
17. Baturina Yu. B. *Pravovaya forma i pravovoe sredstvo v sisteme ponyatiy teorii prava: dis. ... kand.* jurid. nauk [A Legal Form and a Legal Means in the System of Concepts of the Theory of Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2001. 149 p. (In Russ.).
18. Bel'skiy K. S. *K voprosu o predmete administrativnogo prava* [On the Subject of Administrative Law]. Gosudarstvo i pravo – State and Law. 1997. Issue 11. Pp. 14–21. (In Russ.).
19. Berezina E. A. *Metod pravovogo regulirovaniya: teoretiко-pravovye problemy ponimaniya* [Method of Legal Regulation: Theoretical and Legal Problems of Understanding]. Tambovskie pravovye chteniya imeni F. N. Plevako [Tambov Legal Readings named after F. N. Plevakol]: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference: in 2 vols. Tambov, 2019. Vol. 1. Pp. 34–38. (In Russ.).
20. Davydov K. V. *Administrativnye protsedury: kontseptsiya pravovogo regulirovaniya: dis. ...d-ra yurid. nauk* [Administrative Procedures: The Concept of Legal Regulation: Dr. jurid. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2020. 655 p. (In Russ.).
21. Demin A. A. *Administrativnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Administrative Law of the Russian Federation]: a course of lectures. Moscow, 2002. 379 p. (In Russ.).
22. Demin A. A. *Metod pravovogo regulirovaniya kak kriteriy otgranicheniya administrativnogo prava ot drugikh otrazley rossiyskogo prava, vkluchaya konstitutionnoe* [Method of Legal Regulation as a Criterion for Distinguishing Administrative Law from Other Branches of Russian Law, Including Constitutional Law]. Vestnik RUDN, ser. Yuridicheskie nauki – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2004. Issue 2. Pp. 21–32. (In Russ.).
23. Evtikhiev I. I., Vlasov V. A. *Administrativnoe pravo SSSR* [Administrative Law of the USSR]: a textbook. Moscow, 1946. 335 p. (In Russ.).
24. Elistratov A. I. *Administrativnoe pravo RSFSR* [Administrative Law of the RSFSR]: a textbook. Ed. by D. A. Magerovskiy. Leningrad, 1925. 215 p. (In Russ.).
25. Erofeev B. V. *Ekologicheskoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Environmental Law of Russia. General Part]: a textbook for universities. Moscow, 2024. 230 p. (In Russ.).
26. Knyazev S. D. *Predmet i sistema administrativnogo prava Rossiyskoy Federatsii: traditsionnye vzglyady i sovremennye realii* [The Subject and the System of Administrative Law of the Russian Federation: Traditional Views and Modern Realities]. Yurist – Lawyer. 2001. Issue 5. Pp. 48–52. (In Russ.).
27. Kulapov V. L., Khokhlova I. S. *Sposob parovogo regulirovaniya* [Method of Legal Regulation]. Saratov, 2010. 176 p. (In Russ.).
28. Kulapov V. L. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]: a textbook. Saratov, 2011. 486 p. (In Russ.).
29. Kurashvili B. P. *Ocherk teorii gosudarstvennogo upravleniya* [An Essay on the Theory of Public Administration]. Moscow, 1987. 292 p. (In Russ.).

30. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]: a course of lectures. 2nd ed. Moscow, 2001. 671 p. (In Russ.).
31. Migachev Yu. I., Popov L. L., Tikhomirov S. V. *Administrativnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Administrative Law of the Russian Federation]: a textbook for universities. 4th ed., rev. and exp. Ed. by L. L. Popov. Moscow, 2024. 484 p. (In Russ.).
32. Mil'kov A. V. *K opredeleniyu ponyatiya «pravovye sredstva»* [On the Definition of the Concept of 'Legal Means']. *Biznes v zakone – Business in Law*. 2009. Issue 1. Pp. 113–115. (In Russ.).
33. Morozova L. A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]: a textbook. Moscow, 2024. 464 p. (In Russ.).
34. *Obshchee administrativnoe pravo* [General Administrative Law]: a textbook: in 2 pts. Ed. by Yu. N. Starilov. Voronezh, 2016. Pt. 1. 760 p. (In Russ.).
35. *Obshchee administrativnoe pravo* [General Administrative Law]: a textbook: in 2 pts. Ed. by Yu. N. Starilov. Voronezh, 2017. Part 2. *Administrativno-deliktnoe pravo; Administrativnoe sudoproizvodstvo* [Administrative-Tort Law; Administrative Court Proceedings]. 822 p. (In Russ.).
36. Osipov M. Yu. *Metody i sposoby pravovogo regulirovaniya i pravotvorchestva: ponyatie i sootnoshenie* [The Methods and Ways of Legal Regulation and Law-Making: the Concept and Correlation]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 2010. Issue 9. Pp. 18–21. (In Russ.).
37. Peshkov A. B. *O metode pravovogo regulirovaniya* [On the Method of Legal Regulation]. *Pravovedenie – Law Studies*. 1971. Issue 2. Pp. 26–29. (In Russ.).
38. Popinov P. V. *Pravovye sredstva regulirovaniya rynochnykh otnosheniy v sovremennoy Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Means of Regulating Market Relations in Modern Russia: Cand. jurid. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2005. 188 p. (In Russ.).
39. *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the Theory of State and Law]: a textbook for university students. Ed. by M. N. Marchenko. Moscow, 2005. 1330 p. (In Russ.).
40. Puginskiy B. I. *Grazhdansko-pravovye sredstva v khozyaystvennykh otnosheniakh* [Civil Law Means in Economic Relations]. Moscow, 1984. 224 p. (In Russ.).
41. Salishcheva N., Abrosimova E. *Administrativnaya reforma i administrativnyy protsess v Rossii* [Administrative Reform and the Administrative Process in Russia]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 2005. Issue 3 (52). Pp. 149–162. (In Russ.).
42. Sergeeva E. S. *Osobennosti organizatsionnykh otnosheniy v grazhdanskem prave* [The Features of Organizational Relations in Civil Law]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 2016. Issue 3. Pp. 166–171. (In Russ.).
43. Sidorova E. V. *Teoreticheskie osnovy kompleksnogo pravovogo regulirovaniya* [Theoretical Foundations of Complex Legal Regulation]: a monograph. Moscow, 2017. 245 p. (In Russ.).
44. *Sovetskoe administrativnoe pravo* [Soviet Administrative Law]: a textbook. Moscow, 1985. 542 p. (In Russ.).
45. Sorokin V. D. *Pravovoe regulirovanie: predmet, metod, protsess (makrouroven')* [Legal Regulation: The Subject, Method, Process (Macro Level)]. St. Petersburg, 2003. 661 p. (In Russ.).
46. Sorokin V. D. *Metod pravovogo regulirovaniya. Teoreticheskie problemy* [Method of Legal Regulation. Theoretical Problems]. Moscow, 1976. 142 p. (In Russ.).
47. Starilov Yu. N. *Administrativnye protsedury – neot'emlemany chast' zakonodatel'stva o gosudarstvennom i munitsipal'nom upravlenii: problemy teorii, praktiki i zakonotvorchestva* [Administrative Procedures as an Integral Part of Legislation on State and Municipal Administration: Problems of Theory, Practice and Law-making]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2019. Issue 4 (39). Pp. 8–27. (In Russ.).
48. Starilov Yu. N. *Iz publikatsiy poslednikh let: vospominaniya, idei, mneniya, somneniya...* [From Publications of Recent Years: Memories, Ideas, Opinions, Doubts...]: a collection of selected scientific papers. Voronezh, 2010. 640 p. (In Russ.).
49. Starilov Yu. N. *Mnogo administrativnykh protsessov ne byvaet, ili administrativnoe sudoproizvodstvo – edinstvennyy vid sovremennoy rossiyskogo administrativnogo protsessa (po sledam nauchno-prakticheskoy konferentsii na temu «Sovremennye problemy postroeniya rossiyskoy modeli administrativnogo protsessa» (Sibirskiy yuridicheskiy universitet, g. Omsk, 4 iyunya 2021 g.)* [There Are Not Too Many Administrative Processes, or Administrative Court Proceedings as the Only Type of Modern Russian Administrative Process (Following the Scientific and Practical Conference on 'Modern Problems of Building a Russian Model of Administrative Process' (Siberian Law University, Omsk, 2021, June 4))]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2021. Issue 2 (45). Pp. 287–293. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.2/3482. (In Russ.).
50. Stakhov A. I. *Vnesudebnoe administrativno-protsessual'noe pravo Rossii* [Extrajudicial Administrative Procedural Law of Russia]: a textbook. Moscow, 2025. 244 p. (In Russ.).
51. Studenikin S. S., Vlasov V. A., Evtikhiev I. I. *Sovetskoe administrativnoe pravo* [Soviet Administrative Law]: a textbook. Moscow, 1950. 438 p. (In Russ.).
52. *Sudebnoe administrativno-protsessual'noe pravo Rossii* [Judicial Administrative Procedure Law of Russia]: a textbook. Moscow, 2024. 571 p. (In Russ.).
53. Teryaevskiy S. A. *Sistema metodov pravovogo regulirovaniya v yuridicheskoy praktike sovremennoy rossiyskogo gosudarstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The System of Methods of Legal Regulation in the Legal Practice of the Modern Russian State: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2009. 30 p. (In Russ.).

54. Tiunova L. B. *Sistemnye svyazi pravovoy deystvitel'nosti: metodologiya i teoriya* [System Connections of Legal Reality: Methodology and Theory]. St. Petersburg, 1991. 133 p. (In Russ.).
55. Tikhomirov Yu. A. *Kurs administrativnogo prava i protessa* [A Course on Administrative Law and Process]. Moscow, 1998. 798 p. (In Russ.).
56. *Finansovoe pravo* [Financial Law]: a textbook. Ed. by E. Yu. Gracheva. Moscow, 2017. 648 p. (In Russ.).
57. *Finansovoe pravo* [Financial Law]: a textbook. 4th ed. Ed. by N. I. Khimichева. Moscow, 2011. 768 p. (In Russ.).
58. *Finansovoe pravo (obshchaya chast')* [Financial Law (General Part)]: a textbook. Ed. by A. S. Chueva, P. M. Kurdyuk, I. N. Ivanenko. Krasnodar, 2013. 141 p. (In Russ.).
59. Shokhin S. O. *K voprosu o predmete i sisteme finansovogo prava* [On the Subject and the System of Financial Law]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 2019. Issue 2. Pp. 12–14. (In Russ.).
60. Shcherbakova E. K. *Mekhanizm pravovogo vozdeystviya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [The Mechanism of Legal Impact: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2021. 38 p. (In Russ.).
61. Akhtar Z. French Constitution, Droit Administratif and the Civil Code. *European Journal of Law Reform*. 2017. Issue (19) 3. Pp. 224–240. DOI: 10.5553/EJLR/138723702017019003003. (In Eng.).
62. Craig P. *EU Administrative Law – The Acquis*. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2010/432745/IPOL-JURI_NT\(2010\)432745_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2010/432745/IPOL-JURI_NT(2010)432745_EN.pdf). (In Eng.).
63. Coglianese C. Administrative Law: The U.S. and Beyond. *Public Law Research Paper*. 2015. Issue 16–20. 14 p. (In Eng.).
64. Fox W. F. *Understanding Administrative Law*. 4th ed. The Catholic University of America, 2000. 27 p. (In Eng.).
65. Mashaw J. L. The American Model of Federal Administrative Law: Remembering the First One Hundred Years. *The George Washington Law Review*. 2010. Vol. 78. Issue 5. Pp. 975–992. (In Eng.).
66. Mattarella B. G. Administrative Law in Italy: A Historical Sketch. *Rivista Trimestrale di Diritto Pubblico*. 2010. Vol. 4. Pp. 1009–1054. (In Eng.).
67. Schmitz T. Introduction to German Administrative Law. *German Public Law*. Available at: https://www.thomas-schmitz-astana.kz/Downloads/Schmitz_GermanPublicLaw_slide8.pdf. (In Eng.).
68. Thiruvengadam A. K. Administrative Law and Governance in Asia: Comparative Perspectives by T. Ginsburg & A. H. Y. Chen, eds. [a book review]. *Singapore Journal of Legal Studies*. July 2010. Pp. 211–221. (In Eng.).
69. Wang Z. Chinese Administrative Law in Transitional Society. *Hallinnon Tutkimus*. 2004. Issue 4. Pp. 52–61. (In Eng.).

Информация об авторе:

Д. А. Гришин

Кандидат юридических наук, доцент,
докторант факультета подготовки
научно-педагогических кадров
Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сennaya, 1

ORCID: 0009-0008-6281-9851
ResearcherID: MCX-4186-2025

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).115-123

About the author:

D. A. Grishin

Academy the FPS of Russia
1, Sennaya st., Ryazan, 390000, Russia

ORCID: 0009-0008-6281-9851
ResearcherID: MCX-4186-2025

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).115-123

Информация для цитирования:

Дискин Е. И. Концептуальные основы и правовое регулирование противодействия дезинформации: сравнительный анализ через призму междисциплинарности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 3(69). С. 409–429. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-409-429.

Diskin E. I. Kontseptual'nye osnovy i pravovoe regulirovanie protivodeystviya dezinformatsii: sravnitel'nyy analiz cherez prizmu mezhdistsiplinarnosti [Conceptual Foundations and Legal Regulation of Countering Disinformation: A Comparative Analysis Through the Lens of Interdisciplinarity]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 3(69). Pp. 409–429. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-409-429.

УДК 342.95;004

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-409-429

Концептуальные основы и правовое регулирование противодействия дезинформации: сравнительный анализ через призму междисциплинарности

*Статья подготовлена в результате работы в рамках Программы фундаментальных исследований
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)*

Е. И. Дискин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: ediskin@hse.ru

Статья поступила в редакцию 07.05.2025

Введение: дезинформация – один из сложнейших вызовов для правового регулирования. Различные правовые системы по-разному реагируют на такие вызовы в условиях геополитической напряженности. Анализ феномена дезинформации ведется представителями разных наук, при этом с юридической точки зрения данное понятие изучено недостаточно. За рубежом термин «дезинформация» прочно занял свое место в законодательстве, активно исследуется как юристами, так и специалистами иных научных направлений. Большое значение придается противодействию дезинформации, формируется правоприменительная практика, особенно в части противодействия дезинформации в киберпространстве. **Цель:** сравнительный анализ законодательства ЕС, США и России в области противодействия дезинформации, определение юридической сущности дезинформации и выявление недостатков российского законодательства в области противодействия дезинформации. **Методы:** сравнительно-правовой метод, метод юридической герменевтики, историко-правовой метод и системный подход применяются для изучения феномена дезинформации как понятия, которое может найти отражение в различных отраслях российского права – уголовном, административном и информационном. **Результаты:** автором проанализированы законодательства ЕС, США и России, а также определения дезинформации, подходы к противодействию дезинформации учеными-юристами в сопоставлении с выводами специалистов из других областей. **Выводы:** российское законодательство в настоящее время не в полной мере соответствует

© Дискин Е. И., 2025



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

широкому спектру вызовов, связанных с распространением дезинформации. В этом отношении законодательство ЕС значительно эффективнее в решении задач по противодействию дезинформации за счет применения различных методов регулирования, подробного изложения норм и определений. Зарубежное законодательство в данной сфере в значительной степени направлено на противодействие интересам России, что является самостоятельным вызовом для суверенитета РФ.

Ключевые слова: дезинформация; интернет-платформы; модерация; инфодемия; фейковые новости; цифровые технологии; цифровая трансформация; фейк-ньюс; Цифровой кодекс

Conceptual Foundations and Legal Regulation of Countering Disinformation: A Comparative Analysis Through the Lens of Interdisciplinarity

*The article was prepared within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University
'Higher School of Economics' (HSE University)*

E. I. Diskin

National Research University 'Higher School of Economics'
(HSE University)
E-mail: ediskin@hse.ru

Received 07 May 2025

Introduction: disinformation is currently among the most complex challenges for legal regulation. Different legal systems respond differently to such challenges under conditions of geopolitical tension. The phenomenon of disinformation is analyzed by representatives from various scientific fields, but it has not been sufficiently explored from a legal perspective, and it has yet to find its place in domestic (Russian) legislation. At the same time, in foreign countries the term 'disinformation' has firmly established itself in legislation and is actively researched by jurists as well as representatives from other sciences. Particular importance is placed on countering disinformation, the relevant legal practices are being formed, especially those concerning countermeasures against disinformation in cyberspace. **Purpose:** the study aims to provide a comparative analysis of the legislation of the EU, the USA, and Russia in the field of combating disinformation, define the legal essence of disinformation, and identify the shortcomings of Russian legislation in this area. **Methods:** the comparative-legal method, the method of juridical hermeneutics, the historical-legal method, and a systematic approach are used to study the phenomenon of disinformation as a concept that may find reflection in various areas of Russian law – criminal, administrative, and informational law. **Results:** the author has analyzed the legislation of the EU, the USA, and Russia, examined how legal sciences in Russia and abroad define disinformation, what approaches to countering disinformation are proposed by legal scholars, and compared these findings with conclusions drawn by specialists from other fields. **Conclusions:** currently Russian legislation is not fully adequate to deal with the broad spectrum of challenges associated with the spread of disinformation. In this regard, EU legislation is significantly more effective in addressing tasks related to combating disinformation through the application of various regulatory methods, detailed formulation of norms and definitions. Foreign legislation in this sphere is largely aimed at countering Russian interests, which poses an independent challenge to the sovereignty of the Russian Federation.

Keywords: disinformation; internet platforms; moderation; infodemic; fake news; digital technologies; Digital Code

А вам стыдно, товарищ, бегать по милициям
и вносить дезинформацию!
Кинофильм «Печки-лавочки», 1972

Введение

В условиях повсеместной компьютеризации, когда информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) радикально меняют едва ли не все сферы социального взаимодействия, проблема ложной, недостоверной, вводящей в заблуждение информации (дезинформации) становится одной из ключевых в контексте выполнения задач по обеспечению общественной безопасности в Интернете. В то же время в России и за рубежом складываются существенно разные подходы к противодействию дезинформации – начиная с использования разного понятийного аппарата и заканчивая подходами к определению значимых признаков дезинформации как общественно опасного явления и формированию системы предупреждения ее распространения. Такое различие можно объяснить разными факторами – правовой культурой, особенностями социально-политического развития и не в последнюю очередь оценкой общественной опасности, которую несет дезинформация. Целесообразно, используя сочетание таких специфических юридических методов научного познания, как юридическая герменевтика (в том числе социально-политический и телеологический анализ соответствующих норм и правоотношений), сравнительно-правовой метод, историко-правовой метод (ограничиваясь при этом горизонтом событий XXI в.), а также комплексного (междисциплинарного) и системного подходов, определить юридическую сущность и смысл понятия «дезинформация», основные методы противодействия дезинформации в России, США и ЕС, а также дать оценку сложившемуся в России нормативно-правовому регулированию в области противодействия дезинформации в контексте соответствия рассматриваемых норм социально-политическим вызовам и стандартам защиты прав человека. Основной акцент в исследовании сделан на изучении нормативного закрепления мер по противодействию дезинформации, распространяемой в Интернете, преимущественно с использованием интернет-платформ. Это объясняется тем фактом, что именно интернет-платформы, включая социальные сети, аудиовизуальные и поисковые сервисы в настоящее время стали основными площадками для распространения дезинформации в глобальном масштабе.

Прежде всего, необходимо отметить, что в настоящий момент в российском законодательстве не используется понятие «дезинформация». Задача по

защите общественной безопасности, выраженная в необходимости предупреждения распространения недостоверной информации, решается путем введения ряда дефиниций в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ), Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (далее – Закон № 149-ФЗ) и другие законодательные акты. При этом используются такие громоздкие дефиниции, как «публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» (ст. 207.1 УК РФ), «публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия» (ст. 207.2 УК РФ)¹ и т. д. Иными словами, толкование и применение соответствующих норм в рамках обеспечения защиты прав человека вызывают ряд существенных трудностей и требуют понимания социально-политического контекста, оценки тяжести деяния и наступивших последствий, что зачастую также представляет большую сложность ввиду специфики данных правоотношений.

В противоположность отечественному подходу в законодательстве ЕС, а именно в Законе о цифровых услугах ЕС (EU Digital Services Act, DSA), используется термин «дезинформация» как обобщающее понятие, включающее различные виды и подвиды дезинформации с перечислением видов правоотношений, на которые она может оказывать негативное влияние. Например, в статье 95 DSA приводится следующая формулировка: «дезинформация с реальными и предсказуемыми негативными последствиями для здоровья населения, общественной безопасности, гражданского дискурса, участия в политической жизни и равенства»².

Разница подходов к определению недостоверной информации заставляет обратить внимание на предпосылки к использованию тех или иных формулировок, преимущества и недостатки соответствующих законодательных актов, связанные с дефинированием понятия «дезинформация».

Изучение уголовного, административного и информационного законодательства позволяет сделать вывод, что ни в одной из этих отраслей права не используется центрального, опорного понятия, которое бы давало общее описание недостоверной информации. Соответствующие определения, перегруженные прилагательными, каждый раз исходя их новых общественно-политических вызовов безопасности создаются заново и содержательно недостаточно связаны друг с другом. Это значительно усложняет

¹ Regulation (Eu) 2022/2065 Of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32022R2065>.

² Regulation (Eu) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj>.

восприятие и последующее толкование каждой отдельной нормы законодательного акта, ухудшает системность кодифицированных законодательных актов, таких как УК РФ и КоАП РФ.

Обращает на себя внимание то, что в противовес отечественному подходу в ЕС в настоящее время предпринята попытка систематизировать регулирование цифровых услуг и интернет-платформ. Существенную роль в данной инициативе играет система норм о противодействии дезинформации, в частности, выделено понятие «дезинформация», а также разработаны различные механизмы противодействия ее распространению.

С учетом данных исходных различий в подходах к обеспечению общественной безопасности в России и ЕС, а также того факта, что в настоящее время Российская Федерация и Европейский союз находятся в острой стадии геополитического противостояния, представляется необходимым провести герменевтический анализ понятия «дезинформация» в законодательстве ряда государств (преимущественно недружественных на данном историческом этапе), социально-политический и сравнительно-правовой анализ с целью изучить недостатки отечественного подхода к законотворчеству в данной области, предложить новые подходы к совершенствованию законодательства по противодействию дезинформации.

С социально-политической точки зрения об угрозе дезинформации заявляют правительства и негосударственные организации разных стран. Особенно остро вопрос о наращивании усилий по совершенствованию законодательства о противодействии распространению ложных, вводящих в заблуждение сведений встал после пандемии COVID-19, когда выяснилось, что данная угроза имеет одновременно национальное и глобальное измерение. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутериш, описывая последствия распространения дезинформации, употребил выражение «первая глобальная инфодемия»¹, имея в виду специфический феномен вспышки массового распространения ложной информации о

COVID-19, что не только несло витальные риски заражения опасным вирусом, но и подрывало глобальные усилия по недопущению его распространения. Яркой иллюстрацией таких угроз является международное движение антиваксеров (противников вакцинации), которое активно распространяло так называемую медицинскую дезинформацию в ходе пандемии². В то же время всеобщность и масштаб угрозы, вызванной пандемией, способствовали и росту саморегулирования – модерации подобного контента ведущими интернет-платформами и их сотрудничеству с государственными органами³, что предшествовало законодательным мерам в данной области.

Срочность, с которой принимались законодательные акты по противодействию распространению дезинформации в условиях пандемии, сказалась на их качестве. Модели такого противодействия не были в достаточной мере сбалансированы с точки зрения оценки их долгосрочного влияния на баланс между защитой общественной безопасности и правом на свободу слова и мысли, не содержали оценки их долгосрочных социально-экономических последствий. Политики ряда зарубежных стран в ходе активной фазы пандемии признали необходимость ограничить выражение индивидуальной точки зрения по вопросам здоровья (в первую очередь вакцинации)⁴. Впервые за долгое время государства с разными политическими режимами в достаточно жесткой форме ограничивали сбор и распространение ранее не запрещенной законом информации в целях защиты общественного здоровья и благополучия в соответствии с теми решениями, которые принимались на международном уровне⁵. Легитимность таких мер со временем подвергается переоценке, в том числе ввиду постепенного пересмотра основных постулатов, составлявших матрицу «правда/дезинформация» в контексте пандемии. В частности, большое значение в этом вопросе имеет доклад Специального комитета нижней палаты Конгресса США по расследованию пандемии⁶ (доклад Конгресса США о COVID-19), сделавшего выводы, ранее четко

¹ Подробнее см.: Всемирная организация здравоохранения. Борьба с инфодемией на фоне пандемии COVID-19: поощрение ответственного поведения и уменьшение пагубного воздействия ложных сведений и дезинформации. Совместное заявление ВОЗ, ООН, ЮНИСЕФ, ПРООН, ЮНЕСКО, ЮНЭЙДС, МСЭ, инициативы ООН «Глобальный пульс» и МФКК. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation>.

² Например, Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) заявил, что зафиксировал более 300 информационных атак на вакцину «Спутник». Подробнее см: URL: <https://tass.ru/ekonomika/21116295>.

³ Меры саморегулирования цифровых платформ в ходе пандемии показали себя отнюдь не с идеальной стороны, так как зачастую любые озвученные профессиональными медиками и биологами сомнения в эффективности тех или иных мер по противодействию распространению COVID-19 являлись основанием для применения самых жестких ограничений по отношению к их авторам, невзирая на их профессиональный статус и заслуги. Существуют обоснованные опасения, что такие действия, в отсутствие возможности их эффективного обжалования в судебном порядке, являются цензурой, то есть противоправны.

⁴ ‘They’re Killing People’: Biden Denounces Social Media for Virus Disinformation. URL: <https://www.nytimes.com/2021/07/16/us/politics/biden-facebook-social-media-covid.html>.

⁵ WHO updates COVID-19 guidelines on masks, treatments and patient care. URL: <https://www.who.int/news/item/13-01-2023-who-updates-covid-19-guidelines-on-masks--treatments-and-patient-care>.

⁶ Final Report of the Select Subcommittee on the Coronavirus Pandemic Committee on Oversight and Accountability. After Action Review of the COVID-19 Pandemic: The Lessons Learned and a Path Forward. URL: <https://oversight.house.gov/wp-content/uploads/2024/12/2024.12.04-SSCP-FINAL-REPORT-ANS.pdf> (Далее – Доклад Конгресса США о COVID-19).

определяемые в США и ЕС как «дезинформация»¹, – например, о происхождении вируса COVID-19, который, по мнению американских законодателей, распространялся в результате утечки из лаборатории в г. Ухань², Китай, или о неэффективности масочного режима (что было предметом мощной полемики в разгар пандемии).

В юридической науке и практике (особенно в отечественной) до сих пор не существует общепринятого определения дезинформации, что подтверждается исследованием отечественной и зарубежной научной литературы, проведенным автором. Чтобы хотя бы частично заполнить эту лакуну, мы провели анализ имеющихся дефиниций данного понятия в других научных дисциплинах, таких как социология, политология, психология, лингвистика, журналистика, компьютерные науки, и сравнили их как между собой, так и с юридическими взглядами в контексте рассматриваемого вопроса. Такое исследование в российской юриспруденции проводится фактически впервые, направлено на восполнение существующего пробела в данной области научных знаний.

Дезинформация как объект исследования социальных наук

По мнению социологов И. Д. Пирютко и Л. Б. Кулемина, обман не является целью дезинформации, ее цель – влияние «на общественное мнение по определенному вопросу» [30, с. 329]. В период пандемии COVID-19 это было особенно заметно – так называемая «инфодемия» вряд ли сознательно разворачивалась с целью обмана. Например, многие противники вакцинации верили в то, что распространяли в цифровом пространстве, продвигали свою, отличную от официальной, позицию³. Инструменты искусственного интеллекта (ИИ) применялись для отслеживания сообщений в социальных сетях, чтобы бороться с дезинфекцией о COVID-19 [69, с. 60]. Исследователи, изучавшие российскую инфодемию, отмечают, что социальные сети обладают особой силой в распространении обманчивого контента, называя это ключевым фактором их особой роли в

тот период [24, с. 557]. В фейковых новостях, связанных с коронавирусом, часто использовались репортажи, ссылки на авторитетные источники, цитирование экспертов [24, с. 558]. Иными словами, сознательно применялись меры для придания большего веса, убедительности.

Д. А. Макурова отмечает, что «разница между дезинфекцией и ложным информированием в средствах массовой информации на лингвистическом уровне довольно размыта» [21, с. 63]. Она выделяет три вида дезинформации: 1) заявления о том, что правдивая информация – ложная; 2) представление ложной информации как правдивой и 3) слухи. Последние представляют собой, по мнению исследователя, непроверенную информацию. Отметим, что с точки зрения правового регулирования этот вывод привлекает особое внимание, так как выделение трех видов дезинформации могло бы найти отражение в законодательстве, а на его основании могла бы дифференцироваться ответственность за распространение недостоверной информации. Помимо законодательных мер противодействия данный подход может быть использован в алгоритмах социальных сетей для затруднения распространения дезинформации.

Полагаем необходимым отметить, что в контексте исследований дезинформации затрагиваются элементы политологического дискурса, такие как «эпоха постправды», «фейковые новости»⁴. Последние часто определяются схожим образом со второй разновидностью дезинформации по классификации, предложенной Д.А. Макуровой, – когда ложная информация подается как правдивая. В частности, такую трактовку предложил Б. Калнес в 2018 году [46] и поддержала Н. А. Урусова в 2023 году [65, с. 20]. Некоторые авторы, например Дж. МакДугал, подчеркивают необходимость повышения медиаграмотности, считая ее своеобразным «антидотом» против дезинформации [22, с. 36]. Однако следует сделать замечание, что развитие критического мышления и повышение внимания к необходимости всесторонней проверки информации не является абсолютной защитой от ложной, искаженной информации, получаемой и распространяемой индивидуумом. Необходимо

¹ В частности, исследование, опубликованное в официальном журнале Американской медицинской ассоциации, утверждало, что теория об искусственном происхождении COVID-19 является «дезинфекцией». Помимо этого, в исследовании содержится утверждение, что «по состоянию на 18 января 2023 года было подтверждено, что 1 100 000 случаев смерти, связанных с COVID-19, можно было предотвратить, если бы были выполнены рекомендации в области общественного здравоохранения». См. подробнее: Sule S., DaCosta M. C., DeCou E., Gilson C., Wallace K., Goff S. L. Communication of COVID-19 Misinformation on Social Media by Physicians in the US // JAMA Netw Open. ANGLE. 2023. Vol. 6. No. 8. P. 7. (In Eng.).

² Доклад Конгресса США о COVID-19. С. 1.

³ Как мы отметили ранее, с окончанием пандемии вопрос относительно того, какие теории и утверждения относительно COVID-19 являлись однозначно ложными, а какие – могли быть предметом общественного дискурса, но были запрещены, а их авторы подверглись наказанию, не получил однозначного ответа. Упомянутый доклад Конгресса США о COVID-19 может являться основанием для пересмотра значительного числа обвинительных приговоров о распространении дезинформации. Данный факт должен рассматриваться как предостережение относительно применения слишком жестких мер по противодействию дезинформации ввиду возможного изменения взглядов на произошедшие события и их оценок.

⁴ Следует отметить, что термин «фейковые новости» используется и в юридической литературе, и на уровне живых дискуссий между законодателями.

учитывать возможность когнитивных искажений, что, в свою очередь, является предметом изучения для ученых-психологов. Тем не менее меры по повышению медиаграмотности, выявлению фейков в новостном потоке всё чаще находят место в арсенале государственной политики по противодействию дезинформации во многих странах¹, а также на уровне ООН².

Продолжая изучение позиций специалистов в области гуманитарных наук относительно методов противодействия дезинформации, следует отметить, что не только юристы предлагают заслуживающие внимание выводы о методах именно правового регулирования в данной области. В частности, филолог В. В. Макашова выделяет три основных способа борьбы с дезинфекцией: 1) правоприменительная практика, юридические запреты; 2) технологические: блокировки, замедление трафика; 3) повышение медиаграмотности [20, с. 191–192]. Отметим, что ещё до пандемии уже можно было встретить публикации на русском языке о разработке поисковых роботов и применении технологий машинного обучения для выявления дезинформации [26, с. 128–130]. Так называемая «журналистика данных» также предлагаются некоторыми авторами в качестве средства борьбы с дезинфекцией, на примере кейса выборов в Бангладеш [12, с. 29–32]. Под «журналистикой данных» подразумевается быстро растущая роль статистических данных в производстве и распространении информации в современном цифровом мире, «будущее журналистики» (то есть использование различных баз данных и открытых источников) [54, с. 227–48].

О. С. Иссерс называет медиафейки мистификацией и считает, что в цифровой среде их цель – не всегда введение в заблуждение [13]. В частности, она выделяет в качестве целей дезинформации так называемую «коммуникативную игру с потребителем» и даже провокационную социальную рекламу. Но часто медиафейки используются для персональной дискредитации, и современные технологии позволяют даже создать фальшивое видео (дипфейк, англ. deepfake), которое порой неотличимо от оригинала без специального программного обеспечения [*Ibid*]. Медийные лица, особенно политики, находятся в зоне риска, ведь чем больше видео с настоящим человеком доступно в Интернете, тем реалистичнее будет подделка. В этом отношении следует отметить, что вопрос о законодательном противодействии дипфейкам в настоящее время является одним из актуальных, требующим дополнительных изысканий.

Большое значение в анализе предпосылок для изменения законодательства о противодействии дезинформации имеет изучение феномена информационной войны, в которой дезинформация считается примером ведения боевых действий [9]. Феномен информационной войны достаточно подробно рассмотрен в отечественной политологии [23, 15] и психологии [58, 1, 3], военной науке, в том числе в работах специалистов по военному праву [5, 32, 17, 29]. В часто цитируемой статье Л. Н. Кунаковой отмечается, что «в рамках психологической парадигмы информационная война понимается как латентное воздействие информации на индивидуальное, групповое и массовое сознание при помощи методов пропаганды, дезинформации, манипулирования с целью формирования новых взглядов на социально-политическую организацию общества через изменение ценностных ориентаций и базовых установок личности» [18, с. 93].

С точки зрения совершенствования законодательства о противодействии дезинформации следует рассмотреть возможность дополнения уголовного законодательства нормой об ответственности за ведение информационной войны против Российской Федерации с опорой именно на вышеприведенное определение, которое могло бы получить отражение в примечании к соответствующей новой статье особенной части УК РФ.

Обращаясь к мнению специалистов по военному праву, следует согласиться с тезисом профессора Е. В. Калининой о том, что «основным вызовом информационной безопасности можно считать недостаточность нормативной базы, регулирующей соответствующие отношения как на национальном, так и на международном (региональном и универсальном) уровнях» [14, с. 20]. При этом число вызовов в данном отношении растет.

События, связанные с мировой geopolитической напряженностью в период 2022–2024 годов, постоянно напоминают о том, что грань между военными действиями на земле, на воде и в воздухе и боевыми действиями в информационном пространстве не просто стирается. Информационная компонента средств нападения в рамках военных действий переходит быть вспомогательным инструментом, выходя на первый план. Оценивая эффективность действующей системы мер по противодействию дезинформации, следует учсть точку зрения известного специалиста по проблематике информационной войны – профессора А. В. Манойло, утверждающего следующее: «Должны быть обеспечены такие условия, при которых эти удары [информационной войны] просто не будут доходить до психики обычных людей. Если

¹ См., например: Доклад Группы европейских регуляторов по аудиовизуальным медиауслугам (European Regulators Group for Audiovisual Media Services, ERGA) “Improving Media Literacy campaigns on disinformation”, который освещает деятельность по распространению лучших практик в области медиаграмотности и противодействию дезинформации в государствах ЕС. URL: <https://erga-online.eu/wp-content/uploads/2021/01/ERGA-SG2-Report-2020-Improving-Media-Literacy-campaigns-on-disinformation.pdf>.

² Не дайте себя обмануть – новый курс ООН научит распознавать фейки. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/11/1434332>.

же они проникают через все барьеры, которые выстраиваются – или не выстраиваются – государством, и все-таки доходят до сознания граждан, то обычные люди становятся жертвами информационной войны¹. С юридической точки зрения важно подчеркнуть, что на государстве лежит особая ответственность за обеспечение эффективных мер по защите граждан от информационно-психологических операций противника. В настоящее время юридически эта функция не закреплена за каким-либо государственным органом, ответственность за такие действия ограничена и может возникнуть только для исполнителей, непосредственно распространявших недостоверную информацию.

Дезинформация как объект исследования юридических наук

Для того чтобы сформировать достаточно объективное представление о том, как понятие «дезинформация» интерпретируется в отечественной и зарубежной науке, оценить вклад правовых исследований в изучение данного феномена, мы посчитали необходимым провести анализ опубликованных работ, в которых функционируют термины «дезинформация» и disinformation, с 2019 по 2024 год. Это позволит не только понять общую картину, но и выявить «горячие области», которые в настоящее время развиваются динамичнее всего, и определить «пустоты», еще не охваченные исследованиями. Данные наблюдения будут являться подтверждением новизны выводов автора о необходимости интеграции в правовой дискурс о дезинформации результатов изысканий в других научных областях и разработки конкретных рекомендаций по совершенствованию законодательства в данной области.

Исследуя наиболее цитируемые в настоящее время работы по тематике дезинформации среди российских ученых-правоведов, мы использовали данные Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – национальной информационно-аналитической системы, содержащей более 6 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 4500 российских журналов². Данная система позволяет в достаточной степени объективно с точки зрения наукометрии оценить актуальность и востребованность соответствующих публикаций по времени, тематике и цитируемости, так как содержит наибольшее число индексируемых данных относительно других отечественных электронных библиотек [34].

Обращаясь к наиболее цитируемым трудам, написанным юристами по проблематике дезинформации, можно сделать несколько выводов. В частности,

по данным РИНЦ, наиболее цитируемой работой по проблемам дезинформации является статья Д. В. Бахтеева [6], в которой термин «дезинформация» упоминается вскользь, всего два раза. Следующая наиболее цитируемая работа, согласно данным РИНЦ, – статья Н. А. Головановой [11]. Это исследование носит характер обзора актуальной на тот момент (6 лет назад) законодательной базы и инициатив зарубежных государств, который достаточно объективно описывает сложившиеся тогда тенденции к определению дезинформации как ключевого вызова действующему правопорядку в государствах Европейского союза, Великобритании, США и других государствах, относящих себя к так называемому «западному миру». Отметим, что выявленные в статье тенденции значительно усилились. В то же время указанное исследование отвечает не на все вопросы о природе дезинформации и моделях борьбы с ней.

Совместная статья С. В. Андреева, Л. В. Бертовского и В. А. Образцова 2005 года исследует не проблему противодействия дезинформации, а применение дезинформации для введения преступников в заблуждение в интересах следствия и оперативно-розыскной деятельности [4]. Далее в списке наиболее цитируемых работ РИНЦ стоит исследование Е. Л. Невзгодиной и Н. Н. Парыгиной, в котором дезинформация рассматривается в контексте защиты деловой репутации. Будучи авторской концепцией, уместной в рамках узкоспециализированного изучения одного правового института, данная работа не является комплексным исследованием дезинформации как серьезной угрозы правопорядку [25]. Последней работой, входящей в сотню наиболее цитируемых трудов, индексируемых в РИНЦ, является статья С. И. Гирько, в которой дезинформация упоминается всего один раз [10].

Если сузить спектр поиска термина «дезинформация», то обнаружится, что в разделе «Информационное право» РИНЦ индексируется лишь 29 научных работ. Из них только 21 работа опубликована за последние 5 лет; 13 работ из данного перечня никогда не цитировались. Представленный количественный анализ достаточно ярко иллюстрирует состояние исследований по данному направлению. Публикаций по проблематике дезинформации в отечественной науке информационного права действительно мало, что, в свою очередь, коррелирует с достаточно хаотичным уровнем законодательного регулирования по данной проблеме, которое не получает необходимого научного анализа, что не соответствует уровню текущих вызовов и угроз с точки зрения обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

¹ Под снарядами вбросов: можно ли противостоять информационной войне? Интервью с профессором А. В. Манойло. URL: <https://wciom.ru/expertise/pod-snajadami-vbrosov-mozhno-li-protivostojat-informacionnoi-voine>.

² Подробнее см.: eLIBRARY.RU - Российский индекс научного цитирования: о проекте elibrary.ru.

Относительно иностранных исследований, посвященных дезинформации, можно отметить следующее. С помощью онлайн-платформы ScienceDirect издательства Elsevier, используя для поиска по ключевым словам термин *disinformation*, мы обнаружили, что с 2019 года проиндексировано 1975 исследований по данной тематике. Из них по социальным наукам 810 публикаций, или 41,01 % от общего числа публикаций. По медицинским наукам без выделения конкретных направлений – 510, по иммунологии и микробиологии 96, по психологии – 221, то есть суммарно 41,87 %. Введение дополнительного поискового признака в виде термина COVID показывает, что изучению пандемии или ее последствий посвящено 581 исследование. В свою очередь введение дополнительного ключевого слова – law – дает выборку лишь 100 работ из 1975, что представляется недостаточно репрезентативным для более полных выводов.

Аналогичный поиск по базе научной литературы издательства Taylor & Francis дал более релевантные результаты. Общее число публикаций – 6947, из них 275 атрибутируются их авторами как правовые исследования, что позволяет сделать некоторые выводы на основе изучения как общего корпуса методами семантического поиска, так и наиболее цитируемых или выделяемых по определенным общим признакам работ. Отметим, что из общего корпуса индексированных исследований 2873 (41,36 %) также обращаются к теме пандемии.

Наиболее общим выводом является тот факт, что значительный импульс исследованиям по данной проблематике дан во время пандемии COVID-19. Это подтверждается количественным анализом публикаций, описанным выше.

Не имея специальных познаний в области медицины, автор не может предложить сугубо медицинский взгляд на проблематику дезинформации. Однако считаем возможным повторить: представления о том, какая теория относительно противодействия COVID-19 является «дезинфекцией», а какая – предметом защищаемой правом на свободу слова дискуссии, до сих пор претерпевают серьезные изменения¹. Это, в свою очередь, требует разработки механизмов восстановления в правах пострадавших от несправедливых ограничений и выплаты компенсаций, в том числе за ограничения, осуществляемые интернет-платформами, на основании самостоятельно разработанных политик модерации.

Анализ юридических исследований по рассматриваемой проблематике позволяет сделать некоторые выводы и определить ряд тенденций. Из 6947 работ по вопросам дезинформации, индексированных в базе данных научных исследований Taylor & Francis,

2125 имеют отсылку к России, разумеется, в негативном контексте, что в определенной степени предсказуемо с учетом геополитического фактора. Например, наиболее релевантными по мнению системы в данном поиске являются работы с такими заголовками: “The Russian Military’s Biological Warfare Disinformation Campaign and the Russo-Ukrainian War” [37]; “Fake leads, defamation and destabilization: how online disinformation continues to impact Russia’s invasion of Ukraine” [47]; “Truth with a Z: disinformation, war in Ukraine, and Russia’s contradictory discourse of imperial identity” [65]. В целом можно выделить несколько нарративов.

Во-первых, в зарубежной научной литературе даются крайне негативные оценки действий российского государства в киберпространстве. В частности, доминирующей точкой зрения является тезис о «распространении Россией дезинформации» [64; 60; 58; 45], что, в свою очередь, значительно сужает возможности для научной кооперации в исследованиях по данному направлению либо ограничивает их исследованиями в этом направлении.

Во-вторых, при оценке российского законодательства в области противодействия дезинформации, регулированию Интернета отчетливо превалируют достаточно негативные оценки, при этом наблюдаются позитивные оценки законодательства ЕС. Например, A. Peukert указывает, что «среди либеральных демократий Европейский союз принял наиболее всеобъемлющие меры по борьбе с незаконной и не противозаконной, но вредной дезинфекцией различных типов» [54]. В целом дискуссия о России и дезинформации в основном сводится, по мнению Stephen C. Hutchings, к «манифестации сопротивления обманным действиям тоталитарных режимов и современных авторитарных государств, враждебно настроенных к демократическому правлению» [44].

В основе логики «противодействия дезинформации со стороны тиранических и авторитарных режимов» лежит крайне политизированная и предвзятая матрица суждений, что наглядно видно на примере таких работ, как исследование L. Marlene и K. Limonier “Beyond “hybrid warfare”: a digital exploration of Russia’s entrepreneurs of influence”, описывающее российскую политическую систему как комплекс акторов, проецирующих незаконное вмешательство в дела других государств путем распространения дезинформации [48], что снижает объективность оценок, сделанных в рамках исследований.

Однако следует отметить наличие критических голосов в западном академическом дискурсе, которые отмечают недостатки сложившегося «триумвириата», возникшего между крупными СМИ, академическими

¹ Это обстоятельство особенно ярко проявляется после прихода к власти администрации Д. Трампа, так как она отрицает весь тот набор нарративов, которые официально были утверждены администрацией Дж. Байдена. См., например: ЦРУ изменило мнение о причинах возникновения COVID. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/01/2025/6795bb7c9a7947126718ec24>.

кругами, политическими экспертами¹ и получившего самую энергичную поддержку американского политического истеблишмента, одержимого «возвращением силы распространения знаний группе “объективных привратников”» [35]. По меткому замечанию Stephen C. Hutchings, на Западе возник целое академическое сообщество вокруг изучения проблем дезинформации. Иными словами, по мнению исследователя, весь этот аппарат создается для «подавления оппозиционных знаний со стороны либерального миропорядка» [44]. Он также отмечает, что данный дискурс со стороны государственных органов и некоммерческих организаций, занимающихся «противодействием дезинформации» на Западе, обычно связан со «стиранием грани между семантическим поиском дезинформации и борьбой с “языком ненависти”» [Ibid].

Данное замечание значимо и с юридической точки зрения, поскольку позволяет проанализировать процессы, легшие в основу целеполагания при осуществлении законотворчества. Поэтому если мы имеем «свою целью раскрыть истинную волю законодателя» [7, с. 83], то нам, безусловно, приходится обращаться к телевизионному изучению исходных причин и установок, которые стали отправной точкой складывающегося на Западе корпуса законодательства по противодействию дезинформации.

Относительно понятия «дезинформация» в зарубежных исследованиях необходимо отметить, что его применение в иностранной научной и правоприменительной деятельности позволило интегрировать между собой большие массивы научной информации, что, в свою очередь, сыграло положительную роль в изучении данных по этому направлению. Анализ исследований, рассмотренных в настоящей работе, показывает, что отказ от использования указанного термина в законотворческой и правоприменительной практике в Российской Федерации может ограничивать потенциал научного исследования данной области. Это связано с тем, что правовые исследования по этому направлению пока недостаточно интегрируют достижения других наук, таких как лингвистика, психология, журналистика и военное дело. Представляется, что совершенствование законодательства о противодействии дезинформации невозможно без интеграции соответствующих изысканий других наук.

Сравнение законодательства и практик противодействия дезинформации в ЕС, США и России

1. Подходы Европейского союза к противодействию дезинформации: особенности регулирования и вызовы для России

ЕС начиная с прошлого десятилетия и по настоящее время уделяет большое внимание противодействию дезинформации на технологическом и нормативном уровнях. Регулирование в данной области можно в самом общем виде разделить на акты саморегулирования, поощляемого Еврокомиссией, и законодательство ЕС.

К значимым актам саморегулирования можно отнести Кодекс практики по дезинформации 2022 года (The 2022 Code of Practice on Disinformation, Кодекс практики)². Данный акт саморегулирования примечателен своим комплексным и сложным характером. В частности, он не является официальным нормативным актом, однако Европейская комиссия предварительно издала официальное Руководство (Guidance to the Code of Practice on Disinformation)³, которое легло в основу обновленной версии Кодекса практики 2022 года, сменившей редакцию 2018 года. Участие осуществляется присоединением к общему соглашению, что со своей стороны сделали многие крупные технологические корпорации, такие как Google, Microsoft, Adobe, TikTok, Meta*, Vimeo, Twitch. С другой стороны, в данной инициативе участвуют организации и платформы, связанные с распространением новостей и рекламы, такие как Репортеры без границ, The Global Disinformation Index, Мировая федерация рекламодателей, Европейская ассоциация коммуникационных агентств и другие игроки⁴.

Большой интерес для изучения возможных моделей саморегулирования, которые пока не применяются в России, представляет система мер, предусмотренная Кодексом практики – он содержит 44 обязательства и 128 специальных мер по недопущению распространения дезинформации. Наиболее значимые из них: недопущение монетизации для распространителей дезинформации, прозрачность политической рекламы, сотрудничество в период выборов и использование структурных индикаторов. Необходимо отметить, что данный Кодекс практик носит отнюдь не декларативный, а глубоко прикладной характер, что

¹ Данный феномен, получил неофициальное название «BigDisinfo». Термин BigDisinfo является отсылкой к терминам Big-Pharma и BigTech, отражающему феномен влияния на принимаемые решения в области здравоохранения крупных корпораций, производящих лекарственные препараты. В данном случае имеется в виду большое влияние на дискурс о дезинформации мейнстримовых СМИ и работающих с ним в паре аппарата аналитических и политических центров.

² The 2022 Code of Practice on Disinformation. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/code-practice-disinformation>.

³ Commission presents guidance to strengthen the Code of Practice on Disinformation. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_2585.

⁴ Полный список подписчиков соглашения доступен по ссылке. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/signatories-2022-strengthened-code-practice-disinformation>.

* Компания Meta признана экстремистской в Российской Федерации, её деятельность запрещена в Российской Федерации по решению суда.

обеспечивает глубокую интеграцию интернет-платформ в систему противодействия дезинформации, выстраиваемую Еврокомиссией. Данная система включает в себя большое количество инициатив, направленных на побуждение к саморегулированию путем опубликования таких документов, как План действий по противодействию дезинформации (2018 Action Plan Against Disinformation)¹, ежегодные отчеты об оценке выполнения Кода практик и др. Другим направлением саморегулирования является создание «зонтичных организаций», таких как European Digital Media Observatory (EDMO), которая является негосударственной организацией, объединяющей и синхронизирующей работу организаций и платформ, осуществляющих фактчекинг (проверку фактов на достоверность), поддерживающих исследования, осуществляющих мониторинг эффективности практик по противодействию дезинформации².

Большую роль в регулировании противодействия дезинформации на уровне ЕС играет упомянутый ранее Закон о цифровых услугах ЕС (Digital Services Act, DSA)³. Обращает на себя внимание тот факт, что уже в преамбуле этого документа (ст. 2) в качестве основных угроз названы «противоправный контент и онлайн дезинформация». В целом термин «дезинформация» упоминается в тексте Закона о цифровых услугах ЕС 13 раз, что дает достаточно подробное представление о смысле данного понятия. С точки зрения его нормативного толкования, исходя из содержания текста DSA, прежде всего следует обратить внимание на статью 95, которая указывает на то, какую именно угрозу общественной безопасности несет дезинформация: «...с реальным и предсказуемым негативным воздействием на общественное здоровье, общественную безопасность, гражданский дискурс, участие в политической жизни и равенство». Статья 104 DSA говорит о «возможных негативных последствиях, проистекающих из системных рисков для общества и демократии, таких как дезинформация или манипулятивная и злоупотребительная деятельность или любые неблагоприятные последствия для несовершеннолетних». Согласно тексту Digital Services Act (ст. 84) дезинформация – это обманчивая, или вводящая в заблуждение, или манипулятивная информация, распространение которой несет для общества и демократии системный риск возникновения реального и предсказуемого негативного воздействия на общественное здоровье, общественную безопасность, благополучие

несовершеннолетних, гражданский дискурс, возможность участвовать в политической жизни и проведение в жизнь начал равенства. Безусловно, данное определение достаточно громоздко, однако оно в полной мере отражает текстуальный смысл, заложенный законодателем в понятие дезинформации. Тем не менее, давая оценку системе мер ЕС по предупреждению распространения дезинформации, следует учитывать выводы, сделанные в предыдущем разделе, о том, что регуляторные меры по противодействию дезинформации в своей сути, в своем исходном целеполагании направлены на установление контроля над распространением информации на территории ЕС, в том числе путем «поглощения» информационного суверенитета отдельных государств-участников, так как именно бюрократический аппарат Европейского совета благодаря DSA получает практически всю полноту контроля за общим информационным пространством ЕС (ст. 2 DSA).

Для полноты телеологического толкования данного структурно сложного, комплексного закона и сопутствующего ему регулирования следует обратить внимание на неформальные практики Европейской комиссии, связанные с противодействием дезинформации. В частности, представляется необходимым изучить конфликт между руководством Еврокомиссии и владельцем платформы X (бывш. Twitter) Илоном Маском, который 12 июля 2024 г. заявил, что Европейская комиссия предложила платформе X тайную сделку с целью установления цензуры на платформе в обмен на отказ от применения штрафных мер. Он также отметил, что «другие платформы пошли на эту сделку»⁴. Сказанное Илоном Маском можно соотнести с проанализированным Кодексом практик, а серьезные штрафные меры действительно предусмотрены DSA. Подтверждают слова И. Маска и другие факты. В частности, 23 декабря 2023 г. в отношении X было открыто предварительное расследование относительно несоблюдения положений Digital Services Act о запрете «темных практик» (dark patterns), доступе для исследователей к внутренним данным платформы и распространении дезинформации. Дополнительно Еврокомиссия пригласила сотрудников X на условиях анонимности сообщать о нарушениях законодательства ЕС, чтобы помочь расследованию⁵. В целом X грозит штраф в размере до 6 % глобального годового оборота, если компания будет признана виновной в рассматриваемых правонарушениях.

¹ Joint Communication to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Action Plan against Disinformation (JOIN (2018) 36 final). URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/action-plan-against-disinformation>.

² URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-digital-media-observatory>.

³ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R2065>.

⁴ European Commission offered secret censorship to X social network — Musk. URL: <https://tass.com/economy/1816441>.

⁵ Commission sends preliminary findings to X for breach of the Digital Services Act. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_3761.

Позднее, 25 августа 2024 г., во Франции был арестован основатель и генеральный директор Telegram Павел Дуров по ряду тяжких обвинений, которые напрямую связаны с претензиями французских властей к качеству модерации контента в мессенджере Telegram¹. 29 августа того же года появилась информация о том, что Еврокомиссия ведет предварительное расследование относительно возможного занижения числа пользователей мессенджера в Европе². После своего ареста П. Дуров неоднократно заявлял о необходимости усиления качества модерации мессенджера, что в итоге стало его «личным приоритетом»³.

Данные примеры показывают, что в рамках противодействия дезинформации ЕС применяет не только официальные, но и неофициальные меры, затрагивающие интересы Российской Федерации в информационном пространстве.

2. Подходы Соединенных Штатов Америки к противодействию дезинформации: особенности регулирования и вызовы для России

Структура законодательства США в отношении регулирования оборота информации значительно отличается от таковой в странах Европы. Не будет преувеличением сказать, что в Соединенных Штатах сложилась по-своему уникальная традиция защиты свободы слова, основанная на широком доктринальном понимании ее границ, проистекающая не только из текста Первой поправки к Конституции США, но и из многочисленных судебных прецедентов, постоянно уточняющих границы и практические особенности реализации права на высказывание и самовыражение [40]. Тем не менее, с учетом обострения политической борьбы в США, когда поляризация политических позиций населения США начинает делить страну на два всё менее готовых соглашаться друг с другом лагеря⁴, взгляды на вопрос о том, должен ли сохраняться бескомпромиссный взгляд на защиту свободы слова, начинают претерпевать изменения [36].

Кульминацией описанных процессов является первое избрание президентом США Дональда Трампа в 2016 году, которое многократно усилило дискурс о том, насколько крупные интернет-платформы способны влиять на общественное мнение, выборы, внутреннюю и внешнюю политику, насколько интернет-

платформы могут быть эффективным инструментом внешнего вмешательства путем распространения злонамеренными акторами дезинформации и каковы последствия и ответственность за такие действия [63]. Весь этот процесс в каком-то смысле длится до сих пор, каждый раз получая новый импульс, как это было после событий 6 января 2021 г., приведших к такому знаковому событию, как синхронная блокировка аккаунтов действующего Президента США на всех крупных интернет-платформах⁵. Этот случай подчеркивает уровень автономии, который получили интернет-платформы в США в части возможности интерпретировать границы свободы слова и осуществлять саморегулирование. Чтобы оценить его масштаб, можно обратиться к такой цифре – только в 2020 году Facebook* удалил около 12 млн отдельных сообщений в приватных группах, 87 % которых были определены как запрещенные правилами без участия в процессе человека⁶. В целом корпорация уделяет большое внимание борьбе с дезинформацией путем запрета «скоординированного недостоверного поведения» (Coordinated Inauthentic Behavior, CIB). В 2018 году было дано публичное определение данного понятия: «координированное недостоверное поведение не разрешено, потому что мы не хотим, чтобы люди или организации, создающие сети учетных записей, вводили в заблуждение других о том, кем они являются, или что они делают»⁷. Иными словами, речь идет о противодействии организованным кампаниям по дезинформации, причем на официальном уровне не сообщается о коммуникации по данному вопросу со специальными службами каких-либо государств, включая сами США (презумируется, что такая коммуникация отсутствует). Анализируя ряд других заявлений представителей Facebook*, можно сделать вывод, что скорее всего взаимодействие со спецслужбами западных стран имеет место. Следует отдельно подчеркнуть, что никакой эффективной судебной процедуры обжалования мер в области модерации контента в США не существует. Это особенно актуально для российских пользователей, которые регулярно подвергаются ограничениям со стороны крупных онлайн-платформ⁸. В качестве доказательства данного тезиса можно привести в пример тот факт, что федеральный суд отказал даже

¹ Источник заявил о соответствии ареста Дурова Акту о цифровых услугах ЕС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21682013>.

² ЕС расследует, не занижал ли Telegram число европейских пользователей. URL: <https://3dnews.ru/1110155/bryussel-podozrevayet-telegram-v-sokritii-kolichestva-polzovateley-es>.

³ Личный телеграм-канал Павла Дурова. URL: <https://t.me/durov/342>.

⁴ Americans see little bipartisan common ground, but more on foreign policy than on abortion, guns. Pew Research. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/06/25/americans-see-little-bipartisan-common-ground-but-more-on-foreign-policy-than-on-abortion-guns/>

⁵ Twitter bans President Trump permanently. URL: <https://edition.cnn.com/2021/01/08/tech/trump-twitter-ban/index.html>.

⁶ Our Latest Steps to Keep Facebook Groups Safe. URL: <https://about.fb.com/news/2020/09/keeping-facebook-groups-safe/>.

⁷ Removing Bad Actors on Facebook. URL: <https://about.fb.com/news/2018/07/removing-bad-actors-on-facebook/>.

⁸ Роскомнадзор потребовал прекратить цензуру российских СМИ от Facebook и Google. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2020/10/28/13336639/censorship.shtml>.

* Продукт корпорации Meta, признанной в России экстремистской организацией, чья деятельность запрещена в России на основании решения суда.

действующему президенту США Дональду Трампу в восстановлении его аккаунта после блокировки в ходе событий 6 января 2021 г.¹

Отметим, что такой уровень автономии онлайн-платформ возможен ввиду особенностей федерального законодательства Соединенных Штатов. В частности, ключевым для регулирования правоотношений между интернет-платформами, пользователями и исполнительной властью в США является подраздел 230 раздела 47 (Section 230 Title 47) Акта о Пристойности Телекоммуникаций 1996 года (Communications Decency Act of 1996 – CDA; далее – подраздел 230), который дает интернет-платформам статус «издателя» (publisher), что в силу устоявшегося толкования Первой поправки к Конституции США (Билль о правах) наделяет их правами, аналогичными праву СМИ определять собственную редакционную политику, то есть публиковать какую-либо информацию исключительно на основании собственной редакционной политики. Сложившийся своеобразный *status quo* значительно повышает значимость саморегулирования интернет-платформ, в том числе в вопросе определения того, что является дезинфекцией, как осуществляется ее удаление и ограничение, какие меры воздействия применяются к нарушителям.

Тем не менее было бы ошибочным считать, что в США не существует средств воздействия на интернет-платформы с точки зрения выбора направления модерации дезинформации. Например, технологический предприниматель Илон Маск, который в 2023 году приобрел корпорацию Twitter, сообщил, что предыдущие владельцы социальной сети на еженедельной основе проводили секретные совещания с представителями ФБР, Министерства внутренней безопасности (Department of Homeland Security, DHS), а также директората национальной разведки (Directorate of National Intelligence, DNI). Исходя из представленных Маском данных Twitter получал от ФБР прямые запросы на удаление информации и аккаунтов вместе с другими крупными социальными сетями и технологическими компаниями. Признание в том, что ФБР оказывало давление на Meta* в части направления требований об удалении дезинформации на ее платформах сделал и Марк Цукерберг в своем открытом письме Конгрессу США. При этом он отметил, что в ряде случаев удаление контента и аккаунтов было «ошибочным», о чем он сожалеет в свете появления новой информации².

Значительное внимание на федеральном законодательном уровне уделяется противодействию дипфейкам, то есть аудио-, фото- и видеоматериалам, полученным с помощью инструментов искусственного интеллекта и содержащим значительные искажения и/или изменения контента с целью ввести зрителя/слушателя в заблуждение. В частности, полномочия по принятию мер, направленных на идентификацию и противодействие манипуляциям с медиаконтентом, были даны Министерству обороны США еще в 2020 году в соответствующем законе об оборонном бюджете [8, с. 220]. Тем не менее такое регулирование остается в своеобразной «серой зоне» ввиду процитированных положений Первой поправки к Конституции США, что не позволяет наделить какой-либо федеральный орган конкретными официальными полномочиями по ограничению распространения контента. Поэтому политика в этой области переходит к неформальным операциям влияния, когда соответствующие специальные службы или сотрудники президентской администрации убеждают онлайн-платформы предпринимать определенные действия в обход положений закона, фактически нарушая его.

3.3. Подходы к противодействию дезинформации в Российской Федерации

Согласно новому проекту Указа Президента России «О стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» (номер проекта 01/03/07-24/00149268 от 22.07.2024)³, подготовленному МВД России, различные методы манипулирования общественным мнением и распространения недостоверной информации, в том числе дискредитация Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, способствующей усилиению радикальных и экстремистских настроений в российском обществе, являются одними из основных способов дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации.

Президент России В. В. Путин неоднократно подчеркивал, что против России ведется информационная война. В частности, 22 мая 2022 г. он заявил, что «против России развязана настоящая агрессия, война в информационном пространстве»⁴.

¹ Federal judge rejects Trump's lawsuit challenging Twitter ban. URL: <https://www.pbs.org/newshour/nation/federal-judge-rejects-trumps-lawsuit-challenging-twitter-ban>.

² Mark Zuckerberg says Meta was ‘pressured’ by Biden administration to censor Covid-related content in 2021. URL: <https://edition.cnn.com/2024/08/27/business/mark-zuckerberg-meta-biden-censor-covid-2021/index.html>.

³ Федеральный портал проектов нормативно-правовых актов. Проект Указа президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=149268>.

⁴ Путин заявил, что против России развязана война в киберпространстве. URL: <https://tass.ru/politika/14686131>.

* Корпорация Meta признана в России экстремистской организацией, ее деятельность в России запрещена на основании решения суда.

В феврале 2023 года Президент России развил свою мысль, указав на то, что «...всегда эта борьба сопровождалась противоборством в информационном поле. И это было всегда, на протяжении всей нашей истории. А то, что происходит сегодня и сопровождает специальную военную операцию, – это только обострение этой борьбы, которая велась всегда»¹. Об угрозах дезинформации говорит пункт 52 раздела «Информационная безопасность» Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: «в целях дестабилизации общественно-политической ситуации в Российской Федерации распространяется недостоверная информация, в том числе заведомо ложные сообщения об угрозе совершения террористических актов»².

Таким образом, проблема информационной войны, распространения дезинформации как ее ключевого инструмента признается на высшем государственном уровне, а противодействие дезинформации является одной из крупнейших задач, которые стоят перед законодателями и правоприменителями на текущий момент. Тем не менее, как показывает обзор отечественной научной литературы в данной области, эта проблематика в настоящее время исследуется недостаточно. Не решена проблема совершенствования законодательства, направленного на противодействие дезинформации. Действующие меры регулирования в большей части основываются на подходах, выработанных в период пандемии, для которых характерно отсутствие системности и устойчивости, что подтверждается ранее приведенными фактами о злоупотреблениях при осуществлении противодействия дезинформации. Законодательство во многом по-прежнему носит экспериментальный характер, не подкреплено серьезными юридическими исследованиями, правоприменительной практикой, страдает от дефицита системного подхода к его формированию. Например, с 2020 года в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (далее – Закон № 149-ФЗ) было внесено 26 поправок. Отсутствие общей нормы о противодействии дезинформации вынуждает законодателя создавать многочисленные конструкции, во многом повторяющие друг друга, громоздкие, трудно воспринимаемые как для обывателя, так и для специалистов. Данная тенденция прослеживается и в УК РФ: так, за последние годы была значительно расширена глава 24 УК РФ, также кодекс пополнился статьями:

205.2. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма;

207.1. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан;

207.2. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия;

207.3. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации;

280. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности;

280.1. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

280.3. Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации;

Перечисленные статьи УК РФ криминализуют распространение различных видов недостоверной информации, но каждый раз предлагается новое определение вместо использования единого понятия «дезинформация». В каких-то случаях, когда речь идет о пропаганде терроризма, это оправданно (ст. 205.1 УК РФ). В других ситуациях это явно избыточно и громоздко, например в статье 207.1 УК РФ: публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан; в статье 207.2: публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия.

С распространением заведомо ложной информации связаны диспозиции и других статей УК РФ, например статья 354 «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны», статья 354.1. «Реабилитация нацизма», так как объективная сторона данных преступлений в основном заключается в распространении дезинформации. Представляется, что подобные преступления можно было бы выделить в от-

¹ Путин заявил, что с Россией всегда велась борьба. URL: <https://tass.ru/politika/16950005>

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2021. № 27, ст. 5351 (ч. 2).

дельную главу, где были бы объединены все уголовные составы, связанные с распространением дезинформации. В данной главе можно было бы дать определение дезинформации как общего понятия, без необходимости дальнейшего повторения в составах, где объективная сторона состоит в распространении дезинформации. В таком случае можно избежать громоздких определений, ограничиться формулировками «дезинформация против Вооруженных сил», «дезинформация против государственной власти», «дезинформация в целях пропаганды деструктивной идеологии» и т. п. Аналогично тому, как это сделано в актах ЕС, в целом большинство составов можно было бы систематизировать как распространение дезинформации или распространение деструктивной информации определенного рода, выделив именно соответствующую специфику.

Из опыта ЕС можно было бы заимствовать практику направляемого государством саморегулирования, когда онлайн-платформы, журналисты и представители гражданского общества объединяются для выработки специальных кодексов практик по противодействию дезинформации. При этом важно избежать формального подхода, когда такие соглашения не требуют обязательного выполнения принятых на себя обязательств. В ЕС в аналогичных случаях используется механизм выделения специальных органов, создаваемых участниками соглашения, и наделения их соответствующими полномочиями по мониторингу и контролю взятых на себя обязательств.

Выводы

Как показывает углубленное изучение научной литературы по проблематике дезинформации, российская наука и зарубежные исследования движутся в разных направлениях. Если в России термин «дезинформация» используется достаточно ограниченно и несколько хаотично – в основном в правоприменительной практике и в СМИ, то за рубежом данному феномену, а соответственно, и термину уделяется большое внимание как на уровне законодательства, так и в научной литературе различных дисциплин. В отношении проблем противодействия дезинформации за рубежом активно развивается законодательство, ведутся научные исследования, к деятельности по противодействию дезинформации привлекаются онлайн-платформы, которые участвуют в этой работе не только как исполнители законодательства, но и как стейкхолдеры, вовлеченные в данный процесс на организационном уровне – они играют роль в формировании так называемого «мягкого права», участвуют в со-регулировании и саморегулировании правоотношений в данной области.

Представляется, что отсутствие должного внимания к термину «дезинформация» на научном уровне, отсутствие инициатив по внедрению данного термина на законодательном уровне в России не соответствует тем задачам, которые в настоящее время стоят перед законодателем, когда противодействие распространению недостоверной информации является одной из ключевых проблем информационного противостояния, а эффективность регулирования информационного пространства критически важна.

Анализ развития законодательства об информации, противодействии угрозам в информационном пространстве показывает, что существует дефицит системности в подготовке соответствующих законодательных инициатив. Данная проблема особенно ярко себя проявляет, когда разработчики Цифрового кодекса приступят к подготовке соответствующих разделов закона, важность подготовки которого в очередной раз признал Президент Российской Федерации¹. Уже сейчас очевидно, что текущая редакция Закона № 149-ФЗ не позволяет взять соответствующие нормы и просто перенести в новый кодекс – они не соответствуют общепринятым критериям систематизации законодательства, а именно не может быть «обеспечено системное нормативное регулирование одного вида общественных отношений путем создания единого, юридически и логически цельного, внутренне согласованного нормативного акта, выражающего содержательную и юридическую специфику структуры обосновленных подразделений системы права» [2, с. 254].

Изложенное обстоятельство, как и тот факт, что сам законодатель признает необходимость кодификации нормативно-правовых актов информационного права в виде Цифрового кодекса, предопределяет необходимость перехода в законодательстве об информации к таким обобщающим понятиям, как дезинформация. Тем более что данный термин широко признан в зарубежной юридической науке, подробно освещен в других отечественных науках, таких как политология, социология, психология, журналистика и др., что подтверждается результатами настоящего исследования. Иными словами, расширение юридических исследований в области дезинформации, интеграция данного термина в законодательство и соответствующая перестройка норм, касающихся распространения недостоверной информации, не только целесообразны, но и необходимы с точки зрения процессов систематизации отечественного информационного законодательства. В противном случае качество регулирования соответствующих правоотношений не будет согласовываться с критериями кодифицированного нормативного акта, о чем уже было сказано.

¹ Путин пообещал придать дополнительный импульс разработке Цифрового кодекса РФ. URL: <https://www.interfax-russia.ru/moscow/news/putin-poobeshchal-pridat-dopolnitelnyy-impuls-razrabotke-cifrovogo-kodeksa-rf>.

Представляется, что необходим самостоятельный, российский взгляд на природу и понятие дезинформации в процессе введения данного понятия в законодательство. Предлагается предусмотреть в проекте Цифрового кодекса отдельный раздел, посвященный противодействию деструктивной информации, где были бы указаны виды деструктивной информации, в числе которых должна быть представлена и дезинформация. С учетом достижения других наук предлагается следующее определение дезинформации: *деструктивная информация, направленная на введение в заблуждение общества путем обмана с целью подорвать основные ценностные установки, закрепленные Конституцией Российской Федерации, нарушить общественный порядок, создать панику, дезорганизовать или дискредитировать работу органов власти и военного управления*. При этом особенно важно, чтобы законодательно была установлена гарантия свободы слова, направленная на защиту лиц, говорящих «недобрую правду», а именно сообщающих о преступлениях и злоупотреблениях, выявленных членами гражданского общества. Как известно, об этой проблеме говорилось на самом высоком уровне, однако принцип «ошибаться можно, врать нельзя» должен получить законодательное отражение¹. В частности, предлагается закрепить в Уголовном кодексе принцип недопущения привлечения лица к уголовной ответственности, в случае распространения им сведений о готовящемся или совершенном преступлении, даже если такие сведения могут быть признаны дискредитирующими для органов власти. Однако для предупреждения злоупотреблений, в случае опровержения распространенных сведений в ходе судебного разбирательства, предлагается взыскивать с такого лица крупные штрафы. Конкретизация данных норм требует широкой научной и общественной дискуссии, однако отсутствие таких механизмов, которые формируют баланс права на свободу слова и требование защищать интересы государства и общества в информационном пространстве, сейчас ощущается особенно остро.

В целом следует отметить чрезвычайную сложность противодействия дезинформации, в том числе потому, что часто невозможно установить, является ли та или иная информация достоверной в момент ее распространения. Этот факт определяет необходимость вовлечения в работу по противодействию дезинформации структуры гражданского общества, что, в свою очередь, требует внесения изменений в раздел «Информационная безопасность» Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в части дополнения его конкретными шагами по предупреждению распространения дезинформации, и выделения специальной подпрограммы, привязанной к Стратегии. Предлагается дополнить ее определением дезинформации, предложенным в настоящем исследовании.

Библиографический список

1. Аблев С. Р., Кузьминская С. И. Медийные мистификации массового сознания как психологическое орудие информационной войны // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 2. С. 12–15.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.
3. Альджадуо А. Д. Х. Тенденции развития методов ведения современной информационной войны // Обществознание и социальная психология. 2022. № 11 (41). С. 305–308.
4. Андреев С. В., Бертовский Л. В., Образцов В. А. Использование дезинформации при выявлении и расследовании преступлений // Российский следователь. 2005. № 8. С. 2–5.
5. Аулов В. К. Правовой инструментарий информационной войны: базовые ценности военной организации государства и юридические технологии их разрушения // Военное право. 2022. № 3 (73). С. 44–53.
6. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2 (104). С. 43–49.
7. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология: учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 507 с.
8. Виноградов В. А., Кузнецова Д. В. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» // Журнал Высшей школы экономики. Право. 2024. Т. 17(2). С. 215–240. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.215.240.
9. Воронова О. Е. Современные информационные войны: типология и технологии. Рязань: Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина, 2018. 188 с.
10. Гирько С. И. Проблемы уголовно-процессуального статуса уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: мифы и реальность // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 7 (218). С. 13–21.
11. Голованова Н. А. Новые формы онлайн-преступности за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 42–57. DOI: 10.12737/jflcl.2019.3.4.
12. Жук Д. А., Жук Д. В., Третьяков А. О. Методы определения поддельных новостей в социальных сетях с использованием машинного обучения // Информационные ресурсы России. 2018. № 3. С. 29–32.
13. Иссерс О. С. Медиафейки: между правдой и мистификацией // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 112–123.
14. Калинина Е. В. Дileммы правового регулирования безопасности информационного пространства и коммуникативные медиатехнологии как инструменты ведения информационной войны //

¹ Белоусов заявил, что руководствуется принципом «ошибаться можно, врать нельзя». URL: <https://tass.ru/politika/20792945>.

Военно-юридический журнал. 2023. № 1. С. 19–23. DOI: 10.18572/2070-2108-2023-1-19-23.

15. Кааяни А. Г. Теория и практика психологической войны. Организация и проведение информационных операций. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar30.htm>.

16. Козлов В. В., Власов Н. А. Информационные войны: история и современность // Человеческий фактор. Социальный психолог. 2017. № 1 (33). С. 98–111.

17. Красовская Н. Р., Гуляев А. А. Информационные войны на территории бывшего СССР // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 2 (19). С. 51–58.

18. Кунакова Л. Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 6. С. 93–96.

19. Лисичкин В. А., Шелепин, Л. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М.: Ин-т социально-политических исследований АСН, 2000. 304 с.

20. Макашова В. В. Дезинформация как оружие массового поражения: проблема диагностики // Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сб. науч. работ по итогам Междунар. науч.-практ. конф. «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка» (г. Москва, 12–13 октября 2023 г.). М.: СОЮЗКНИГ, 2023. С. 190–204.

21. Makurova D. A. Media disinformation: types and characteristics // Studia Linguistica. 2021. № 30. Pp. 57–64.

22. МакДугал Дж. Медиаграмотность как антидот к дезинформации // СоциоДиггер. 2021. Т. 2. № 6 (11). С. 36–37.

23. Михальченко И. А. Информационные войны на рубеже XXI века // Безопасность информационных технологий. 1998. № 3. С. 14–15.

24. Моногарова А. Г., Ширяева Т. А., Тихонова Е. В. Язык вирусных фейковых новостей: корпусный подход к анализу русскоязычной дезинформации о Covid-19 // Russian Journal of Linguistics. 2023. Т. 27, № 3. С. 543–569.

25. Невзгодина Е. Л., Парыгина Н. Н. Гражданственно-правовой механизм защиты деловой репутации в России: панорамный обзор // Lex Russica. 2018. № 1. С. 57–70. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.134.1.057-070.

26. Некрасов Г. А., Романова, И. И. Разработка поискового робота для обнаружения веб-контента с фейковыми новостями // Инновационные, информационные и коммуникационные технологии. 2017. № 1. С. 128–130.

27. Панарин И. Н. Технология информационной войны. М.: КСП+, 2003. 320 с.

28. Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Поколение, 2012. 260 с.

29. Полончук Р. А., Ганиев Т. А. Взгляды китайских военных специалистов на сущность и содержание

информационной войны в современных условиях // Военная мысль. 2020. № 3. С. 133–139.

30. Пирютко И. Д. Социальные сети как инструмент для дезинформации и управления дезинформацией // Достижения науки и технологий-ДНит-11-2023: сб. науч. ст. по материалам II Всерос. науч. конференции (г. Красноярск, 27–28 февраля 2023 г.). Красноярск: Общественное учреждение «Красноярский краевой Дом науки и техники Российского союза научных и инженерных общественных объединений», 2023. Вып. 7. С. 327–331.

31. Проокофьев В. Ф. Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание. М.: СИНТЕГ, 2003. 408 с.

32. Проскурин О. Н. Информационная совместимость — обязательное условие реализации концепции «сетецентрических войн» // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2011. № 4 (70). С. 45–51.

33. Царик В. С. Противодействие «российской информационной угрозе» в политике Европейского союза после украинского кризиса: дискурсивный и институциональный аспекты // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, № 5. С. 107–123.

34. Akoev M., Moskaleva, O., Pislyakov, V. Confidence and RISC: How Russian papers indexed in the national citation database Russian Index of Science Citation (RISC) characterize universities and research institutes // STI 2018 Conference Proceedings. 2018. Pp. 1328–1338. DOI: 10.1887/65344.

35. Bernstein J. Bad news: Selling the story of disinformation // Harper's Magazine. URL: <https://harpers.org/archive/2021/09/bad-news-selling-the-story-of-disinformation/>.

36. Carlson C. R. On Shaky Ground: Reconsidering the Justifications for First Amendment Protection of Hate Speech // Communication Law and Policy. 2023. № 28 (2). Pp. 124–151. DOI: 10.1080/10811680.2023.2193571.

37. Cigar N. The Russian Military's Biological Warfare Disinformation Campaign and the Russo-Ukrainian War // The Journal of Slavic Military Studies. 2023. № 36(4). Pp. 361–409. DOI: 10.1080/13518046.2023.2305511.

38. Cole M. The Relevant EU Legal Framework for Online Content Dissemination // Cross-border Dissemination of Online Content. 2020. Pp. 53–168. DOI: 10.5771/9783748906438-53.

39. Custers B. New digital rights: Imagining additional fundamental rights for the digital era // Computer Law & Security Review. 2022. Vol. 44. Pp. 1–13. DOI: 10.1016/j.clsr.2021.105636.

40. Demaske C. Modern power and the First Amendment: Reassessing hate speech // Communication Law and Policy. 2004. Vol. 9 (3). Pp. 273–316. DOI: 10.1207/s15326926clp0903_1.

41. Gamito M. C. The European Media Freedom Act (EMFA) as meta-regulation // Computer Law & Security Review. 2023. Vol. 48. Pp. 1–20. DOI: 10.1016/j.clsr.2023.105799.

42. *Helberger N.* FutureNewsCorp, or how the AI Act changed the future of news // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 52. Pp. 1–20. DOI: 10.1016/j.clsr.2023.105915.
43. *Herbosch M.* Fraud by generative AI chatbots: On the thin line between deception and negligence // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 52. Pp. 1–31. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.105941.
44. *Hutchings S.C.* Uncovering the uncoverers: identity, performativity and representation in counter-disinformation discourse // Cultural Studies. 2024. Vol. 39 (1). Pp. 1–28. DOI: 10.1080/09502386.2024.2384942.
45. *Juhász K.* European Union defensive democracy's responses to disinformation // Journal of Contemporary European Studies. 2024. Vol. 32 (4), Pp. 1075–1094. DOI: 10.1080/14782804.2024.2317275.
46. *Kalsnes B.* Fake News // Oxford Research Encyclopedia of Communication, 2018. Pp. 1–24. DOI: 10.1093/crefore/9780190228613.013.809.
47. *Karalis M.* Fake leads, defamation and destabilization: How online disinformation continues to impact Russia's invasion of Ukraine // Intelligence and National Security. 2024. № 39. Pp. 1–10. DOI: 10.1080/02684527.2024.2329418.
48. *Limonier K., Laruelle M.* Russia's African Toolkit: Digital Influence and Entrepreneurs of Influence // Orbis. 2021. Vol. 65 (3). Pp. 403–419. DOI: 10.1016/j.orbis.2021.06.005.
49. *Mantelero A., Esposito M. S.* An evidence-based methodology for human rights impact assessment (HRIA) in the development of AI data-intensive systems // Computer Law & Security Review. 2021. Vol. 41. Pp. 1–31. DOI: 10.1016/j.clsr.2021.105561.
50. *Marsden C., Meyer T., Brown I.* Platform values and democratic elections: How can the law regulate digital disinformation? // Computer Law & Security. 2020. Vol. 36. Pp. 1–18. DOI: 10.1016/j.clsr.2019.105373.
51. *Moyakine E., Tabachnik A.* Struggling to strike the right balance between interests at stake: The 'Yarovaya', 'Fake news' and 'Disrespect' laws as examples of ill-conceived legislation in the age of modern technology // Computer Law & Security Review. 2021. Vol. 40. Pp. 1–13. DOI: 10.1016/j.clsr.2020.105512.
52. *Nave E., Lane L.* Counteracting online hate speech: How does human rights due diligence impact terms of service? // Computer Law & Security Review. 2023. Vol. 51. Pp. 1–18. DOI: 10.1016/j.clsr.2023.105884.
53. *Park T. J., Rohatgi A.* Balancing the platform responsibility paradox: A case for amplification regulation to mitigate the spread of harmful but legal content online // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 52. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.105960.
54. *Peukert A.* The regulation of disinformation: a critical appraisal // Journal of Media Law. 2024. Vol. 16 (1). Pp. 1–7. DOI: 10.1080/17577632.2024.2362485.
55. *Quarmal S. B., Islam M. A.* Data journalism in combating misinformation during Bangladesh national election 2018 // Russian Journal of Media Studies. 2020. № 8. Pp. 27–48. DOI: 10.17223/26188422/8/3.
56. *Rojszczak M.* Online content filtering in EU law – A coherent framework or jigsaw puzzle? // Computer Law & Security Review. 2022. Vol. 47. Pp. 1–18. DOI: 10.1016/j.clsr.2022.105739.
57. *Shahbazi M., Bunker D.* Social media trust: Fighting misinformation in the time of crisis // International Journal of Information Management. 2024. Vol. 77. Pp. 1–13. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2024.102780.
58. *Silva M., Giovanini L., Fernandes J., Oliveira D., Silva C. S.* What Makes Disinformation Ads Engaging? A Case Study of Facebook Ads from the Russian Active Measures Campaign // Journal of Interactive Advertising. 2023. № 23. Pp. 221–240. DOI: 10.1080/15252019.2023.2173991.
59. *Sokolova A. A., Kalenchuk T. V., Sokolova S. N.* NEO-terrorism in the information society as a basic element of hybrid warfare strategy // Bulletin of Polessky State University. Series in Social Sciences and Humanities. 2021. № 2. Pp. 21–27.
60. *Stewart B., Jackson S., Ishiyama J., Marshall M. C.* Explaining Russian state-sponsored disinformation campaigns: who is targeted and why? // East European Politics. 2024. Vol. 40(3), Pp. 431–446. DOI: 10.1080/21599165.2024.2302597.
61. *Sun H.* Regulating Algorithmic Disinformation // The Columbia Journal of Law & The Arts. 2023. Vol. 46 (4). Pp. 367–417. DOI: 10.52214/jla.v46i3.11237.
62. *Szegda J., Tylec G.* The level of legal security of citizen journalists and social media users participating in public debate. Standards developed in the jurisprudence of the European Court of Human Rights (ECtHR) and the European Court of Justice (ECJ) // Computer Law & Security Review. 2022. Vol. 47. Pp. 1–15. DOI: 10.1016/j.clsr.2022.105740.
63. *Tan C.* The curious case of regulating false news on Google // Computer Law & Security Review. 2022. Vol. 46. Pp. 1–14. DOI: 10.1016/j.clsr.2022.105738.
64. *Thornton R., Miron M.* Deterring Russian cyber warfare: the practical, legal and ethical constraints faced by the United Kingdom // Journal of Cyber Policy. 2019. Vol. 4 (2). Pp. 257–274. DOI: 10.1080/23738871.2019.1640757.
65. *Tolz V., Hutchings S.* Truth with a Z: disinformation, war in Ukraine, and Russia's contradictory discourse of imperial identity // Post-Soviet Affairs. 2023. Vol. 39 (5). Pp. 347–365. DOI: 10.1080/1060586X.2023.2202581.
66. *Urusova N. A.* The global phenomenon of fake news: Online disinformation during crisis // Communications. Media. Design. 2023. Vol. 8. № 4. Pp. 18–31.
67. *van Bekkum M., Borgesius F. Z.* Using sensitive data to prevent discrimination by artificial intelligence: Does the GDPR need a new exception? // Computer Law & Security Review. 2023. Vol. 48. 105770. Pp. 1–12 DOI: 10.1016/j.clsr.2022.105770.
68. *van de Weijer S., Leukfeldt R., Moneva A.* Cybercrime during the COVID-19 pandemic: Prevalence, nature and impact of cybercrime for citizens and SME owners in the Netherlands // Computers & Security.

2024. Vol. 139. Pp. 1–11 DOI: 10.1016/j.cose.2023.103693.

69. Xiao B. Making the private public: Regulating content moderation under Chinese law // Computer Law & Security Review. 2023. № 51. Pp. 1–16. DOI: 10.1016/j.clsr.2023.105893.

70. Khakimova A., Zolotarev O., Sharma B., Agrawal S., Jain S. Methods for Assessing the Psychological Tension of Social Network Users during the Coronavirus Pandemic and Its Uses for Predictive Analysis // Sustainability. 2023. Vol. 15. Issue 13. Pp. 1–19. 10008. DOI: 10.3390/su151310008.

References

1. Ableev S. R., Kuz'minskaya S. I. *Mediynye mififikatsii massovogo soznaniya kak psikhologicheskoe orudie informatsionnoy voyny* [Media Mystifications of Mass Consciousness as a Psychological Tool of Information Warfare]. *Psichologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatelnosti* – Psychology and Pedagogics in Official Activity. 2023. Issue 2. Pp. 12–15. (In Russ.).
2. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1981. 360 p. (In Russ.).
3. Aljaduoai A. J. h. *Tendentsii razvitiya metodov vedeniya sovremennoy informatsionnoy voyny* [Trends in the Development of Methods of Modern Information Warfare]. *Obshchestvoznanie i sotsial'naya psichologiya* – Social Science and Social Psychology. 2022. Issue 11 (41). Pp. 305–308. (In Russ.).
4. Andreev S. V., Bertovskiy L. V., Obraztsov V. A. *Ispol'zovanie dezinformatsii pri vyyavlenii i rassledovanii prestupleniy* [The Use of Disinformation in Detecting and Investigating Crimes]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian Investigator. 2005. Issue 8. Pp. 2–5. (In Russ.).
5. Aulov V. K. *Pravovoy instrumentariy informatsionnoy voyny: bazovye tsennosti voennoy organizatsii gosudarstva i yuridicheskie tekhnologii ikh razrusheniya* [Legal Instruments of Information Warfare: Core Values of the Military Organization of the State and Legal Technologies for Their Destruction]. *Voennoe pravo* – Military Law. 2022. Issue 3 (73). Pp. 44–53. (In Russ.).
6. Bakhteev D. V. *Iskusstvennyy intellekt v kriminalistike: sostoyanie i perspektivy ispol'zovaniya* [Artificial Intelligence in Forensics: Status and Prospects of Using]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* – Russian Law: Education, Practice, Researches. 2018. Issue 2 (104). Pp. 43–49. (In Russ.).
7. Vas'kovskiy E. V. *Tsivilisticheskaya metodologiya: uchenie o tolkovaniyu i primenenii grazhdanskikh zakonov* [Civil-Law-Science Methodology: Doctrine of Interpretation and Application of Civil Laws]. Moscow, 2002. 83 p. (In Russ.).
8. Vinogradov V. A., Kuznetsova D. V. *Zarubezhnyy opyt pravovogo regulirovaniya tekhnologii «dipfeyk»* [Foreign Experience in Legal Regulation of 'Deepfake' Technology]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* – Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Vol. 17 (2). Pp. 215–240. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.215.240. (In Russ.).
9. Voronova O. E. *Sovremennye informatsionnye voyny: tipologiya i tekhnologii* [Modern Information Wars: Typology and Technologies]. Ryazan, 2018. 188 p. (In Russ.).
10. Gir'ko S. I. *Problemy ugolovno-protsessual'nogo statusa ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii: mify i real'nost'* [Problems of the Criminal Procedural Status of the Penal System of the Russian Federation: Myths and Reality]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* – Bulletin of the Penal System. 2020. Issue 7 (218). Pp. 13–21. (In Russ.).
11. Golovanova N. A. *Novye formy onlayn-prestupnosti za rubezhom* [New Forms of Online Crime Abroad]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i srovnitel'nogo pravovedeniya* – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2019. Issue 3. Pp. 42–57. DOI: 10.12737/jflcl.2019.3.4. (In Russ.).
12. Zhuk D. A., Zhuk D. V., Tret'yakov A. O. *Metody opredeleniya poddel'nykh novostey v sotsial'nykh setyakh s ispol'zovaniem mashinnogo obucheniya* [Methods for Detecting Fake News in Social Networks Using Machine Learning]. *Informatsionnye resursy Rossii* – Information Resources of Russia. 2018. Issue 3. Pp. 29–32. (In Russ.).
13. Issers O. S. *Mediafeyki: mezhdu pravdoy i mififikatsiyey* [Media Fakes: Between Truth and Mystification]. *Kommunikativnye issledovaniya* – Communication Studies. 2014. Issue 2. Pp. 112–123. (In Russ.).
14. Kalinina E. V. *Dilemmy pravovogo regulirovaniya bezopasnosti informatsionnogo prostranstva i kommunikativnye mediateknologii kak instrumenty vedeniya informatsionnoy voyny* [Dilemmas of Legal Regulation of Information Space Security and Communicative Media Technologies as Tools of Information Warfare]. *Voenno-yuridicheskiy zhurnal* – Military-Law Journal. 2023. Issue 1. Pp. 19–23. DOI: 10.18572/2070-2108-2023-1-19-23. (In Russ.).
15. Karayani A. G. *Teoriya i praktika psichologicheskoy voyny. Organizatsiya i provedenie informatsionnykh operatsiy* [Theory and Practice of Psychological Warfare. Organization and Conduct of Information Operations]. Available at: <http://psyfactor.org/lib/psywar30.htm>. (In Russ.).
16. Kozlov V. V., Vlasov N. A. *Informatsionnye voyny: istoriya i sovremennost'* [Information Wars: History and Modernity]. *Chelovecheskiy faktor. Sotsial'nyy psicholog* – Human Factor. Social Psychologist. 2017. Issue 1 (33). Pp. 98–111. (In Russ.).
17. Krasovskaya N. R., Gulyaev A. A. *Informatsionnye voyny na territorii byvshego SSSR* [Information Wars in the Territory of the Former USSR]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela* – Humanitarian Problems of Military Affairs. 2019. Issue 2 (19). Pp. 51–58. (In Russ.).
18. Kunakova L. N. *Informatsionnaya voyna kak ob'ekt nauchnogo analiza (ponyatie i osnovnye kharakteristiki informatsionnoy voyny)* [Information War as an

- Object of Scientific Analysis (The Concept and Main Characteristics of Information War)]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education.* 2012. Issue 6. Pp. 93–96. (In Russ.).
19. Lisichkin V. A., Shelepin L. A. *Tret'ya mirovaya (informatsionno-psikhologicheskaya) voyna* [The Third World (Informational-Psychological) War]. Moscow, 2000. 304 p. (In Russ.).
 20. Makashova V. V. *Dezinformatsiya kak oruzhie massovogo porazheniya: problema diagnostiki* [Disinformation as a Weapon of Mass Destruction: Diagnostic Issues]. *Sovremennyj mediatekst i sudebnaya ekspertiza: mezhdisciplinarnye svyazi i ekspertnaya otsenka* [Modern Mediatext and Forensic Examination: Interdisciplinary Relations and Expert Assessment]: a collection of scientific works based on the International Scientific and Practical Conference (Moscow, October 12–13, 2023). Moscow, 2023. Pp. 190–204. (In Russ.).
 21. Makurova D. A. Media Disinformation: Types and Characteristics. *Studia Linguistica.* 2021. Issue 30. Pp. 57–64. (In Eng.).
 22. McDougall J. *Mediagramotnost' kak antidot k dezinformatsii* [Media Literacy as an Antidote to Disinformation]. *SotsioDigger – SocioDigger.* 2021. Vol. 2. Issue 6 (11). Pp. 36–37. (In Russ.).
 23. Mikhalkchenko I. A. *Informatsionnye voyny na rubezhe XXI veka* [Information Wars at the Turn of the 21st Century]. *Bezopasnost' informatsionnykh tekhnologiy – IT Security (Russia).* 1998. Issue 3. Pp. 14–15. (In Russ.).
 24. Monogarova A. G., Shiryaeva T. A., Tikhonova E. V. *Yazyk virusnykh feykovykh novostey: korpusnyy podkhod k analizu russkoyazychnoy dezinformatsii o Covid-19* [The Language of Viral Fake News: Corpus-Based Approach to Analyzing Russian-Language Disinformation about Covid-19]. *Russian Journal of Linguistics.* 2023. Vol. 27. Issue 3. Pp. 543–569. (In Russ.).
 25. Nevzgodina E. L., Parygina N. N. *Grazhdansko-pravovoy mehanizm zashchity delovoy reputatsii v Rossii: panorama obzor* [Civil Law Mechanism of Protection of Business Reputation in Russia: A Comprehensive Review]. *Lex Russica.* 2018. Issue 1. Pp. 57–70. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.134.1.057-070. (In Russ.).
 26. Nekrasov G. A., Romanova I. I. *Razrabotka poiskovogo robota dlya obnaruzheniya veb-kontenta s feykovymi novostyami* [Development of a Search Robot for Detecting Web Content with Fake News]. *Innovatsionnye, informatsionnye i kommunikatsionnye tekhnologii – Innovative, Information, and Communication Technologies.* 2017. Issue 1. Pp. 128–130. (In Russ.).
 27. Panarin I. N. *Tekhnologiya informatsionnoy voyny* [The Technology of Information Warfare]. Moscow, 2003. 320 p. (In Russ.).
 28. Panarin I. N. *SMI, propaganda i informatsionnye voyny* [Mass Media, Propaganda, and Information Wars]. Moscow, 2012. 260 p. (In Russ.).
 29. Polonchuk R. A., Ganiev T. A. *Vzglyady kitayskikh voennykh spetsialistov na sushchnost' i soderzhanie informatsionnoy voyny v sovremennykh usloviyakh* [Views of Chinese Military Specialists on the Essence and Content of Information Warfare in Modern Conditions]. *Voennaya mysl'* – Military Thought. 2020. Issue 3. Pp. 133–139. (In Russ.).
 30. Piryutko I. D. *Sotsial'nye seti kak instrument dlya dezinformatsii i upravleniya dezinformatsiy* [Social Networks as a Tool for Disinformation and for Managing Disinformation]. *Dostizheniya nauki i tekhnologiy* [Advances in Science and Technology]: a collection of scientific articles based on the II All-Russian Scientific Conference (Krasnoyarsk, 2023, February 27–28). Krasnoyarsk, 2023. Issue 7. Pp. 327–331. (In Russ.).
 31. Prokof'ev V. F. *Taynoe oruzhie informatsionnoy voyny: ataka na podsoznanie* [A Secret Weapon of Information Warfare: Attack on the Subconscious]. Moscow, 2003. 408 p. (In Russ.).
 32. Proskurin O. N. *Informatsionnaya sovmestimost' – obyazatel'noe uslovie realizatsii kontseptsii «sietesentriceskikh voyn»* [Information Compatibility as a Mandatory Condition for Implementing the Concept of 'Network-Centric Wars']. *Izvestiya Rossiyskoy akademii raketynykh i artilleriyskikh nauk* – Proceedings of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences. 2011. Issue 4 (70). Pp. 45–51. (In Russ.).
 33. Tsarik V. S. *Protivodeystvie «rossiyskoy informatsionnoy ugroze» v politike Evropeyskogo soyuza posle ukrainskogo krizisa: diskursivnyy i institutsional'nyy aspekty* [Countering the 'Russian Information Threat' in the European Union Policy after the Ukrainian Crisis: Discursive and Institutional Aspects]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* – Central Russian Journal of Social Sciences. 2020. Vol. 15. Issue 5. Pp. 107–123. (In Russ.).
 34. Akoev M., Moskaleva O., Pislyakov V. Confidence and RISC: How Russian Papers Indexed in the National Citation Database Russian Index of Science Citation (RISC) Characterize Universities and Research Institutes. *STI 2018 Conference Proceedings.* 2018. Pp. 1328–1338. DOI: 10.1887/65344. (In Eng.).
 35. Bernstein J. Bad News: Selling the Story of Disinformation. *Harper's Magazine.* Available at: <https://harpers.org/archive/2021/09/bad-news-selling-the-story-of-disinformation/>. (In Eng.).
 36. Carlson C. R. On Shaky Ground: Reconsidering the Justifications for First Amendment Protection of Hate Speech. *Communication Law and Policy.* 2023. Vol. 28 (2). Pp. 124–151. DOI: 10.1080/10811680.2023.2193571. (In Eng.).
 37. Cigar N. The Russian Military's Biological Warfare Disinformation Campaign and the Russo-Ukrainian War. *The Journal of Slavic Military Studies.* 2023. Vol. 36 (4). Pp. 361–409. DOI: 10.1080/13518046.2023.2305511. (In Eng.).
 38. Cole M. The Relevant EU Legal Framework for Online Content Dissemination. *Cross-Border Dissemination of Online Content.* 2020. Pp. 53–168. DOI: 10.5771/9783748906438-53. (In Eng.).

39. Custers B. New Digital Rights: Imagining Additional Fundamental Rights for the Digital Era. *Computer Law & Security Review*. 2022. Vol. 44. Pp. 1–13. DOI: 10.1016/j.clsr.2021.105636. (In Eng.).
40. Demaske C. Modern Power and the First Amendment: Reassessing Hate Speech. *Communication Law and Policy*. 2004. Vol. 9 (3). Pp. 273–316. DOI: 10.1207/s15326926clp0903_1. (In Eng.).
41. Gamito M. C. The European Media Freedom Act (EMFA) as Meta-Regulation. *Computer Law & Security Review*. 2023. Vol. 48. Pp. 1–20. DOI: 10.1016/j.clsr.2023.105799. (In Eng.).
42. Helberger N. FutureNewsCorp, or How the AI Act Changed the Future of News. *Computer Law & Security Review*. 2024. Vol. 52. Pp. 1–20. DOI: 10.1016/j.clsr.2023.105915. (In Eng.).
43. Herbosch M. Fraud by Generative AI Chatbots: On the Thin Line Between Deception and Negligence. *Computer Law & Security Review*. 2024. Vol. 52. Pp. 1–31. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.105941. (In Eng.).
44. Hutchings S. C. Uncovering the Uncoverers: Identity, Performativity and Representation in Counter-Disinformation Discourse. *Cultural Studies*. 2024. Vol. 39(1). Pp. 1–28. DOI: 10.1080/09502386.2024.2384942. (In Eng.).
45. Juhász K. European Union Defensive Democracy's Responses to Disinformation. *Journal of Contemporary European Studies*. 2024. Vol. 32 (4). Pp. 1075–1094. DOI: 10.1080/14782804.2024.2317275. (In Eng.).
46. Kalsnes B. Fake News. *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. 2018. Pp. 1–24. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.809. (In Eng.).
47. Karalis M. Fake Leads, Defamation and Destabilization: How Online Disinformation Continues to Impact Russia's Invasion of Ukraine. *Intelligence and National Security*. 2024. Issue 39. Pp. 1–10. DOI: 10.1080/02684527.2024.2329418. (In Eng.).
48. Limonier K., Laruelle M. Russia's African Toolkit: Digital Influence and Entrepreneurs of Influence. *Orbis*. 2021. Vol. 65 (3). Pp. 403–419. DOI: 10.1016/j.orbis.2021.06.005. (In Eng.).
49. Mantelero A., Esposito M. S. An Evidence-Based Methodology for Human Rights Impact Assessment (HRIA) in the Development of AI Data-Intensive Systems. *Computer Law & Security Review*. 2021. Vol. 41. Pp. 1–31. DOI: 10.1016/j.clsr.2021.105561. (In Eng.).
50. Marsden C., Meyer T., Brown I. Platform Values and Democratic Elections: How Can the Law Regulate Digital Disinformation? *Computer Law & Security*. 2020. Vol. 36. Pp. 1–18. DOI: 10.1016/j.clsr.2019.105373. (In Eng.).
51. Moyakine E., Tabachnik A. Struggling to Strike the Right Balance Between Interests at Stake: The 'Yarovaya', 'Fake News' and 'Disrespect' Laws as Examples of Ill-Conceived Legislation in the Age of Modern Technology. *Computer Law & Security Review*. 2021. Vol. 40. Pp. 1–13. DOI: 10.1016/j.clsr.2020.105512. (In Eng.).
52. Nave E., Lane L. Countering Online Hate Speech: How Does Human Rights Due Diligence Impact Terms of Service? *Computer Law & Security Review*. 2023. Vol. 51. Pp. 1–18. DOI: 10.1016/j.clsr.2023.105884. (In Eng.).
53. Park T. J., Rohatgi A. Balancing the Platform Responsibility Paradox: A Case for Amplification Regulation to Mitigate the Spread of Harmful but Legal Content Online. *Computer Law & Security Review*. 2024. Vol. 52. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.105960. (In Eng.).
54. Peukert A. The Regulation of Disinformation: A Critical Appraisal. *Journal of Media Law*. 2024. Vol. 16 (1). Pp. 1–7. DOI: 10.1080/17577632.2024.2362485. (In Eng.).
55. Quarmal S. B., Islam M. A. Data Journalism in Combating Misinformation During Bangladesh National Election 2018. *Russian Journal of Media Studies*. 2020. Issue 8. Pp. 27–48. DOI: 10.17223/26188422/8/3. (In Eng.).
56. Rojszczak M. Online Content Filtering in EU Law – A Coherent Framework or Jigsaw Puzzle? *Computer Law & Security Review*. 2022. Vol. 47. Pp. 1–18. DOI: 10.1016/j.clsr.2022.105739. (In Eng.).
57. Shahbazi M., Bunker D. Social Media Trust: Fighting Misinformation in the Time of Crisis. *International Journal of Information Management*. 2024. Vol. 77. Pp. 1–13. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2024.102780. (In Eng.).
58. Silva M., Giovanini L., Fernandes J., Oliveira D., Silva C. S. What Makes Disinformation Ads Engaging? A Case Study of Facebook Ads from the Russian Active Measures Campaign. *Journal of Interactive Advertising*. 2023. Issue 23. Pp. 221–240. DOI: 10.1080/15252019.2023.2173991. (In Eng.).
59. Sokolova A. A., Kalenchuk T. V., Sokolova S. N. NEO-Terrorism in the Information Society as a Basic Element of Hybrid Warfare Strategy. *Bulletin of Polessky State University. Series in Social Sciences and Humanities*. 2021. Issue 2. Pp. 21–27. (In Eng.).
60. Stewart B., Jackson S., Ishiyama J., Marshall M. C. Explaining Russian State-Sponsored Disinformation Campaigns: Who Is Targeted and Why? *East European Politics*. 2024. Vol. 40 (3). Pp. 431–446. DOI: 10.1080/21599165.2024.2302597. (In Eng.).
61. Sun H. Regulating Algorithmic Disinformation. *The Columbia Journal of Law & The Arts*. 2023. Vol. 46 (4). Pp. 367–417. DOI: 10.52214/jla.v46i3.11237. (In Eng.).
62. Szegda J., Tylec G. The Level of Legal Security of Citizen Journalists and Social Media Users Participating in Public Debate. Standards Developed in the Jurisprudence of the European Court of Human Rights (ECtHR) and the European Court of Justice (ECJ). *Computer Law & Security Review*. 2022. Vol. 47. Pp. 1–15. DOI: 10.1016/j.clsr.2022.105740. (In Eng.).
63. Tan C. The Curious Case of Regulating False News on Google. *Computer Law & Security Review*. 2022. Vol. 46. Pp. 1–14. DOI: 10.1016/j.clsr.2022.105738. (In Eng.).
64. Thornton R., Miron M. Deterring Russian Cyber Warfare: the Practical, Legal and Ethical Constraints Faced by the United Kingdom. *Journal of Cyber Policy*. 2019. Vol. 4 (2). Pp. 257–274. DOI: 10.1080/23738871.2019.1640757. (In Eng.).

65. Tolz V., Hutchings S. Truth with a Z: Disinformation, War in Ukraine, and Russia's Contradictory Discourse of Imperial Identity. *Post-Soviet Affairs*. 2023. Vol. 39 (5). Pp. 347–365. DOI: 10.1080/1060586X.2023.2202581. (In Eng.).
66. Urusova N. A. The Global Phenomenon of Fake News: Online Disinformation During Crisis. *Communications. Media. Design.* 2023. Vol. 8. Issue 4. Pp. 18–31. (In Eng.).
67. van Bekkum M., Borgesius F. Z. Using Sensitive Data to Prevent Discrimination by Artificial Intelligence: Does the GDPR Need a New Exception? *Computer Law & Security Review*. 2023. Vol. 48. Pp. 1–12. DOI: 10.1016/j.clsr.2022.105770. (In Eng.).
68. van de Weijer S., Leukfeldt R., Moneva A. Cybercrime During the COVID-19 Pandemic: Prevalence, Nature and Impact of Cybercrime for Citizens and SME Owners in the Netherlands. *Computers & Security*. 2024. Vol. 139. Pp. 1–11. DOI: 10.1016/j.cose.2023.103693. (In Eng.).
69. Xiao B. Making the Private Public: Regulating Content Moderation under Chinese Law. *Computer Law & Security Review*. 2023. Issue 51. Pp. 1–16. DOI: 10.1016/j.clsr.2023.105893. (In Eng.).
70. Khakimova A., Zolotarev O., Sharma B., Agrawal S., Jain S. Methods for Assessing the Psychological Tension of Social Network Users During the Coronavirus Pandemic and Its Uses for Predictive Analysis. *Sustainability*. 2023. Vol. 15. Issue 13. Pp. 1–19. DOI: 10.3390/su151310008. (In Eng.).

Информация об авторе:

Е. И. Дискин

Кандидат юридических наук, ст. научный сотрудник
Международной лаборатории цифровой
трансформации в государственном управлении
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

ORCID: 0000-0001-9259-9820
ResearcherID: IZQ-4502-2023

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.31857/S1026945224020167

About the author:

E. I. Diskin

National Research University ‘Higher School of Economics’ (HSE University)
20, Myasnitskaya st., Moscow 101000, Russia

ORCID: 0000-0001-9259-9820
ResearcherID: IZQ-4502-2023

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.31857/S1026945224020167

III. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Чернышев Д. Б. «Святая инквизиция» в истории формирования современного уголовного процесса // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 3(69). С. 430–444. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-430-444.

Chernyshev D. B. «Svyataya inkvizitsiya» v istorii formirovaniya sovremenennogo ugolovnogo protsessa [The Holy Inquisition in the History of the Formation of Modern Criminal Procedure]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 3(69). Pp. 430–444. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-430-444.

УДК 343.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-430-444

«Святая инквизиция»

в истории формирования современного уголовного процесса

Д. Б. Чернышев

Уральский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации
E-mail: SledstvieNT404@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

Введение: в статье приводятся результаты проведенного автором сравнительного анализа порядка ведения процесса в отношении еретиков, ведьм и колдунов, изложенного в изданном в XV веке Трактате “Malleus Maleficarum”, с современным российским уголовно-процессуальным законодательством. Не давая оценок самому факту преследования людей по религиозным соображениям, автор прослеживает схожесть между средневековым и современным следователями в контексте логики в сборе и получении доказательств, их интерпретации и оценке. Отдельно рассмотрен институт пытки, применяемой инквизицией для получения признательных показаний. **Цель:** проследить преемственность, связывающую уголовно-процессуальный порядок производства по уголовным делам, а также криминалистическую тактику и методику с порядком производства инквизиции по преступлениям против веры. **Методы:** общенаучные методы анализа, обобщения, аналогии, диалектики; также применялись частнонаучные методы сравнительно-правового анализа, контент-анализа. **Результаты:** сравнительный анализ порядка проведения следствия и суда над ведьмами, описанного в Трактате «Malleus Maleficarum», с современным уголовно-процессуальным законодательством показал общую логическую линию работы следователя по сбору доказательств вины и невиновности, а также общую направленность на познание истины, связанной с выяснением объективных обстоятельств совершенного преступления. **Выводы:** в современном уголовном процессе сохранились с незначительными изменениями многие положения Трактата “Malleus Maleficarum”. Вместе с тем инквизиционный процесс обладал рядом черт, противоречащих современным принципам, таким как независимость судей, уважение чести и достоинства личности, ее неприкосновенность, презумпция невиновности, право на обжалование процессуальных действий и решений. Такие принципы, как состязательность

© Чернышев Д. Б., 2025



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

сторон и право обвиняемого на защиту, хотя и присутствовали, выражались в значительно более ограниченной форме. Общая обвинительная направленность инквизиционного процесса также отдаляет его от современности. Однако с внешней, процессуальной, точки зрения можно отметить схожую с современностью цель – установление истины, защита невинных от ложного обвинения.

Ключевые слова: «Молот ведьм»; инквизиция; процесс; ересь; преступление против веры

The Holy Inquisition in the History of the Formation of Modern Criminal Procedure

D. B. Chernyshev

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
E-mail: SledstvieNT404@mail.ru

Received 10 Apr 2025

Introduction. The article provides a comparative analysis of the procedure in trials against heretics, witches, and sorcerers as presented in the 15th-century treatise *Malleus Maleficarum* (Hammer of Witches) and modern Russian legislation on criminal procedure. Without assessing the very fact of prosecution on religious grounds, the author of the paper traces the similarities in the logic of evidence collection, interpretation, and evaluation by comparing the methods used by medieval and modern investigators. The institute of investigative torture, used by the Inquisition to extract confessions, is described separately. **Purpose:** this study aims to trace the continuity between modern criminal proceedings as well as the tactics and methodology of criminalistics and the Inquisition's procedures, applied in the case of crimes against faith. **Methods:** general scientific methods of analysis, generalization, analogy, dialectics; special scientific methods of comparative legal analysis, content analysis. **Results:** an analysis comparing the procedure for the conduct of investigations and witch trials described in the *Malleus Maleficarum* with modern criminal procedural legislation showed the following common features of these: the general logical line of investigators' activities aimed at collecting evidence of guilt and innocence; focus on uncovering the truth related to clarifying the objective circumstances of a crime. **Conclusions:** many provisions of the treatise *Malleus Maleficarum* have been preserved in modern criminal proceedings with minor changes. At the same time, some features of the Inquisition contradicted modern principles such as the independence of judges, respect for the honor and dignity of the individual, personal integrity, the presumption of innocence, and the right to appeal against procedural actions and decisions. Principles such as adversariality and the right of the accused to a defense, although present, were expressed in a much more limited form. The general accusatory orientation of the Inquisition also distances it from modernity. However, from an external, procedural point of view, it had a goal similar to that of modern proceedings – the establishment of the truth, the protection of the innocent from false accusations.

Keywords: *Malleus Maleficarum*; Inquisition; criminal procedure; heresy; crime against faith

Введение

Сложившиеся представления о средневековом инквизиторе традиционно рисуют его в образе высохшего старца, религиозного фанатика, в привычке к умерщвлению своей плоти утратившего человеческие чувства, при этом пресытившегося абсолютной властью в вершении человеческих судеб. Максимально точно этот образ был изображен на страницах романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» в лице Клода Фроло: «Это было суровое, замкнутое, мрачное лицо мужчины. Человеку этому, на вид

можно было дать не более тридцати пяти лет; между тем он был уже лыс, и лишь кое-где на висках ещё уцелело несколько прядей редких седеющих волос; его широкий и высокий лоб бороздили морщины» [5]. Непривлекательная внешность как бы отождествляет инквизитора с той мрачной ролью, которую он играл в мире простых обывателей, – наводящего ужас карающего меча Римской католической церкви, беспощадно искоренявшей любые проявления инакомыслия, одного слова которого достаточно, чтобы сломать жизнь неугодного ему человека.

Но тем ли в действительности являлась «святая инквизиция»¹, чем ее рисует современная культура? Действительно ли средневековые процессы над еретиками являлись примером беззакония и произвола судей, вызванного их полной неподконтрольностью местным властям? Или такой образ сформирован под воздействием исторически сложившейся вражды по отношению к католицизму, институтом которого являлась инквизиция, в менталитете протестантских стран (преимущественно США, Великобритании), формирующих современную культурную повестку? При этом следует отметить, что в самих указанных странах судебные процессы XVI–XVIII веков над ведьмами имели не меньший размах и жестокость. В качестве примера можно привести печально известный судебный процесс над ведьмами в городе Салем штата Массачусетс, США, проходивший с 1692 по 1693 год, в ходе которого было осуждено и повешено 19 человек [2].

Безусловно, любое историческое явление, в особенности отделенное от исследователя несколькими столетиями, необходимо рассматривать с соблюдением принципа историзма, учитывая при этом условия, порождающие его становление и развитие [9]. Поэтому в настоящей работе мы не считаем себя вправе оценивать сам факт преследования церковью людей за расхождения в религиозных взглядах и наличие ответственности за исповедование еретических учений. Поэтому мы сознательно ограничили поле исследования рассмотрением основных правовых и процессуальных аспектов следственного и судебного процесса, проводимого инквизиторами по делам о преступлениях против веры.

В качестве основного источника сведений о порядке ведения в отношении ведьм и колдунов предварительного и судебного следствия нами был использован трактат, написанный в 1486–1487 годах инквизитором, монахом доминиканцем Г. Крамером «Молот ведьм» (лат. *Malleus Maleficarum, Maleficas, & earum hæresim, ut phræma potentissima conterens*) [8]. Указанное произведение (далее – Трактат²) обобщает как ранее издававшиеся наставления по преследованию ведьм [16; 17; 1], так и личный опыт автора, исполнявшего обязанности инквизитора на территории Германии и Северной Италии, лично проведшего знаменитые процессы над ведьмами в Трентском епископстве (было обвинено в колдовстве и казнено девять представителей еврейской общины), Равенсбурге (осуждены и сожжены две женщины), а всего, по его собственным воспоминаниям, за свою карьеру осудившего на казнь более 200 ведьм, колдунов и их пособников [19].

Трактат включает в себя три части. Первая посвящена доказательству существования колдовства, его опасности, приводится классификация ведьм и колдунов, описывается их мистическая природа и обосновывается необходимость властей как духовных, так и светских искоренять подобные проявления на подконтрольной территории. Вторая глава посвящена подробному описанию способов околования и противодействия им. Две первые части в рамках настоящего исследования имеют значение лишь в качестве иллюстрации религиозного миропонимания людей той эпохи, для которых очевидность существования божественных проявлений, а также магии и колдовства не вызывала сомнений.

Значительно больший интерес представляет третья часть трактата, посвященная способам обнаружения ведьм, их преследования, а также доказательства их вины. Анализируя структуру текста данного раздела, разделенного на 34 вопроса, можно проследить логику следственного мышления инквизитора, актуальную в том числе и для современных должностных лиц, осуществляющих функции по уголовному преследованию. Гипотезой исследования выступает утверждение, что значительная часть следственных и процессуальных действий, описываемых в трактате, а также их последовательность и порядок проведения сохранились в современном уголовно-процессуальном законодательстве с минимальными изменениями и рассматриваются в качестве основы классического уголовного процесса и криминалистической тактики.

Следует отметить, что в описываемый Г. Крамером период уголовное и уголовно-процессуальное право не было кодифицировано, в связи с чем Трактат сочетает в себе положения, касающиеся обеих отраслей. Для удобства восприятия далее мы будем приводить описываемые Г. Крамером действия в том порядке, который указан в действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ)³. Это позволит проследить преемственность современного порядка осуществления уголовного процесса по отношению к инквизиционному.

Предмет расследования и доказывания

Современное уголовное законодательство в качестве основания для возбуждения уголовного дела и дальнейшего расследования устанавливает наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ст. 140 УПК РФ). Исчерпывающий перечень деяний, признаваемых современным

¹ От лат. *Inquisitio Haereticae Pravitatis Sanctum Officium* – «Святой отдел расследований еретической греховности».

² Трактат (от лат. *tractatus* – «подвергнутый рассмотрению») – одна из литературных форм, соответствующих научному сочинению, содержащему обсуждение какого-либо вопроса в форме рассуждения (часто полемически заострённого), ставящего своей целью изложить принципиальный подход к предмету [13, с. 502].

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

уголовным законодательством в качестве преступлений, содержится в Особенной части Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)¹.

Г. Крамер также указывает в качестве основания для начала инквизиционного процесса совершение конкретного преступления – ереси, определяя ее в качестве предмета расследования и доказывания. Ересь разделяется на две разновидности – простую и колдовскую. Приводятся формальные правовые основания, позволяющие относить поведение подозреваемого к различным проявлениям ереси. При этом используемые формулировки, значение которых может быть не вполне понятно современному светскому человеку, очевидно, были знакомы людям той эпохи и были связаны с длительностью нахождения человека в состоянии отлучения от церкви и его поведением в данный период.

Интерес представляют используемые автором названия различных видов преступлений, являющихся ересью. Средневековый инквизиционный процесс не разделяет понятия «подозрение» и «обвинение», и различные формы подозрений в еретичестве расцениваются как самостоятельные преступления, влекущие соответствующие наказания, о чем более подробно будет сказано в соответствующем разделе настоящего исследования. В качестве таких выделяются легкое, сильное и сильнейшее (тяжкое) подозрения [8, с. 334].

Легкое подозрение может возникать в случаях, если имеется общее предположение о виновности лица, и легкие улики, к примеру – людская молва, посещение секретных религиозных собраний, бытовые особенности, отличающиеся от принятого в этой местности поведения, отлучение от церкви в течение одного года [8, с. 334].

Сильноподозреваемым может признаваться человек, который достоверно знает о том, что кто-то исповедует еретические взгляды, но скрывает его, делает подарки, защищает и т. д., а также лицо, использующее приворот, не нанося при этом вреда людям или скоту [8, с. 334–335]. Также сильноподозреваемым может быть признано лицо, против которого имеются показания, изобличающие в еретической извращенности, и косвенные улики, но нет вещественных доказательств, личного признания и свидетельских показаний, а также отлученный от церкви, уклоняющийся в течение года от явки к духовному судье [8, с. 343].

Тяжкоподозреваемым следует считать лицо, в отношении которого имеются доказательства и улики, указывающие на его виновность, такие как исполнение произнесенных угроз. Тем не менее сильноподозреваемый, при наличии ряда прямых улик, не уличен в колдовстве собственным признанием, вещественными доказательствами и прямыми

инкриминирующими свидетельскими показаниями [8, с. 345–346]. Также к сильноподозреваемым могут относиться отлученные лица, более одного года уклоняющиеся от явки к духовному судье. Данная степень подозрения лишает лицо права на законную защиту и предопределяет его безальтернативное осуждение как еретика [8, с. 346].

Колдовская ересь предполагает дополнительно к исповедованию еретического учения в том числе систематическое занятие подозреваемым колдовством, то есть совершение магических действий, способных оказывать воздействие на природу и людей [12, с. 99].

Процессуальная подследственность и подсудность

Современное уголовно-процессуальное законодательство предусматривает осуществление предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях различных видов различными субъектами – так называемую подследственность (ст. 151 УПК РФ). В Трактате также уделяется внимание разрешению данного вопроса. Следует обратить внимание, что в период описываемых событий в Европе существовало две независимых друг от друга системы судов – духовные, отвечающие за рассмотрение дел о преступлениях против веры, и светские, рассматривающие дела о нарушении законов государства [16]. Рассуждая о подсудности дел против еретиков, Г. Крамер указывает, что процессы против лиц, уличенных в простой ереси, могут рассматриваться духовными епархиальными судами. Если же дело касается колдовской ереси, то такие процессы должны совершаться с привлечением как духовного, так и светского суда, так как подобные преступления касаются не только вопросов веры, но и влекут за собой причинение реального вреда жизни и здоровью людей, а также собственности («домашний скот, полевые злаки» [8, с. 294]).

В колдовской ереси сливается и духовное, и светское преступление, в связи с чем колдовство признается одинаково опасным и церковью, и государством, так как общественно опасные последствия посягают в том числе на охраняемые светским законом интересы, и светский судья, рассматривающий дело о колдовстве, служит одновременно делу церкви и государства [8, с. 292, 312, 328]. При этом епархиальный суд при рассмотрении дел своей компетенции был ограничен в возможности назначения наказаний, и для вынесения приговора, в частности связанного с лишением осужденного жизни, передавал его светским властям [8, с. 310].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Принципы инквизиционного судопроизводства

В инквизиционном процессе, как и в современном, отдельное место уделялось основным принципам его осуществления. В соответствии с частью 1 статьи 6 УПК РФ одним из назначений уголовного судопроизводства является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения. В своей работе Г. Крамер неоднократно упоминает основную цель правосудия – установление истины – и предостерегает читателя от риска осуждения невиновного и оправдания виновного как одинаково опасных ошибок [8, с. 312]. В части, описывающей ход проведения следственных действий, делается акцент на качестве полученных доказательств, в первую очередь достоверности. В частности, испытание каленым железом, право требования которого предоставляется обвиненному в колдовстве, призвано в первую очередь защитить невиновного от несправедливого обвинения [8, с. 329]. Свидетельские показания также подлежат проверке на предмет их достоверности. В частности, перед началом допроса свидетель предупреждается о грехе лжесвидетельства [8, с. 355]. В случае если инкриминирующие показания свидетеля расходятся с другими доказательствами, что вызывает у суда сомнения в их достоверности, свидетель может быть повторно вызван и допрошен. При этом если судья видит, что свидетель стесняется признаться в лжесвидетельстве, то ему может быть предложено сделать это тайно, чтобы избежать осуждения невиновного. В случае если свидетель, дающий изобличающие показания, колеблется и вызывает сомнения у судьи, то он может быть взят под стражу, и в отношении него открывается дело о совершении греха лжесвидетельства, наказание за который – по жизненное заточение на хлебе и воде [8, с. 355–357].

С целью предупреждения судебной ошибки Г. Крамер рекомендует судьям при наличии сомнений в виновности не торопиться с вынесением приговора и отложить решение этого вопроса на несколько лет, в течение которых могут выясниться новые обстоятельства, а также появиться дополнительные свидетели и другие доказательства [8, с. 356]. В качестве мерила достоверности и достаточности имеющихся доказательств, а также назначаемого наказания автор предлагает обращаться к собственной совести [8, с. 297]. Данный принцип сохранился в современном уголовном процессе. Согласно статье 17 УПК РФ следователь и судья должны оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью.

Участники уголовного судопроизводства

В разделе II УПК РФ перечислены все участники уголовного судопроизводства, а также разъясняется их правовой статус. В частности, отдельно выделяются суд, сторона обвинения, сторона защиты и иные участники. Аналогичные разделы имеются в Трактате с поправкой на специфику уголовного процесса по делам против веры. В частности, основным отличием инквизиционного процесса от современного является объединение функций суда и стороны обвинения в лице одного лица – инквизитора.

Суд

Как нами упоминалось выше, уголовный процесс в отношении ведьмы мог вести как духовный судья (епископ или инквизитор), так и светский. В последнем случае он должен быть специально уполномочен на это епископом или инквизитором, действуя таким образом в качестве одновременного представителя Папы Римского и Императора [8, с. 305]. Епископ является постоянно действующим представителем церковной власти на конкретной территории (епархии) [7]. Инквизитор – специальный эмиссар Римского папы, направляемый в определенное государство или регион для преследования ереси [6].

Подозреваемый, обвиняемый, подсудимый

Предметное содержание процессуального статуса лица, в отношении которого ведется дело, из текста Трактата видится достаточно неопределенным. Несмотря на использование таких терминов, как «подозреваемый», «обвиняемый», «подсудимый», они не несут такого определенного смыслового значения, как в современном процессе. Некоторые виды подозрений сами по себе содержат признаки оконченного преступления и влекут наказание. Поэтому полагаем, что если речь не идет о преюдиционном решении суда о признании лица подозреваемым в ереси, то его следует воспринимать как того, в отношении которого ведется дело, но не вынесено окончательное решение.

Страна защиты

Современный уголовный процесс в качестве основных участников со стороны защиты указывает подозреваемого, обвиняемого, законного представителя и защитника.

Инквизиционный процесс, вопреки распространенным стереотипам, имел признаки состязательности. В частности, подозреваемый в колдовстве обладал правом на защиту, которое реализовалось в предоставлении адвоката, выступающего на его стороне в судебном процессе, а также в ознакомлении с сутью обвинения. Данные права сохранились

в современном процессе и нашли выражение в статье 47 УПК РФ. Следует, однако, отметить, что адвокат назначается не по указанию подсудимого, так как, по мнению Г. Крамера, в противном случае тот может быть «легко подкуплен, будет охоч к словоизречениям и злонамерен» [8, с. 306]. В трактате указываются требования к личным качествам адвоката – честность, лояльность, скромность (чтобы не быть дерзким или многоречивым), любовь к истине. Если в колдовстве подозревается женщина, то адвокат действует от ее имени, поскольку женщина не может быть субъектом уголовного процесса. Также защитник может быть предоставлен не с самого начала следствия, а только после проведения двух допросов.

При вступлении в процесс защитнику предоставляется возможность ознакомиться с материалами дела, чтобы он мог для себя сделать вывод о виновности либо невиновности подзащитной. Указанное право также сохранилось в современном уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 53 УПК РФ). Адвокату следует принимать на себя защиту обвиняемого лишь в том случае, если он сочтет дело правым, в противном случае необходимо отказаться от дела. За участие в процессе адвокату положено вознаграждение, обычное в данной стране, однако в том случае, если он отказывается от дела ввиду безнадежности, то полученные средства он обязан вернуть подзащитному [8, с. 307]. Г. Крамер подчеркивает, что функция защитника – защищать не ересь, а невинного от ложного обвинения в ней.

В одиннадцатом вопросе третьей части Трактата описываются обязанности защитника. После получения от судьи основных пунктов обвинения, он должен передать их обвиняемому без указания имен свидетелей, предложив самостоятельно догадаться. При этом адвокату следует провоцировать подзащитного сообщить имена лиц, которые, по его мнению, дали ложные показания, чтобы выявить врагов. Указанные подзащитным имена адвокат передает судье, который должен расследовать эти обстоятельства на предмет возможной вражды свидетелей с подсудимым и ложного обвинения. В случае установления таких обстоятельств обвиняемый подлежит полному оправданию и освобождению при условии отказа от мести [8, с. 309].

Иные участники процесса

Помимо судьи, в процессе участвуют помощники. У светского судьи – нотариус, у инквизитора – клирик. В их функции входит удостоверение решений судьи и инквизитора, а также они зачитывают текст обвинения в судебном заседании [8, с. 343]. В Трактате также упоминаются писцы, ведущие протокол, и свидетели, играющие роль понятых (в современном российском законодательстве регламентировано ст. 60 УПК РФ).

Отводы

Глава 9 УПК РФ предусматривает ряд обстоятельств, исключающих возможность участия лица в уголовном судопроизводстве и влекущих их отвод. Аналогичный раздел имеется в Трактате.

С целью достижения цели уголовного процесса, а именно установления истины по делу, предполагалась возможность отвода свидетелей, находящихся с обвиняемым в колдовстве в смертельной вражде. К такой вражде относится желание человека причинить смерть,увечье либо лишить доброго имени. Иные формы неприязни, такие как «свойственное женщинам враждование», не влекут автоматический отвод таких свидетелей, однако требуют от судьи более пристальной проверки данных показаний, а также подтверждения иными доказательствами. Однако в отношении таких свидетелей может быть применен отвод в том случае, если сам подсудимый относит их к своим смертельным врагам [8, с. 299]. При этом отвод свидетелей, находящихся в смертельной вражде, возможен лишь при отсутствии иных доказательств, в противном случае такие показания остаются в деле, но воспринимаются лишь как косвенные [8, с. 311].

Двенадцатый вопрос третьей части трактата посвящен вопросу исследования смертельной вражды. Чтобы судья мог лучше постигнуть ее сущность, Г. Крамер предлагает ряд тактических приемов.

Первый – предоставить обвиняемому и адвокату обвинительный материал с перечнем свидетелей, представленным в порядке, не соответствующем их показаниям в материалах дела. После этого обвиняемому предлагается указать на своих смертельных врагов. Если он указывает на всех свидетелей, то это дает основания для сомнения в его показаниях. Если называет конкретных лиц то это облегчает установление истинной сущности вражды.

Следующий способ предполагает установление у подозреваемого после второго допроса, но перед предоставлением ему адвоката наличия смертельных врагов, способных дать ложные показания. Не искушенный в юридических вопросах обвиняемый, не осведомленный об институте отвода, может ответить на вопрос отрицательно. Однако в случае, если он назовет своих смертельных врагов и они окажутся среди свидетелей обвинения, это может служить направлением для судьи по поводу проверки их показаний.

Также подозреваемому перед предоставлением адвоката может быть предложено ознакомиться со списком свидетелей, давших обличающие показания (без предъявления их содержания). Если на вопрос, знает ли он кого-либо из этого списка, подозреваемый ответит отрицательно, то позже, после общения с защитником, уже не сможет указать на это лицо как на смертельного врага.

Следующий прием предполагает ознакомление подсудимого с обвинительным материалом и выяснение его предположений относительно тех, кто дал

изобличающие показания в отношении него. Если подозреваемый правильно определяет свидетеля и указывает на него как на смертельного врага, судье следует исследовать данное утверждение. При этом рекомендуется обратиться за помощью к совету свидущих людей, хорошо осведомленных об отношениях, сложившихся между обвиняемым и свидетелем. Данный совет должен окончательно решить вопрос о наличии смертельной вражды [8, с. 312–315].

Обстоятельства, подлежащие доказыванию

Как и в современном уголовном процессе, обстоятельствами, подлежащими доказыванию судом инквизиции, является факт совершения преступления, а также виновность лица, в нем подозреваемого, обстоятельства, характеризующие его личность, характер и размер вреда, причиненного его действиями, отягчающие и смягчающие обстоятельства, и данные, влияющие на возможность освобождения его от наказания.

Как упоминалось нами выше, в основе инквизиционного процесса стоит совершение лицом преступления против веры, а именно исповедование еретического учения, либо колдовство. Согласно А. Шенонну, под ересью следует понимать намеренное отрицание артикулов католической веры и открытое и упорное отстаивание ошибочных воззрений. Еретиком должен признаваться верующий, знакомый с католической доктриной и тем не менее отрицающий ее и проповедующий нечто, противоречащее ей [18].

Доказательства и доказывание

В качестве доказательств, изначально указывающих на вину лица и служащих основанием для подозрения, является его опороченность, признаки колдовства, а также показания свидетелей. К таковым следует относить очевидность поступка (когда виновный был застигнут при совершении деяния, имеющего признаки ереси, такого как открытая проповедь еретического учения, высказанная при свидетелях угроза, после которой наступили последствия, и т. д.), единодушные показания свидетелей и собственное признание вины [8, с. 302, 311, 355]. В случае, если предметом подозрения является колдовство, причинившее вред людям либо имуществу, то доказыванию в том числе подлежит причинная связь между действием подсудимой (к примеру – угроза) и последствием. Г. Крамер по этому поводу отмечает, что болезни могут иметь различные источники, а женщинам свойственно использовать угрозы в спорах между собой. Соответственно, причинная связь должна подтверждаться иными доказательствами [8, с. 311].

Современное уголовно-процессуальное законодательство обязывает следователя, прокурора и судью оценивать каждое отдельное доказательство с точки зрения его относимости (имеет отношение

к конкретному рассматриваемому делу), допустимости (получено законным путем, надлежащим субъектом, из надлежащего источника и получившее соответствующее процессуальное оформление), достоверности (содержит сведения, соответствующие действительности), а всю совокупность доказательств – на предмет достаточности для принятия решения по уголовному делу (ст. 88 УПК РФ).

Подобные требования к доказательствам можно проследить и в тексте Трактата. Остановимся более подробно на достаточности доказательств, позволяющих осудить подозреваемого в колдовстве, в отношении которого свидетельствовала сожженная ранее ведьма. Данной теме посвящен тридцать третий вопрос третьей части произведения, согласно которому один факт свидетельства сожженной ведьмы, не подтвержденный иными доказательствами, сам по себе является недостаточным, и лицо подлежит полному оправданию [8, с. 364]. Г. Крамер обращает внимание на тот факт, что ведьма уже приговором суда была уличена в измене вере и служению бесу, в связи с чем ее свидетельство заслуживает малого доверия. Таким образом, в Трактате можно проследить признаки современной процессуальной преюдиции, а именно учет ранее вынесенного приговора при оценке доказательств по новому делу (в современном российском законодательстве регламентировано ст. 90 УПК РФ). В случае, если помимо показаний другой ведьмы о человеке идет дурная молва, но отсутствуют иные улики, лицу назначается каноническое очищение. В случае, если лицо является легкоподозреваемым в ереси, например мужчина принимал советы и помощь ведьмы в вопросе соблазнения женщины, либо вследствие показаний другого лица, взятого под стражу, то ему также назначается каноническое очищение, а также произнесение клятвы отречения от ереси. Сильноподозреваемый в ереси (к примеру, вследствие воспрепятствования действиям инквизиции по преследованию ведьм и еретиков), на которых указала сожженная ведьма, приговаривается к публичному отречению от ереси под угрозой передачи светской власти. Если лицо вызывает сильнейшее подозрение в ереси в силу комплекса доказательств, в числе которых имеются показания сожженной ведьмы, то он приговаривается к пожизненному заключению. Последний случай предполагает наличие уличающих показаний сожженной ведьмы в отношении лица, признавшегося в ереси и раскаявшегося, не будучи при этом ранее раскаявшимся еретиком. Такое лицо передается светским властям для назначения наказания [8, с. 363–367].

Обращает на себя внимание тот факт, что объем доказательств определяет конечную квалификацию преступления и, как следствие, назначаемое наказание. В данном вопросе инквизиционный процесс отличается от современного, где характер обвинения не коррелирует с объемом фактически полученных доказательств.

Также в качестве примера достаточности доказательств можно привести описываемый в тридцать четвертом вопросе процесс в отношении ведьм, врачующих околдованием, и повивальных бабок, применяющих колдовство при лечении больных. В качестве доказательств судье следует обращать внимание на сохранение подозреваемой в тайне средств лечения, их осведомленность о скрытых вещах, избирательность при лечении людей со схожими симптомами и т. д. Также Г. Крамер рекомендует обращать внимание на преклонный возраст врачевательницы, скверный образ жизни, уличение ее в прелюбодеянии, а также на наличие в ее роду осужденных за колдовство [8, с. 367–370].

Во втором вопросе третьей части Трактата приводится пример формального количества доказательств, при условии которых обвинение в колдовской ереси должно считаться доказанным, – двух свидетелей, согласных в своих показаниях. Однако Г. Крамер, обращая внимание на тяжесть преступления и серьезность наказания, рекомендует не ограничиваться формальным подходом к достаточности доказательной базы, а стремиться получить максимально возможный объем улик [8, с. 396–397]. Это свидетельствует о стремлении к максимально объективной оценке действий подсудимого и исключении возможности осуждения невиновных.

Признание вины

Отдельного внимания заслуживает признание подсудимым своей вины и его доказательственное значение. Одним из стереотипных представлений об инквизиции является ее стремление получить от подсудимых самоинкриминирующие показания любым способом, включая применение пытки [3]. Отчасти это соответствует действительности, однако мотив таких действий, как правило, трактуется ошибочно. Необходимо принимать во внимание особенности религиозного мировоззрения людей той эпохи, основанного на христианском понимании места человека в мире и повсеместной вере в существование бессмертной души и загробной жизни [10]. Следует отметить, что целью получения признания, с точки зрения Г. Крамера, является не осуждение невиновного, а спасение его души. Признание – это путь к раскаянию и спасению души христианина, впавшего в ересь. Добиваться признания следует только при наличии иных веских доказательств вины, и делать это исключительно в интересах самого подсудимого [12].

Признание вины имело, помимо прочего, процессуальное значение. Прежде всего, законом запрещалось назначать наказание в виде смертной казни лицу, не сознавшемуся в преступлении, даже в случае наличия иных доказательств, убедительно изобличающих его в ереси [8, с. 315]. Полагаем, что подобное правило имело под собой в первую очередь религиозное основание. Казнь нераскаявшегося лица лишала его душу возможности спасения, поскольку при наличии доказательств вины, но при отсутствии

раскаяния еретик считался нераскаявшимся [8, с. 336]. В связи с этим Г. Крамер неоднократно упоминает, что смертный приговор не может быть произнесен над тем, кто не сознался в совершенном преступлении [8, с. 333], и правда должна прозвучать из уст самого подсудимого [8, с. 320]. При этом различаются два вида признания – добровольное (являющееся предпочтительным) и вынужденное [8, с. 333].

Автор описывает несколько изощренных способов получения признания.

Если процесс осуществляется над ведьмой, которая не признает свою вину, то к ней следует подослать достойного уважения мужчину из круга ее общения, которому она доверяет, – ему необходимо завести разговор о том, что может ее изобличить. В это время за дверями должны находиться свидетели, которые слушают все сказанные ведьмой слова [8, с. 327].

Второй способ заключается в следующем: обвиняемому сообщается, что в связи с неопровергимостью доказательств его вины и отсутствием признания он будет подвергнут пытке. После этого обвиняемый водворяется в камеру, где должен в одиночестве ожидать начала допроса. В это время к нему могут быть допущены друзья, чтобы склонить к добровольным показаниям. Г. Крамер утверждает, что «упорные размышления, тяжкие условия заключения и увещевания достойных уважения людей часто склоняют обвиняемого к раскаянию» [8, с. 340].

Следует отметить, что в современном уголовном процессе показания обвиняемого также признаются доказательством. Тем не менее согласно части 2 статьи 77 УПК РФ самоинкриминирующие показания сами по себе не являются достаточными и должны подтверждаться иными доказательствами.

Пытка

Анализируя средневековый процесс, нельзя обойти вниманием такой метод получения признания, как пытка. На вопрос о том, устраивались ли инквизицией допросы с применением пытки, можно со всей уверенностью ответить утвердительно. Г. Крамер рассматривает ее как одну из разновидностей следственных действий и достаточно подробно описывает мотив, цель, а также правовые основания и процессуальный порядок ее проведения.

Прежде всего необходимо еще раз напомнить, что целью применения пытки является установление истины и получение признания [8, с. 320]. Соответственно, если пытуемый из-за слабого характера, с целью прекращения своих мучений подтверждает ложные показания, главная цель применения пытки – произнесение подсудимым правды – не может считаться достигнутой [8, с. 340]. Также Г. Крамер указывает на криминалистическое значение пытки, позволяющей выявить колдовские признаки в пытуемом, такие как отсутствие слез, нечувствительность к боли, скорое восстановление сил после процедуры и т. д. [8, с. 347].

Говоря о процессуальном порядке применения по отношению к подсудимому пытки, необходимо отметить, что обвиняемые подвергались ей лишь в тех случаях, когда были исчерпаны все остальные способы получения признательных показаний от лиц, виновность которых в еретичестве и колдовстве была установлена и доказана [8, с. 339]. Пытка может назначаться только за те преступления, которые наказываются смертной казнью [8, с. 317]. При этом назначаться пытка может только совместным решением епископа и инквизитора [8, с. 292]. В качестве процессуальных предпосылок назначения пытки Г. Крамер указывает на отсутствие признания вины при очевидности преступления, наличие доказательственных инкриминирующих показаний свидетелей, весомых улик. Пытка назначается путем произнесения приговора, объявляемого подсудимому [8, с. 339].

Перед началом пытки судья предпринимает последнюю попытку получить признание без применения насилия, для чего присужденного к пытке, помещенного в тюрьму, посещают его друзья, пытающиеся убедить его признаться. По свидетельству Г. Крамера, размышления о предстоящей пытке, тяжкие условия нахождения в тюрьме и увещевания часто способствуют тому, что ведьмы отрекаются от ереси и дают признание [8, с. 318].

В случае если избежать пытки невозможно, суду следует принять меры предосторожности, чтобы не попасть под околодование ведьмы, выражющееся в форме жалости, в результате которой сердца судьи и заседателей теряют свою суворость, что может привести к ее оправданию. Для этого ведьму следует приводить в зал суда спиной и не допускать, чтобы она видела кого-либо, кроме своих палачей [8, с. 323]. Также в целях безопасности перед началом пытки подсудимый раздевается, чтобы среди его одежды не было спрятано магических предметов, которые могли бы воспрепятствовать суду [8, с. 318], все волосы на теле сбиваются [8, с. 323]. Если пытается ведьма, то указанные процедуры производят почтенные женщины [8, с. 318].

После подготовительных процедур подсудимый передается палачам, которые в его присутствии должны приготовить орудия пытки, чтобы вызвать у него страх и последний раз склонить к признанию. Далее начинается умеренная пытка, без кровопролития [8, с. 318]. В процессе пытки может быть в любой момент остановлена любым из присутствующих, чтобы инициатор мог постараться увещевать пытуемого [8, с. 318]. Относительно тяжести применяемой пытки Г. Крамер отмечает, что она должна соответствовать тяжести совершенного преступления [8, с. 319].

После начала пытки судья приступает к допросу с наименее тяжких пунктов обвинения, так как по ним проще всего получить признание [8, с. 319]. Весь ход допроса записывается нотариусом. В случае если пытуемый сознался, пытка приостанавливается и он переводится в другое помещение для снятия показаний. Если умеренные пытки не привели к результату

и подсудимый не признал вины, ему демонстрируются более страшные орудия и сообщается, что пытка продолжится на следующий день. Следует отметить, что это является не повторением пытки, а продолжением ранее начатой, так как законом запрещено пытать человека дважды при отсутствии новых улик [8, с. 319–320]. Г. Крамер рекомендует перед назначением более тяжкой пытки наблюдать за пытуемым, чтобы определить, обладает ли он даром упорства, позволяющим ему противостоять боли, так как «благодать пролития слез» является даром Бога. Соответственно, отсутствие слез (в особенности у женщин) является убедительным признаком действия колдовских чар [8, с. 321–322]. В отдельных случаях, при отсутствии в отношении подсудимого сильного или тяжкого подозрения, слезы могут служить доказательством невиновности и подсудимый может быть освобожден [8, с. 322].

Во второй день пытки ведьму поднимают на дыбе, пытка продолжается, в ее процессе читаются инкриминирующие показания свидетелей [8, с. 326]. Если в течение трех дней от пытуемого лица не было получено признания, пытка прекращается [8, с. 340].

Г. Крамер отдельное внимание уделяет возможности обещания пытуемому жизни в случае признания им вины. Данную проблему можно решить тремя способами. Первый – это обещать жизнь, но умолчать о том, что в случае признания подсудимый будет приговорен к пожизненному заключению. Второй способ – дать обещание жизни, однако выдержать его некоторое время, после чего все равно предать подсудимого сожжению. Третий способ – обещать сохранить жизнь, после чего передать подсудимого другому судье для вынесения смертного приговора. Г. Крамер рекомендует прибегать к первому способу, добавляя, что многие ведьмы упорствуют при допросе лишь из страха смерти [8, с. 318–319].

Меры пресечения

Современное уголовно-процессуальное законодательство предусматривает широкий перечень мер, применяемых к обвиняемому для обеспечения уголовного судопроизводства, прежде всего для предупреждения возможности его бегства, попытки оказывать влияние на других участников процесса, а также продолжения преступной деятельности (ст. 97 УПК РФ). Аналогичные меры упоминаются Г. Крамером. В отличие от современного УПК РФ, в Трактате рассматриваются только две возможные меры пресечения, применяемые к лицу, подозреваемому в еретичестве, – заключение под стражу и личное поручительство. Основанием для применения обеих мер пресечения является наличие худой молвы, улик и инкриминирующих показаний свидетелей. В случае, если найдется достойный уважения человек, готовый поручиться за подозреваемого, то последний может быть отпущен до суда. Если он скрылся, то

преступление считается доказанным. Если поручителя не нашлось и есть основания подозревать обвиняемого в возможности скрыться, то он помещается в темницу. В любом случае выбор меры возлагается на личное усмотрение судьи [8, с. 303]. Г. Крамер призывает при аресте ведьмы соблюдать меры предосторожности, рекомендует поднимать ее над землей и уносить в камеру в корзине или на плечах, так как это позволяет избежать в дальнейшем упорства и запирательства при допросе [8, с. 34].

В момент задержания подозреваемого следует произвести тщательный обыск по месту его жительства с целью обнаружения орудий колдовства и иных доказательств вины [8, с. 304].

Процессуальные сроки

Статья 6.1 УПК РФ предписывает осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок, нарушение которого причиняет вред правам и интересам участников процесса.

Рассуждая о сроках процесса по делам о еретичестве, Г. Крамер указывает на необходимость сокращенного судопроизводства, лишенного излишних формальностей. Судье следует пресекать излишние словопрения, тормозящие разбор дела апелляции, а также пререкания защитников и вызов ими излишних свидетелей [8, с. 399].

Возбуждение уголовного дела (поводы и основания, порядок)

Согласно принятому нами порядку соотнесения инквизиционного процесса с современным законодательством далее необходимо рассмотреть этапность данного процесса.

Первый этап, который можно условно отождествить с современной стадией возбуждения уголовного дела (ст. 140 УПК РФ), описывается в первом вопросе третьей части Трактата «О том, как начинать процесс». Приводится три основания, которые могут послужить поводом к открытию процесса.

Первое – если кто-либо выступит с обвинением другого лица в еретичестве и предъявит доказательства. При этом бездоказательное обвинение может послужить основанием для наказания за ложные сведения.

Второе – обвинение предъявляется лицом, которое не ручается за достоверность своих сведений и не готово представить доказательства (так называемый денунциант – доноситель). Указанное лицо доносит о преступлении в силу рвения в вере.

Третье основание – это дошедшая до слуха инквизитора молва о том, что в определенной местности появились ведьмы и колдуны. Последний процесс называется инквизицией [8, с. 293]. Г. Крамер отмечает, что первое основание практически не применяется, и большинство процессов начинается либо путем денунциации, либо путем инквизиции.

В данном случае, сравнивая с современным уголовно-процессуальным законодательством, можно также отметить значительное сходство в логическом подходе к процедуре начала уголовного судопроизводства. В Трактате основанием является информация о совершении преступления против веры, поводами – сообщение о конкретном лице либо получение информации из иных источников.

Начало процесса

Процесс денунциации начинается с общегозыва свидетелей. По указанию судьи на дверях церквей и административных зданий вывешивается объявление о том, что каждый под страхом отлучения от церкви должен в течение 12 дней явиться и разоблачить перед судом лиц, о которых идет молва как о еретиках или о ведьмах. В случае, если преследование осуществляется светским судья, то он предупреждает о светском наказании за неисполнение данного предписания. При этом общественности сообщается, что любой денунциант освобождается от ответственности в случае неподтверждения его доноса. Явившиеся денунциаты дают свои показания судье в присутствии нотариуса, а также двух понятых, ведется протокол [8, с. 294–295]. Перед дачей показаний денунциант дает присягу на четырех Евангелиях Господних или на кресте, клянется говорить только правду. В ходе допроса судья должен выяснить у денунцианта, откуда он знает об описываемых событиях и видел ли он это сам. Если допрашиваемый является очевидцем, то следует выяснить, кто еще при этом присутствовал. Если он только слышал о преступлении, то должен рассказать, от кого и кто еще при этом присутствовал. Перечисленные вопросы задаются денунцианту после основных показаний. После окончания допроса ему предлагается еще раз на четырех Евангелиях либо на кресте дать клятву, что его донос не основан на злой воле, ненависти или злобе и он ничего не скрыл из-за чувства расположения к подозреваемому. Также ему предписывается хранить молчание о своем допросе [8, с. 296].

Наиболее распространенный процесс инквизиции происходит без вызова денунциантов и обвинителей. Основанием, как упоминалось выше, является получение инквизитором информации о том, что в конкретной местности действует ведьма либо колдун. В таком случае процесс начинается объявлением единоличного решения инквизитора, зачитанного в присутствии нотариуса, писца и двух свидетелей [8, с. 296].

Допрос свидетеля

Четвертый вопрос третьей части Трактата посвящен требованиям, которым должны удовлетворять свидетели. Так, свидетелями в религиозных процессах могут быть любые лица, в том числе отлученные от церкви, преступники, крепостные против своих

владетелей, раскаявшиеся клятвопреступники, еретики и даже ведьмы. К свидетельству допускаются супруги, сыновья, домочадцы [8, с. 298]. При этом лица, находящиеся с подозреваемым в смертельной вражде, о которой нами было упомянуто выше, к свидетельству не допускаются. Показания лиц, испытывающих к подсудимому вражду, не являющуюся смертельной, могут расцениваться как косвенные доказательства [8, с. 310].

Трактат предусматривает возможность принуждения свидетелей к даче показаний под угрозой обвинения их самих в еретичестве. Следует отметить, что современное законодательство знает примеры ответственности свидетелей за отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ). Параграф 70 УПК ФРГ устанавливает в качестве меры процессуального принуждения свидетеля, безосновательно отказывающегося от дачи показаний, арест на срок до 6 месяцев [4, с. 107].

При допросе свидетеля присутствуют судья, нотариус или писец, два понятых [8, с. 301]. Личности денуниантов и свидетелей скрываются от подсудимого, с целью защиты от мести, опасность которой выражается в знатности семьи подсудимого, силе денег и злобе [8, с. 305].

Привлечение эксперта

УПК РФ предусматривает возможность привлечения к участию в уголовном процессе лиц, обладающих специальными знаниями в отдельных областях (ст. 57–58 УПК РФ). Аналогичные положения содержатся в Трактате.

В случаях, когда предметом расследования является околдование человека, вызвавшее ухудшение здоровья, суду предписывается пользоваться помощью сведущих в медицине лиц, которые должны ответить на вопрос, может ли болезнь быть излечена естественными способами современной медицины либо имеет место околдование [8, с. 311].

Допрос обвиняемого

Большое внимание в Трактате уделяется тактике допроса обвиняемого, который разделяется на несколько актов. Прежде всего выясняется происхождение, место жительства, информация о родителях, обстоятельства их смерти, обстоятельства воспитания, круг знакомых. Также следует осведомиться, верит ли лицо в существование ведьм и их способность к колдовству. Г. Крамер указывает на то, что на первом допросе большинство ведьм и колдунов, чтобы отвести от себя подозрение, отвечают на данный вопрос отрицательно [8, с. 301].

В ходе второго акта допроса обвиняемому задаются вопросы по сути подозрения, к примеру, почему о нем идет дурная молва, что побудило его высказывать угрозы, после которых вскоре наступила порча, зачем он прикоснулся к человеку, который вскоре заболел, и т. д. [8, с. 301–302].

В случае, если обвиняемый просит очной ставки с денунициатами и свидетелями, дающими инкриминирующие показания, ему следует отказать, так как противное ставит жизнь лиц, давших против него показания, под угрозу [8, с. 305]. Как нами упоминалось выше, одной из целей допроса обвиняемого являлось признание им своей вины и раскаяние. С этой целью Г. Крамер полагает уместным применение пытки и иных уловок, которые описывались нами выше. Однако также следует напомнить, что такие методы применяются только к лицу, чья вина подтверждается другими доказательствами, не вызывает сомнений у судьи и преследует цель не осуждения невинного, а спасения его души раскаянием.

Вынесение приговора

По окончании судебного процесса судья выносит приговор. В Трактате описывается три разновидности приговора – временный (промежуточный), окончательный и предписанный. Указанные разновидности приговора представляют различные формы процессуального выражения судебного решения.

Первый из них – промежуточный, имеет процессуальное значение современного определения суда, принимаемого судьей единолично, не решающего дела по существу и касающегося только текущих вопросов судебного разбирательства [11], к каковым относятся отвод свидетелей, отсрочка вынесения приговора или применения наказания и т. д. [8, с. 333].

Окончательный приговор – разрешает процесс и содержит решение по всем пунктам обвинения, включая наказание [8, с. 333–334].

Последний вид приговора – предписанный, является формой разъяснения, которое вышестоящий судья дает нижестоящему по вопросу о том, как надлежит действовать в отношении подсудимого [8, с. 334]. Полагаем, что он имеет значение современных постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Нарушение формы вынесения и провозглашения приговора (к примеру, решение может произноситься судьей только днем) влечет его недействительность, при этом не имеет значения, произносится он устно, без предварительного написания либо читается с ранее составленной рукописи. Приговор может быть прочтен лично судьей или его заместителем.

Г. Крамер также указывает на два основания предоставления отсрочки исполнения приговора – когда осужденная является беременной на момент вынесения приговора – до момента родов, а также в случае, если осужденный ранее признал вину, после чего начал ее отрицать [8, с. 334].

Виды судебных решений

В Трактате содержится подробное описание формы и содержания приговоров, выносимых при получении различных результатов судебного следствия.

Так, первый способ произнесения приговора – оправдательный в отношении невиновного лица, описывается в двадцатом вопросе третьей части Трактата. Анализируя рекомендуемую структуру текста, можно выделить характерные и для современных судебных актов основные структурные элементы – вводную часть, описательно-мотивированную и резолютивную. Так, сначала приводятся сведения о судье, обвиняемой и сути обвинения. В дальнейшем описываются содержание обвинения и материалы, полученные в ходе следствия, а также результаты следствия – «мы не нашли, чтобы то, что ставилось в вину, получило свое законное подтверждение». В резолютивной части содержалось следующее распоряжение: «мы объявляем, объясняем и окончательно постановляем, что против тебя не найдено ничего, что могло бы привести к подозрению в ереси или колдовстве. И мы прекращаем следствие и процесс против тебя и освобождаем тебя. Этот приговор произнесен».

Г. Крамер при вынесении оправдательного приговора рекомендует избегать употребления слова «невиновен», заменив его словами «законное разбирательство не выявило преступления», что по смыслу означает, что не было добыто достаточных доказательств вины. Это позволяет возобновить процесс в случае появления новых доказательств преступления. Такой приговор может произносить как духовный судья, так и светский [8, с. 336–337].

Второй способ произнесения приговора приводится в двадцать первом вопросе третьей части Трактата. Он применяется в отношении обвиняемого, о котором идет дурная молва, но нет иных доказательств занятия колдовством. Указанное, по мнению Г. Крамера, уже исключает вынесение оправдательного приговора и требует присуждения к каноническому очищению, чтобы о лице пошла добрая молва среди верующих. При этом предписывается, где, в какое время и в присутствии какого количества свидетелей должно происходить очищение. Каноническое очищение заключается в произнесении на Евангелии клятвы о том, что осужденный никогда не придерживался ереси, в которой его обвиняет молва, и никого на нее не наставлял. Свидетели должны поклясться на Евангелии, что считают произнесенную клятву правдивой. Указанное очищение должно происходить в той местности, в которой об осужденном шла дурная молва [8, с. 337–338].

Третьим способом, описанным в двадцать втором вопросе третьей части Трактата, произносится приговор в отношении лица, о котором идет дурная молва и которое подлежит допросу под пытками. Основания применения пыток нами были описаны выше. Полагаем, что указанный приговор является разновидностью промежуточных судебных актов [8, с. 339–340].

Четвертый способ произнесения приговора применяется к легкоподозреваемому в еретичестве, в отношении которого имеются только косвенные улики. При этом в ходе следствия не было получено признания вины, вещественных доказательств, обличающих виновного показаний свидетелей. В таком случае виновный присуждается к публичному отречению от ереси. Данное отречение произносится на местном языке при собрании общины и является формой очищения от подозрения. После этого судья предупреждает осужденного о том, что в случае, если он после отречения вновь впадет в ересь, то будет считаться сильноподозреваемым и будет без сожаления передан светским властям для последнего наказания [8, с. 341–342].

Пятым способом, приведенным в двадцать четвертом вопросе третьей части Трактата, произносится приговор в отношении сильноподозреваемого. Как нами упоминалось выше, к таковым относятся лица, в отношении которых даны обличающие показания, но нет свидетельских показаний, вещественных доказательств и личного признания. Тем не менее имеющиеся улики вызывают сильное подозрение. В такой ситуации лицо присуждается к каноническому очищению, описанному в четвертом способе. После отречения в отношении подсудимого выносится приговор. Г. Крамер указывает, что очистившемуся таким образом сильноподозреваемому не может быть назначено ни сожжение, ни пожизненное заключение. Однако он может быть наказан за те поступки, которые возбудили подозрение в ереси, заключением на определенное время. Вместе с основным уголовным наказанием может быть назначено дополнительное духовное, к примеру стояние на паперти церкви с куском воска определенного веса, совершение паломничества [8, с. 343–345].

Шестым способом, описанным в двадцать пятом вопросе третьей части Трактата, произносится приговор в отношении лица, вызывающего сильнейшее (тяжкое) подозрение, критерии которого были описаны ранее. Лицо, не раскаявшееся в ереси и не принявшее покаяние, может быть передано светским властям для сожжения. Однако в случае, если лицо под угрозой казни пройдет каноническое очищение, приведенное в четвертом и пятом способах произнесения приговора, судья может снять с него отлучение и назначить наказание. Таковое может заключаться, в зависимости от тяжести проступка, в пожизненном либо временном заключении, обязанности ношения монашеского скапулярия¹, обязанности стоять на ступенях церкви определенное время в определенные дни и т. д. При этом суд оставляет за собой право в будущем смягчить, усугубить, изменить, а также полностью или частично освободить от наказания. Г. Крамер

¹ Скапулáрий (от лат. *scapula* – лопатка) – в католицизме название элемента монашеского одеяния, впоследствии перешедшее также на особый освященный предмет («малый скапулáрий»), носимый католиками по обету. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1333846>.

отмечает, что целью применения наказания является предостережение самого осужденного и других лиц от совершения подобных преступлений в будущем [8, с. 345–348]. В данном случае уместной видится аналогия с декларируемыми современным уголовным законодательством целями наказания – исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (ч. 3 ст. 43 УК РФ)¹.

Наказание

Двадцать шестой вопрос Трактата посвящен видам церковных наказаний, возлагаемых на раскаявшихся еретиков, сопровождающих клятвенное очищение. К таковым могут относиться: обязанность в определенные воскресные и праздничные дни стоять босиком с обнаженной головой перед дверями церкви во время богослужения, держа в руках воск определенного веса, который необходимо было возлагать на алтарь после окончания службы, пост по установленным дням в течение некоторого времени, запрет на выезд из города на определенный срок, представление епископу либо судье в установленные дни и т. д. Такой приговор может быть смягчен или отменен в соответствии с раскаянием и смирением осужденного [8, с. 350].

Двадцать восьмой вопрос Трактата описывает действия, предпринимаемые в отношении лица, повторно впавшего в ересь и ранее проходившего отречение и очищение. Указанный случай в современном уголовном законодательстве определяется как рецидив, расценивается как обстоятельство, повышающее степень опасности личности, и, как следствие, влечет более строгое наказание (ст. 18 УК РФ). В рамках средневекового религиозного процесса совершение преступления в состоянии рецидива предполагало безальтернативное наказание в виде смертной казни. При этом, как отмечалось ранее, вопросу телесной смерти в тот период придавалось меньшее значение, чем спасению души. Поэтому Г. Крамер предписывает судье направить к осужденному в темницу двух заслуживающих уважения мужчин, чтобы они сообщили ему новость о неизбежности предстоящей казни и убедили позаботиться о спасении души, очистив ее признанием преступления и принятием Святого причастия.

После получения раскаяния инквизитор уведомляет представителя светской власти о месте и времени передачи ему впавшего в ересь преступника. Если осужденный обладает духовным саном, то перед передачей светским властям указанный статус с него снимается епископом путем проведения обряда низложения и последовательного снятия церковных облачений.

В дальнейшем судья либо, по его поручению, нотариус или клирик оглашают приговор. Он должен содержать обстоятельства первоначального преступления, сведения об отречении и последующем очищении, а также указание на повторное впадение в ересь, с перечислением обстоятельств нового преступления. Приговор завершается формулой «и как одного из повторно впавших в ересь, мы отстраняем тебя от нашего духовного суда и предоставляем тебя светской власти. Но мы просим светский суд умерить приговор, чтобы тебе не угрожало ни кровопролитие, ни опасность смерти». Г. Крамер по данному поводу указывает, что инквизитор в момент произнесения таких слов осведомлен о неизбежности казни как единственного безальтернативного наказания за совершение еретического преступления в состоянии рецидива, таким образом он отстраняется от дальнейшей судьбы осужденного. Автор рекомендует избегать сообщения о предстоящем наказании и общения с осужденным, чтобы он не был озлоблен лично на судью. Вместо этого, как упоминалось выше, к нему направляются люди, к которым он должен испытывать доверие, чтобы они подготовили его к принятию смертной казни, укрепили веру и смиренение и сопровождали до самой смерти [8, с. 350–353].

Аналогичным образом выносится приговор в отношении лиц, признавших вину в ереси и нераскаявшихся, включая тех, кто совершил преступления в состоянии рецидива [8, с. 353–355].

Заключение

Подводя итоги проведенного анализа, заявленную гипотезу о значительном вкладе представителей инквизиции в формирование современного уголовного процесса можно признать подтвержденной. Безусловно, инквизиционный процесс обладает рядом черт, противоречащих современным принципам, таким как независимость судей, уважение чести и достоинства личности, ее неприкосновенность, презумпция невиновности, право на обжалование процессуальных действий и решений. Такие принципы, как состязательность сторон и право обвиняемого на защиту, хотя и присутствовали, выражались в значительно более ограниченной форме. Общая обвинительная направленность инквизиционного процесса также отдаляет его от современности. Вместе с тем наставления по ведению инквизиционного процесса, изложенные в Трактате, обладают внутренней логикой, описывают ход и результаты следственных и процессуальных действий с момента начала преследования и до вынесения приговора. Не принимая во внимание религиозной направленности процесса и спорного в современных условиях предмета расследования и оценивая его с внешней, процессуальной точки зрения, можно отметить схожую с современностью цель – установление

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

истины, защиту невинных от ложного обвинения. С этой целью судебный процесс предусматривает институты отвода свидетелей, ответственность за ложные показания, а также участие защитника. Применение инквизиционными судами пытки, напротив, не носит криминалистический характер и не имеет отношения ни к получению доказательств вины подсудимого, ни к стремлению осудить невиновного. Она имеет исключительно религиозную природу, основанную на ложном для современного человека, но вполне логичном для обладающих мистическим мышлением людей той эпохи понимании ценности спасения человеческой души. Схожие подходы к собиранию и оценке доказательств сохранились в современном уголовном процессе, криминалистической тактике и методике: совершение преступления как основание уголовного судопроизводства; разрешение вопроса подследственности и подсудности по различным видам уголовных дел; основные принципы уголовного судопроизводства, направленность процесса на исключение осуждения невинных; формальное закрепление статуса различных участников судопроизводства; наличие определенной состязательности и возможности обвиняемого защищать себя в ходе следствия, включая отвод свидетелей; доказательства и обстоятельства, подлежащие доказыванию; мотивы и основания применения мер пресечения; установление разумного срока уголовного судопроизводства; порядок и последовательность производства определенных следственных действий, интерпретация полученных доказательств; форма судебного приговора и порядок его вынесения.

Следует также отметить, что проведенное исследование не охватывает всего непрерывного пути развития уголовного процесса от Средних веков до современности, включающего важные этапы, связанные с эволюцией общественного правосознания, приведшей к значительной гуманизации.

Библиографический список

1. Бакус Г. В. Инквизиция, ересь и колдовство. «Молот ведьм». М: АСТ, 2023. 368 с.
2. Van Haaske L. A. Обвинительный дискурс Салемского ведовского процесса: опыт имагологического анализа // Genesis: исторические исследования. 2021. № 2. С. 34–46. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.2.35055.
3. Григулевич И. Р. Инквизиция. М.: Политиздат, 1976. 448 с.
4. Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. М.: МГЮА, 2012. 408 с.
5. Гюго В. Собор Парижской Богоматери. М.: Эксмо, 2012. 576 с.
6. Екимова К. А. Великий инквизитор Томас Торквемада // Переломные моменты истории: люди, события, исследования: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 350-летию со дня рождения Петра Великого: в 3 т. / под ред. С. И. Бугашева, Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина. СПб., 2022. Т. 2. С. 592–596.

7. Звиададзе Г. Учение древних отцов церкви о церковной иерархии // Сретенское слово. 2022. № 3. С. 19–29. DOI: 10.55398/27826066_2022_3_19.
8. Крамер Г. Шпренгер Я. Молот ведьм / пер. с лат. Н. Цветковой. СПб.: Азбука, 2021. 384 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология: соч. в 50 т. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. 650 с.
10. Неретина С. С. Средневековая западноевропейская философия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 220–225.
11. Осипов М. Ю. Теория государства и права: учебник. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2021. 323 с.
12. Поповкина Г. С. Колдовство с точки зрения христианской традиции // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 21. С. 95–110.
13. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1988. 608 с.
14. Чернышев Д. Б. Проблема принуждения к даче показаний как уголовно-процессуального механизма получения доказательств // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27, № 4. С. 520–528. DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.520–528.
15. Шаов А. А. Теоретические основы формирования правовой системы в эпоху Средневековья: социально-философское измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4. С. 285–290
16. Eymerici N. Directorium Inquisitorum. Rome: in aedibus Populi Romani apud Georgium Ferrarium, 1587. 814 p. // Internet Archive. URL: https://archive.org/details/bub_gb_YFZHoAk8v2QC/page/n3/mode/2up.
17. Nider J. Formicarius. 1517. MDZ Digitale Bibliothek [website]. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb10990714?page=5>.
18. Shannon A. C. The Popes and Heresy in the thirteenth century. Literary Licensing, LLC, 2013. 160 p.
19. Burns W. E. Witch Hunts in Europe and America – An Encyclopedia. Westport, Conn: Greenwood Press, 2003. URL: <https://archive.org/details/witchhuntsin-euro0000burn/page/n5/mode/2up>.

References

1. Bakus G. V. *Inkvizitsiya, eres' i koldovstvo. «Molot ved'm»* [Inquisition, Heresy and Witchcraft. The Hammer of Witches]. Moscow, 2023. 368 p. (In Russ.).
2. Van Haaske L. A. *Obvinitel'nyy diskurs Salemskogo vedovskogo protsessa: opyt imalogicheskogo analiza* [Accusatory Discourse of the Salem Witch Trial: the Experience of Imagological Analysis]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* – *Genesis: Historical Research*. 2021. Issue 2. Pp. 34–46. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.2.35055. (In Russ.).
3. Grigulevich I. R. *Inkvizitsiya* [Inquisition]. Moscow, 1976. 448 p. (In Russ.).
4. Golovnenkov P., Spitsa N. *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Federativnoy Respublikи Germaniya* [The

Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany]: a scientific and practical commentary and translation of the text of the law. Moscow, 2012. 408 p. (In Russ.).

5. Hugo V. *Sobor Parizhskoy Bogomateri* [The Hunchback of Notre-Dame]. Moscow, 2012. 576 p. (In Russ.).

6. Ekimova K. A. *Velikiy inkvizitor Tomas Torkvemada* [Grand Inquisitor Thomas Torquemada]. *Perelomyne momenty istorii: lyudi, sobtyiya, issledovaniya* [Turning Points in History: People, Events, Research]: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 350th Anniversary of the Birth of Peter the Great: in 3 vols. St. Petersburg, 2022. Vol. 2. Pp. 592–596. (In Russ.).

7. Zviadadze G. *Uchenie drevnikh ottsov tserkvi o tserkovnoy ierarkhii* [The Teaching of the Ancient Fathers of the Church about the Church Hierarchy]. *Sretenskoe slovo* – Sretensky Word. 2022. Issue 3. Pp. 19–29. DOI: 10.55398/27826066_2022_3_19. (In Russ.).

8. Kramer H., Sprenger J. *Molot ved'm* [Hammer of Witches]. St. Petersburg, 2021. 384 p. (In Russ.).

9. Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [The German Ideology]: in 50 vols. 2nd ed. Moscow, 1955. Vol. 3. 650 p. (In Russ.).

10. Neretina S. S. *Srednevekovaya zapadnoevropeyskaya filosofiya* [Medieval Western European Philosophy]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]: in 4 vols. 2nd ed., rev. and exp. Moscow, 2010. Vol. 3. Pp. 220–225 (In Russ.).

11. Osipov M. Yu. *Teoriya gosudarstva i prava* [The Theory of State and Law]: a textbook. Moscow, 2021. 323 p. (In Russ.).

12. Popovkina G. S. *Koldovstvo s tochki zreniya khristianskoy traditsii* [Witchcraft from the Point of View of the Christian Tradition]. *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN* – Proceedings of the Institute

of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS. 2018. Issue 21. Pp. 95–110. (In Russ.).

13. *Slovar' inostrannykh slov* [A Dictionary of Foreign Words]. Moscow, 1988. 608 p. (In Russ.).

14. Chernyshev D. B. *Problema prinuzhdeniya k dache pokazaniy kak ugodovno-protsessual'nogo mehanizma polucheniya dokazatel'stv* [The Problem of Coercion to Testify as a Criminal Procedure Mechanism for Obtaining Evidence]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* – Man: Crime and Punishment. 2019. Vol. 27. Issue 4. Pp. 520–528. DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4). (In Russ.).

15. Shaov A. A. *Teoreticheskie osnovy formirovaniya pravovoy sistemy v epokhu Srednevekov'ya: sotsial'no-filosofskoe izmerenie* [Theoretical Foundations of the Formation of the Legal System in the Middle Ages: A Socio-Philosophical Dimension]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* – Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. Issue 4. Pp. 285–290. (In Russ.).

16. Eymerici N. *Directorium Inquisitorum*. Rome: in aedibus Populi Romani apud Georgium Ferrarium, 1587. 814 p. *Internet Archive*. Available at: https://archive.org/details/bub_gb_YFZHoAk8v2QC/page/n3/mode/2up. (In Lat.).

17. Nider J. *Formicarius*. 1517. *MDZ Digitale Bibliothek* [website]. Available at: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb10990714?page=5> (In Lat.).

18. Shannon A. C. *The Popes and Heresy in the Thirteenth Century*. Literary Licensing, LLC, 2013. 160 p. (In Eng.).

19. Burns W. E. *Witch Hunts in Europe and America – An Encyclopedia*. Westport: Greenwood Press, 2003. 400 p. Available at: <https://archive.org/details/witch-hunts-in-europe-0000burn/page/n5/mode/2up>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Д. Б. Чернышев

Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66

ORCID: 0000-0002-2025-2286

ResearcherID: I-2819-2017

About the author:

D. B. Chernyshev

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
66, Korepina st., Yekaterinburg, 620057, Russia

ORCID: 0000-0002-2025-2286

ResearcherID: I-2819-2017

IV. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Маличенко В. С. Роль санкций в ограничении обеспечения международно-правовых гарантий охраны здоровья человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 3(69). С. 445–460. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-445-460.

Malichenko V. S. *Rol' sanktsiy v ogranicenii obespecheniya mezhdunarodno-pravovykh garantiy zdrorov'ya cheloveka* [The Role of Sanctions in Violating International Legal Guarantees of Health Protection]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 3(69). Pp. 445–460. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-445-460.

УДК 341

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-445-460

Роль санкций в ограничении обеспечения международно-правовых гарантий охраны здоровья человека

В. С. Маличенко

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vlad.malichenko@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.04.2025

Введение: санкции и односторонние ограничительные меры оказывают существенное влияние на темпы технологического развития, доступность лекарственных средств и медицинских изделий, обеспечение выполнения социальных гарантий, что в комплексе приводит к гуманитарной катастрофе в каждом конкретном государстве и, бесспорно, является нарушением основополагающих прав человека, сформулированных во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. **Цель:** систематизация доктринальных взглядов, а также правовых механизмов противодействия социально-экономическим последствиям применения санкций и односторонних ограничительных мер. **Методы:** в ходе работы использован комплекс общенаучных (системный, моделирования, формально-логический) и частнонаучных (межотраслевой, историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический) методов. **Результаты:** в зарубежной доктрине международного права произошло отождествление понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры», что легитимизирует политику зарубежных государств в отношении их бесконтрольного применения. Международным сообществом последовательно предпринимались попытки сформировать правовые механизмы, позволяющие исключить из-под вводимых ограничений определенные категории товаров и услуг. Однако угроза «вторичных санкций» в отношении юридических лиц, осуществляющих взаимодействие с государствами, находящимися под действием санкций или односторонних ограничительных мер, и, как следствие, потенциальные экономические потери не позволяют использовать эти правовые механизмы в полной мере.

© Маличенко В. С., 2025



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Выводы: технологии здравоохранения, а также средства их производства и разработки должны исключаться из-под влияния санкций или односторонних ограничительных мер. Аналогичный подход необходимо применять в отношении технологий, используемых при производстве лекарственных средств и медицинских изделий, многие из которых определяются как технологии двойного назначения. В условиях несостоительности международного права в противодействии социально-экономическим последствиям применения санкций и односторонних ограничительных мер на внутригосударственном уровне разрабатываются специальные правовые механизмы, направленные на достижение технологического суверенитета, охрану благосостояния населения, а также обеспечение безопасности человека.

Ключевые слова: санкции; вторичные санкции; право на здоровье; право на пользование результатами научного прогресса; социальная защита; лекарственное обеспечение; односторонние ограничительные меры; гуманитарные исключения

The Role of Sanctions in Violating International Legal Guarantees of Health Protection

V. S. Malichenko

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

E-mail: vlad.malichenko@gmail.com

Received 30 Apr 2025

Introduction: sanctions and unilateral restrictive measures have a significant impact on the pace of technological development, availability of medicines and medical devices, and implementation of social guarantees, thus leading to a humanitarian catastrophe in each specific state, which can undoubtedly be assessed as a violation of fundamental human rights formulated in the UDHR and ICESCR. **The purpose of the study** is to systematize doctrinal views and legal mechanisms intended to counteract the socio-economic consequences of sanctions and unilateral restrictive measures. The research **methods** employed in the research include a set of general scientific methods (systemic method, modeling, formal-logical method) and specific scientific methods (inter-branch, historical-legal, comparative-legal, formal-legal methods). **Results:** in the foreign doctrine of international law, the concepts of sanctions and unilateral restrictive measures have been equated, which legitimizes the policy of foreign states regarding uncontrolled application of those. The international community has consistently attempted to develop legal mechanisms that would allow certain categories of goods and services to be exempted from restrictions imposed. However, the threat of 'secondary sanctions' against legal entities interacting with states subject to sanctions or unilateral restrictive measures, which entails potential economic losses, prevents these mechanisms from being used to the fullest extent. **Conclusions:** healthcare technologies, as well as the means of their production and development, should be exempted from the influence of sanctions or unilateral restrictive measures. A similar approach should be applied to technologies used in the production of medicines and medical devices, many of which are defined as dual-use technologies. In the context of the failure of international law to counter the socio-economic consequences of sanctions and unilateral restrictive measures at the domestic level, there are being developed special legal mechanisms aimed at achieving technological sovereignty, protecting the well-being of the population, and ensuring human security.

Keywords: sanctions; secondary sanctions; right to health; right to benefit from scientific progress; social protection; provision of medicines; unilateral restrictive measures; humanitarian exceptions

Определение понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры»

В последние десятилетия значительно возросла частота применения ограничительных мер в отношении государств различных регионов мира, именуемых «санкциями» или «односторонними ограничительными мерами».

В научной литературе представлены различные подходы к определению содержания указанных понятий. В документах международных организаций, как и в доктринальных источниках, можно встретить термины «односторонние принудительные меры», «односторонние ограничительные меры», «односторонние санкции», «международные санкции» или «санкции»¹.

В зарубежной доктрине международного права представленные понятия часто отождествляются, что подменяет их истинные нормативные и идеологические отличия. В частности, в исследовании Ж. Комбако санкции определяются как «меры, принимаемые государством или группой государств, в ответ на поведение другого государства, противоречащее международному праву». Б. Картер, детально изучив законодательство и практику применения США односторонних «санкций», говорит о возможности равнозначного использования обоих понятий [15, с. 1166–1167]. Немецкий профессор М. Боте также предложил именовать санкциями любые меры, применяемые субъектами международного права в ответ на нежелательные или, возможно, неправомерные действия другого государства.

Представленная позиция ученых-юристов в определенной степени научно легитимизирует политическую волю зарубежных государств, также отождествляющих данные понятия и условия их применения. В частности, Международная торговая Комиссия США использует термин «односторонние экономические санкции», означающий «любое одностороннее ограничение или условие экономической деятельности в отношении иностранного государства или иностранного субъекта, применяемое в контексте внешнеполитических факторов или необходимости обеспечения национальной безопасности»². Комитет Европейского парламента по международной торговле также использует термин «санкции» для описания односторонних экономических ограничений отдельных государств.

В научной литературе санкции и односторонние ограничительные меры подлежат определенной неофициальной классификации на основе масштаба их влияния на государства [14, с. 137–154]. «Всеобъемлющие» ограничительные меры призваны оказывать

тотальное влияние на все сферы деятельности государства, в то время как «точечные» санкции применяются в отношении определенных направлений, что предполагает минимизацию возможных рисков нарушения прав человека. В частности, всеобъемлющий характер экономических санкций против Ирака после войны в Персидском заливе 1991 года разрушил почти всю иракскую инфраструктуру. Именно катастрофические гуманитарные последствия санкций Совета Безопасности ООН (далее – СБ ООН) в отношении Ирака привели к пересмотру подхода к введению санкций в пользу выборочного подхода в отношении определенных секторов экономики и отдельных лиц, непосредственно связанных с неправомерными действиями государства.

Вместе с тем необходимо отметить, что позиция в отношении определения нормативного содержания понятия «санкции» в зарубежной доктрине международного права со временем разделилась. Однако в некоторых исследованиях признается, что ответные меры на противоправные действия одного государства могут иметь децентрализованный (односторонние меры) и централизованный характер (многосторонние меры). Различия между двумя рассматриваемыми категориями, по мнению авторов, являются фундаментальными. Так, односторонние ограничительные меры, принимаемые пострадавшим субъектом, раскрывают форму обеспечения справедливости и использования ответных соразмерных мер. В упомянутых публикациях также подчеркивается, что применение многосторонних ограничительных мер (санкций) является прерогативой СБ ООН [22, с. 175–214; 23, с. 141–142; 24, с. 190–206].

В отечественной доктрине международного права сформировалось четкое разграничение понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры». Основой легитимности санкций являются согласованные действия международного сообщества и общеобязательные для исполнения решения СБ ООН, в то время как односторонние ограничительные меры применяются одним суверенным субъектом международного права против другого – юридически равного ему по статусу [7, с. 21–31; 2, с. 38; 11, с. 12; 12, с. 8].

А. В. Калинин подчеркивает, что основой легитимности санкций являются согласованные в рамках определенного институционального механизма действия международного сообщества, направленные на восстановление и поддержание международного мира и безопасности [3, с. 31]. В научной работе К. В. Крицкого, рассматривающей нормативные отличия понятий «международные санкции» и «односторонние ограничительные меры», отмечается, что

¹ Report of the Special Rapporteur on the Negative Impact of Unilateral Coercive Measures on the Enjoyment of Human Rights: note / by the Secretariat. 2018. A/HRC/39/54. URL: <https://www.ohchr.org/en/documents/thematic-reports/ahrc3954-report-special-rapporteur-negative-impact-unilateral-coercive>.

² U.S. International trade commission, investigation No. 332-391. Overview and analysis of current U.S. unilateral economic sanctions. Washington. 1998. URL: <https://www.usitc.gov/publications/docs/pubs/332/PUB3124.PDF>.

термин «санкции» правомерно использовать по отношению к ограничительным мерам коллективного характера, принимаемым СБ ООН для поддержания мира и безопасности [8, с. 206–207]. И. И. Лукашук также обращал внимание, что Комиссия международного права ООН относит к международно-правовым санкциям принудительные меры, принимаемые международными межправительственными организациями, наделенными полномочиями на применение указанных мер [9, с. 41]. Аналогичная позиция представлена в работе А. Я. Капустина, но при этом подчеркивается невозможность формирования унифицированного понятия «санкции» ввиду сложившейся абсолютно разной практики их применения [4, с. 87]. В исследовании М. А. Кешнер отмечается сформировавшаяся свобода в терминологических трактовках, что влечет неправомерное использование понятия «санкции» в отношении односторонних ограничительных мер [6, с. 59]. Односторонние ограничительные меры обладают рядом отличительных признаков: вводятся по решению государственных органов; направлены в первую очередь на экономический сектор; призваны обеспечить защиту государственных интересов; являются «экстERRиториальными», поскольку применяются государством за пределами своих территорий или юрисдикции. Кроме того, субъектом односторонних ограничительных мер обычно являются государства или группы государств, а объектом выступают государства, отдельные физические и юридические лица, совершающие нежелательные или неправомерные с точки зрения имплементирующего государства действия [16, с. 340]. Объектом односторонних ограничительных мер также могут являться третьи страны, которые отказались присоединиться к указанным мерам в отношении другого государства¹.

Представленные авторами выводы можно подтвердить, обратившись к статье 39 Устава ООН, устанавливающей исключительное право СБ ООН определять меры, необходимые для поддержания мира и безопасности. Понятие «санкции» в Уставе ООН не фигурирует, при этом СБ ООН квалифицирует принимаемые им принудительные меры согласно статье 41 Устава именно как санкции. Данная позиция подтверждается Генеральной Ассамблеей ООН (далее – ГА ООН), сформулировавшей, что термин «многосторонние экономические санкции» объединяет меры, санкционированные СБ ООН², что только меры, принятые СБ ООН в соответствии со статьей 41 Устава ООН, являются многосторонними санкциями,

а любые иные меры следует относить к односторонним принудительным мерам. Аналогичная позиция была представлена Специальным докладчиком ООН по вопросу о негативном влиянии односторонних принудительных мер, отметившим, что «односторонние меры могут приниматься государствами или региональными организациями только в соответствии с международно-правовыми нормами, т. е. с разрешения СБ ООН, действующего на основании главы VII Устава ООН, и не должны нарушать положения международных договоров и нормы обычного права»³. По мнению Специального докладчика, «односторонние санкции, не отвечающие вышеуказанным критериям, необходимо относить к односторонним принудительным мерам, которые являются незаконными с точки зрения международного права»⁴.

Руководствуясь рассмотренными доктринальными источниками, а также документами международных организаций, следует выделить два подхода к классификации ограничительных мер. Согласно первому подходу под односторонними ограничительными мерами понимаются меры, применяемые на основании решения одного или группы государств в соответствии с национальным правом и имеющие экстрапротерриториальное воздействие, в то время как к санкциям следует относить ограничительные экономические меры коллективного характера, принятые решением СБ ООН в соответствии со статьей 41 Устава ООН. Второй подход объединяет все существующие ограничительные меры, применяемые как государствами в одностороннем порядке, так и международными организациями, под понятием «санкции».

При всем многообразии научных работ, посвященных осмыслению особенностей введения санкций и односторонних ограничительных мер, в отечественной науке отсутствуют системные исследования, представляющие юридическую оценку последствий их применения для обеспечения защиты социальных и культурных прав человека.

Позиция международных организаций в отношении применения односторонних ограничительных мер

Осознавая масштабы социально-экономических последствий применения односторонних ограничительных мер для целых регионов мира, международные организации уделяют всё больше внимания вопросу оценки их правомерности.

¹ Negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights // Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. 2019. A/HRC/42/46. URL: <https://www.ohchr.org/ru/documents/thematic-reports/negative-impact-unilateral-coercive-measures-enjoyment-human-rights>.

² Economic measures as a means of political and economic coercion against developing countries: report of the Secretary-General. UN. Secretary-General. New York: UN, 10 Oct. 1989. A/44/510. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/78262?ln=ru&v=pdf>.

³ Односторонние принудительные меры: понятие, виды и квалификация: Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Довгань. 2021, A/HRC/48/5. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g21/190/74/pdf/g2119074.pdf?token=jsg6k6crVlw5JKUqTf&fe=true>.

⁴ Там же.

Генеральной Ассамблеей ООН приняты многочисленные резолюции, осуждающие применение односторонних ограничительных мер. В частности, Декларация ГА ООН 1965 года о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета установила, что «ни одно государство не вправе применять или поощрять применение экономических, политических и любых иных мер для принуждения другого государства с целью подчинения при осуществлении им своих суверенных прав или получения преимущества любого рода» (п. 2)¹. Недопустимость применения односторонних экономических, политических и иных мер подчеркивается в Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств 1965 года,² статье 32 Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 года³. Применение односторонних ограничительных мер противоречит основополагающим принципам международного права, сформулированным в Декларации о принципах международного права 1970 года⁴. В частности, принцип невмешательства подразумевает невозможность применения или поощрения применения экономических мер с целью влияния на реализацию суверенных прав государства. Так, в решении Международного суда ООН по делу «Никарагуа против США» 1986 года констатировалось, что применение односторонних ограничительных мер нарушает принцип невмешательства⁵. Принцип суверенного равенства государств также предполагает наличие обязательства государств отказываться от применения экономических и иных форм давления.

В Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств 1981 года сформулировано обязательство государств воздерживаться от любых мер в экономической, социальной, технической и торговой областях, которые могут расцениваться как вмешательство в

государственные дела. Отдельного внимания заслуживает формулировка о необходимости недопущения использования транснациональных корпораций (далее – ТНК), находящихся под юрисдикцией государств, «в качестве средств политического давления или принуждения против другого государства, в нарушение Устава ООН».⁶ В резолюции ГА ООН 1984 года сформулирована необходимость воздерживаться от экономических ограничений, несовместимых с положениями Устава ООН и нарушающих обязательства, установленные в рамках двусторонних и многосторонних соглашений⁷.

Венская декларация и Программа действий 1993 года также обращает внимание государств на необходимость воздерживаться от любых односторонних мер, препятствующих развитию торговых отношений и полной реализации прав человека, изложенных в международных договорах универсального характера⁸.

Однако необходимо отметить наличие противоречащих позиций в резолюциях ГА ООН в отношении применения односторонних ограничительных мер. ГА ООН на регулярной основе разрабатываются и принимаются две группы резолюций, посвященных различным аспектам негативного влияния односторонних ограничительных мер, в которых неоднократно была сформулирована необходимость воздерживаться от экономических ограничений, несовместимых с положениями Устава ООН и нарушающих обязательства, установленные в рамках двусторонних и многосторонних соглашений⁹. С 1983 года ГА ООН ежегодно принимаются резолюции, рассматривающие односторонние ограничительные меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран. Впоследствии данные резолюции стали включать положения, посвященные влиянию односторонних ограничительных мер на обеспечение прав человека.

¹ Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета; Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.

² Declaration on the Inadmissibility of Intervention in the Domestic Affairs of States and the Protection of Their Independence and Sovereignty. 1965, A/RES/2131(XX). URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ga_2131-xx/ga_2131-xx_e.pdf.

³ Charter of Economic Rights and Duties of States. 1974, A/RES/3281(XXIX) URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/2778/download>.

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/2625(XXV). Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. 1970. URL: https://treaties.un.org/doc/source/docs/A_RES_2625-Eng.pdf.

⁵ Nicaragua v. United States of America. International Court of Justice June 27, 1986 // General List, No. 70. URL: <https://www.icj-cij.org/node/103143>.

⁶ Declaration on the Inadmissibility of Intervention and Interference in the Internal Affairs of States. 1981. A/RES/36/103/ URL: <https://docs.un.org/A/RES/36/103>.

⁷ Economic measures as a means of political and economic coercion against developing countries: resolution / adopted by the General Assembly. 1984/ A/RES/39/210. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/UCM/Res/A-RES-39-210.pdf>.

⁸ Vienna Declaration and Programme of Action: note / by the Secretariat. A/CONF.157/23 Geneva: UN, 12 July 1993. 28 p. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action>.

⁹ Economic measures as a means of political and economic coercion against developing countries: resolution / adopted by the General Assembly. 1984. A/RES/39/210.

Вместе с тем необходимо отметить, что в период 1960–1980-х годов со стороны ГА ООН также систематически принимались резолюции, призывающие использовать ограничительные меры в отношении других государств. В частности, следует упомянуть Резолюцию ГА ООН 2107 1965 года, рекомендующую предпринять ряд ограничительных мер против Правительства Португалии,¹ Резолюцию ГА ООН 2383 1968 года против Южной Родезии², Резолюцию 1899 1963 года против Южной Африки³. В ответ на военные операции Израиля в 1980-х годах ГА ООН призвала государства прекратить поставки в Израиль «любой военной, экономической, финансовой и технологической помощи, а также человеческих ресурсов для проведения агрессивной политики против арабских стран и палестинского народа».

Разработка Целей развития тысячелетия ООН и пришедших им на смену Целей устойчивого развития (ЦУР) лишь усилила внимание международного сообщества к вопросу негативного влияния односторонних ограничительных мер на социально-экономическое благосостояние государств. Непосредственно резолюция 70/1 Генеральной Ассамблеи от 25 сентября 2015 г., утверждающая ЦУР, содержит рекомендацию о необходимости воздерживаться от использования односторонних ограничительных мер, не соответствующих международному праву и Уставу ООН и препятствующих обеспечению полного экономического и социального развития.

Вопрос применения односторонних ограничительных мер государствами затрагивался в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, подготовленном Комиссией международного права (КМП), в котором были сформулированы правовые рамки для случаев, когда государство несет ответственность за нарушение международного обязательства и принятие контрмер между государствами⁴.

На основании международных договоров системы Всемирной торговой организации односторонние ограничительные меры определяются как дискриминационные и нарушают положения статей I (режим наибольшего благоприятствования) и XI (отмена количественных ограничений) Генерального соглашения по тарифам и торговле (англ. *General Agreement on Tariffs and Trade*. Далее – ГATT). Данная позиция подтверждается в ряде отечественных исследований [13, с. 169–170]. Исключением являются

обстоятельства, определенные статьей XXI ГATT, а именно предотвращение угрозы миру и актов агрессии в рамках самообороны или во исполнение решений СБ ООН. Вместе с тем исследователи отмечают, что сама формулировка, предписывающая применение исключений, представляется достаточно абстрактной, позволяет прибегать к широким трактовкам [1, с. 48]. Так, США неоднократно обращались к применению односторонних ограничительных мер, руководствуясь « наличием угрозы национальной безопасности».

Роль односторонних ограничительных мер в формировании барьеров обеспечения прав человека неоднократно затрагивалась в работе Управления Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ ООН). Верховный комиссар по правам человека подчеркивал обязательство государств воздерживаться от принятия односторонних принудительных мер, которые нарушают международно-правовые гарантии защиты прав человека⁵.

Подкомиссия по поощрению и защите прав человека (далее – Подкомиссия) в резолюции 1997/35 от 28 августа 1997 г. «Неблагоприятные последствия экономических санкций для осуществления прав человека» выразила озабоченность в отношении влияния экономических санкций на соблюдение Устава ООН, Всеобщей декларации прав человека (далее – ВДПЧ) и иных международных договоров по защите прав человека, сформулировав важные аспекты их применения: влекут за собой последствия для наиболее уязвимых категорий населения; усугубляют диспропорции в распределении доходов; порождают незаконную и неэтичную деловую практику. В 2000 году Подкомиссией был подготовлен доклад, содержащий системный анализ легитимности применения санкций и односторонних ограничительных мер в соответствии с международным правом, а также рекомендации в отношении минимизации последствий их применения на соблюдение обязательств по защите прав человека⁶. В докладе подчеркивается, что основная идея применения экономических санкций, заключающаяся в формировании экономического давления на население, как инструмента последующих политических изменений, на практике является несостоительной, лишь усугубляя его страдания.

Под влиянием увеличения масштабов применения односторонних ограничительных мер Советом

¹ Question of Territories under Portuguese administration: report of the Secretary-General 1965. A/RES/2107(XX). URL: [https://docs.un.org/A/RES/2107\(XX\)](https://docs.un.org/A/RES/2107(XX)).

² Question of Southern Rhodesia. UNGA Res 2383. 1968. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/202688?v=pdf>.

³ Question of South West Africa. A/RES/1899. 1964. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/204109?v=pdf>.

⁴ Responsibility of States for internationally wrongful acts. Resolution adopted by the General Assembly. A/RES/56/83. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/477/97/PDF/N0147797.pdf?OpenElement>.

⁵ Thematic study of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, including recommendations on actions aimed at ending such measures. Geneva: UN, 11 Jan. 2012. A/HRC/19/33. URL: <https://docs.un.org/A/HRC/19/33>.

⁶ The adverse consequences of economic sanctions on the enjoyment of human rights: working paper / prepared by Marc Bossuyt. Geneva: UN, 21 June 2000. E/CN.4/Sub.2/2000/33.

по правам человека (СПЧ) была предпринята попытка системного изучения и противодействия данной проблеме. В Резолюции 27/21 СПЧ постановил организовывать каждые два года групповое обсуждение вопроса об односторонних принудительных мерах и правах человека с участием государств-членов, соответствующих органов, учреждений ООН и других заинтересованных сторон. Также СПЧ принял решение об учреждении мандата Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека.

Обобщая тематические доклады, представленные Специальным докладчиком, следует отметить, что в большинстве из них акцентировалось внимание на негативном влиянии односторонних мер на доступность технологий здравоохранения¹. В выводах последнего доклада 2021 года Специального докладчика было сформулировано следующее: «экономические, финансовые и торговые санкции в отношении государств, а также эмбарго на морские, сухопутные или авиаперевозки делают невозможным приобретение и доставку необходимого технологического, медицинского и других видов оборудования, запасных частей, реагентов, лекарств, вакцин, продуктов питания и других товаров первой необходимости, что препятствует обеспечению основных гражданских, экономических, социальных и культурных прав и права на развитие»².

Неправительственными организациями и экспертным сообществом также предпринимались попытки осмыслить влияние односторонних ограничительных мер на обеспечение прав человека. Так, 28 сентября 2011 г. Мaaстрихтским университетом и Международной комиссией юристов была организована конференция, по итогам которой приняты Мaaстрихтские принципы экстерриториальных обязательств в отношении социальных и экономических прав, предписывающие полное соблюдение государствами обязательств в области защиты прав человека при «разработке, осуществлении и прекращении любого режима санкций» и отказ от эмбарго на «товары и услуги, необходимые для выполнения основных обязательств».

В отечественных доктринальных источниках также сложилось критическое отношение к оценке легитимности применения односторонних ограничительных мер. По мнению М. В. Кешнер, односторонние меры принуждения не обладают легитимностью

и необоснованно именуются санкциями, так как принцип суверенного равенства государств исключает возможность правомерного применения одним государством санкций в отношении другого государства или группы государств в одностороннем порядке [5, с. 147].

В диссертационной работе К. В. Крицкого сформулировано, что односторонние меры одного государства против другого государства не согласуются с основополагающими международно-правовыми принципами, прежде всего принципом суверенного равенства государств и недопустимости вмешательства во внутренние дела государств [8, с. 11].

При рассмотрении практики введения односторонних ограничительных мер отдельного внимания заслуживает проблема применения «вторичных санкций», под которыми понимаются ограничения, налагаемые на деятельность государства или юридического лица, находящихся во взаимоотношениях с государством, в отношении которого введены односторонние ограничительные меры. Под угрозой потенциальных финансовых последствий организации отказываются от взаимодействия с контрагентами, находящимися в государстве, в отношении которого введены санкции, даже если оказываемая услуга или поставляемый товар не находится под действием ограничительных мер.

Основываясь на доктринальных источниках, а также документах международных организаций, следует сделать вывод, что применение односторонних ограничительных мер противоречит основным принципам международного права: принципу суверенного равенства государств, неприменения силы, самоопределения народов, невмешательства во внутренние и внешние дела государств, мирного урегулирования международных споров, сотрудничества между государствами и добросовестного выполнения взятых на себя обязательств по международному праву³.

Влияние санкций и односторонних ограничительных мер на доступность медицинской помощи

С момента начала применения санкций СБ ООН и односторонних ограничительных мер многочисленные научные исследования, а также документы международных организаций отмечают их негативное влияние на социально-экономический сектор.

¹ Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. 2015. A/HRC/30/45; Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. 2018. A/HRC/39/54. URL: <https://www.ohchr.org/en/documents/thematic-reports/ahrc3954-report-special-rapporteur-negative-impact-unilateral-coercive>; Unilateral coercive measures: notion, types and qualification. 2021. A/HRC/48/59. URL: <https://docs.un.org/A/HRC/48/59>.

² Targets of unilateral coercive measure: notion, categories and vulnerable groups: note / by the Secretary-General. 2021. A/76/174/Rev.1 URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n21/245/76/pdf/n2124576.pdf?token=WJKHRWJeGDDp4yymsD&fe=true->.

³ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 окт. 1970 г.

Генеральный секретарь ООН К. Аннан в своем выступлении отмечал, что, несмотря на важность санкций как средства принуждения к выполнению воли международного сообщества, они остаются «грубым» инструментом, наносящим ущерб большому количеству людей, не являющихся их объектом¹. В «Докладе Тысячелетия», посвященном роли ООН в XXI веке, Генеральный секретарь ООН подчеркнул пагубное влияние экономических санкций на население, отметив, что зачастую их применение лишь усиливает позиции действующей власти². Обеспокоенность по поводу гуманитарных последствий санкций также высказывались в СБ ООН³.

В резолюциях Комиссии по правам человека относительно применения односторонних принудительных мер было сформулировано, что некоторые страны, используя свое доминирующее положение в мировой экономике, продолжают активизировать принятие односторонних принудительных мер в отношении развивающихся стран, явно противоречащих международному праву, таких как торговые ограничения, блокады, эмбарго, замораживание активов, с целью помешать данным странам в полной мере осуществлять их право определять свою политическую, экономическую или социальную систему⁴.

Эффективность применения санкций в качестве мер обеспечения мира и безопасности неоднократно подвергалась сомнению. В частности, санкции, введенные СБ ООН, обеспечивали достижение ожидаемого результата только в 10 % случаев⁵, при этом привели к сокращению ожидаемой продолжительности жизни в целевых странах на 1,2–1,4 года [19, с. 27]. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) сообщил, что младенческая смертность в отдельных районах Ирака удвоилась после введения санкций⁶. Исследование последствий применения санкций на показатели продолжительности жизни населения за период 1995–2018 годов подтвердило их негативное влияние [20, с. 60–62].

Право человека на здоровье в международных документах впервые было закреплено в рамках Устава Всемирной организации здравоохранения 1946 года и впоследствии конкретизировано в статье 25 ВДПЧ 1948 года и статье 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года (далее – МПЭСКП). Представленные международно-правовые акты сформировали у государств обязательство сотрудничать в постепенной реализации права человека на здоровье.

Использование санкций, прямо или косвенно оказывающих влияние на социальную сферу, приводит к ограничению обеспечения права человека на здоровье, что неоднократно отмечалось в рамках деятельности Комитета по экономическим, социальным и культурным правам (далее – КЭСКП). В частности, Замечание общего порядка № 14 КЭСКП призывает государства «постоянно» воздерживаться от санкций, ограничивающих доступ к лекарственным средствам и медицинскому оборудованию. Вопросу влияния «экономических санкций» на защиту прав человека посвящено Замечание общего порядка КЭСКП № 8 1997 года⁷. В документе резюмируются последствия введения санкций СБ ООН на обеспечение положений МПЭСКП, в том числе признается их существенное влияние на возникновение перебоев в поставках лекарственных средств. При этом в пункте 12 Замечания подчеркнута необходимость формирования перечня товаров, которые должны быть изъяты из санкционных мер для уменьшения возможных последствий в отношении обеспечения прав, определенных МПЭСКП.

Введение односторонних ограничительных мер и санкций приводит не просто к повсеместному ограничению права человека на здоровье, а к дискриминации уязвимых категорий населения (пожилые люди, женщины, дети, лица с инвалидностью) в части доступа к медико-социальной помощи. В частности, в странах, находящихся под санкциями, наблюдаются увеличенные показатели детской смертности ввиду ограничения доступа к вакцинации, а также

¹ Secretary-General reviews lessons learned during 'Sanctions Decade' in remarks to International Peace Academy Seminar: [statement, 17 Apr. 2000] / [by the Secretary-General]. URL: <https://www.un.org/press/en/2000/20000417.sgsm7360.doc.html>.

² Millennium Report of the Secretary-General of the United Nations, "We the Peoples": The Role of the United Nations in the 21st Century. United Nations Department of Public Information. New York. 2000.

³ Letter dated 13 April 1995 from the Permanent Representatives of China, France, the Russian Federation, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States to the United Nations addressed to the President of the Security Council. S/1995/300. New York: UN, 13 Apr. 1995. URL: <https://docs.un.org/S/1995/300>.

⁴ Situation of human rights in the territory of the former Yugoslavia: 5th periodic report on the situation of human rights in the territory of the former Yugoslavia / submitted by Tadeusz Mazowiecki, Special Rapporteur of the Commission on Human Rights, pursuant to paragraph 32 of Commission resolution 1993/7 of 23 February 1993; Human rights and unilateral coercive measures. UN. Commission on Human Rights. E/CN.4/RES/1995/45. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/227032?ln=en>.

⁵ United Nations Security Council. Subsidiary organs of the United Nations Security Council – fact sheets 2022; United nations security Council sanctions regimes, 2022. URL: https://www.un.org/securitycouncil/sites/www.un.org.securitycouncil/files/subsidiary_organizations_factsheets.pdf

⁶ Children's Death Rates Rising in Iraqi Lands, UNICEF Reports. URL: <https://www.nytimes.com/1999/08/13/world/children-s-death-rates-rising-in-iraqi-lands-unicef-reports.html>.

⁷ Implementation of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights: general comment no. 8, The relationship between economic sanctions and respect for economic, social and cultural rights. 1997. E/C.12/1997/8. URL: <https://docs.un.org/E.C.12/1997/8>.

хронического недоедания. Основные положения недопущения дискриминации по различным основаниям сформулированы в международно-правовых договорах по защите прав человека универсального характера, в частности в статье 7 ВДПЧ, статье 26 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП), а в пункте 2 статьи 2 МПЭСКП сформулировано обязательство по противодействию дискриминации при реализации права на наивысший достижимый уровень здоровья. В Замечании общего порядка № 20 КЭСКП подчеркивал, что недискриминация и равенство являются фундаментальными компонентами прав человека и имеют важное значение при реализации экономических, социальных и культурных прав.

Экономические потрясения, выражающиеся в высоких показателях инфляции, девальвации валюты, а также снижении поступлений в бюджет, формирующиеся под влиянием применения ограничительных мер, оказывают прямое влияние на параметры финансирования систем здравоохранения, что приводит к снижению доступности медицинских услуг, недостаточной укомплектованности медицинскими кадрами. Увеличение показателей бедности населения существенно ограничивает доступ к медицинской помощи в частном сегменте. Санкции и односторонние ограничительные меры оказывают негативное влияние на социальные детерминанты, определяющие не только физическое состояние человека, но и социальное и душевное благополучие.

Отдельного внимания в отношении установления ответственности государств за экстерриториальные последствия применения односторонних ограничительных мер заслуживает позиция Международного Суда в деле 2018 года о предполагаемых нарушениях Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах 1955 года (Иран против США). Согласно документу ограничения на импорт и покупку товаров, необходимых для гуманитарных нужд, таких как продукты питания и лекарства, включая жизненно важные лекарства, средства лечения хронических заболеваний или обеспечения профилактических мер, а также медицинское оборудование, могут оказать серьезное пагубное воздействие на здоровье и жизнь людей на территории Ирана.

Последствия применения санкций и односторонних ограничительных мер стали особенно ощутимы в условиях распространения инфекционных пандемий. Пандемия коронавирусной инфекции, вспыхнувшая в 2020 году, за несколько месяцев поразила практически каждое государство вне зависимости от уровня благосостояния, нанеся катастрофический социально-экономический ущерб, привела к

беспрецедентной потере ВВП, росту безработицы, коллапсу систем здравоохранения [10, с. 177]. Санкции и односторонние ограничительные меры лишь усугубили кризис систем здравоохранения и усилили беспомощность государств перед лицом угрозы. В резолюции ГА ООН A/RES/77/214 «Права человека и односторонние принудительные меры» подчеркивается, что лекарственные средства, в том числе вакцины, не должны использоваться в качестве механизма политического принуждения, особенно при возникновении чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения глобального характера.

В Заявлении КЭСКП о пандемии коронавирусной инфекции и экономических, социальных и культурных правах отдельное внимание уделяется вопросу влияния мер одностороннего характера на доступность медицинского оборудования. В частности, сформулировано следующее: «любые ограничения, вводимые на поставки внутри страны, должны быть соразмерными и учитывать неотложные потребности других стран». В пункте 22 Заявления КЭСКП отдельно затрагивается вопрос негативного влияния «односторонних санкций экономического и финансового характера» на системы здравоохранения, особенно в отношении закупок необходимого медицинского оборудования и материалов¹.

Европейская комиссия 11 мая 2020 г. подготовила рекомендации по упрощению процедуры доставки гуманитарной помощи для борьбы с коронавирусом COVID-19 в страны, на которые распространяются санкции ЕС: санкции ЕС не должны препятствовать доставке гуманитарной помощи; каждое государство ЕС должно назначить контактное лицо для обсуждения предоставления средств для борьбы с COVID-19; обеспечить наличие гуманитарных исключений, а в случае COVID-19 могут быть разрешены ограниченные виды деятельности, не поддающиеся под исключения; организации, оказывающие гуманитарную помощь, должны продемонстрировать соответствие исключениям².

Обратимся к анализу последствий применения односторонних ограничительных мер на сферу охраны здоровья в различных регионах мира. С 1961 года США были введены односторонние ограничительные меры экономического характера в отношении Кубы, предусматривающие полное торговое эмбарго, включая импорт лекарственных средств и медицинских изделий. Подобные ограничения оказали существенное влияние на доступность медицинской помощи, став прямой угрозой системам общественного здравоохранения [18, с. 1248]. Так, количество лекарственных средств, находящихся в обращении на Кубе, сократилось с 1 297 до 889 наименований. Принимая во

¹ Statement on the coronavirus disease (COVID-19) pandemic and economic, social and cultural rights: statement / by the Committee on Economic, Social and Cultural Rights. 2020. E/C.12/2020/1. URL: <https://docs.un.org/E/C.12/2020/1/>

² Commission Guidance Note on the Provision of Humanitarian Aid to Fight the COVID-19 Pandemic in Certain Environments Subject to EU Restrictive Measures (Brussels, 11.5.2020; C (2020) 3179 final). URL: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2022-07/220630-humanitarian-aid-guidance-note_en.pdf.

внимание, что большинство основных лекарственных средств разрабатываются ТНК фармацевтической промышленности, расположеными в США, кубинские врачи имеют доступ менее чем к 50 % новых инновационных лекарственных средств¹. В качестве примера следует упомянуть ситуацию со шведским фармацевтическим производителем, осуществляющим свою деятельность на Кубе с 1970 года. Однако после поглощения американской компанией в 1994 году производитель прекратил поставку лекарственных средств.

Анализируя последствия применения санкций и односторонних ограничительных мер, необходимо отметить основополагающую роль субъектов международных отношений, не являющихся традиционными субъектами международного права, в обеспечении права каждого человека на наивысший достижимый уровень здоровья. В частности, ТНК медицинской и фармацевтической промышленности, являющиеся важнейшим движущим механизмом технологического развития, оказывают существенное влияние как на расширение доступа к жизнеспасающим методам диагностики и лечения, так и на ограничение доступа, в особенности среди уязвимых категорий населения. Даже в ситуации, когда односторонние ограничительные меры в отношении государства не предполагают влияния на поставки лекарственных средств или медицинских изделий, а также отмены любых направлений сотрудничества в области проведения исследований или передачи технологий, ТНК могут принять решение о прекращении своей деятельности на территории государства. Проблема ответственности ТНК за обеспечение права человека на здоровье неоднократно системно рассматривалась в рамках специальных процедур СПЧ и договорных органов по правам человека².

Важно отметить, что применение односторонних ограничительных мер не исключает обязательств ТНК в отношении обеспечения прав человека, сформулированных в документах международных организаций и подробно рассмотренных нами ранее. Отдельного внимания заслуживает проблема добровольной поддержки односторонних ограничительных мер со стороны ТНК, принимающих решение о приостановке своей деятельности в государстве и, как следствие, ограничении доступа к определенным товарам и услугам, включая технологии здравоохранения.

Таким образом, применение санкций и односторонних ограничительных мер оказывает системное влияние на обеспечение охраны здоровья человека, снижая объемы финансирования медицинской помощи, увеличивая показатели бедности, ограничивая доступ к необходимым технологиям здравоохранения, а также потенциал государства в области производства и научно-исследовательской деятельности. Подобные последствия свидетельствуют о планомерном ограничении обеспечения целого спектра прав человека, включая право на наивысший достижимый уровень здоровья, право на пользование результатами научного прогресса и др.

Правовые механизмы противодействия социальным последствиям применения санкций

Руководствуясь положениями статьи 2 МПЭСКП, отметим, что использование санкций или односторонних ограничительных мер предполагает формирование у государства, являющегося их объектом, обязательств по защите экономических, социальных и культурных прав человека в максимальных пределах имеющихся ресурсов. В последующем КЭСКП конкретизировал данное обязательство с учетом наличия объективных различий в уровне социально-экономического развития государств и, как следствие, в доступности медицинской помощи. В Замечании общего порядка № 3 1990 года отмечено, что даже в ситуации очевидного дефицита ресурсов государство должно обеспечивать достижение по крайней мере минимально необходимого уровня каждого из закрепленного в МПЭСКП прав. В контексте обеспечения права человека на здоровье данное обязательство предполагает доступ к минимуму основных лекарственных средств, медицинских изделий и услуг, определенных ВОЗ³.

Как было отмечено нами ранее, применение любых ограничительных мер в отношении государства препятствует обеспечению социальных гарантий населения в полной мере. Однако подобные ситуации не должны являться причиной дискриминации, что требует от государств принимать все возможные меры, включая переговоры с другими государствами и международным сообществом, для сведения к минимуму неблагоприятного воздействия санкций и односторонних ограничительных мер на права уязвимых групп в обществе. Важно отметить,

¹ American Association for World Health. Denial of Food and Medicine: The Impact of the US Embargo on Health and Nutrition in Cuba: an Executive Summary. American Association for World Health; 1997. URL: <https://www.american.edu/centers/latin-american-latino-studies/upload/impact-of-us-embargo-on-health-nutrition-in-cuba-1997.pdf>.

² Report of the Special Rapporteur on the Right of Everyone to the Enjoyment of the Highest Attainable Standard of Physical and Mental Health: Expert Consultation on Access to Medicines as a Fundamental Component of the Right to Health, 2011, A/HRC/17/43. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/706244?ln=en>; Report of the Special Representative of the Secretary-General on the Issue of Human Rights and Transnational Corporations and Other Business Enterprises, John Ruggie: Guiding Principles on Business and Human Rights: Implementing the United Nations «Protect, Respect and Remedy» Framework, A/HRC/17/31, 2011. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/705860?ln=en>.

³ WHO. General Comment No. 3: The nature of States parties' obligations (Article 2, para 1) (1990). Adopted by the Committee on Economic, Social and Cultural Rights at the Fifth Session. E/1991/23, 14 December 1990. URL: <https://docs.un.org/E/1991/23>.

что на государства, использующие односторонние ограничительные меры, равно как и международные организации, вводящие санкции в отношении определенных государств, возлагается обязательство по внедрению мер, минимизирующих их последствия и направленных на обеспечение защиты прав человека.

С целью обеспечения защиты прав человека любой санкционный режим или односторонние ограничительные меры, как правило, содержат исключения в отношении ведения определенной экономической деятельности, именуемые в научной литературе и документах международных организаций «гуманитарными исключениями». Признание международным сообществом последствий реализации санкционных режимов в отношении ряда государств позволило обеспечить выполнение гуманитарных программ с целью минимизации их социально-экономических последствий. Однако Управление Верховного комиссара ООН по правам человека признало, что Резолюция СБ ООН в отношении Афганистана¹ не привела к ожидаемому улучшению доступности гуманитарной помощи, что во многом было вызвано заморозкой США иностранных активов Афганистана и осторожной позицией банков по возобновлению деятельности с организациями данного региона.

Исследования последствий применения гуманитарных исключений продемонстрировали их произвольную и непоследовательную интерпретацию на практике². Процедуры проверки, предусмотренные различными комитетами по применению санкций Совета Безопасности, остаются обременительными, а получение разрешений на поставки в рамках изъятий из режима санкций не всегда представляется возможным [25, с. 73–74]. В частности, исследование Управления ООН по координации гуманитарных вопросов (УКГВ) продемонстрировало неэффективность процедур по одобрению исключений на поставки различных товаров, что приводит к усилению бедности, нехватке ресурсов, развитию черного рынка, незаконной торговли и коррупции. Президент Международной федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца подчеркнул, что гуманитарная помощь должна поступать в страны вне зависимости от наличия санкций, отметив при этом, что процедуры получения гуманитарных исключений отличаются чрезвычайной длительностью и требуют дополнительного финансирования³. По состоянию на март 2023 года санкции ООН применяются в отношении девяти из десяти основных

стран, получающих помощь от Международного комитета Красного Креста, включая Сирию, Демократическую Республику Конго и Йемен.

Двусмысленность, произвольный характер и непоследовательное толкование гуманитарных исключений при применении санкций и односторонних ограничительных мер привели к задержкам, путанице и, в некоторых случаях, отклонению запросов на экспорт товаров гуманитарного назначения. Процедурные трудности с получением разрешений на поставки товаров, освобожденных от уплаты налогов, и боязнь судебного преследования в связи с действиями по обеспечению соблюдения санкций затрудняют работу ТНК и международных организаций.

В рамках режима односторонних ограничительных мер, вводимого США, также предполагается использование гуманитарных исключений. Полномочия по введению ограничительных мер в отношении иностранных государств в случае возникновения внешней угрозы национальной безопасности США впервые были предоставлены Президенту США Законом «О торговле с врагом» 1914 года. В дальнейшем в 1977 году был принят Национальный закон о чрезвычайных полномочиях 1976 года, а в 1977 году – Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях, сформировавшие современную правовую основу введения односторонних ограничительных санкций. В список стран, экономические отношения с которыми ограничивались на основании данного Закона, в разное время были включены: Гаити (1991–1994 гг.), Ирак (1990–2004 гг.), Либерия (2001–2004 гг.), Ливия (1986–2004 гг., с 2011 г.), Никарагуа (1985–1990 гг.), Панама (1988–1990 гг.), Сербия и Черногория (1992–2003 гг.), Сьерра-Леоне (2001–2004 гг.), Иран (с 1979 г.), Мьянма (с 1997 г.), Судан (с 1997 г.), Зимбабве (с 2003 г.), Сирия (с 2004 г.), Белоруссия (с 2006 г.), Северная Корея (с 2008 г.), Ливия (с 2011 г.), Россия (с 2014 г.).

Контроль за соблюдением односторонних ограничительных мер осуществляется Управлением по контролю за иностранными активами Министерства финансов США (OFAC). Санкционный режим является обязательным для всех граждан США, независимо от их местонахождения, физических и юридических лиц, расположенных в США, а также юридических лиц, зарегистрированных в США и имеющих зарубежные филиалы. Гуманитарные исключения в рамках односторонних ограничительных мер предоставляются в формате лицензий двух типов, позволяющих физическому или юридическому лицу участвовать в определенных типах транзакций: генеральная лицензия предполагает разрешение на особый тип

¹ Resolution 2615 (2021) / adopted by the Security Council at its 8941st meeting, on 22 December 2021. URL: [https://docs.un.org/en/S/RES/2615\(2021\)](https://docs.un.org/en/S/RES/2615(2021)).

² Inter-Agency Standing Committee Working Group (IASCWG) (2000) ‘Background paper on economic sanctions and human rights’, XLI Meeting, 18–19 May 2000. URL: https://interagencystandingcommittee.org/system/files/legacy_files/WG41_7.pdf.

³ International Federation of Red Cross and Red Crescent Societies, “COVID-19 a wake-up call to international community: urgent need for global solidarity to prevent poverty and food insecurity around the world”. 2020. URL: <https://www.ifrc.org/press-release/covid-19-wake-call-international-community-urgent-need-global-solidarity-prevent>.

деятельности в целом для определенной категории лиц, специальная лицензия разрешает участие в конкретной деятельности для определенного лица. Наличие механизма предоставления лицензий не позволяет в полной мере обеспечить защиту прав человека и благосостояния общества. Показательным является пример использования гуманитарных исключений в рамках режима односторонних ограничительных мер в отношении Ирана, предусматривающего исключения «для проведения или содействия сделкам по поставке сельскохозяйственных товаров, продуктов питания, лекарственных средств или медицинских изделий в Иран», но на практике не позволившего обеспечить достижения ожидаемых результатов¹.

С целью повышения эффективности применения гуманитарных исключений международными организациями был сформулирован ряд рекомендаций практического характера. Так, КЭСКП предлагаются «создание механизма прогнозирования и контроля последствий применения санкций в рамках ООН; разработка более транспарентных принципов и процедур, основанных на концепции уважения прав человека; расширение перечня товаров и услуг, поставляемых в рамках изъятий из режима санкций; предоставление установленным техническим учреждениям разрешения самим определять необходимые изъятия»².

Значительное влияние на обеспечение реализации гуманитарных исключений оказывает практика выполнения санкций, а точнее – следование им сверх обозначенных мер. Особенно отчетливо данная тенденция прослеживается в банковском секторе, так как банки стремятся минимизировать риски осуществления деятельности с организациями, находящимися под санкциями или односторонними ограничительными мерами. Подобная практика деятельности банков обусловлена страхом перед упомянутыми ранее «вторичными санкциями». Иностранным компаниям, подпадающим под вторичные санкции, может быть закрыт доступ к ведению бизнеса в государстве, которое ввело санкции, тогда как иностранным физическим лицам может быть отказано во въезде в страну, которая ввела санкции, а их активы в ней могут быть заморожены.

Ограничение осуществления банковских переводов оказало существенное влияние на доступность

различных товаров и услуг, в том числе технологий здравоохранения. Продолжительность банковских переводов в Сирии и Венесуэле увеличилась с 2 до 60 дней, а комиссия за один перевод возросла с 0,5 до 10 %. Подобная практика снижает эффективность гуманитарных программ, которые используют часть финансирования на покрытие банковских переводов [17, с. 38–39]. Другим примером является отказ португальского банка Banco Novo обрабатывать платежи за покупку жизненно важных лекарственных средств и предметов медицинского назначения Боливарианской Республикой Венесуэла вследствие санкций, введенных США, что свидетельствует о разрушительном воздействии санкций на обеспечение права на здоровье в Венесуэле.

Управление по контролю за иностранными активами Министерства финансов США выдало генеральную лицензию, разрешающую финансовые операции с участием Центрального банка Исламской Республики Иран для поставок лекарственных средств, медицинского оборудования и иных товаров для борьбы с COVID-19³. Специальный докладчик по вопросу прав человека в Исламской Республике Иран в своем докладе 2013 года отдельно затрагивает вопрос доступности технологий здравоохранения в условиях применения односторонних мер экономического характера⁴. В пункте 68 отмечается, что санкции в финансово-секторе в наибольшей степени оказывают влияние на поставки инновационных лекарственных препаратов для лечения жизненно важных заболеваний. Однако страховыекомпании неохотно страхуют авиа перевозки грузов в Исламскую Республику Иран, а поставляемые партии лекарств часто близки к истечению срока годности вследствие значительных задержек при транспортировке⁵.

С целью формирования системного подхода к применению гуманитарных исключений СБ ООН в 2022 году впервые была принята Резолюция, закрепившая обязательство государств, международных организаций и иных субъектов международного и национального права, подтверждая возможность их использования для всех стран, в отношении которых действуют санкционные меры СБ ООН. В частности, в Резолюции был сформулирован тезис о том, что «предоставление, обработка и выплата денежных средств, других финансовых активов или экономических ресурсов и предоставление товаров и услуг,

¹ Executive Order 13645 of June 3, 2013. Authorizing the Implementation of Certain Sanctions Set Forth in the Iran Freedom and Counter-Proliferation Act of 2012 and Additional Sanctions With Respect To Iran. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/CFR-2014-title3-vol1/CFR-2014-title3-vol1-eo13645/context>.

² Statement on the coronavirus disease (COVID-19) pandemic and economic, social and cultural rights : statement / by the Committee on Economic, Social and Cultural Rights. 17 Apr. 2020 URL:<https://digitallibrary.un.org/record/3856957?ln=en>

³ United States of America, Department of the Treasury, General License No. 8, authorizing certain humanitarian trade transactions involving the Central Bank of Iran, 27 February 2020. URL: <https://ofac.treasury.gov/media/48841/download?inline>.

⁴ Situation of human rights in the Islamic Republic of Iran: note / by the Secretary-General, 2013. A/68/503. URL: https://digitallibrary.un.org/record/759270/files/A_68_503-RU.pdf?ln=es.

⁵ OHCHR, "Preliminary findings of the visit to the Islamic Republic of Iran by the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights". 18 May 2022. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/2022-05/Irancountry-visit-conclusions-SR-UCM-17May2022%20-EnglishPersian.docx>.

необходимых для обеспечения своевременной доставки гуманитарной помощи или для содействия осуществлению других видов деятельности, способствующих удовлетворению основных человеческих потребностей»¹, не является нарушением налагаемых на государства обязательств по замораживанию денежных средств и иных активов.

С целью противодействия катастрофическим социально-экономическим последствиям применения санкций и односторонних ограничительных мер на внутригосударственном уровне разрабатываются специальные правовые механизмы. В частности, за последние годы ряд фундаментальных изменений коснулся программных документов, определяющих различные сферы государственного развития, были разработаны правовые механизмы, направленные на достижение технологического суверенитета, охрану благосостояния населения, а также обеспечение безопасности человека.

Указом Президента РФ от 16.03.2022 № 121 были утверждены меры по обеспечению социально-экономической стабильности и защиты населения в Российской Федерации, в том числе направленные на охрану здоровья человека., включая обеспечение бесперебойного доступа к лекарственным средствам и медицинским изделиям. С целью выполнения поставленной задачи Правительством РФ активно реализуется ряд мер, воздействующих на различные этапы жизненного цикла технологий здравоохранения.

В частности, системное осмысление в контексте вопросов охраны здоровья получил механизм принудительного лицензирования. Применение данного механизма предусмотрено в интересах обороны и безопасности, а также охраны здоровья на основании решения Правительства РФ в соответствии со статьей 1360 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ²), а также по решению суда в соответствии с статьей 1362 ГК РФ³. В рамках систематизации подходов к применению механизма принудительного лицензирования Указом Президента РФ № 122 от 15 февраля 2024 г. было поручено

сформировать подкомиссию по вопросам использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов⁴. Подкомиссия организована при Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции, она осуществляет свою деятельность под председательством министра экономического развития РФ и объединяет представителей Минэкономразвития, Минпромторга, ФАС и Роспатента, а также профильных федеральных органов исполнительной власти, к сфере ведения которых относится отрасль, предполагающая использование изобретения, полезной модели, промышленного образца без согласия патентообладателя.

Другим механизмом, призванным обеспечить бесперебойный доступ к лекарственным средствам в условиях возможного влияния односторонних ограничительных мер, стало учреждение Межведомственной комиссии по определению дефектуры лекарственных средств⁵. В документе сформулированы ситуации, приводящие к формированию дефектуры, что позволяет обеспечивать специальный режим обращения для отдельных лекарственных препаратов, в частности, выдача разрешения на временное обращение серии (партии) лекарственного препарата, имеющего зарегистрированные в Российской Федерации аналоги по МНН (Международному непатентованному наименованию), или ввоз лекарственного препарата в иностранной упаковке.

С целью развития технологической независимости в сфере здравоохранения отдельное внимание уделяется финансированию научно-исследовательской деятельности. В частности, для целей разработки современных технологий фармацевтической промышленности предусмотрено предоставление субсидий из федерального бюджета. Подобный механизм получил название «патенты на полку», он предполагает разработку и формирование производственных мощностей для отдельных наименований лекарственных препаратов до момента окончания патентной защиты с целью обеспечения бесперебойного доступа в случае формирования дефектуры.

¹ Resolution 2664 (2022) / adopted by the Security Council at its 9214th meeting, on 9 December 2022 URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3997259?ln=en&v=pdf>.

² См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 дек. 2020 г. № 3718-р; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 дек. 2023 г. № 3937-р.

³ См.: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0a497aee-9564-4487-a140-8d1e17fcfc0/78514371-8c45-48ef-a5ba-e77b4fd29f1b/A40-185112-2022_20230925_Postanovlenie_apellacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

⁴ О совершенствовании порядка принятия решений об использовании изобретений, полезных моделей и промышленных образцов в целях обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 15 февр. 2024 г. № 122.

⁵ О межведомственной комиссии по определению дефектуры или риска возникновения дефектуры лекарственных препаратов, выдачи заключений об определении дефектуры или риска возникновения дефектуры лекарственных препаратов, о возможности (невозможности) временного обращения серии (партии) незарегистрированного лекарственного препарата и о возможности (невозможности) обращения в Российской Федерации серии (партии) лекарственного препарата в упаковке, предназначенный для обращения на территории иностранных государств, лекарственных препаратов, в отношении которых есть дефектура или риск ее возникновения, в связи с введением в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера, а также об утверждении форм указанных заключений: Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19 мая 2022 г. № 339н.

Заключение

Анализ отечественной и зарубежной доктрины международного права свидетельствует о формировании кардинально разных подходов к оценке легитимности применения односторонних ограничительных мер государством или группой государств с целью формирования условий для изменения вектора политического развития определенных государств. Представленная аргументация позволяет согласиться с позицией, доминирующей среди отечественных ученых-юристов, о неправомерности применения односторонних ограничительных мер и необходимости использования санкций согласно резолюциям СБ ООН в соответствии с Уставом ООН.

Санкции и односторонние ограничительные меры оказывают существенное влияние на обеспечение защиты основополагающих экономических, социальных и культурных прав, ограничивая темпы технологического развития, доступность лекарственных средств и медицинских изделий, обеспечение социальных гарантит, что в комплексе приводит к гуманитарной катастрофе в каждом конкретном государстве и, бесспорно, является нарушением основополагающих прав человека, сформулированных в ВДПЧ и МПЭСКП. Технологии здравоохранения, а также средства их производства и разработки должны исключаться из-под влияния санкций или односторонних ограничительных мер.

Международным сообществом последовательно предпринимались попытки сформировать правовые механизмы, позволяющие исключить из под вводимых ограничений определенные категории товаров и услуг. Однако угроза «вторичных санкций» в отношении юридических лиц, осуществляющих взаимодействие с государствами, находящимися под действием санкций или односторонних ограничительных мер, и, как следствие, потенциальные экономические потери не позволяют в полной мере использовать механизм «гуманитарных исключений». В подобных условиях высокую практическую значимость приобретает предложение об осуществлении постоянного мониторинга со стороны государств, вводящих односторонние ограничительные меры, за деятельностью организаций, обеспечивающих доступность жизненно важных технологий здравоохранения, товаров высокой социальной значимости. Отдельное внимание необходимо уделить банковскому сектору, где ограничения на проведение транзакций являются значимой причиной уменьшения доступности лекарственных средств или продуктов питания. Не менее важной представляется проблема обеспечения доступа к технологиям, используемым при производстве лекарственных средств и медицинских изделий, многие из которых определяются как технологии двойного назначения, что оказывает прямое влияние на производственные возможности государства, находящегося под действиями ограничительных мер.

Необходимо также отметить, что учреждение мандата Специального докладчика по вопросу об односторонних принудительных мерах, безусловно, позволило актуализировать проблему нарастающего применения односторонних ограничительных мер в отношении развивающихся государств. Однако за годы последовательной работы двух Специальных докладчиков не было разработано практических механизмов, направленных на минимизацию последствий их применения.

Библиографический список

1. Гриб В. В., Егорова М. А. Правовые основания одностороннего введения экономических санкций в условиях действия законодательства ВТО // Юридический мир. 2014. № 12. С. 48–56
2. Жданов Ю. Н. Принудительные меры в международном праве: монография. М.: Диалог-МГУ, 1998. 248 с.
3. Калинин А. В. Экономические санкции ООН и односторонние экстратerritorialные меры экономического принуждения // Юрист-международник. 2005. № 4. С. 30–37.
4. Капустин А. Я. Санкции ООН: международно-правовая концептуализация принудительных мер // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6 (73). С. 85–90.
5. Кешнер М. В. Легитимность санкций в отношении Российской Федерации: международно-правовой анализ // Журнал российского права. 2015. № 7(223). С. 141–152.
6. Кешнер М. В. Верховенство права и применение международных санкций // Московский журнал международного права. 2013. № 4. С.56–69.
7. Крицкий К. В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 186 с.
8. Крицкий К. В. Термины «международные санкции» и «односторонние ограничительные меры» // Московский журнал международного права. 2016. № 2 (102). С. 204–213.
9. Лукашук И. И. Право международной ответственности // Международное публичное и частное право. 2002. № 2. С. 30–43.
10. Маличенко В. С. Международно-правовые механизмы противодействия чрезвычайным ситуациям в сфере здравоохранения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 174–19.
11. Маринич С. В. Экономические санкции в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. 22 с.
12. Рыжова М. В. Экономические санкции в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. 2006. 224 с.
13. Травина Л. А., Катушенко С. А. Правомерность антироссийских санкций и ответных мер в рамках членства во Всемирной торговой организации // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 4. С. 166–175.

14. Biersteker T. Scholarly participation in transnational policy networks: the case of targeted sanctions // Scholars, policymakers, and international affairs: finding common cause. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. 320 p.
15. Carter B. International economic sanctions: Improving the haphazard US legal regime // California Law Review. 1987. Vol. 75. № 4. Pp. 1159–1278.
16. Combacau J. «Sanctions» // Encyclopedia of Public International Law. R. Bernhardt (ed.). Amsterdam: Elsevier, 1986. P. 337.
17. Douhan A. Unilateral coercive measures, IHL and impartial humanitarian action // International Review of the Red Cross. 2021. Vol. 103 (916-917). Pp. 25–50.
18. Eisenberg L. The sleep of reason produces monsters - human costs of economic sanctions // New England Journal of Medicine. 1997. Vol. 336. № 17. Pp. 1248–1250
19. Garfield R., Williams G. Health care in Nicaragua. New York: Oxford University Press, 1992. 296 p.
20. Gutmann J., Neuenkirch M., Neumeier F. Sanctioned to death? The impact of economic sanctions on life expectancy and its gender gap // The Journal of Development Studies. 2021. Vol. 57. № 1. Pp. 139–162.
21. Ha L. T., Nam P. X. An investigation of relationship between global economic sanction and life expectancy: do financial and institutional system matter? // Development Studies Research. 2022. Vol. 9. № 1. Pp. 48–66.
22. Hofer A. The Developed/Developing Divide on Unilateral Coercive Measures: Legitimate Enforcement or Illegitimate Intervention? // Chinese Journal of International Law. Vol. 16. Issue 2. 2017. Pp. 175–214.
23. Hovell D. Unfinished Business of International Law: The Questionable Legality of Autonomous Sanctions // AJIL Unbound. 2019. Vol. 113. Pp. 140–145.
24. Joyner D. International Legal Limits on the Ability of States to Lawfully Impose International Economic/Financial Sanctions // Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law. 2016. Pp. 190–206.
25. Minear L. et. al. Toward More Humane and Effective Sanctions Management: Enhancing the Capacity of the United Nations System, Executive Summary // Occasional Paper. 1998. № 31. 130 p.
- prinuzhdeniya [UN Economic Sanctions and Unilateral Extraterritorial Measures of Economic Coercion]. *Yurist-mezhdunarodnik – International Lawyer*. 2005. Issue 4. Pp. 30–37. (In Russ.).
4. Kapustin A. Ya. *Sanktsii OON: mezhdunarodno-pravovaya kontseptualizatsiya prinuditel'nykh мер* [UN Sanctions: The International Legal Conceptualization of Coercive Measures]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i srovnitel'nogo pravovedeniya* – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2018. Issue 6 (73). Pp. 85–90. (In Russ.).
5. Keshner M. V. *Legitimnost' sanktsiy v otnoshenii Rossiyskoy Federatsii: mezhdunarodno-pravovoy analiz* [Legitimacy of Sanctions Against the Russian Federation: International Legal Analysis]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2015. Issue 7 (223). Pp. 141–152. (In Russ.).
6. Keshner M. V. *Verkhovenstvo prava i primenenie mezhdunarodnykh sanktsiy* [The Rule of Law and the Application of International Sanctions]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* – Moscow Journal of International Law. 2013. Issue 4. Pp. 56–69. (In Russ.).
7. Kritskiy K. V. *Sanktsii i odnostoronnee ogranicitel'nye mery v sovremennom mezhdunarodnom prave: dis. ... kand. jurid. nauk* [Sanctions and Unilateral Restrictive Measures in Modern International Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2019. 186 p. (In Russ.).
8. Kritskiy K. V. *Terminy «mezhdunarodnye sanktsii» i «odnostoronnee ogranicitel'nye mery»* [International Sanctions and Unilateral Restrictive Measures: Problems of Definition]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* – Moscow Journal of International Law. 2016. Issue 2 (102). Pp. 204–213. (In Russ.).
9. Lukashuk I. I. *Pravo mezhdunarodnoy otvetstvennosti* [Law of International Responsibility]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* – Public International and Private International Law. 2002. Issue 2. Pp. 30–43. (In Russ.).
10. Malichenko V. S. *Mezhdunarodno-pravovye mehanizmy protivodeystviya chrezvychaynym situatsiyam v sfere zdravookhraneniya* [International Legal Mechanisms of Countering Health Emergencies]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* – Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Issue 1. Pp. 174–197. (In Russ.).
11. Marinich S. V. *Ekonomicheskie sanktsii v mezhdunarodnom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Economic Sanctions in International Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow. 1989. 22 p. (In Russ.).
12. Ryzhova M. V. *Ekonomicheskie sanktsii v sovremennom mezhdunarodnom prave: dis. ... kand. jurid. nauk* [Economic Sanctions in Modern International Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2006. 224 p. (In Russ.).
13. Travina L. A., Katushenko S. A. *Pravomernost' antirossiyskikh sanktsiy i otvetnykh mer v ramkakh chlenstva vo Vsemirnoy torgovoy organizatsii* [The Legitimacy of Anti-Russian Sanctions and Countermeasures Within the Framework of Membership in the World Trade Organization]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i*

References

1. Grib V. V., Egorova M. A. *Pravovye osnovaniya odnostoronnego vvedeniya ekonomicheskikh sanktsiy v usloviyakh deystviya zakonodatel'stva WTO* [Legal Foundations of a Unilateral Introduction of Economic Sanctions in Conditions of Operation of the WTO Legislation]. *Yuridicheskiy mir* – Juridical World. 2014. Issue 12. Pp. 48–56. (In Russ.).
2. Zhdanov Yu. N. *Prinuditel'nye mery v mezhdunarodnom prave* [Coercive Measures in International Law]: a monograph. Moscow, 1998. 248 p. (In Russ.).
3. Kalinin A. V. *Ekonomicheskie sanktsii OON i odnostoronnee ekstraterritorial'nye mery ekonomicheskogo*

- prava – Actual Problems of Economics and Law.* 2016. Vol. 10. Issue 4. Pp. 166–175. (In Russ.).
14. Bierstecker T. *Scholarly Participation in Transnational Policy Networks: The Case of Targeted Sanctions. Scholars, Policymakers, and International Affairs: Finding Common Cause.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. 320 p. (In Eng.).
15. Carter B. International Economic Sanctions: Improving the Haphazard US Legal Regime. *California Law Review.* 1987. Vol. 75. Issue 4. Pp. 1159–1278. (In Eng.).
16. Combacau J. ‘Sanctions’. In: Bernhardt R. (ed.) *Encyclopedia of Public International Law.* Amsterdam: Elsevier, 1986. P. 337. (In Eng.).
17. Douhan A. Unilateral Coercive Measures, IHL and Impartial Humanitarian Action. *International Review of the Red Cross.* 2021. Vol. 103 (916-917). Pp. 25–50. (In Eng.).
18. Eisenberg L. The Sleep of Reason Produces Monsters – Human Costs of Economic Sanctions. *New England Journal of Medicine.* 1997. Vol. 336. Issue 17. Pp. 1248–1250. (In Eng.).
19. Garfield R., Williams G. *Health Care in Nicaragua.* New York: Oxford University Press, 1992. 296 p. (In Eng.).
20. Gutmann J., Neuenkirch M., Neumeier F. Sanctioned to Death? The Impact of Economic Sanctions on Life Expectancy and Its Gender Gap. *The Journal of Development Studies.* 2021. Vol. 57. Issue 1. Pp. 139–162. (In Eng.).
21. Ha L. T., Nam P. X. An Investigation of Relationship Between Global Economic Sanction and Life Expectancy: Do Financial and Institutional System Matter? *Development Studies Research.* 2022. Vol. 9. Issue 1. Pp. 48–66. (In Eng.).
22. Hofer A. The Developed/Developing Divide on Unilateral Coercive Measures: Legitimate Enforcement or Illegitimate Intervention? *Chinese Journal of International Law.* Vol. 16. Issue 2. 2017. Pp. 175–214. (In Eng.).
23. Hovell D. Unfinished Business of International Law: The Questionable Legality of Autonomous Sanctions. *AJIL Unbound.* 2019. Vol. 113. Pp. 140–145. (In Eng.).
24. Joyner D. International Legal Limits on the Ability of States to Lawfully Impose International Economic/Financial Sanctions. *Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law.* 2016. Pp. 190–206. (In Eng.).
25. Minear L. et. al. Toward More Humane and Effective Sanctions Management: Enhancing the Capacity of the United Nations System, Executive Summary. *Occasional Papers.* 1998. Issue 31. 130 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

В. С. Маличенко

Доктор юридических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела социального законодательства
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации
117218, Россия, г. Москва,
ул. Большая Черемушкинская, 34

ORCID: 0000-0003-3136-8054
ResearcherID: ABF-8580-2022

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.21638/spbu14.2024.412

About the author:

V. S. Malichenko

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
34 Bol'shaya Cheremushkinskaya st., Moscow,
117218, Russia

ORCID: 0000-0003-3136-8054
ResearcherID: ABF-8580-2022

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.21638/spbu14.2024.412

Информация для цитирования:

Пузырева Ю. В. Международно-правовое регулирование военно-силового подхода к борьбе с терроризмом на универсальном и региональном уровне (на примере ООН и СНГ) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 3(69). С. 461–481. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-461-481.

Puzyreva Yu. V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie voenno-silovogo podkhoda k bor'be s terrorizmom na universal'nom i regional'nym urovne (na primere OON i SNG) [International Legal Regulation of the Military-Force Approach to the Fight Against Terrorism at the Universal and Regional Levels (taking the examples of the UN and the CIS)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 3(69). Pp. 461–481. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-461-481.

УДК 341.1/8

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-461-481

Международно-правовое регулирование военно-силового подхода к борьбе с терроризмом на универсальном и региональном уровне (на примере ООН и СНГ)

Ю. В. Пузырева

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

E-mail: yuliya_dugina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.05.2025

Введение: международный терроризм является современной глобальной угрозой, противодействие которой требует объединения усилий государств в рамках многоаспектного антитеррористического сотрудничества, включающего правоохранительную и военно-силовую компоненту. На универсальном уровне под эгидой ООН отсутствует единое понимание относительно закрепления правового режима, регламентирующего применение государствами военных сил и средств реагирования на террористические угрозы. Как следствие, наблюдается поэтапное оформление так называемого политического режима «войны с терроризмом». Однако на региональном уровне под эгидой СНГ оформлено международно-правовое регулирование военно-силового противодействия террористическим угрозам посредством легитимного применения военных сил и средств в рамках специального правового режима «контртеррористической операции» (КТО), имеющего существенные отличия от традиционного режима применения вооруженных сил и «войны с терроризмом». **Цели:** выявление и сопоставление подходов государств на универсальном уровне (ООН) и на региональном уровне (СНГ) к международно-правовому регулированию военно-силового противодействия терроризму; обоснование потребности в разработке на универсальном уровне международно-правовых основ режима КТО. **Методы:** общенаучные и частнонаучные методы познания. **Результаты:** выявлены пробелы в регламентации режима КТО на универсальном уровне, исследованы апробированные модели поведения государств в так называемой «войне с терроризмом» с определением проблем применения положений международного гуманитарного и антитеррористического права. Изучены международно-

© Пузырева Ю. В., 2025



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

правовые и организационные основы регулирования режима КТО в рамках СНГ и сформулированы перспективы развития концепции военно-силовой борьбы с терроризмом. **Выводы:** в современных реалиях реализацию военно-силового подхода государства к борьбе с терроризмом эффективнее всегоести в рамках комплексной и многокомпонентной деятельности, обеспечивающей правовым режимом КТО, который позволяет сочетать в себе правоохранительные и военные задачи, стоящие перед государствами. Режим КТО прошел апробацию и доказал свою эффективность в рамках антитеррористического сотрудничества государств – членов СНГ.

Ключевые слова: терроризм; военно-силовая борьба с терроризмом; война с терроризмом; незаконные комбатанты; контртеррористическая операция; военно-полицейская операция; Организация Объединенных Наций; Содружество Независимых Государств; ООН; СНГ

International Legal Regulation of the Military-Force Approach to the Fight Against Terrorism at the Universal and Regional Levels (taking the examples of the UN and the CIS)

Yu. V. Puzyreva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot

E-mail: yuliya_dugina@mail.ru

Received 07 May 2025

Introduction: international terrorism is a modern global threat that requires joint efforts of states to counter it, these undertaken within the framework of multi-aspect anti-terrorist cooperation, including law enforcement and military-force components. At the universal level, under the auspices of the United Nations (UN), there is no common understanding regarding the establishment of a legal regime governing the use of military forces and means by states to respond to terrorist threats. As a result, there has been gradually formed the so-called political regime of the 'war on terrorism'. Meanwhile, at the regional level, under the auspices of the Commonwealth of Independent States (CIS), there has been formalized international legal regulation that governs military-force counteraction to terrorist threats through the legitimate use of military forces and means within the framework of a special legal regime of the 'counter-terrorism operation' (hereinafter referred to as the CTO), which has significant differences from the traditional regime of the use of armed forces and the 'war on terrorism'. **Purpose:** to identify and compare approaches of states at the universal (UN) and regional (CIS) levels to the international legal regulation of military-force counteraction to terrorism; to substantiate the need to develop international legal foundations for the CTO regime at the universal level. **Methods:** general scientific and specific scientific methods. **Results:** gaps in the regulation of the CTO regime at the universal level were identified; tested models of state behavior in the so-called 'war on terrorism' were studied, with problems revealed in applying the provisions of international humanitarian and anti-terrorist law. The international legal and organizational foundations for regulating the CTO regime within the CIS were studied; prospects for the development of the concept of military-force counteraction to terrorism were formulated. **Conclusions:** in modern realities, the military-force approach of states to the fight against terrorism is most effectively implemented within the framework of comprehensive and multicomponent activities under the legal regime of the CTO, which allows combining law enforcement and military tasks facing the states. The CTO regime has been tested and has proven its effectiveness within the framework of anti-terrorist cooperation of the CIS member states.

Keywords: terrorism; military-force fight against terrorism; war on terrorism; illegal combatants; counter-terrorism operation; military-police operation; United Nations; Commonwealth of Independent States

Введение

В современном мире перед человечеством стоит ряд важнейших угроз, одной из которых является терроризм, сохраняющий свой разрушительный потенциал и представляющий серьезную угрозу для международного мира, безопасности, а также стабильности государств и регионов¹. В начале XXI века появилась тенденция глобализации терроризма, расширились пространства для совершения террористических атак, включая сферу информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ)², идеология терроризма получила повсеместное и широкое распространение, в том числе в мировом информационном поле³, значительно усложнились способы и методы совершения террористических актов, что привело к увеличению статистики жертв терроризма и масштаба разрушений инфраструктуры.

Так, например, согласно данным, представленным на сайте Глобального индекса терроризма в 2024 году⁴, число смертей, вызванных терроризмом, увеличилось на 22 % (до 8,352 атак), что является самым высоким показателем с 2017 года. Эпицентр совершения террористических атак переместился с Ближнего Востока в Африку – в район Центрального Сахеля, на данный регион приходится более половины всех жертв террористических атак. Есть и положительная тенденция: число террористических атак в мире уменьшилось на 22 % (до 3,350 атак), а также сократилось до 50 число стран, сообщивших о террористических нападениях. Однако из этого следует, что воздействие терроризма становится всё более концентрированным: на десять стран приходится 87 % всех смертей, связанных с терроризмом.

Среди тенденций также следует отметить активное применение при нападениях отдельными террористическими группировками, особенно со стороны ИГИЛ*, «Боко Харам»*, беспилотных летательных аппаратов, использование средств GPS, ИКТ, в том числе Интернета, террористами и их сторонниками в целях совершения, подстрекательства, найма, финансирования и планирования террористических актов. Негативным фактором является существенный рост количества террористических нападений (более 90 %) и смертей среди населения (более 98 %) в зонах ведения боевых действий, что подчеркивает

тесную связь между вооруженным конфликтом и терроризмом⁵.

В этой связи государства всё чаще стали привлекать для проведения контртеррористической операции (далее – КТО) и иных силовых мероприятий по борьбе с терроризмом не только полицейские структуры, но и вооруженные силы государств, что вполне оправданно с точки зрения объективной необходимости. Нет сомнений в том, что подобные операции необходимы как для обеспечения национальной безопасности каждого государства, так и для предотвращения перерастания конкретной террористической угрозы в угрозу международному миру и безопасности. В доктрине международного права и практике стала развиваться концепция «военного-силового противодействия терроризму» [17].

Однако отсутствие специального международно-правового режима борьбы с терроризмом в рамках КТО с привлечением правоохранительных и военных сил государств к проведению таких операций порождает ряд вопросов по отнесению борьбы с терроризмом либо к деятельности по поддержанию законности и правопорядка, либо к военной деятельности [6, с. 116]. Такое разграничение имеет теоретическую и практическую значимость, например, в аспекте постановки вопроса о наличии юрисдикции у того или иного международного судебного органа для рассмотрения дел в случае нарушений конкретным государством своих обязательств по международному праву прав человека (далее – МППЧ), международному гуманитарному праву (далее – МГП) при проведении КТО. Не менее важным представляется определение норм и принципов, применимых к антитеррористическим операциям в свете их военно-силового характера. В первую очередь речь идет об МГП, МППЧ, международном уголовном праве.

Необходимо отметить, что в большинстве своем вопросы борьбы с терроризмом наиболее полно урегулированы в национальных юрисдикциях в рамках разработанных правовых режимов. На уровне отдельных международных региональных организаций также выработаны правовые концепции противодействия терроризму с учетом квалификации данного противоправного действия не просто как транснационального преступления, а как деяния, угрожающего международному миру и безопасности. В частности, речь идет о таких организациях, как

¹ Совместная позиция Региональной антитеррористической структуры ШОС, Антитеррористического центра государств – участников СНГ и Секретариата ОДКБ по вопросам противодействия терроризму и экстремизму от 16 февраля 2022 г. // ОДКБ. URL: odkb-csto.org/documents/accepted-docs/sov mestnaya-pozitsiya-regionalnoy-antiterroristicheskoy-shos-antiterroristicheskogo-tsentr/#loaded.

² 8th Review of the United Nations Global Counter-Terrorism Strategy (A/RES/77/298). UN Documents on Cybersecurity and New Technologies // UN Counter-Terrorism Centre (UNCCT). URL: <https://www.un.org/counterterrorism/cct/programme-projects/cybersecurity>.

³ Terrorists use social media for radicalization, recruitment, funding, planning and execution of terror activities // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Terrorism/Analysing-social-media>.

⁴ Global Terrorism Index 2024. Report // Global Terrorism Index. URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/>.

⁵ Global Terrorism Index 2024. Report // Global Terrorism Index. URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/>.

Европейский союз, Африканский союз, НАТО, ШОС и ряде значимых международных организаций, созданных на постсоветском пространстве – это Организация Договора о коллективной безопасности, СНГ. Отметим, что подходы и модели борьбы с терроризмом и международным терроризмом у всех организаций разные.

В статье будет исследован опыт СНГ в контексте борьбы с терроризмом в рамках КТО и при проведении совместных антитеррористических учений и операций компетентными органами государств – участников Содружества¹. Выбор для изучения СНГ неслучаен. За прошедшие годы Содружество состоялось как уникальная и не имеющая аналогов организация, чьи достижения высоко оцениваются на уровне ООН².

Государства – члены Содружества с озабоченностью отмечают, что в мире сохраняются серьезные очаги нестабильности с тенденцией к расширению их географии и интенсивности. Пожалуй, самой главной угрозой безопасности региона является сложная ситуация у границ СНГ, сопредельных с Афганистаном, связанная с эскалацией напряженности в северных районах страны и возможностью ее распространения на территории государств Центральной Азии.

В 2023 году на одной из встреч министров иностранных дел Китая, России, Пакистана и Ирана по Афганистану была подчеркнута опасность сложившейся внутренней ситуации в данном государстве, связанной с терроризмом, поскольку все базирующиеся на территории Афганистана террористические группировки продолжают представлять серьезную угрозу региональной и глобальной безопасности³.

Таким образом, в связи с возросшей напряженностью военно-политической обстановки на границах государств – членов СНГ, а также по причине сохраняющейся высокой террористической активности ряда группировок, базирующихся на территории Афганистана, исследование военно-силовых аспектов борьбы с терроризмом в рамках разработанных региональных правовых основ и сформированных институциональных структур Содружества представляется актуальным и перспективным.

Международно-правовой подход ООН и СНГ к определению терроризма, пониманию его правовой природы и противодействию

Сравнительно-правовое исследование универсальных подходов к войне с терроризмом и региональных основ проведения КТО под эгидой СНГ следует начать с изучения ключевых дефиниций, имеющих отношение к данной актуальной теме. В первую очередь необходимо акцентировать внимание на изучении вопроса о юридической квалификации категории «терроризм» как противоправного деяния, борьба с которым лежит в основе совершаемых принудительных, уголовно-правовых и силовых действий со стороны компетентных органов тех или иных государств.

Организация Объединенных Наций. Современная международно-правовая база борьбы с терроризмом достаточно обширно сформирована на универсальном уровне и включает в себя 19 международно-правовых соглашений⁴, на основе которых криминализированы многие разновидности терроризма, начиная с безопасности авиации и заканчивая физической ядерной безопасностью. Эти договоры являются значимыми универсальными основами антитеррористического сотрудничества государств, отсылки к которым предусмотрены во многих региональных международно-правовых актах по борьбе с терроризмом⁵.

Несмотря на значительное число принятых под эгидой ООН универсальных антитеррористических соглашений и договоренностей, государствам так и не удалось выработать единые подходы к определению элементов состава преступления «терроризм». Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года, является, пожалуй, единственной из упомянутых конвенций, согласно которой считается преступным финансирование какого-либо деяния, представляющего собой преступление согласно сфере применения одного из «секторальных договоров» ООН по борьбе с терроризмом, а также «любого другого деяния, направленного на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое

¹ Совместные антитеррористические учения компетентных органов государств – участников СНГ // Антитеррористический центр государств – участников СНГ. URL:<https://www.cisatc.org/132>.

² 30 лет назад СНГ получило статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/news/566/117883/>.

³ Самаркандская Декларация четвертой встречи министров иностранных дел соседних с Афганистаном государств от 14 апреля 2023 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL:https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1863617/.

⁴ См.: Treaties Database, United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). URL: https://sherloc.unodc.org/cld/v3/sherloc/treaties/search.jspx#?mv=treaties&c=%7B%22filters%22:%5B%7B%22fieldName%22:%22treaty.type_s1%22,%22value%22:%22International%22%7D,%7B%22fieldName%22:%22treaty.topics.topic_s%22,%22value%22:%22Terrorism%22%7D%5D,%22match%22:%22%22,%22startAt%22:20,%22sortings%22:%22%22%22%7D.

⁵ См., например: Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г., Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.

телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения» (ст. 2)¹. По мнению ученых, в данном определении содержится общее понимание ключевых признаков терроризма, однако на этом единство подходов завершается и начинаются разнотечения [7; 11; 12]. Так, например, при поддержке ряда западных государств выработана и повсеместно внедряется доктрина «государственного терроризма», позволяющая легитимизировать вмешательства во внутренние дела государств в нарушение императивных принципов международного права под предлогом того, что то или иное государство с их точки зрения оказывает материально-техническую и финансовую помощь террористам [1, с. 47–48]. При этом согласно противоположной позиции терроризм и непосредственно террористические преступления могут совершаться только частными субъектами вне связи с государством [11, с. 42]. В подтверждение такому подходу приходит доктрина и практика международного уголовного права, согласно которым терроризм пока не встал в один ряд с традиционными международными преступлениями, как преступление агрессии, геноцид, военные преступления или преступления против человечности, совершаемыми от имени государства его высшими должностными лицами. На сегодняшний день терроризм входит в мандат лишь одного гибридного органа международной уголовной юстиции – Специального суда по Сьерра-Леоне (ст. 3 Устава Специального суда по Сьерра-Леоне от 16 января 2001 г.)². Гибридный характер данного судебного органа предполагает применение не только норм международного права, но и норм национального права, поэтому и здесь решение правовых вопросов может быть осуществлено в отсутствие единого международно-правового определения терроризма.

В части дефинитивного похода к анализу понятия терроризма также не выработано единой позиции. По мнению некоторых ученых, большой необходимости в исчерпывающем определении терроризма в современном международном праве нет, так как основные вопросы сотрудничества государств в борьбе против терроризма «покрываются» существующими «секторальными» соглашениями и проблема стоит не так остро, чтобы оправдывать усилия по согласованию определения [13, р. 32–34].

Проект Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме, предложенный Индией еще в 1996 году, так и не был принят, несмотря на периодические призывы к этому со стороны различных государств³. Противоречивые дискуссии ведутся касательно сферы применения будущего договора. Так, проблематичным является вопрос о возможности использования конвенции в отношении действий вооруженных сил государства во время столкновений с негосударственными акторами, участвующими в вооруженной борьбе за самоопределение. Неразрешенной проблемой остается установление критериев различия террористических действий и проявления права наций и народов на самоопределение, выражющегося посредством борьбы. Актуальным и важным является определение «международного терроризма» или вопрос выработки критериев, позволяющих квалифицировать факт так называемой «международности» террористической деятельности. Актуальным и требующим разрешения разногласий является вопрос о государственном финансировании терроризма [11, с. 296–305; 12, с. 174–183].

Однако, несмотря на отсутствие полного и детального определения терроризма, принятого мировым сообществом, в настоящее время среди государств имеется схожесть позиций по ключевым элементам данного преступного деяния и связанным с ним противоправным уголовно наказуемым актам, что подтверждается развитием многостороннего антитеррористического сотрудничества под эгидой ООН, международного регионального сотрудничества под эгидой соответствующих организаций, а также взаимодействия на двустороннем уровне. При этом задача по выработке и закреплению универсальной дефиниции понятия «терроризм» не исчезает из повестки дня ООН.

Содружество Независимых Государств. Современный терроризм наряду с такими вызовами, как экстремизм и сепаратизм, непосредственно угрожает интересам государств – участников СНГ, что обуславливает выработку целенаправленной практико-ориентированной антитеррористической политики государств на постсоветском пространстве. Бессспорно, лидирующая роль в формировании универсальной контртеррористической повестки принадлежит ООН. Последовательная и конструктивная позиция государств СНГ в отношении ООН закреплена в принятом в 2023 году Заявлении глав государств СНГ о международных отношениях в многополярном мире⁴.

Международно-правовые основы для реализации сотрудничества по борьбе с терроризмом под эгидой СНГ носят комплексный характер. В первую очередь необходимо отметить самый первый

¹ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 дек. 1999 г., ст. 2, Приложение.

² The RSCSL Agreement and Statute // Residual Special Court for Sierra Leone. URL: <https://rscsl.org/the-rscsl/documents/>.

³ Fight against International Terrorism Impeded by Stalemate on Comprehensive Convention, Sixth Committee Hears as Seventy-Third Session Begins, GA/L/3566, October 2018 // General Assembly. Sixth Committee. URL: <https://press.un.org/en/2018/gal3566.doc.htm>.

⁴ Заявление глав государств – участников Содружества Независимых Государств о международных отношениях в многополярном мире от 13 окт. 2023 г. // Офиц. сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/supplement/6023>.

контртеррористический договор, направленный на обеспечение авиационной безопасности в связи с незаконными актами преступного вмешательства, – Соглашение о сотрудничестве по обеспечению защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства от 26 мая 1995 г.¹ Следующим договором, в котором «международный терроризм» и «захват заложников» определены как организованная преступность, борьба с которой требует взаимодействия компетентных органов государств – участников СНГ, явилось Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступностью от 25 ноября 1998 г.² Однако самым главным соглашением по борьбе с терроризмом, выступившим первым специальным тематическим договором СНГ, закрепившим дефиницию «терроризм», стал Договор о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом, принятый 4 июня 1999 г.³ (далее – Договор СНГ 1999 г.) в связи с ростом террористической активности на постсоветском пространстве. Дефиниция понятия «терроризм», признанного противоправным преступным деянием, представлена в статье 1 анализируемого договора и имеет в некотором роде объемную конструкцию.

Во-первых, необходимо отметить целевой компонент терроризма в закрепленном определении, отражающий общепринятые международно-правовые подходы, выраженные, как правило, в трех вариантах: нарушениях общественной безопасности, оказании воздействия на принятие органами власти решений, устрашении населения. Кроме того, среди дефинитивных характеристик закреплена направленность терроризма на причинение ущерба и создание опасности гибели людей [11, с. 13–17; 13, pp. 32–34].

Во-вторых, терроризмом, согласно договору, признается ряд противоправных деяний, представленных в статье 1, а также деяния, «подпадающие под понятие террористических в соответствии с национальным законодательством Сторон, а также иными общепризнанными международно-правовыми актами, направленными на борьбу с терроризмом».

¹ Соглашение о сотрудничестве по обеспечению защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства от 26 мая 1995 г. // Интернет-портал СНГ. URL: <http://old.e-cis.info/page.php?id=21645>.

² Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступностью от 25 нояб. 1998 г. // Интернет-портал СНГ. URL: <http://old.e-cis.info/page.php?id=21492&ysclid=lzv1bp5k8230459651>.

³ Договор о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 г. // Антитеррористический центр государств – участников СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/9115/135/9126/9128/275>.

⁴ МПА СНГ принимает модельные законодательные акты и рекомендации, при создании которых учитывается опыт парламентов стран Содружества и международных парламентских организаций. См.: Положение о разработке модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 14 апреля 2005 г. Дополнено Постановлением МПА СНГ от 25 нояб. 2008 г. № 31-21 // Межпарламентская Ассамблея государств – членов СНГ. URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/515.pdf>.

⁵ В настоящее время утратил силу.

⁶ Так, в 2004 г. приняты новая редакция Модельного закона «О борьбе с терроризмом» и поправки к ней. Также приняты модельные законы «О противодействии организациям и лицам, деятельность которых имеет целью осуществление актов терроризма на территориях других государств» (2004 г.) и «О противодействии финансированию терроризма», изменения и дополнения в модельный УК для государств – участников СНГ по вопросам, касающимся борьбы с терроризмом, Рекомендации по унификации и гармонизации национального законодательства государств – участников СНГ в сфере борьбы с терроризмом, в том числе и для государств – членов ОДКБ (2006 г.), а также новая редакция Модельного закона «О противодействии легализации (“отмыванию”) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (2008 г.).

Договор СНГ 1999 года закрепил базовые, апробированные в мировой практике направления сотрудничества на уровне регионального антитеррористического взаимодействия и институциональные формы для их реализации, установил определение терроризма ввиду отсутствия универсального правового подхода в данном вопросе и заложил основы международно-правового реагирования государств – участников договора на акты терроризма.

Анализируя соглашение, необходимо отметить и его недостатки: так, в Договоре СНГ 1999 года отсутствует как дефиниция понятия «международный терроризм», так и регламентация борьбы с данным преступным явлением. По мнению отдельных авторов, этот недостаток является существенным [11, с. 147–149].

Значимая роль в формировании правовых основ по борьбе с терроризмом принадлежит Межпарламентской Ассамблее СНГ (далее – МПА СНГ), разрабатывающей модельное законодательство СНГ⁴. Модельное законодательство по ряду аспектов идет на опережение, предлагая варианты разрешения таких сложных проблем, которые в государствах формулируются уже на протяжении нескольких лет (однако без предъявления приемлемых путей регулирования) [9, с. 49–50].

Первый Модельный закон «О борьбе с терроризмом» был принят в 1998 году⁵. Его достоинством явилось не только закрепление ключевых дефиниций, затрагивающих уголовно-правовую борьбу с терроризмом, но и введение таких правовых категорий, как «международный терроризм», КТО, «зона проведения КТО».

В последующем под эгидой МПА СНГ принимались различные значимые акты, регламентирующие те или иные аспекты борьбы с терроризмом⁶, что позволило сформировать к 2008 году развернутый, структурированный и взаимосогласованный комплекс норм, составляющих антитеррористическое модельное законодательство СНГ.

Значимое решение по обновлению правовых основ борьбы с терроризмом было реализовано в соответствии с Программой сотрудничества стран Содружества в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2008–2010 годы, позволившей проработать изменения Модельного закона «О борьбе с терроризмом» от 2004 года с учетом новых угроз и реалий. В результате в 2009 году была принята новая версия базового антитеррористического модельного закона с обновленным названием «О противодействии терроризму». Позже, в 2013 году, были разработаны важные для имплементации Комментарии к модельному антитеррористическому законодательству СНГ, а в 2015 году – Рекомендации по совершенствованию законодательства государств – участников СНГ в сфере противодействия технологическому терроризму.

Указанные нормативные акты послужили основой развития национального антитеррористического законодательства государств – членов Содружества, что позволяет прийти к выводу о выработке единых подходов к формированию системы правового регулирования по противодействию терроризму на постсоветском пространстве.

Анализируя эволюцию развития модельного законодательства СНГ по борьбе с терроризмом, следует подчеркнуть, что если в 1999 году основой сотрудничества государств являлась такая деятельность, как *борьба*, то с принятием в 2009 году новой версии антитеррористического модельного закона акцент на сотрудничестве сместился в сторону *противодействия*.

В частности, согласно статье 3 «Основные понятия» Модельного закона СНГ 2009 года «противодействие терроризму – это сложная, комплексная деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления:

– по предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устраниению причин и условий, способствующих совершению актов терроризма (профилактика терроризма);

– выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию акта терроризма (борьба с терроризмом);

– минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма»¹.

Позиция МПА СНГ, выраженная в подходе и использовании понятия «противодействие терроризму», отражает итоги реформирования и совершенствования системы антитеррористической деятельности. В смысловом отношении термин «противодействие» шире, чем «борьба», так как противодействие чему-то, в данном случае террористи-

ческим угрозам, их источникам, возможно как в активных, в том числе силовых, наступательных, так и в пассивных и в несиловых (экономических, информационных, социальных, воспитательных, оперативных, идеологических, политических) формах. Поэтому использование понятия «противодействие» – это выбор потенциально успешной, эффективной конттеррористической концепции в рамках Содружества.

Благодаря такому широкому подходу под эгидой СНГ осуществляется как *борьба с терроризмом* в его классическом понимании, реализуемая посредством выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования *актов терроризма или преступлений террористического характера* (уголовно-правовая и оперативная компонента), так и ряд других действий органов власти, связанных с *искоренением самого терроризма* как «идеологии насилия и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанной с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» (ст. 3 «Основные понятия» Модельного закона СНГ 2009 г.).

В исследуемом Модельном законе также уделено внимание противодействию *международной террористической деятельности*, которая приобретает таковой характер, если осуществляется:

– террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства (или наносит ущерб интересам более чем одного государства);

– гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства;

– за пределами территории государств, гражданами которых являются террорист и его жертва (ст. 3 «Основные понятия» Модельного закона СНГ 2009 г.).

Модельный закон «О противодействии организациям и лицам, деятельность которых имеет целью осуществление актов терроризма на территории других государств» 2001 года в статье 1 определяет, что *акт международного терроризма* – это террористическая акция, при осуществлении которой субъект ее совершения и объект посягательства принадлежат более чем одному государству. Данная дефиниция не обладает конструктивной четкостью по своему содержанию, однако из анализа данной нормы и положения Модельного закона СНГ 2009 года о международной террористской деятельности следуют ключевые признаки «международности» терроризма, который может проявляться в рамках всех элементов состава преступления.

¹ Модельный закон «О противодействии терроризму». Принят на 33-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (Постановление № 33-18 от 3 дек. 2009 г.) // Антитеррористический центр государств – участников СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/9115/135/9126/9129/249>.

Комплексный анализ модельного антитеррористического законодательства СНГ позволяет прийти к выводу о том, что уголовно-правовой составляющей терроризма и связанных с ним деяний уделено минимальное внимание в первых базовых статьях и положениях. Большая же часть статьи носит преимущественно практический характер и решает задачи по обеспечению эффективного взаимодействия государственных органов между собой в рамках комплексной и плановой деятельности по противодействию терроризму. В первую очередь речь идет о таком направлении противодействия, как обезвреживание террористов, обеспечение безопасности физических и юридических лиц, а также минимизация последствий акта терроризма. Успешно реализовать эти задачи возможно при проведении КТО.

Вопросы толкования и правового регулирования военно-силовой борьбы с терроризмом под эгидой ООН и СНГ

Значимым актуальным вопросом, который не нашел к настоящему времени единого универсального толкования и решения, является выработанный и поддерживаемый большинством государств и международных организаций военно-силовой подход к борьбе с современным терроризмом, при котором легитимно и обоснованно использовать военные средства и методы для защиты своей внутренней и внешней безопасности в случаях террористических атак и нападений.

Современные тенденции таковы, что террористическая идеология объединяет единомышленников в группы, которые со временем начинают пре-восходить некоторые государства как по влиянию на международной арене, так и по боевому потенциалу. Соответственно, и методы борьбы с террористическими группами и организациями становятся всё более жесткими. Как справедливо отмечает Т. Ферро, «в ситуации террористической угрозы государства и международные организации, вне всяких сомнений, имеют законное право и обязанность предпринимать ответные действия в целях обеспечения собственной безопасности, а в случае государств – и безопасности всех тех, кто относится к их юрисдикции, а также для восстановления и поддержания международного мира и безопасности» [14, с. 133].

Таким образом, всё возрастающая военизированность террористических организаций и усложняющийся уровень угроз, которые они представляют для безопасности, побуждают государства привлекать к борьбе с терроризмом не только компетентные правоохранительные структуры, но и государственные вооруженные силы¹.

В данном контексте возникает актуальный для международно-правового регулирования вопрос: можно ли отнести такие операции к категории военных действий, военной деятельности государства (*military activities*) или же они относятся к деятельности государства по обеспечению соблюдения законодательства, законности и правопорядка (*law enforcement activity*)? Разрешение этого вопроса будет напрямую влиять на выбор правовых стандартов и применимое в дальнейшем право, регулирующее конкретную ситуацию борьбы с терроризмом.

Военная деятельность государства. Для того чтобы детально разобраться в содержании того, что именно может включать в себя военная деятельность и могут ли КТО подпадать под ее определение, необходимо обратиться к толкованию данного термина. В соответствии с базовым правилом толкования терминов, содержащихся в международных договорах, и на основании статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года термины должны толковаться в соответствии с обычным значением используемых слов в контексте. Согласно словарному значению «военная деятельность» – это деятельность вооруженных сил государства².

Однако если ограничить анализ подобным определением, на практике могут возникнуть ситуации, в которых государства используют вооруженные силы явно не по назначению, как, например, для борьбы с особо опасными видами преступности, включая террористические преступления.

Для более полного анализа вопроса рассмотрим спор между Филиппинами и Китаем о Южно-Китайском море, в котором международному судебному органу пришлось толковать термин «военная деятельность» в контексте Конвенции по морскому праву 1982 года (далее – Конвенция 1982 г.) с учетом закрепленных в статье 298 оговорок. В частности, пункт 1 (b) статьи 298 Конвенции 1982 года предусматривает, что государство может по желанию исключить из-под юрисдикции органов, уполномоченных разрешать споры по Конвенции 1982 года с участием этого государства, споры, касающиеся военной деятельности (*military activities*).

¹ Так, например, на Ближнем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии, странах Сахеля, бассейне озера Чад и Восточной Африке были приняты различные контртеррористические меры и проведены соответствующие операции, осуществлением которых среди прочих компетентных органов занимались вооруженные силы государств, действовавшие как самостоятельно, так и в рамках коалиций или под эгидой международных организаций и использовавшие военные средства и методы для борьбы с местными негосударственными вооруженными группами. С 2012 г. США провели десятки целенаправленных специальных военных контртеррористических операций против предполагаемых террористов в Пакистане, Йемене, Сомали, Ливии.

² Военный энциклопедический словарь / Министерство обороны Российской Федерации. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/list.htm>.

Подобные же оговорки можно встретить в декларациях государств о признании обязательной юрисдикции Международного суда ООН в соответствии со статьей 36 (2) его Статута, которая не ограничивает оговорки, которые могут сделать государства, какими-либо категориями¹. В частности, оговорка, исключающая из-под юрисдикции Международного суда ООН военную деятельность (*military activities*), содержится в декларации по статье 36 (2) Статута суда, сделанной Правительством Греции².

В контексте статьи представляется интересным изучение спора между Филиппинами и Китаем о Южно-Китайском море, разрешенного в 2016 году арбитражем *ad hoc*. Регион Южно-Китайского моря является спорной территорией между государствами, ввиду чего в регионе периодически происходят конфликты и столкновения. В ряде действий Китая в Южно-Китайском море, квалифицируемых Филиппинами в качестве нарушающих обязательства Китая, была постройка искусственных островов и гражданской инфраструктуры силами китайской армии, а также конфронтация (*stand-off*) между военными и невоенными судами двух государств, при наличии которой не было сделано ни одного выстрела.

Анализируя эти две ситуации, арбитраж установил, что привлечение вооруженных сил государства не является основным критерием при квалификации тех или иных действий как «военной деятельности». Так, строительные работы, произведенные в регионе армией Китая, не были признаны относящимися к «военной деятельности». Во время строительства гражданской инфраструктуры китайские власти неоднократно подчеркивали мирную, невоенную природу такой деятельности. Трибунал, принимая во внимание природу рассматриваемых действий, а также утверждения против собственного интереса (*statements against interest*), сделанные Правительством Китая, пришел к выводу, что строительные работы не подпадают под действие оговорки о военной деятельности³.

Однако в отношении конфронтации между военными и невоенными судами Филиппин и Китая арбитраж *ad hoc* пришел к противоположному выводу. Ситуация, при которой «военные и военизированные суда двух государств располагаются друг напротив друга», демонстрируя боевую готовность, явилась, по мнению арбитража, «типично военной

ситуацией» (*quintessentially military*), даже с учетом того, что сторонами не было сделано ни одного выстрела. Таким образом, арбитраж *ad hoc* констатировал, что конфронтация в Южно-Китайском море подпадала под определение «военная деятельность» и как таковая была исключена из-под юрисдикции арбитража посредством сделанной Китаем оговорки по статье 298 (1) (b).

Охарактеризованная арбитражем ситуация является лишь примером военной деятельности, но никак не универсальным определением. Из дела о Южно-Китайском море следует, что природа и характер анализируемых действий превалируют над обычным значением термина «военные действия», то есть столкновение государственных сил с негосударственными акторами без конкретных отягчающих условий и обстоятельств автоматически не может быть признано военной деятельностью.

Поскольку терроризм и связанные с ним террористические преступления являются уголовно наказуемой и преследуемой по закону противоправной деятельностью, момент привлечения к проведению КТО военного контингента государств не переводит автоматически данный режим в военную плоскость с квалификацией «вооруженный конфликт». В противном случае таковым необходимо считать любую ситуацию, при которой специализированные воинские формирования привлекаются для борьбы с преступностью, будь то в рамках борьбы с наркотрафиком, в операциях по борьбе с пиратством, освобождению заложников.

В подтверждение следует привести цитату из пункта 2 статьи 19 Конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1977 года: «Действия вооруженных сил во время вооруженного конфликта, как эти термины понимаются в международном гуманитарном праве, которые регулируются этим правом, не регулируются настоящей Конвенцией, как не регулируются ею и действия, предпринимаемые вооруженными силами государства в целях осуществления их официальных функций, поскольку они регулируются другими нормами международного права»⁴.

Из данного положения следует значимый вывод: если вооруженные силы государства привлекаются в целях осуществления их официальных функций, положения так называемого антитеррористического права⁵ не действуют, вступают в силу принципы и нормы МГП, поскольку речь будет идти о военной

¹ Статут Международного суда ООН от 26 июня 1945 г. URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml>.

² См.: текст действующей декларации Греческой Республики, сделанной в соответствии со ст. 36 (2) Статута Международного суда ООН. Коллекция договоров ООН. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=I-4&chapter=1&clang=_en#EndDec.

³ South China Sea (Philippines v. China). PCA Case № 2013-19, Award, 2016. Para. 938.

⁴ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. Принята Резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи от 16 дек. 1997 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml.

⁵ Учитывая, что вопрос о сформированности международного антитеррористического права как самостоятельной отрасли международного права является дискуссионным, в статье данный термин использован для характеристики системы принципов и норм, регулирующих отношения субъектов международного права по борьбе с терроризмом, в том числе в связи с реализацией особого правового режима борьбы с терроризмом – контртеррористической операции.

деятельности государства. Однако привлечение армейских подразделений для реализации режима КТО имеет узкую целевую направленность – ликвидация острой кризисной ситуации, снижение уровня террористической угрозы, которая ввиду ее серьезности не всегда может быть нейтрализована другими органами, кроме вооруженных сил. В таких обстоятельствах вооруженные силы государства отнюдь не выполняют свои официальные функции.

Однако в отдельных случаях внутригосударственная контртеррористическая деятельность действительно может приобретать военный характер и переходить в ситуацию вооруженного конфликта, как правило, немежнационального характера¹. В таких условиях режим КТО трансформируется в режим военного положения в какой-либо части территории конкретного государства.

Дискуссионным, но концептуально важным с точки зрения толкования и выработки правил квалификации вопросом является проведение КТО в рамках борьбы с международным терроризмом, которую согласно антитеррористическим резолюциям Совета Безопасности ООН² принято считать самообороной – коллективной или индивидуальной – и, следовательно, однозначно признавать военной деятельностью в прямом смысле этого слова с выходом на введение в действие принципов и норм МГП. В научной литературе эта деятельность зачастую определяется как «война с терроризмом», правовые основы которой были заложены Советом Безопасности ООН в 2001 году после известных террористических событий. Однако при этом остается однозначно не разрешимым вопрос в части квалификации разовых ситуаций привлечения государством своих вооруженных сил для борьбы с проявлениями актов терроризма в рамках юрисдикций третьих государств: такая деятельность будет считаться военной или правоохранительной, какие международные обязательства будут иметь место у компетентных органов государства при реализации антитеррористических задач? Наиболее актуальные и сложные вопросы, связанные с данной тематикой, будут рассмотрены в следующем разделе статьи.

Таким образом, на практике не следует исключать ситуации признания со стороны государства перехода КТО в статус военной деятельности. Переход антитеррористического противостояния между государственными силами и террористическими организациями на уровень вооруженного конфликта определяет правовую необходимость вступления в силу принципов и норм МГП, регламентирующих правила ведения военных действий. При такой трансформации положения антитеррористического права, рассчитанные на период мирного времени, перестают действовать.

В рамках российской доктрины международного права является существенным и важным четкое разграничение и обособление действия принципов и норм МГП от принципов и норм международного антитеррористического права, постепенное формирование которого должно являться одной из перспективных ключевых задач прогрессивного развития международного права в целом. Не представляется возможным признать комплекс международных антитеррористических норм составной частью МГП. Данные направления являются самостоятельными и отличными друг от друга по источникам, специальным принципам, а также целям и задачам. В этой связи необходимо дифференцировать режимы военных действий, в рамках которых ведется борьба с международным терроризмом, и элементы военно-силовой борьбы с терроризмом в период мирного времени.

Следует отметить, что научные точки зрения о возможности регулирования КТО правовыми предписаниями МГП преобладают среди ученых ангlosаксонской правовой системы, в которой нет четко выраженного отраслевого подхода к праву и допустима возможность применения норм одной отрасли для регулирования схожих вопросов в рамках другой отрасли [11, с. 323–324]. Как представляется, такая модель правоприменения недопустима в сфере международной безопасности, особенно в части защиты прав человека³. Алгоритм действий и решений, принимаемых как самостоятельно государствами, так и от имени международных организаций в рамках борьбы с терроризмом, должен быть четко регламентированным и носить

¹ The applicability of IHL to terrorism and counterterrorism, Report, October 2015 // International Committee of the Red Cross. URL: <https://www.icrc.org/en/document/applicability-ihl-terrorism-and-counterterrorism?ysclid=lxvrlgw5d559117266>.

² Как, например, Резолюции Совета Безопасности ООН 1368 (2001), 1373 (2001), 2249 (2015) и др.

³ Определение того, когда МГП начинает действовать, имеет большое значение для обеспечения его применения, прежде всего в том, что касается судебного преследования лиц, подозреваемых в нарушениях МГП. Необходимым предварительным условием для обвинения кого-либо в совершении военного преступления или для заявления об универсальной юрисдикции, как это указано в четырех Женевских конвенциях 1949 г., является характеристика ситуации, в которой имели место эти нарушения, как вооруженного конфликта и, следовательно, определение того, что МГП применимо. Террор, терроризирование гражданского населения и иные составы, связанные с террористическими актами и действиями, входят в понятие «военные преступления» и являются посудными не только национальным судам, но и органам международной уголовной юстиции. В то время как совершение террористических преступлений в мирное время порождает абсолютно иные последствия в рамках преследования и уголовного наказания лиц, причастных к их совершению. К тому же перечень террористических деяний, входящих в блок «военных преступлений», значителен уже в сравнении с перечнем всех вариантов проявления террористических деяний, выступающих самостоятельными преступлениями.

договорный характер, сформулированный желательно в рамках специализированного универсального международного договора, каковым потенциально может стать Всеобъемлющая конвенция о международном терроризме.

Деятельность государства по обеспечению соблюдения законодательства, законности и правопорядка. Реализуя задачи борьбы с терроризмом, непременно следует помнить о ее правоохранительной составляющей. Благодаря совместной работе правоохранительных органов государств под эгидой Интерпола наложены механизмы обмена разведданными и превентивной оперативной информацией о транснациональных террористических сетях, что позволяет своевременно выявлять и пресекать террористские акты и арестовывать подозреваемых. По каналам Интерпола происходит обмен биометрическими данными физических лиц, что играет значимую роль в рамках идентификации иностранных боевиков-террористов и предотвращения пересечения ими границ, также организован процесс обмена информацией о комплексных действиях между военными и полицией по борьбе с терроризмом.

Значима роль Интерпола в борьбе против террористических атак с использованием материалов CBRNE¹, которая реализуется посредством обмена информацией и анализа разведданных, наращивания потенциала и обучения, а также оперативной поддержкой². Механизмы предотвращения и реагирования на такие виды террористических атак координируются определенными органами государств, включая полицию, таможню, пограничные службы, вооруженные силы, разведывательные службы и управление окружающей средой. Следует отметить, что эта деятельность поддерживает Резолюцию 1540 (2004) Совета Безопасности ООН, которая признает пограничный контроль и усилия правоохранительных органов центральными в противодействии распространению химического, биологического и ядерного оружия и неправомерному использованию его негосударственными субъектами.

Под эгидой Интерпола проводятся правоохранительные операции по пресечению финансирования терроризма³, реализуется ряд проектов по оказанию поддержки странам в проведении контртеррористических мероприятий и наращивании потенциала их компетентных правоохранительных органов и силовых структур, привлекаемых для проведения КТО⁴, формируются базы данных с информацией об иностранных террористах-боевиках, которые используют правоохранительные органы государств

в своих КТО⁵. Интерпол, взаимодействуя с Контртеррористическим центром ООН (UNCCT), оказывает оперативную, следственную и аналитическую помощь государствам в реализации контртеррористических стратегий, направленных на борьбу с использованием террористами новых технологий⁶.

Приведенные примеры сотрудничества государств в рамках Интерпола подчеркивают масштаб правоохранительного аспекта противодействия терроризму и наглядно характеризуют борьбу с терроризмом как деятельность компетентных органов государств по обеспечению соблюдения законодательства, законности и правопорядка.

В этой связи следует подчеркнуть, что если речь не идет о переходе ситуации противоборства между государственными силами и террористическими организациями в степень вооруженного конфликта, то КТО следует признавать только деятельность по обеспечению соблюдения законодательства и правопорядка. В пользу такого похода можно привести довод, заключающийся в том, что с формальной точки зрения во всех государствах так или иначе действует законодательство, запрещающее акты терроризма и предусматривающее борьбу с терроризмом в рамках комплексной деятельности правоохранительных и силовых структур. В этой связи КТО, направленная на предотвращение или пресечение террористического акта, может считаться деятельностью по реализации и обеспечению соблюдения антитеррористического законодательства.

Таким образом, в современных реалиях борьбу с терроризмом в приоритете вести в рамках комплексной и многокомпонентной деятельности, реализуемой правовым режимом КТО, который позволяет сочетать в себе правоохранительные и военные задачи, стоящие перед государством в контексте обеспечения его внутренней и внешней безопасности, поддержания законности и правопорядка, а также содержит гарантии защиты прав человека [6, с. 124–125]. В отдельных случаях с учетом степени угроз, исходящих от террористических организаций, борьбу с терроризмом допустимо квалифицировать как «военную деятельность».

В рамках СНГ сформирована четкая позиция об условиях и основаниях применения вооруженных сил государств для борьбы с терроризмом. Ключевым правовым актом, регламентирующим данный вопрос, является модельное Наставление по международному гуманитарному праву для Содружества Независимых Государств (далее – Наставление

¹ CBRNE materials – chemical, biological, radiological, nuclear and explosives.

² INTERPOL and UN launch initiative on CBRNE terror threats // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/INTERPOL-and-UN-launch-initiative-on-CBRNE-terror-threats>.

³ Tracing terrorist finances // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Terrorism/Tracing-terrorist-finances>.

⁴ Counter-terrorism projects // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Terrorism/Counter-terrorism-projects>.

⁵ Preventing terrorist travel // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Terrorism/Preventing-terrorist-travel>.

⁶ Project CT-Tech // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Terrorism/Counter-terrorism-projects/Project-CT-Tech>.

2018 г.) от 29 ноября 2018 г.¹ В статье 1 документа отмечено, что Наставление «направлено на совершенствование сотрудничества в военно-политической области, в том числе через развитие отношений с международными организациями и государствами, связанных с соблюдением норм международного и гуманитарного права в период вооруженных конфликтов и при применении государственных вооруженных формирований в мирное время в государствах – участниках СНГ».

Исходя из анализа указанного положения следует отметить, что в рамках государственных территорий и юрисдикций государств Содружества допустимо применение государственных вооруженных формирований как в военное, так и в мирное время. Далее по тексту отмечено, что в контексте военного времени речь идет о вооруженных конфликтах немеждународного характера и международных вооруженных конфликтах. В свою очередь *под применением войск (сил) в мирное время* понимается выполнение войсками (силами) в соответствии с национальным законодательством задач в мирное время, когда ситуация не может быть квалифицирована как вооруженный конфликт, например, осуществление мероприятий по противодействию терроризму и насильственному экстремизму (ст. 2). Таким образом, мероприятия по противодействию терроризму подразумевают привлечение государственного вооружения, военной и специальной техники в мирное время.

В исследуемом правовом предписании Наставления заложена концепция, рассмотренная в данном разделе статьи, о том, что не всегда ситуации применения вооруженной силы государства могут быть квалифицированы как «военная деятельность» и иметь отношение к прямым и непосредственным задачам, официальным функциям, возлагаемым на вооруженные силы государств. Ситуация применения войск (сил) в мирное время в рамках Содружества согласно Наставлению входит в комплекс мероприятий по противодействию терроризму и обеспечению режима КТО.

¹ Постановление Межпарламентской Ассамблеи СНГ от 29 нояб. 2018 г. № 48-6 «О модельном Наставлении по международному гуманитарному праву для Содружества Независимых Государств» // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <https://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=6043>.

² Сирийская операция 2015–2017 // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/siriiskaia-operatsiia-2015-2017-fa3d47>

³ Президент Сирийской Арабской Республики Башар Асад, действуя в соответствии со ст. 6 договора «О дружбе и сотрудничестве между СССР и Сирийской Арабской Республикой» от 8 окт. 1980 г. и Соглашением между Министерством обороны Российской Федерации и Министерством обороны Сирийской Арабской Республики о военном сотрудничестве от 7 июля 1994 г., обратился к Российской Федерации с официальной просьбой об оказании военной помощи. В результате 26 авг. 2015 г. между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой было заключено Соглашение о размещении по просьбе Правительства Сирии авиаагруппы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирии бессрочно на аэродроме Хмеймим. 30 сент. 2015 г. Совет Федерации Российской Федерации, в соответствии со ст. 102 «г», ст. 106 «г» Конституции Российской Федерации 1993 г., одобрил запрос Президента России В. В. Путина на применение Вооруженных сил Российской Федерации за пределами Российской Федерации – на территории Сирийской Арабской Республики. При этом речь шла о привлечении военно-воздушных сил для оказания поддержки сухопутным войскам Сирии с воздуха, без проведения наземной операции. Таким образом, действия России в Сирии и вокруг сирийской проблемы строго регламентированы международным правом и отечественным законодательством.

* Запрещенная в Российской Федерации международная террористическая организация.

Военно-силовая борьба с терроризмом и «война терроризмом»: универсальные международно-правовые подходы к толкованию, основам реализации и применимому праву

К настоящему времени под эгидой ООН не выработано единых международно-правовых подходов к регулированию КТО как в части понятия, содержания, так и в части основ реализации. В данном контексте необходимо выделить два типа проводимых операций, которые, имея единую суть и цели, отличаются по своему правовому регулированию. Речь идет о внутргосударственных контртеррористических мероприятиях и операциях, проводимых в рамках борьбы с международным терроризмом силами одних государств на территориях третьих государств или в рамках своих же государственных юрисдикций.

Внутргосударственный режим КТО регламентирован нормами внутреннего права конкретного государства, в то время как регулирование проведения антитеррористических операций на территории другого государства, бесспорно, нуждается в формировании единых международно-правовых регуляторных основ. Здесь сложилась достаточно разрозненная практика, но при этом сформировано понимание о многокомпонентности таких операций с точки зрения привлекаемых сил и средств. При этом военно-силовая борьба с терроризмом определена далеко не как деятельность государства в мирное время.

Первая модель борьбы с международным терроризмом представлена примером международно-правового сотрудничества в борьбе с ИГИЛ* между Сирийской Арабской Республикой и Российской Федерацией². Данное антитеррористическое сотрудничество, основанное на императивных принципах международного права, положениях Устава ООН 1945 года и двусторонних договорах между государствами, привело к успешным результатам в рамках борьбы с терроризмом в регионе³. Пример российско-сирийских отношений в контексте борьбы с международным терроризмом, сопряженной с ситуацией внутреннего вооруженного конфликта,

наглядно демонстрирует вариант легитимно-правового алгоритма сотрудничества государств в данной сфере [2, с. 374–375]. В данном аспекте представляется неоднозначным и дискуссионным вопрос присутствия на территории Сирии вооруженной коалиции западных государств, возглавляемых США для борьбы с ИГИЛ* и открыто поддерживющей оппозиционные силы Сирии¹. По мнению некоторых исследователей, таким основанием является Резолюция Совета Безопасности ООН 2249 от 20 ноября 2015 г., положения которой содержат призыв к «государствам-членам, которые имеют для этого возможность, принять все необходимые меры в соответствии с международным правом, <...> международным правом прав человека, беженским и гуманитарным правом <...> удвоить и координировать свои усилия по предотвращению и пресечению террористических актов, совершаемых конкретно ИГИЛ*, также известным как ДАИШ*, а также другими террористическими организациями»². Как отмечают ученые, призыв к членам ООН принять «все необходимые меры» допустимо рассматривать в контексте концепции самообороны, используемой большинством государств для оправдания своих операций по противодействию ИГИЛ*, в том числе когда речь идет о коалиционных действиях³. Однако с правовой точки зрения при толковании текста указанной Резолюции необходимо отметить, что термин «самооборона» ни разу не употреблен. В этой связи критическая оценка данной Резолюции связана с мнением, что она фактически не санкционирует какие-либо действия против ИГИЛ* и не обеспечивает правовой основы для применения силы против ИГИЛ* ни в Сирии, ни в Ираке, поскольку решение не было принято в соответствии с главой VII Устава ООН 1945 года. Кроме того, в Резолюции не используется формула «действуя в соответствии с главой VII», которая обычно применяется для обозначения того, что Совет Безопасности намерен предпринять обязательные для исполнения действия, и, наконец, Совет Безопасности должен решить или санкционировать действия, а не призвать к ним⁴.

Вместе с тем факт наличия на территории Сирии одновременно вооруженных сил нескольких государств, присутствующих на основании международного договора (как Россия) и по иным основаниям (как США), привел к формированию парадоксальной ситуации, когда военные ведомства иностранных государств заключают между собой договоренности⁵ о предотвращении инцидентов и обеспечении полетов авиации в ходе операций в Сирии по борьбе с ИГИЛ*.

Вторая модель борьбы с международным терроризмом. В международной антитеррористической практике имеются и иные наработанные механизмы борьбы с международным терроризмом силами одних государств на территориях третьих государств. Так, например, достаточно дискуссионными как с точки зрения доктрины международного права, так и с позиции правоприменения и толкования международных актов являются действия США и их союзников по борьбе с международным терроризмом, начатые в 2001 году под названием «война с терроризмом» (*Global War on Terrorism (GWOT)*), которая является по своей сути больше политическим, нежели правовым явлением. Данный вопрос нашел широкое освещение в научной литературе [3; 13; 15].

Детализируя ситуацию, необходимо отметить, что после террористических атак на США в 2001 году произошел настоящий перелом в парадигме построения внутригосударственной и международной системы обеспечения безопасности. США объявили о повсеместной «войне с терроризмом», Совет Безопасности ООН в рамках принятой Резолюции 1373 (2001) подтвердил право государств на самооборону в случае нападения со стороны международной террористической группировки [11, с. 290–295]. НАТО впервые с начала своего создания реализовала право на коллективную самооборону в соответствии со статьей 5 Североатлантического договора 1949 года. С того времени НАТО позиционирует «борьбу с терроризмом» как совокупность превентивных, оборонительных и наступательных мер, принимаемых для снижения уязвимости сил, отдельных лиц и имущества перед террористическими угрозами и/или актами, для реагирования на террористические акты⁶. И право на такую

¹ Сирийская альтернатива. Статья В. В. Путина, опубликованная в американской газете «Нью-Йорк Таймс» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19205>.

² Резолюция 2249 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7565-м заседании 20 нояб. 2015 г. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/384/16/pdf/n1538416.pdf?token=afRvxANeSTrJIAcIoe&fe=true>.

³ “Legitimized Self-Defense” – Quo Vadis Security Council? URL: <https://www.ejiltalk.org/legitimized-self-defense-quo-vadis-security-council/>.

⁴ Akande D., Milanovic M. The Constructive Ambiguity of the Security Council’s ISIS Resolution // Blog of the European Journal of International Law. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-constructive-ambiguity-of-the-security-councils-isis-resolution/>.

⁵ Меморандум России и США об обеспечении безопасности полетов авиации в Сирии, подписанный военными ведомствами государств. Текст меморандума не был распространен. Документ регламентирует действия всех самолетов и беспилотников в воздушном пространстве Сирийской Арабской Республики и призван обеспечить безопасность полетов // Информационное агентство РИА новости. URL: <https://ria.ru/20170407/1491723348.html?ysclid=1z9wsa1iwv905460792>.

⁶ Military Committee Concept for Counter-terrorism (MC 0472/1 (Final)). 4 December 2015 MC 0472/1 (Military Decision). North Atlantic Treaty Organisation. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_01/20160817_160106mc0472-1-final.pdf.

* Запрещенная в Российской Федерации международная террористическая организация.

деятельность у Альянса было определено тем, что «слабые и несостоятельные государства позволяют террористическим организациям создавать зоны нестабильности вдоль границ НАТО»¹. Кроме того, США также определили свое право на экстерриториальное действие национальной стратегии по борьбе с терроризмом для достижения глобальных целей – остановить террористические нападения на США, их граждан, их интересы, а также друзей и союзников США во всем мире, что в конечном счете будет способствовать сохранению и продвижению фундаментальных демократических ценностей и образа жизни². В целом такая позиция связана с санкционированным Советом Безопасности ООН правом на самооборону – индивидуальную и коллективную, которая в настоящее время нашла поддержку у многих западных государств.

Актуальной проблемой, начиная с принятия Советом Безопасности ООН Резолюции 1373 (2001), является так и не разрешенный однозначно вопрос о параметрах обязательств государств в отношении ряда отраслей международного права при проведении «войны с терроризмом» в рамках самообороны. Так, в частности, в тексте анализируемой Резолюции не содержалось положений по данному важному и сложнейшему вопросу, что отдельными учеными характеризовалось как значимое упоминание [16].

Данный правовой пробел был частично устранен с принятием Советом Безопасности Резолюции 1456 (2003), закрепляющей, что «государства должны обеспечить, чтобы любые меры, принимаемые для борьбы с терроризмом, соответствовали всем их обязательствам по международному праву, и должны принимать такие меры в соответствии с международным правом, в частности, международными нормами в области прав человека, беженского и гуманитарного права»³. Вместе с тем конкретики в части реализации определенных положений отраслей права установлено не было. Также не были предусмотрены параметры применения международного антитеррористического права, которые в аспекте борьбы не только с терроризмом как идеологией, но террористическими актами как преступными деяниями являются существенными базовыми положениями.

Указание в тексте Резолюции на применимость в борьбе с терроризмом норм МГП без каких-либо комментариев породило разнотечения в толковании и практике применения данного положения, что можно отследить на примере действий США в рамках борьбы с Аль-Каидой* и Талибаном. Как отметил в своем исследовании Э. Дж. Карсуэлл, «...в случае войны в Афганистане в 2001–2002 гг. коалиция под предводительством США участвовала в международном вооруженном конфликте с вооруженным крылом талибов, поскольку последние являлись вооруженными силами фактического правительства Афганистана на тот момент. По сути, военнослужащие вооруженных сил талибов должны были на законных основаниях считаться комбатантами и, будучи взяты в плен, военнопленными, обращение с которыми регулируется Третьей Женевской конвенцией... С другой стороны, члены Аль-Каиды*, сражавшиеся в этом международном вооруженном конфликте, не подпадали под юридическое определение комбатантов. Они не принадлежали ни к личному составу вооруженных сил Афганистана, ни к ополчению, принадлежащему государству и удовлетворяющему четырем определяющим критериям, указанным в статье 4 (A) (2) Третьей Женевской конвенции, поэтому с юридической точки зрения они были “гражданскими лицами”...» [5]. На практике, как известно, ситуация складывалась иначе: после 2001 года сотни лиц, причастных к терроризму, были задержаны и переведены в тюрьму США на военно-морской базе Гуантанамо без предъявления обвинений и без законных средств оспорить их задержания⁴. Администрация президента Дж. Буша утверждала, что США не обязаны предоставлять заключенным элементарную конституционную защиту, поскольку база находилась за пределами территории США. И также не обязана соблюдать в отношении задержанных лиц Женевские конвенции 1949 года в части обращения с участниками военных действий и гражданскими лицами, поскольку данные договоры не применимы к «незаконным комбатантам противника» [15, 18].

В данном контексте вызывает озабоченность разрозненность мнений ученых и практиков о статусе террористов, вовлеченных в вооруженный конфликт и выступающих одной из сторон такого

¹ NATO's military concept for defence against terrorism. International military staff. last updated: 19 aug. 2016. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_69482.htm.

² A Military Primer to Terrorism in the Contemporary Operational Environment. US Army Training and Doctrine Command // Federation of American Scientists. URL: <https://irp.fas.org/threat/terrorism/sup5.pdf>.

³ Резолюция 1456 (2003), принятая Советом Безопасности на его 4688-м заседании 20 янв. 2003 г. // ООН. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n03/216/07/pdf/n0321607.pdf>.

⁴ Учреждение Гуантанамо стало центром мировой полемики по поводу предполагаемых нарушений законных прав заключенных в соответствии с Женевскими конвенциями 1949 г. и обвинений в пытках или жестоком обращении с задержанными со стороны властей США. Лагерь неоднократно осуждался международными правозащитными и гуманитарными организациями, включая Amnesty International, Human Rights Watch и Международным комитетом Красного Креста, а также Европейским союзом и Организацией американских государств (ОАГ), за предполагаемые нарушения прав человека, включая применение различных форм пыток во время допросов.

* Запрещенная в Российской Федерации международная террористическая организация.

конфликта. Как отмечает С. Ожеда, «ни одно из положений МГП не говорит о том, что негосударственные вооруженные группы, объявленные террористическими группировками мирового, регионального или национального масштаба, не могут считаться сторонами в вооруженном конфликте в том значении, в каком этот термин используется в МГП»¹. Если террористические организации признавать в широком смысле субъектом МГП, а в узком смысле – участником военных действий, то их необходимо считать, так сказать, негосударственными *комбатантами*, то есть сражающимися в рамках международного вооруженного конфликта или «другими организованными вооруженными группами» по смыслу статьи 1 Дополнительного протокола II 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года, что всё же неприемлемо.

Однако полноценно термин «участник вооруженного конфликта» к террористам применить не представляется возможным, поскольку изначально террорист – это лицо, умышленно и осознанно осуществляющее деятельность вне закона и не наделенное легитимными полномочиями на ведение военных действий и причинение смерти противнику – противоборствующей стороне. Террористическая деятельность преступна по своей сути, что породило различные толкования в части статуса преступников-террористов в вооруженном конфликте. Их предлагают квалифицировать в контексте следующих номинаций: «непrivilegierte Kämpfer», «непrivilegierte Partei», «незаконный и (или) не пользующийся защитой конвенций комбатант» [4, с. 53; 10; 18]. Справедливости ради следует подчеркнуть, что таких категорий в действующих источниках МГП нет. Кроме того, термин «комбатант» применим только к ситуациям международного вооруженного конфликта. Как отмечают исследователи, «в немежнациональных конфликтах участники вооруженных выступлений должны сохранять статус гражданского населения и находиться под защитой четвертой Женевской конвенции» [4, с. 54–58].

Правовая неопределенность статуса террориста в любом из видов вооруженных конфликтов порождает ситуацию, при которой МГП как бы распространяется на данную категорию лиц, но в каких-то ограниченных и определенных конкретной ситуацией (и что немаловажно, позицией государств) положениях. Полный комплекс норм и принципов МГП применить к террористам и террористическим организациям в рамках именно «войны с терроризмом» не представляется возможным, что, по мнению ученых,

порождает необходимость применения «норм иных правовых комплексов» [10, с. 194].

Из представленных доводов следует, что на практике достаточно сложно и неоднозначно регулировать положениями МГП отношения в рамках вооруженного конфликта с участием нетрадиционных субъектов, к которым относятся в том числе и террористические организации. Представляется дискуссионной ситуация, когда террористы определяются как субъекты МГП в период активных военных действий, но при этом позже делаются оговорки о недопустимости применения к ним отдельных положений гуманитарного права ввиду преступного статуса таких участников, делающих их непrivilegiированной стороной в войне с терроризмом. Вероятно, поэтому в антитеррористических резолюциях Совета Безопасности ООН идет речь о применении не только МГП, но и норм МППЧ и беженского права. В части защиты прав террористов ученые и правозащитные организации сходятся во мнении, что для такой категории лиц защитные механизмы и предоставляемые гарантии в рамках реализации МППЧ шире, чем объем защиты согласно МГП [10, с. 253]. Аналогична ситуация и с так называемым беженским правом.

Таким образом, анализ сложившейся международной антитеррористической практики и выработанной доктрины позволяет прийти к выводу, что в случае войны с терроризмом посредством реализации государством права на самооборону, которую следует квалифицировать как прямую военную деятельность, использовать весь комплекс принципов и норм МГП в отношении террористов – негосударственной противоборствующей стороны – не представляется возможным². Сложность ситуации заключается в том, что антитеррористические резолюции Совета Безопасности не заложили основы для единого толкования и применения механизма самообороны в борьбе с терроризмом и порождаемых в дальнейшем отношений между противоборствующими, что способствовало формированию разрозненной и противоречивой практики по реализации МГП.

Как представляется, военно-силовая борьба с терроризмом нуждается в формировании специального антитеррористического режима, находящегося в рамках регламентации норм и принципов ряда отраслей международного права, действующих в мирное время, и МГП с оговоркой о востребованности и особенности применения также в мирное время при проведении КТО. В данной статье предлагается иначе взглянуть на положение о применимости МГП в борьбе с терроризмом. Как

¹ Global counter-terrorism must not overlook the rules of war. URL: <https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2016/12/13/global-counter-terrorism-rules-war/>.

² МГП должно подлежать полной реализации в рамках действующих источников в случаях, если государство официально признает за международной антитеррористической операцией статус вооруженного конфликта с учетом масштабов, напряженности, количества жертв и разрушений, уровня вооруженности и согласованности действий внутри террористической группы. И при этом государство будет применять весь комплекс принципов и норм МГП без каких-либо выборочных исключений. К сожалению, начиная с 2001 г. такой практики не сложилось.

представляется, упоминание о реализации в рамках военно-силовой борьбы с терроризмом положений МГП в первую очередь должно иметь отношение к его отдельным специальным принципам – принципу гуманизма и принципу ограничения в выборе методов и средств ведения войны. Как было отмечено ранее, в современных условиях к обеспечению режима КТО кроме правоохранительных органов государств привлекаются также и войска (вооруженные силы). Поведение правоохранительных органов регламентировано значительным количеством правовых актов, имеющих отношение для сил по поддержанию правопорядка в части обращения с огнестрельным оружием, специальными средствами, физическими лицами при их задержании и др. Таким образом, правила, пределы и основания для действий силовых правоохранительных структур при введении в действие режима КТО нормативно определены как на национальном, так и на международном уровне. Остается неразрешенным вопрос об установлении таких же критериев для определения границ поведения представителей вооруженных сил, привлекаемых в мирное время для реализации режима КТО. По аналогии таким ориентиром должны стать отдельные принципы МГП в части применения определенных военных сил, средств и техники.

В настоящее время на региональном уровне под эгидой СНГ выработана положительная практика антитеррористического сотрудничества в рамках комплексного подхода к деятельности правоохранительных органов и вооруженных структур, реализуемая посредством особого правового режима КТО.

Международно-правовое регулирование режима контртеррористической операции под эгидой СНГ и перспективы развития концепции военно-силовой борьбы с терроризмом в свете современных вызовов и угроз

На региональном уровне в рамках СНГ выработаны правовые основы, регламентирующие борьбу с терроризмом в рамках КТО, – Модельный закон «О противодействии терроризму» 2009 года (далее – Модельный закон 2009 г.) и Наставление по международному гуманитарному праву для СНГ 2018 года (далее – Наставление 2018 г.). Согласно статье 2 Модельного закона 2009 года КТО представляет собой комплекс специальных, оперативно-боевых, воинских и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению акта терроризма, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических и юридических лиц, а также по минимизации последствий акта

терроризма¹. Анализируя определение, можно прийти к выводу, что КТО – это специфическая разновидность операций, проводимых в области противодействия терроризму, приобретающая в условиях террористической активности незаконных вооруженных формирований, объединений боевиков, бандгрупп значение необходимой, подчас приоритетной формы организации борьбы с терроризмом.

В логической связи с понятием «контртеррористическая операция» в статье 3 Модельного закона 2009 года предусмотрено понятие «зона проведения контртеррористической операции» как определенное пространство и конкретные объекты, на которых (в пределах которых) проводится данная операция. В статье 20 анализируемого Модельного закона определено, что в пределах такой зоны может вводиться правовой режим КТО, в рамках которого допустимо в порядке, предусмотренном законодательством государства, на период проведения КТО применять определенные меры и временные ограничения в отношении достаточно широкого перечня экономических, политических, культурных и иных прав и свобод физических и юридических лиц с целями пресечения и раскрытия акта терроризма, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства (ст. 20).

Представляет научный и практический интерес вопрос об обеспечении военно-силовой поддержки КТО на пространстве СНГ. Так, в соответствии со статьей 5 Модельного закона 2009 года регламентировано право применения вооруженных сил государства в целях:

«а) пресечения международной террористической деятельности за пределами территории государства;

б) пресечения актов терроризма во внутренних водах и в территориальном море государства, на объектах морской производственной деятельности, расположенных на континентальном шельфе государства, а также для обеспечения безопасности национального морского судоходства;

в) пресечения полетов воздушных судов, используемых для совершения акта терроризма либо захваченных террористами;

г) участия в проведении контртеррористической операции»².

В Наставлении 2018 года также закреплено, что при противодействии терроризму вооруженные силы государства могут привлекаться для выполнения определенных боевых задач:

– пресечение полетов воздушных судов, используемых для совершения террористического акта либо захваченных террористами;

¹ Модельный закон СНГ «О противодействии терроризму». Принят на тридцать третьем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (Постановление № 33-18 от 3 дек. 2009 г.) // Антитеррористический центр государств – участников СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/154/249>.

² Модельный закон СНГ «О противодействии терроризму». Принят на 33-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 33-18 от 3 дек. 2009 г.) // Антитеррористический центр государств – участников СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/154/249>.

– пресечение террористических актов во внутренних водах и в территориальном море государства – участника СНГ, на объектах морской производственной деятельности, расположенных на континентальном шельфе государства – участника СНГ, а также обеспечение безопасности морского судоходства;

– пресечение международной террористической деятельности за пределами территории государства – участника СНГ (если это предусмотрено национальным законодательством) (ч. 2 ст. 20).

Рассмотренные положения отражают общепризнанную тенденцию по привлечению к борьбе с терроризмом не только правоохранительных структур, но и силовых ведомств.

Как было отмечено, основания, пределы и ограничения в деятельности правоохранительных структур при выполнении ими возложенных задач и функций достаточно детально разработаны как на международном, так и на национальном уровне. Вместе с тем вопрос применения войск и сил в мирное время при проведении режима КТО, безусловно, нуждается в специальном детальном правовом урегулировании. Так, согласно части 2 статьи 5 Модельного закона 2009 года порядок и условия применения вооруженных сил государства в борьбе с терроризмом определяются общепризнанными принципами и нормами международного права и законодательством государства. Кроме того, согласно статье 3 Наставления 2018 года при проведении КТО органы исполнительной власти, войска (силы), органы обеспечения правопорядка и безопасности руководствуются нормами и принципами МГП, международного права в области прав человека и национального законодательства.

В отношении МППЧ в части 2 статьи 3 определено следующее: «как в случае вооруженного конфликта международного или немеждународного характера, так и при выполнении боевых задач в мирное время применение норм международного права прав человека может быть ограничено на основании соответствующих положений национального законодательства при безусловном соблюдении основных прав»¹.

Что касается МГП, то положениями Наставления 2018 года регламентированы следующие правила по его соблюдению и выполнению. Согласно статье 5 применение в условиях КТО военно-силовых структур должно осуществляться в строгом соответствии с нормами национального законодательства с учетом принципов МГП: правомерности, необходимости и соразмерности. Далее в тексте Наставления 2018 года приводятся нормы, раскрывающие данную системную концепцию принципов (ч. 5 ст. 20, ч. 7 ст. 20, ч. 12 ст. 20).

Основой обеспечения законности выполнения боевых задач является строгое соблюдение норм национального законодательства и международного права, а также установленных правил применения вооружения, военной и специальной техники (ч. 3 ст. 20 Наставления 2018 г.).

Таким образом, анализ правовых основ проведения КТО под эгидой СНГ в комплексном сочетании антитеррористической деятельности правоохранительных органов и военных структур позволил выявить специфику таких операций, обосновать их реализацию в состоянии мирного времени, несмотря на привлекаемый военный контингент, а также определить требования о соответствии такой деятельности положениям различных отраслей международного права, включая МГП, и национальному законодательству государств.

Для государств – членов СНГ весьма важным вопросом в борьбе с терроризмом является взаимодействие с компетентными органами иностранных государств в данной сфере. Антитеррористическое сотрудничество строится на основе двусторонних и многосторонних международных договоров, в том числе межведомственного характера (ч. 3 ст. 4 Модельного закона 2009 г.). Такая помощь может носить встречный характер, поскольку в рамках СНГ в соответствии с международными договорами государства в необходимых случаях для пресечения акта терроризма в порядке, определенном законодательством государства, могут привлекаться специализированные подразделения по борьбе с терроризмом от иностранных государств (ч. 5 ст. 19 Модельного закона 2009 г.).

Под эгидой СНГ предусмотрено проведение совместных антитеррористических мероприятий. Организационные основы и порядок такого взаимодействия определены специальным Положением 2002 года², согласно которому *совместные антитеррористические мероприятия* – это мероприятия по борьбе с терроризмом, проводимые компетентными органами Сторон по согласованному единому замыслу и плану силами специальных антитеррористических формирований на территориях запрашивающих Сторон (ст. 1.1).

Правовую основу совместных антитеррористических мероприятий составляют общепризнанные принципы и нормы международного права, международные обязательства Сторон и их национальное законодательство, а также рассматриваемое Положение 2002 года (ст. 1.2).

Для координации взаимодействия компетентных органов государств – участников СНГ в области борьбы с международным терроризмом и иными

¹ Независимо от ситуации применения вооруженных формирований должны соблюдаться базовые правила (в частности, касающиеся гуманного обращения с задержанными), основу которых составляет статья 3, общая для всех четырех Женевских конвенций по защите жертв вооруженных конфликтов 1949 г.

² Протокол об утверждении Положения о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств от 7 окт. 2002 г. // Антитеррористический центр государств – участников СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/152/277>.

проявлениями экстремизма Решением Совета глав государств СНГ от 21 июня 2000 г.¹ был создан постоянно действующий специализированный отраслевой орган СНГ – Антитеррористический центр государств – участников Содружества (далее – АТЦ СНГ, Центр)².

Среди достаточно обширного перечня задач и функций Центра необходимо отметить координационно-оперативную сферу взаимодействия компетентных органов государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом и экстремизмом. В рамках данного взаимодействия под эгидой АТЦ ежегодно проводятся совместные антитеррористические учения, в ходе которых отрабатываются следующие вопросы:

- организация и проведение компетентными органами согласованных оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и пресечению деятельности лиц, планирующих совершение террористических актов на территориях государств Содружества;
- информационное взаимодействие государств – участников совместных антитеррористических учений в ходе урегулирования кризисной ситуации;
- проведение специальных силовых операций по освобождению заложников и пресечению террористических угроз в отношении критически важных объектов с задействованием спецподразделений органов безопасности и специальных служб государств – участников учений;
- применение подразделений вооруженных сил, национальной гвардии и других подразделений для решения задач по блокированию и уничтожению крупных незаконных вооруженных террористических формирований³.

Таким образом, в рамках учений проходят аprobацию ряд важных оперативно-тактических и силовых задач в рамках КТО, что в комплексе способствует повышению готовности органов безопасности, специальных служб и других силовых структур стран Содружества к совместному противодействию террористическим вызовам и угрозам, поддержанию мира и безопасности в регионе⁴.

В последние годы наблюдается благоприятная тенденция по расширению и укреплению регионального антитеррористического взаимодействия за счет объединения усилий ряда международных организаций в борьбе с общими угрозами терроризма и экстремизма. Говоря о постсоветском пространстве, а в более широком контексте – о евразийском пространстве безопасности, следует отметить подписанную в 2022 году Совместную позицию Региональной антитеррористической структуры ШОС, Антитеррористического центра государств – участников СНГ и Секретариата ОДКБ по вопросам противодействия терроризму и экстремизму⁵. Документ закрепляет общую стратегию взаимодействия организаций в вопросах борьбы с данными противоправными действиями, позволяющую не только развивать эффективное межрегиональное сотрудничество, но и формировать широкую антитеррористическую коалицию под эгидой ООН в рамках координации усилий международного сообщества в сфере противодействия терроризму и экстремизму.

В соответствии с данным решением были реализованы успешные совместные учения, объединяющие специализированные структуры трех важных международных организаций. Так, в 2023 году в Кыргызской Республике впервые в рамках взаимодействия АТЦ СНГ и Исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры ШОС был проведен заключительный этап (силовая фаза) антитеррористических учений компетентных органов государств – участников данных организаций «Евразия-Антитеррор – 2023»⁶. В процессе совместных действий отрабатывались задачи оперативного и информационно-логистического характера по взаимодействию между Штабом координации при АТЦ СНГ и Исполнительным комитетом РАТС ШОС. В завершении учений прошла успешная аprobация антитеррористической операции по освобождению заложников и нейтрализации террористов.

¹ Положение об Антитеррористическом центре государств – участников Содружества Независимых Государств, утвержденное Решением Совета глав государств СНГ от 1 дек. 2000 г. (с изменениями и дополнениями, внесенными решениями Совета глав государств СНГ от 28 июня 2006 г. и 28 сент. 2018 г.) // Антитеррористический центр государств – участников СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/132/166/189>.

² Правовой статус, основные задачи и функции Центра определены Положением об Антитеррористическом центре государств – участников СНГ, утвержденным Решением Совета глав государств СНГ от 1 дек. 2000 г. См.: Об АТЦ СНГ // Антитеррористический центр государств-участников СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/132>.

³ Координационно-оперативная деятельность АТЦ СНГ // Антитеррористический центр государств-участников СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/133>.

⁴ О деятельности Антитеррористического центра СНГ по координации взаимодействия национальных органов безопасности и специальных служб. URL: <https://e-cis.info/news/566/96729/>.

⁵ Совместная позиция Региональной антитеррористической структуры ШОС, Антитеррористического центра государств – участников СНГ и Секретариата ОДКБ по вопросам противодействия терроризму и экстремизму, 16 февр. 2022 г. URL: <https://odkb-csto.org/documents/accepted-docs/sovmestnaya-pozitsiya-regionalnoy-antiterroristicheskoy-shos-antiterroristicheskogo-tsentr/#loaded>.

⁶ Совместное антитеррористическое учение компетентных органов государств – участников СНГ и государств – членов ШОС «Евразия-Антитеррор – 2023» // Антитеррористический центр государств – участников СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/133/161/9366>.

В свою очередь в июле 2024 года делегация АТЦ СНГ приняла участие в заключительном этапе совместного антитеррористического учения компетентных органов государств – членов ШОС «Взаимодействие-Антитеррор – 2024» в Китайской Народной Республике. В ходе учения были отработаны вопросы координации деятельности компетентных органов государств – членов ШОС по противодействию кибертерроризму и совершенствованию механизмов совместного реагирования на террористические атаки, в том числе совершаемые с использованием беспилотных комплексов и роботизированных систем¹.

Начиная с 2022 года налажено взаимодействие Секретариата ОДКБ и АТЦ СНГ в сфере противодействия террористическим угрозам, в том числе в рамках совместных учений спецподразделений правоохранительных органов и специальных служб, проводимых как по линии АТЦ СНГ, так и в формате ОДКБ. Проведение совместных учений является важным шагом, направленным на интеграцию усилий и укрепление антитеррористического потенциала государств СНГ, ШОС и ОДКБ.

В настоящее время под эгидой АТЦ СНГ обсуждаются подходы к реформированию контртеррористической деятельности СНГ и формированию новых механизмов противодействия терроризму в системе военно-стратегической деятельности. Так, на площадке АТЦ ведется теоретическая и практическая проработка более сложной и более эффективной модели противодействия терроризму в рамках совместной военно-полицейской операции [6, с. 127–128].

Под *совместной военно-полицейской операцией* государств – членов СНГ следует понимать совокупность подчиненных единому замыслу разведывательных, войсковых, специальных, полицейских, оперативно-боевых, оперативно-розыскных, гуманистических и иных мероприятий с применением (демонстрацией) боевой техники, оружия и специальных средств по предупреждению и пресечению террористических и экстремистских преступлений, с участием объединенных под единым командованием сил и средств подразделений вооруженных сил, правоохранительных органов, органов безопасности и специальных служб государств – участников СНГ, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц и организаций, а также по минимизации последствий террористических и экстремистских преступлений [7, с. 127–68].

Совместная военно-полицейская операция рассматривается как форма комплексного применения международных, межведомственных сил для ликвидации террористических угроз. Цели операции и решаемые в ней задачи позволяют пресечь террористическую активность как на начальном этапе,

так и при крупномасштабных действиях террористических формирований, в том числе экспортруемых извне. Конечной целью операции ставится стабилизация обстановки и восстановление конституционного правопорядка на территории одного или нескольких государств либо части их территории [8, с. 37–39].

Таким образом, государства – члены Содружества на постоянной основе проводят мониторинг тенденций развития терроризма, оценку ситуации в мире и в зоне ответственности СНГ, что позволяет постоянно развивать региональное контртеррористическое сотрудничество в свете современных вызовов и угроз.

Заключение

В современных условиях военно-силовую борьбу с терроризмом эффективнее всего вести в рамках комплексной и многокомпонентной деятельности, обеспечивающей правовым режимом КТО, который позволяет сочетать в себе правоохранительные и военные задачи, стоящие перед государствами в рамках обеспечения их внутренней и внешней безопасности, поддержания законности и правопорядка, а также содержит гарантии по обеспечению и защите прав человека. В отдельных случаях с учетом степени угроз, исходящих от террористических организаций, военно-силовую борьбу с терроризмом допустимо квалифицировать как «военную деятельность» с обязательным введением в действие принципов норм МГП.

Анализ правовых основ проведения КТО под эгидой Содружества позволил выявить специфику операций, проводимых правоохранительными и военными структурами в мирное время, а также определить требования о соответствии такой деятельности положениям различных отраслей международного права, включая МГП, МПЧ, международному антитеррористическому праву и национальному законодательству государств.

Ввиду возрастающей потребности в международном сотрудничестве по борьбе с вызовами со стороны международных террористических группировок, когда такая деятельность носит транснациональный характер, а также ввиду отсутствия универсального антитеррористического регулирования КТО и возникновения тенденции формирования разрозненных практик по проведению антитеррористических операций, в перспективе в рамках прогрессивного развития международного антитеррористического права возможно закрепить единые подходы к КТО на универсальном уровне в положениях Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме.

¹ Об участии АТЦ СНГ в совместном антитеррористическом учении ШОС «Взаимодействие-Антитеррор – 2024» // Антитеррористический центр государств-участников СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/9141/145/142/9507>.

Библиографический список

1. Варфоломеев А. А. «Государственный терроризм»: новая волна дискуссий // Международная жизнь. 2019. № 10. С. 46–53.
2. Гуров В. А. Нормативно-правовая база применения Вооруженных сил России на территории Сирийской Арабской Республики в боевых операциях в борьбе с международным терроризмом // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20, № 3(2). 2018. С. 374–377.
3. Громогласова Е. С. Современный военно-силовой контртерроризм: международно-политический и правовой аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16, № 3. С. 426–436.
4. Дерман К. Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов» // Международный журнал Красного Креста. 2003. № 849. С. 51–87.
5. Карсуэлл Э. Дж. Классификация конфликта: дилемма, стоящая перед военнослужащим // Международный журнал Красного Креста. 2009. № 873. С. 195–221.
6. Комляров И. И., Пузырева Ю. В. Международно-правовое регулирование противодействия терроризму в мирное время и в период вооруженных конфликтов: региональный подход Содружества Независимых Государств // Московский журнал международного права. 2022. № 2. С. 115–128. DOI: 10.24833/0869-0049-2022-2-115-128.
7. Кочубей М. А., Мареев П. Л. Совместная военно-полицейская операция в системе контртеррористической деятельности стран СНГ (теоретический аспект) // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2020. № 4. С. 56–71.
8. Мареев П. Л. Особые формы применения силы при осуществлении мероприятий контртеррористического профиля (международно-правовой аспект) // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2023. № 2. С. 33–40.
9. Романовский Г. Б. Модельное законодательство СНГ в сфере противодействия терроризму // Академический юридический журнал. 2019. № 2 (76). С. 49–54.
10. Сассоли М., Олсон Л. Взаимодействие международного гуманитарного права и права прав человека там, где это действительно важно: допустимость убийства и интернирования боевиков во время немежнациональных вооруженных конфликтов // Международный журнал Красного Креста. 2008. Т. 90, № 871. С. 163–204.
11. Чернядьева Н. А. Международное право в борьбе с терроризмом: антитеррористическое право ООН и региональных объединений: монография. Пермь: ПГНИУ, 2016. 422 с.
12. Чернядьева Н. А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия: монография. М: Проспект, 2025. 336 с.
13. Duffy H. The «War on Terror» and the Framework of International Law. 2nd edition. Cambridge, United Kingdom; New York: Cambridge University Press, 2015. 1070 p. DOI: 10.1017/CBO9781139028585.007.
14. Ferraro T. International humanitarian law, principled humanitarian action, counterterrorism and sanctions: Some perspectives on selected issues // International Review of the Red Cross. 2021. Vol. 103 (916–917). Pp. 109–155. DOI: 10.1017/S1816383121000965.
15. Forsythe D. United States Policy toward Enemy Detainees in the «War on Terrorism» // Human Rights Quarterly. 2006. Vol. 28. № 2. Pp. 465–491. DOI: 10.1353/hrq.2006.0017.
16. Galloway F. Anti-terrorism resolutions: the Security Council's threat to the UN system // Journal of Terrorism Research. 2011. Vol. 2, № 3. Pp. 105–125. DOI: 10.15664/jtr.231.
17. Gaggioli G., Kilibarda P. Counterterrorism and the risk of over-classification of situations of violence // International Review of the Red Cross. 2021. Vol. 103 (916–917). Pp. 203–236. DOI: 10.1017/S1816383121000424.
18. Williamson M. Terrorism, war and international law: the legality of the use of force against Afghanistan in 2001. Farnham, England; Burlington, VT: Ashgate, 2009. 277 p. DOI: 10.4324/9781315612133.

References

1. Varfolomeev A. A. «Gosudarstvennyy terrorizm»: novaya volna diskussiy [‘State Terrorism’: A New Wave of Discussions]. *Mezhdunarodnaya zhizn’ – International Affairs*. 2019. Issue 10. Pp. 46–53. (In Russ.).
2. Gurov V. A. *Normativno-pravovaya baza primeneniya Vooruzhennykh sil Rossii na territorii Siriyskoy Arabskoy Respubliky v boevykh operatsiyakh v bor'be s mezhdunarodnym terrorizmom* [Regulatory Framework for the Use of the Russian Armed Forces on the Territory of the Syrian Arab Republic in Combat Operations in the Fight Against International Terrorism]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* – Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 20. Issue 3 (2). 2018. Pp. 374–377. (In Russ.).
3. Gromoglasova E. S. *Sovremennyy voyennosilovoy kontrterrorizm: mezhdunarodno-politicheskiy i pravovoy aspekty* [Modern Military-Force Counter-Terrorism: International Political and Legal Aspects]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* – Vestnik RUDN. International Relations. 2016. Vol. 16. Issue 3. Pp. 426–436. (In Russ.).
4. Dörmann K. *Pravovoy status «nezakonnykh i (ili) ne pol'zuyushchikhsya zashchitoj konvensiy kombatantov»* [Legal Status of ‘Unlawful and (or) Unprotected Combatants’]. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta* – International Review of the Red Cross. 2003. Issue 849. Pp. 51–87. (In Russ.).

5. Carswell A. J. *Klassifikatsiya konflikta: dilemma, stoyashchaya pered voyennosluzhashchim* [Classifying the Conflict: A Soldier's Dilemma]. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta – International Review of the Red Cross*. 2009. Issue 873. Pp. 195–221. (In Russ.).
6. Kotlyarov I. I., Puzyreva Yu. V. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie protivodeistviya terrorizmu v mirnoe vremya i v period vooruzhennykh konfliktov: regional'nyy podkhod Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv* [International Legal Regulation of Counter-Terrorism in Peacetime and During Armed Conflicts: The Regional Approach of the Commonwealth of Independent States]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava – Moscow Journal of International Law*. 2022. Issue 2. Pp. 115–128. DOI: 10.24833/0869-0049-2022-2-115-128. (In Russ.).
7. Kochubey M. A., Mareev P. L. *Sovmestnaya voenno-politseyskaya operatsiya v sisteme kontrterroristicheskoy deyatel'nosti stran SNG (teoreticheskiy aspekt)* [Joint Military-Police Operation in the System of Counter-Terrorism Activities of the CIS Countries (Theoretical Aspect)]. *Mezhdunarodnoe sotrudничество evraziyskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo – International Cooperation of the Eurasian States: Politics, Economics, Law*. 2020. Issue 4. Pp. 56–71. (In Russ.).
8. Mareev P. L. *Osobyе formy primeneniya sily pri osushchestvlenii meropriyatii kontrterroristicheskogo profilya (mezhdunarodno-pravovoy aspekt)* [Special Forms of Use of Force in the Implementation of Counter-Terrorism Measures (International Legal Aspect)]. *Mezhdunarodnoe sotrudничество evraziyskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo – International Cooperation of the Eurasian States: Politics, Economics, Law*. 2023. Issue 2. Pp. 33–40. (In Russ.).
9. Romanovskiy G. B. *Model'noe zakonodatel'stvo SNG v sfere protivodeystviya terrorizmu* [Model Legislation of the CIS in the Field of Countering Terrorism]. *Akademicheskiy yuridicheskiy zhurnal – Academic Law Journal*. 2019. Issue 2 (76). Pp. 49–54. (In Russ.).
10. Sassoli M., Olson L. *Vzaimodeystvie mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava i prava prav cheloveka tam, gde eto deystvitel'no vazhno: dopustimost' ubystva i internirovaniya boevikov vo vremya*
- nemezhdunarodnykh vooruzhennykh konfliktov
- [Interaction of International Humanitarian Law and Human Rights Law Where It Really Matters: The Permissibility of Killing and Internment of Fighters During Non-International Armed Conflicts]. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta – International Review of the Red Cross*. 2008. Vol. 90. Issue 871. Pp. 163–204. (In Russ.).
11. Chernyad'eva N. A. *Mezhdunarodnoe pravo v bor'be s terrorizmom: antiterroristicheskoe pravo OON i regional'nykh ob"edineniy* [International Law in the Fight Against Terrorism: UN and Regional Anti-Terrorism Law]. Perm, 2016. 422 p. (In Russ.).
12. Chernyad'eva N. A. *Mezhdunarodnyy terrorizm: proiskhozhdenie, evolyutsiya, aktual'nye voprosy pravovogo protivodeystviya* [International Terrorism: Origin, Evolution, Current Issues of Legal Counteraction]. Moscow, 2025. 336 p. (In Russ.).
13. Duffy H. *The 'War on Terror' and the Framework of International Law*. 2nd ed. Cambridge, United Kingdom; New York: Cambridge University Press, 2015. 1070 p. DOI: 10.1017/CBO9781139028585.007. (In Eng.).
14. Ferraro T. International Humanitarian Law, Principled Humanitarian Action, Counterterrorism and Sanctions: Some Perspectives on Selected Issues. *International Review of the Red Cross*. 2021. Vol. 103 (916-917). Pp. 109–155. DOI: 10.1017/S1816383121000965. (In Eng.).
15. Forsythe D. United States Policy Toward Enemy Detainees in the 'War on Terrorism'. *Human Rights Quarterly*. 2006. Vol. 28. Issue 2. Pp. 465–491. DOI: 10.1353/HRQ.2006.0017. (In Eng.).
16. Galloway F. Anti-Terrorism Resolutions: The Security Council's Threat to the UN System. *Journal of Terrorism Research*. 2011. Vol. 2. Issue 3. Pp. 105–125. DOI: 10.15664/jtr.231. (In Eng.).
17. Gaggioli G., Kilibarda P. Counterterrorism and the Risk of Over-Classification of Situations of Violence. *International Review of the Red Cross*. 2021. Vol. 103 (916-917). Pp. 203–236. DOI: 10.1017/S1816383121000424. (In Eng.).
18. Williamson M. *Terrorism, War and International Law: The Legality of the Use of Force Against Afghanistan in 2001*. Farnham, England, 2009. 277 p. DOI: 10.4324/9781315612133. (In Eng.).

Информация об авторе:

Ю. В. Пузырева

Кандидат юридических наук, доцент, докторант
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12

ORCID: 0000-0003-4448-2200
ResearcherID: MTA-8874-2025

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.25799/NI.2024.35.39.025
DOI: 10.24833/0869-0049-2024-4-146-161

About the author:

Yu. V. Puzyreva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot 12, Akademika Volgina st., Moscow, 117437, Russia

ORCID: 0000-0003-4448-2200
ResearcherID: MTA-8874-2025

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.25799/NI.2024.35.39.025
DOI: 10.24833/0869-0049-2024-4-146-161

Информация для цитирования:

Gulyamov S. S. Mechanisms for Building Trust in AI-Assisted Justice Systems Through Cognitive, Emotional and Socio-Psychological Factors // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 3(69). С. 482–491. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-482-491.

Gulyamov S. S. Mechanisms for Building Trust in AI-Assisted Justice Systems Through Cognitive, Emotional and Socio-Psychological Factors *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2025. Issue 3(69). Pp. 482–491. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-482-491.

УДК 347

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-482-491

Mechanisms for Building Trust in AI-Assisted Justice Systems Through Cognitive, Emotional and Socio-Psychological Factors

S. S. Gulyamov

Tashkent State University of Law

E-mail: said.gulyamov1976@gmail.com

Received 07 Apr 2025

Introduction: artificial intelligence (AI) is progressively gaining traction within legal and judicial spheres, which necessitates a re-examination of concepts such as transparency, fairness, reliability, and legitimacy. The implementation of explainable artificial intelligence (XAI) is a key element in ensuring trust in such systems, though ‘explainability’ does not in itself guarantee that people will begin to trust these systems. **Purpose:** the study aims to provide a detailed analysis and systematization of available scientific information on psychological mechanisms underlying the formation of trust in explainable artificial intelligence systems applied in the field of justice, with the cognitive, emotional, and socio-psychological aspects considered. **Methods:** the study employed methods of analysis and synthesis to explore the complex system of the formation of trust in explainable artificial intelligence in the field of justice. An analysis of a wide range of open sources, including scientific articles, legal documents and research reports, made it possible to categorize facts regarding the perception of computerized judicial decisions and the level of trust in them. **Results:** the research has established that trust in AI applied in the field of justice develops at the intersection of three key aspects: the understanding of the fundamentals of AI operations, emotional acceptance of the technology, and its adherence to social norms. The author explains the significance of transparency and explainability of AI decisions, of the ability of AI systems to interact with users on an emotional level, and of the role of public opinion and expert examination in trust development. The study has found correlations between perceived accuracy of AI systems and trust levels, elucidated the importance of empathetic characteristics in AI interfaces and the influence of group dynamics on trust formation. **Conclusions:** the findings demonstrate the need for a comprehensive approach to AI implementation in the legal sector that would consider both psychological and technological factors. The paper provides practical recommendations for increasing trust in AI in justice, including the development of training programs, standardized explainability schemes, and transparent audit mechanisms. Recommended areas of future research include studies into cross-cultural variations in attitudes to AI, long-term strategic consequences and ramifications of justice automation, and the development of methods for assessing the effectiveness of human-AI collaboration in court.

Keywords: artificial intelligence; justice; trust; explainability; cognitive factors; emotional perception; socio-psychological aspects

© Gulyamov S. S., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Механизмы формирования доверия к системам правосудия, использующим искусственный интеллект: когнитивные, эмоциональные и социально-психологические факторы

С. С. Гулямов

Ташкентский государственный юридический университет

E-mail: said.gulyamov1976@gmail.com

Статья поступила в редакцию 07.04.2025

Введение: искусственный интеллект (ИИ; англ.: AI) активно внедряется в правовую и судебную сферы, что требует переосмысления концепций прозрачности, справедливости, надежности и легитимности. Внедрение объяснимого искусственного интеллекта (XAI) является ключевым элементом для обеспечения доверия к таким системам, однако сама по себе «объяснимость» не гарантирует, что люди начнут доверять системам. **Цель:** провести детальный анализ и систематизировать доступную научную информацию о психологических механизмах формирования доверия к системам объяснимого искусственного интеллекта в сфере правосудия с учетом когнитивных, эмоциональных и социально-психологических аспектов. **Методы:** методы анализа и синтеза были использованы для изучения процессов формирования доверия к объяснимому искусственному интеллекту в правосудии. Был проведен анализ широкого спектра открытых источников, включая научные статьи, юридические документы и отчеты исследований, что позволило категоризировать факты, касающиеся восприятия компьютеризированных судебных решений и уровня доверия к ним. **Результаты:** исследование показало, что доверие к ИИ в правосудии формируется на пересечении трех ключевых аспектов: понимание основ работы ИИ, эмоциональное принятие технологии и соответствие технологии социальным нормам. Статья объясняет значимость прозрачности и объяснимости решений ИИ, способности систем эмоционально взаимодействовать с пользователями, а также роли общественного мнения и экспертной оценки в развитии доверия. Обнаружены корреляции между воспринимаемой точностью систем ИИ и уровнем доверия к ним, обоснована важность эмпатических характеристик в интерфейсах ИИ и установлено влияние групповой динамики на формирование доверия. **Выводы:** результаты исследования демонстрируют необходимость комплексного подхода к внедрению ИИ в правовой сфере с учетом как психологических, так и технологических факторов. Сформулированы практические рекомендации по повышению доверия к ИИ в сфере юстиции, включая разработку программ обучения, стандартизованных схем объяснимости и прозрачных механизмов аудита. Перспективные направления дальнейших исследований включают изучение межкультурных различий в формировании того или иного отношения к ИИ, анализ долгосрочных стратегических последствий автоматизации правосудия и разработку методов оценки эффективности сотрудничества человека и ИИ в суде.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правосудие; доверие; объяснимость; когнитивные факторы; эмоциональное восприятие; социально-психологические аспекты

Introduction

Artificial intelligence is progressively gaining traction within legal and judicial spheres and constitutes a paradigm shift in the understanding of justice, which necessitates a re-examination and reconstruction of society's perception of issues such as transparency, fairness, reliability, and legitimacy¹. In 2019 the United Nations

Office on Drugs and Crime (UNODC) released a report highlighting the potential of artificial intelligence to achieve a better understanding of the nature and mechanisms of judicial processes so as to preclude algorithmic bias, ensure data privacy, and avoid erosion of human judgment in legal decision-making². Human understanding of the reasoning and operation of such systems is ensured through the concept of explainable AI (XAI).

¹ European Commission. White Paper on Artificial Intelligence: A European approach to excellence and trust, 2020. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf.

² UNODC. Artificial Intelligence and Robotics for Law Enforcement, 2019. Available at: <https://www.unicri.org/artificial-intelligence-and-robotics-law-enforcement>.

According to Article 13 of the Artificial Intelligence Act¹, high-risk systems must be developed with consideration of all cybersecurity aspects, under appropriate monitoring by human specialists, and specific mechanisms are to be implemented in order to effectively and professionally review the output of such systems. Meanwhile, even the ‘explainability’ feature of artificial intelligence is no guarantee that humans will start trusting AI systems, these based on neural networks, machine learning, deep learning, reinforcement learning, and other technologies covered by the general term ‘artificial intelligence’. The objective of the study is to carry out a detailed analysis and systematization of available scientific information on psychological mechanisms underlying the formation of trust in explainable AI systems in the area of justice, while taking into account cognitive, emotional, and socio-psychological aspects. Cognitive, emotional, and socio-psychological processes play the biggest role in how individuals perceive computerized legal systems and judge whether they are objective, just, and proficient. The present paper is based on what was established in the 2018 European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems². The Charter calls for adherence to basic principles such as respect for human rights, non-discrimination, security, transparency, and maintaining user control, particularly in sensitive law enforcement areas. Examination of these principles from a perspective of psychological trust mechanisms allows for a greater comprehension of AI implementation issues in the judicial field. An in-depth study of the determinants of trust in AI in the legal field is supposed to make a rich contribution to the debate on artificial intelligence regulation in the legal field. Providing a typology of the determinants offers a foundation for formulating efficient strategies and policies for building public trust in AI-enabled justice systems. This is the way to maintain basic values of a democratic state and ensure the rule of law in the implementation of new technologies in the judiciary.

Methodology

In the present research, the author employed the methods of analysis and synthesis of psychological processes and investigation into the complex process of the formation of trust in explainable artificial intelligence when applied in the justice system. The research methodology underlying this study was guided by international legal documents such as the Recommendation of the Council on Artificial Intelligence of 2019³, which

point to stakeholder collaboration and evidence-based evaluation when operating, managing, and controlling artificial intelligence. An examination of a wide variety of open sources, such as scientific articles, legal documents, and survey reports [2; 4; 37; 32; 10; 3; 17; 12; 9; 35; 33; 5; 6; 34; 7], as well as other types of research works listed in the references, made it possible to categorize facts concerning perception and the level of trust in computerized judicial rulings. A comprehensive analysis of diverse software tools used in legal practice [8] and review of relevant literature [10; 3; 14; 27; 23] helped to define major patterns and priority areas of research. This allowed for insight into the context of interaction of cognitive, emotional, and socio-psychological factors in the process of development of mechanisms of trust in AI systems in the area of jurisprudence.

Understanding the Principles of AI

An analysis of the level of trust in artificial intelligence systems in the justice sector with cognitive factors taken into account reveals a close relationship between the trust level and the degree of public understanding of the principles of AI operation. This understanding includes a set of theoretical and practical knowledge, as well as awareness of the potential and real application of AI systems in the context of law and legal proceedings. From a theoretical point of view, this includes concepts such as algorithms related to machine learning, neural systems, decision trees. From a practical point of view, this includes legal analytics, decision support systems, case management, etc. As various studies show, there is a positive correlation between the results that artificial intelligence systems produce and the level of trust in them [1; 29; 11].

In addition, according to studies, information-literate people demonstrate a 30% higher level of trust compared to those who do not have this level of knowledge or are in a state of digital nihilism⁴. ‘Digital nihilists’ can be described as people who tend to exaggerate fears and risks associated with such phenomena as handling artificial intelligence, using digital services, banks, transactions, cryptocurrencies, and other benefits of our century, while those fears are unfounded and not supported by practice.

The level of knowledge and understanding of the functioning and intended purpose of AI systems can vary significantly. The nature and degree of the correlation between such literacy and trust in AI depend on the specifics of a particular system and the context of its application in the legal sphere.

¹ European Commission. Proposal for a Regulation laying down harmonized rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act), 2021. Available at: <https://artificialintelligenceact.eu/>.

² Council of Europe. European Ethical Charter on the use of artificial intelligence (AI) in judicial systems and their environment, 2018. Available at: <https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment>.

³ OECD. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence, 2019. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/oecd-legal-0449>.

⁴ Berryhill J., Heang K., Clogher R., McBride K. (2019). *Hello, World: Artificial Intelligence and Its Use in the Public Sector*. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2019/11/hello-world_7734f030/726fd39d-en.pdf

A good example here is Estonia, where population demonstrates a high level of digital literacy and where public trust in digital technologies, according to mass surveys, is around 80%¹. This case convincingly shows that for building trust in justice systems that are based on electronic legal proceedings, it is, first of all, necessary to take measures aimed at improving digital literacy in the population so as to leave no room for prejudices, distortions, and fears.

Assessing the Accuracy and Reliability of an AI system

AI systems can operate in different ways, and the public perception of how accurately and reliably a particular AI-assisted system operates ultimately influences public trust in the judicial system as a whole. The factors behind positive perception are algorithmic accuracy, lack of bias, risk mitigation, resilience to cyberattacks, and adherence to program protocols when ensuring security. An empirical analysis shows that there is a very strong correlation between how effective a system appears to be and how much it is trusted. A negative example here is a system called COMPAS [17], which assesses the potential risk of recidivism. Although this program has been implemented in many organizations, public trust was low because many of the results were very inaccurate and unfair, violating the principles of ethics, mutual trust, non-discrimination, etc.

According to other studies, systems that achieve the trust level of at least 50% work very accurately, and all reports and statistics indicate that their violations and

failures in operation reach almost 0% [12]. This suggests that information that is transmitted to interested parties and disseminated to the masses must be provided on terms of high transparency and accuracy, since there is a strict correlation between the accuracy of an AI system's operation and the level of trust in it.

The Perception of Explainability of AI Decisions

Explainable AI is a versatile solution to build trust in law enforcement and judicial processes. This concept enables the development of frameworks for analyzing AI outputs that support human decision-making and interpretation in legal contexts. In addition, research shows that there is a strong correlation between how explainable and understandable an AI is and the level of trust that users have in it [9].

AI systems applied in legal contexts must incorporate mechanisms that provide compelling evidence and justification for their decisions. This conclusion suggests itself after one of the studies where participants were provided with two systems functioning on different technologies: one worked on the basis of complex generative neural networks, and the other – on the basis of a simpler interpretable and understandable artificial intelligence based on decision trees. As this study showed, among the participants who used AI systems for legal applications, the simpler system, which produced more understandable results, while maintaining the same level of accuracy and fairness, inspired 60% more trust than the technically complex but less comprehensible system [35].

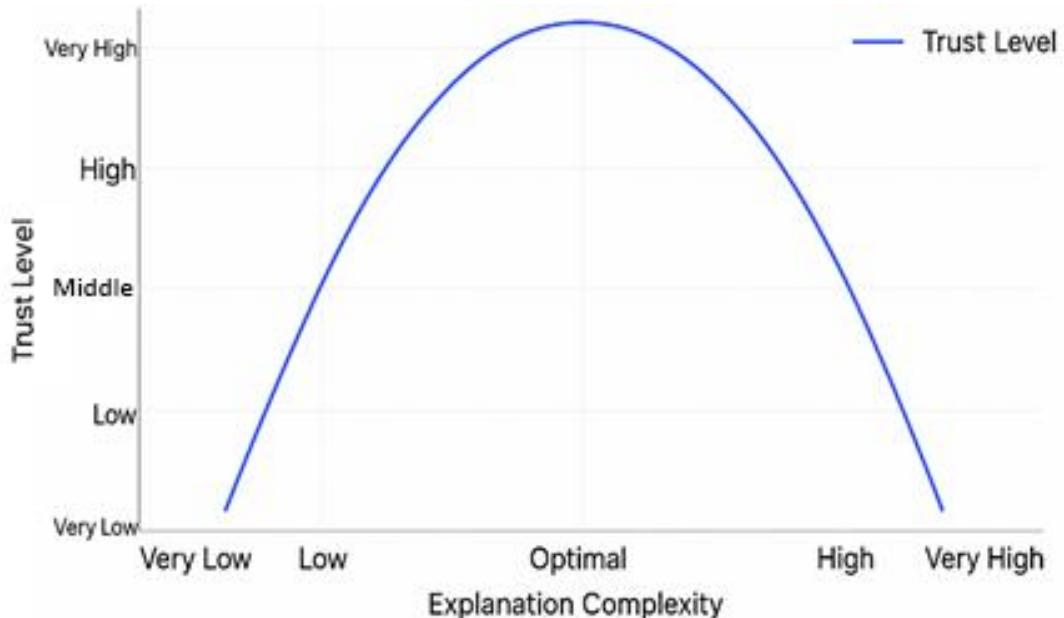


Fig. 1. The relationship between AI explainability and trust levels

¹ e-Justice factsheet, 2022. *e-Estonia* [website]. Available at: https://e-estonia.com/wp-content/uploads/factsheet_e-justice.pdf.

As shown in Fig. 1, there is a direct relationship between the level of public trust in AI systems and the level of complexity of the system, including its interpretability, up to the point where the system becomes too complex to understand, after which the relationship becomes inverse and the level of trust begins to decrease accordingly.

There is another system, called HART (Harm Risk Assessment Tool), which helps to understand whether the operation of an AI system is sufficiently clear for humans. [33]. It was developed by Dutch scientists and shows what approach should be taken to the transparency and interpretability of artificial intelligence results, and also selects which developers, working in a particular field, especially those related to the judicial and legal field, should be involved.

However, in some cases, there is no strict correlation between perceived competence, interpretability, explainability, on the one part, and trust level, on the other part: as some research findings show, if a system is not sufficiently complex, while the task being solved requires a high level of detail, the solutions that are used in simpler artificial intelligence systems will not be suitable [5]. Therefore, it is necessary to find a balance that would satisfy both the developers and the users and would promote user trust in artificial intelligence, which is possible to achieve when users understand the principles on which the AI system is built and when it is guaranteed that its results will not violate the ethical and humanistic principles. Therefore, it is very important to establish approaches to designing systems that would allow interaction between artificial intelligence and people, and to develop flexible interpretation mechanisms that would produce an analysis adapted to the complexity of the system and to user needs.

Emotional Aspects of Trust in AI in the Legal Sphere

Fear of Technology and Automation

The level of trust in artificial intelligence systems related to the justice system is strongly correlated with the concept of technophobia, or fear of using technical means. It is a psychological phenomenon manifested in cognitive-affective reactions to threats perceived by people from innovative technologies. As various studies show [6], there is an inverse relationship between how severe a person's technophobia is and what is the level of his/her trust in certain solutions that are applied with the use of artificial intelligence technologies. One of the striking examples to be given is the Austrian pilot program [34] that helps analyze documents in administrative courts using artificial intelligence. At first, there was strong resistance, and people did not trust this project as they were afraid that artificial intelligence systems would not be able to cope with those legal interpretations that they considered subtle, sensitive, and complex. However, thanks to the advertising campaigns conducted by the organization and to public involvement, it

was possible to achieve impressive results: the level of citizens' trust increased by more than 40% over 6 months of the campaign [7]. This example clearly shows that the emotional resistance at the first stages of the introduction of an AI system, including a system that shows excellent accurate results, is a common phenomenon. Thus, the emotional aspects related to the acceptance of such technologies must be worked through gradually and with due understanding.

Empathy and the Perception of the 'Humanity' of AI Systems

AI systems that integrate anthropomorphic characteristics into their machine learning mechanism may be designed more effectively under the Computers Are Social Actors (CASA) paradigm. This concept holds that people tend to trust systems that demonstrate socially acceptable behavior and empathy [24]. Perceived empathy levels are highly correlated with levels of trust in legal applications. An example is an AI-powered online dispute resolution system in British Columbia [30]. This system uses sophisticated natural language processing specially designed to consider emotional nuances and criteria, which has been shown in research to increase user satisfaction by over 55% compared to conventional online systems [38]. The software showed to be more stable, and the level of perception of emotions and the nature of reactions of certain users played a significant role. This case makes it clear that integrating elements of emotional intelligence into an AI system with contextual awareness increases the level of trust in its application in the law enforcement sector. Therefore, human-centered AI that can navigate the incredibly complex landscape of basic emotions in such a challenging field as legal disputes is becoming increasingly in demand.

Emotional Attitude Toward Fairness of AI Decisions

Fairness is often subjective. Meanwhile, from the perspective of trust formation it is essential that AI systems provide decisions devoid of bias and discrimination. Algorithmic fairness, which is the result of applying a program that ensures technical accuracy and analyzes the results taking into account the 'past direction', i.e., various past cases in the relevant area, as well as cultural traditions, social ideas, and other such aspects, should be the focus of attention in such an area as justice.

Practice provides many questionable examples. For instance, facial recognition systems used in the UK, though being highly effective, showed discrimination against ethnic minorities, which suggests that biases and discrimination were perpetuated. This case tells us that such factors should become a focus of unprecedented attention, and that, before implementing a product in practice, a series of tests is to be carried out, with developers, participants, and testers coming to a conclusion that the system works without such gaps. As another study has shown, transparency with regard to how many potential biases were eliminated during beta testing, as

well as what data was provided to train artificial intelligence, improves the accuracy of its results up to 70% [15].

All this suggests that it is necessary to build holistic approaches to systems based on the principles of fairness and transparency taking into account the factors that influence the level of public trust in them (Table 1), and also to develop algorithms that can be interpreted and explained to society [39].

Table 1

Factors of trust in AI when applied in justice

Factor	Impact on trust level
Perceived empathy	Significant increase
Transparency of algorithms	Significant increase
Expert approval	Noticeable increase
User training	Strong increase over time
Interpretability and understandability of AI	Significant increase
Technophobia	Significant reduction
Pre-testing in other areas	Significant increase
AI as a complement to human labor	Moderate increase
Algorithmic fairness	Significant increase
Social norms and expectations	Moderate to strong increase
Group dynamics	Moderate to strong increase

Socio-Psychological Factors of Trust in AI in Justice

The Influence of Social Norms and Expectations

Social expectations and norms are an important factor in ensuring trust in such a complex phenomenon as artificial intelligence when applied in law enforcement. Social norms and expectations influence how people perceive and adopt technologies. There is a strong correlation between how society accepts artificial intelligence based on certain technologies in other areas and how society will treat artificial intelligence systems operating on similar technologies in law enforcement. For example, this has been proven in practice in Singapore [20], where relevant programs used intelligent case management systems that had previously been tested in other areas, and these programs gained a more than 65% higher level of trust than a system that had not previously been tested in practice [31].

This suggests that before introducing AI systems in areas such as litigation, it seems advisable to test them in less sensitive areas, such as law enforcement. Artificial intelligence should exist in close connection with legal processes, while, as studies show, the level of trust in AI systems increases by 40% when the system of neural networks and other technologies is an addition to human work, and not a replacement for it [19].

The Role of Authorities and Expert Opinion

An analysis of the opinions of authoritative experts who have a significant influence on the public perception of AI systems points to the significant role of epistemic trust in various contexts of AI application in the legal field. In addition, as showed an analysis of the literature, the endorsement by an expert council and authoritative figures in the field of artificial intelligence has a very strong effect on strengthening the level of public trust in explainable AI systems. For example, PROMETEA, which is an Argentinian program implemented in courts and prosecutors' offices, was first treated with great skepticism, but was highly praised by senior prosecutors and experts in the ethics of artificial intelligence [8]. Public trust in this system increased by more than 50% after a series of open seminars and lectures were held under the guidance of expert councils, explaining what the tasks of this system are, what tasks it can perform, what security measures are provided for its functioning [30].

Research also shows that criticism and negative feedback have a detrimental effect on trust levels, suggesting that a balanced approach and fair judgment of AI systems is needed.

Group Dynamics in the Perception of AI systems

Group use of certain AI systems is a phenomenon suggesting that the polarization of group tendencies and identity in a group can shape certain judgments and create a certain attitude and level of trust in explainable artificial intelligence in the field of justice (Fig. 2).

For example, the above-mentioned HART system was first accepted with a negative attitude, but after a course on the use of this system, where all its functions, shortcomings, advantages, and disadvantages were elucidated, the level of trust among officers increased by 60% over about 1 year [25]. This suggests that there are certain group dynamics, and the level of trust in a system can decrease or, conversely, increase, depending on how well-developed the AI system is and whether the users have managed to master the technology. In addition, advertising, mass media, and social media have a considerable impact on trust since collective perception is a highly important factor in today's world. For example, there are various communication strategies and marketing moves, with the involvement of various parties, persons, authoritative sources, and other mechanisms, that help to impact certain groups in a certain way so as to form a certain attitude and level of trust.

Fig. 2 clearly shows that there are interrelated factors influencing group dynamics in the perception of modern technologies, including AI, that determine and shape overall trust in AI systems.

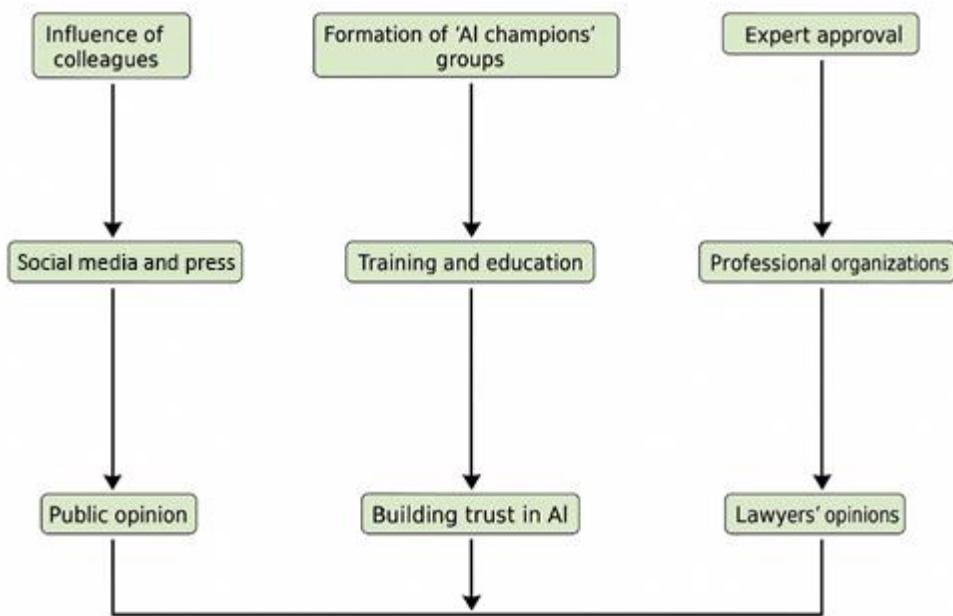


Fig. 2. Group dynamics in the formation of trust in AI

Transformation of Legal Consciousness under the Influence of AI

Changing Ideas about Justice

The modern world is undergoing a technological-legal transformation, which is manifested in the formation of an interaction between human judgment and decision-making with the use of algorithms. A good example is the e-justice system in Estonia, which has undergone a multi-stage development and implementation process. According to surveys, more than 70% of Estonian citizens rate this system as fair. A public opinion analysis also shows that the majority of respondents consider traditional justice systems without the use of artificial intelligence to be outdated and ineffective as the only instrument for administering justice [22]. Therefore, the level of digital trust is very high in this country. However, the population of many other countries, even technologically advanced ones, demonstrates a commitment to the idea that only non-automated systems represent justice. All this refers us to the concept of digital legal acculturation, which suggests that the formation of legal consciousness in the field of digital technologies affects the level of trust in general and shapes the attitude toward the effectiveness of certain systems that can complement justice with artificial intelligence in a given country.

The Evolution of the Concept of Legitimacy of Judicial Decisions

The legitimacy of judicial decisions, as a concept, is also undergoing a number of changes. There has emerged a concept of algorithmic legitimacy, which, in turn, reflects the emergence of a hybrid concept of legal authority, this combining human judgments formed by specialists and knowledge that is provided by artificial intelligence and supplements human knowledge.

For instance, in France there has been implemented a case management system called Predictice [21]. It is an AI-based platform that helps analyze historical court decisions to predict and create predictive models for various types of legal research. Initially, this system was treated by the legal community with some skepticism. However, after an information campaign was run to explain the benefits of the system and its further improvement, the level of trust has increased significantly. According to research, 65% of the surveyed lawyers noted that AI technologies effectively contribute to legal research, both from a scientific and from a practical point of view.

This example shows an expansion of the concept of legitimacy: artificial intelligence represents a combination of human and machine interaction, while functioning on objective data, and all this forms a new era based on the construction of objectivity and trusting relationships between machines and humans in a hybrid form.

Practical Recommendations for Increasing Trust in AI in Justice

Increasing trust in justice systems based on artificial intelligence involves a number of theoretical and practical recommendations that should be based on strategies taking into account various practical aspects [28]. When implementing comprehensive training programs devoted to the use of artificial intelligence in the legal field, it is essential that the principles of AI operation and its limitations, as well as the approach of explainable AI itself, be explained taking into account the principles of transparency and fairness [13; 36].

Standardized explainability schemes suggest that AI applications in the judicial field should facilitate understanding and transparency. In addition, a design that incorporates emotional intelligence, empathy, and

various other aspects in the interface of AI will also help build trust and enhance the ability of stakeholders to participate in the development of the system [11]. Furthermore, transparent audit mechanisms, ongoing reviews, international cooperation can help strengthen the creation of diverse points of view on improving user acceptance. It is also important to emphasize the need to follow pro-regulation trends worldwide, to adhere to global standards and codes that promote differentiation and consistency without violating these principles embedded in the system of artificial intelligence in the field of justice. These recommendations are aimed at creating a reliable system that could increase the level of trust in systems based on artificial intelligence technologies.

Discussion

The psychological mechanism of the formation of trust in AI systems within the legal field involves a sophisticated interaction of cognitive, emotional, and socio-psychological factors [18; 26]. Research findings show that public confidence in the use of AI systems in the judiciary depends not only on the technical efficiency of such systems but also on whether they meet social expectations and moral standards. Another central component is the explainability of AI, which is when users can see the rationale behind the decision-making. Such users' understanding and awareness subsequently facilitate the establishment of trust since users can make rational judgements concerning the system's competence. Research shows, however, that complete trust is usually unattainable due to the inherent limitations of purely rational assessment of AI systems (people cannot fully rationally evaluate all aspects of operation of complex AI systems, which prevents complete trust formation) [16]. Emotional factors, such as the ability of an AI system to empathize emotionally, are essential in establishing emotional trust. This makes it necessary to develop AI systems that can not only effectively address legal matters but also empathize with humans.

Particular attention should be given to socio-psychological processes behind the formation of trust in AI justice. Studies find social norms, group behavior, and influential voices to significantly influence the development of trust in machine-based mechanisms of justice.

This calls for an overarching approach to introducing AI in the legal system, considering not only technological but also social contexts. One of the important areas for future research is investigation into the long-term impact of AI implementation in justice on the attitudes developing in the general public with regard to fairness and legitimacy of the judiciary. Another potential research area is a deeper examination of cultural variations in the perception of AI in the legal field, which can be useful for the development of more universal and adaptive systems. Particular attention

should be given to the question of how the combination of the human element and automation in judicial decision-making influences public confidence in the justice system as a whole. Thus, there is a clear need for additional interdisciplinary research integrating expertise in the areas of psychology, law, and information technology.

Conclusion

The research conducted is a comprehensive study into psychological mechanisms of building trust in explainable artificial intelligence within the legal system and legal process. Based on systematization and critical analysis of available scientific information, the paper reveals the main cognitive, emotional, and socio-psychological determinants of public perception of AI systems in the legal context.

The research findings indicate the need for a multi-dimensional strategy toward the AI development and deployment in the legal field. The main components of this strategy should include transparency and explainability of AI systems, consideration of emotional parameters of interaction with users, and adherence to social norms and values. The paper demonstrates that trust in AI in justice is established at the confluence of rational comprehension, emotional acceptance, and social approval.

It is necessary to develop general approaches for evaluating and enhancing the performance of human-AI collaboration within the legal process. This should involve the formation of mechanisms for increasing the degree of trust in hybrid decision-making systems and the development of training programs for legal professionals and the general public on the best modes of interaction with AI systems in the legal environment.

The future also looks promising for research on the ethics of the use of AI in justice, including the topics of algorithmic transparency, personal data protection, and algorithmic discrimination prevention. This field of research is highly correlated with the development of a normative set of rules governing AI application in the judiciary.

Another major field of future research is the examination of psychological mechanisms of society's adaptation to the growing involvement of AI in the legal field. This involves research on the transformation of legal consciousness of citizens, on their expectations from the judicial system, and on their readiness to trust technological solutions in the matters of justice.

All of these areas of research are important for ensuring harmonized development of AI in line with ethical standards and moral values. Such studies are expected to facilitate the formation of durable trust in AI systems in the field of justice through providing a foundation for the successful introduction of technologies in the legal sphere and safeguarding fundamental principles of justice and the rule of law in the digital era.

References

1. Afroogh S., Akbari A., Malone E., Kargar M., Alambeigi H. Trust in AI: Progress, Challenges, and Future Directions. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. Pp. 1–31. DOI: 10.1057/s41599-024-04044-8. (In Eng.).
2. Araujo T., Helberger N., Kruikemeier S., de Vreese C. H. In AI We Trust? Perceptions about Automated Decision-Making by Artificial Intelligence. *AI & Society*. 2020. Vol. 35. Issue 3. Pp. 611–623. (In Eng.).
3. Brkan M. Do Algorithms Rule the World? Algorithmic Decision-Making and Data Protection in the Framework of the GDPR and Beyond. *International Journal of Law and Information Technology*. 2019. Vol. 27. Issue 2. Pp. 91–121. (In Eng.).
4. Buocz T. J. Artificial Intelligence in Court: Legitimacy Problems of AI Assistance in the Judiciary. *Retskraft—Copenhagen Journal of Legal Studies*. 2018. Vol. 2. Issue 1. Pp. 41–59. (In Eng.).
5. Chamola V., Hassija V., Sulthana A., Ghosh D., Dhingra D., Sikdar B. A Review of Trustworthy and Explainable Artificial Intelligence (XAI). *IEEE Access*. 2023. Vol. 11. Pp. 78994–79015. DOI: 10.1109/ACCESS.2023.3294569. (In Eng.).
6. Cilliers E. J. The Challenge of Teaching Generation Z. *PEOPLE: International Journal of Social Sciences*. 2017. Vol. 3. Issue 1. Pp. 188–198. (In Eng.).
7. Cui Y. *Artificial Intelligence and Judicial Modernization*. Springer Singapore, 2020. 224 p. DOI: 10.1007/978-981-32-9880-4. (In Eng.).
8. Estevez E., Fillottrani P., Linares-Lejarraga S. *PROMETEA: Transformando la administración de justicia con herramientas de inteligencia artificial*. DOI: 10.18235/0002378. (In Span.).
9. Ferrario A., Loi M. How Explainability Contributes to Trust in AI. *SSRN Electronic Journal*. 2022. Pp. 1–24. DOI: 10.2139/ssrn.4020557. (In Eng.).
10. Fine A., Berthelot E. R., Marsh S. Public Perceptions of Judges' Use of AI Tools in Courtroom Decision-Making: An Examination of Legitimacy, Fairness, Trust, and Procedural Justice. *Behavioral Sciences*. 2025. Vol. 15. Issue 4. Pp. 476–491. DOI: 10.3390-bs15040476. (In Eng.).
11. Gillespie N., Lockey S., Curtis C., Pool J., Akbari A. *Trust in Artificial Intelligence: A Global Study*. The University of Queensland and KPMG Australia 2023. 82 p. DOI: 10.14264/00d3c94. (In Eng.).
12. Rittenberg B., Holland C., Barnhart G., Gaudreau S., Neyedli H. Trust with Increasing and Decreasing Reliability. *Human Factors*. 2024. Vol. 66. Issue 12. Pp. 2569–2589. DOI: 10.1177/00187208241228636. (In Eng.).
13. Gulyamov S. S., Rodionov A. A. The Use of Cyber Hygiene as an Effective Psychological Measure for the Prevention of Cyber Addiction. *Psychology and Law*. 2024. Vol. 14. Issue 2. Pp. 77–91. DOI: 10.17759/psylaw.2024140206. (In Eng.).
14. Hacker P., Krestel R., Grundmann S., Naumann F. Explainable AI under Contract and Tort Law: Legal Incentives and Technical Challenges. *Artificial Intelligence and Law*. 2020. Vol. 28. Issue 4. Pp. 415–439. (In Eng.).
15. Haresamudram K., Larsson S., Heintz F. Three Levels of AI Transparency. *Computer*. 2023. Vol. 56. Issue 2. Pp. 93–100. DOI: 10.1109/MC.2022.3213181. (In Eng.).
16. Khokhlova N. I., Plekhanova N. P. *Psichologicheskie faktory, obuslavlivayushchie doverie potrebiteley k yuridicheskoy kompanii* [Psychological Factors Contributing to Clients' Trust for a Law Company]. *Psichologiya i pravo – Psychology and Law*. 2022. Vol. 12. Issue 1. Pp. 196–208. DOI: 10.17759/psylaw.2022120115. (In Russ.).
17. Larson J., Mattu S., Kirchner L., Angwin J. How We Analyzed the COMPAS Recidivism Algorithm. *ProPublica*. 2016. Vol. 23. Pp. 1–16. (In Eng.).
18. Leshkevich T. G. *Paradoks doveriya k iskusstvennomu intellektu i ego obosnovanie* [The Paradox of Trust in Artificial Intelligence and Its Rationale]. *Filosofiya nauki i tekhniki – Philosophy of Science and Technology*. 2023. Vol. 28. Issue 1. Pp. 34–47. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-34-47. (In Russ.).
19. Loh E. Medicine and the Rise of the Robots: A Qualitative Review of Recent Advances of Artificial Intelligence in Health. *BMJ Leader*. 2018. Vol. 2. Issue 2. Pp. 59–63. (In Eng.).
20. Soh J. T. H., Lim H. K., Chai I. E. Legal Area Classification: A Comparative Study of Text Classifiers on Singapore Supreme Court Judgments. *Proceedings of the Natural Language Processing Workshop*. 2019. Pp. 67–77. DOI: 10.18653/v1/W19-2208. (In Eng.).
21. *Predictice*. Available at: <https://www.legal-technologyhub.com/vendors/predictice/>. (In Eng.).
22. *Liberties Rule of Law Report 2024: Estonia*. Civil Liberties Union for Europe, 2024. Available at: https://dq4n3bttxmr8c9.cloudfront.net/files/jof46t/ESTONIA_Liberties_RuleOfLaw_Report_2024.pdf. (In Eng.).
23. Morison J., Harkens A. Re-Engineering Justice? Robot Judges, Computerized Courts and (Semi) Automated Legal Decision-Making. *Legal Studies*. 2019. Vol. 39. Issue 4. Pp. 618–635. (In Eng.).
24. Nass C., Yen C. *The Man Who Lied to His Laptop: What We Can Learn about Ourselves from Our Machines*. Penguin, 2010. 240 p. (In Eng.).
25. Oswald M., Grace J., Urwin S., Barnes G. C. Algorithmic Risk Assessment Policing Models: Lessons from the Durham HART Model and 'Experimental' Proportionality. *Information & Communications Technology Law*. 2018. Vol. 27. Issue 2. Pp. 223–250. DOI: 10.1080/13600834.2018.1458455. (In Eng.).
26. Omrani N., Rivieccio G., Fiore U., Schiavone F., Garcia-Agreda S. To Trust or Not to Trust? An Assessment of Trust in AI-Based Systems: Concerns, Ethics and Contexts. *Technological Forecasting and Social Change*. 2022. Vol. 181. Article 121763. DOI: 10.1016/j.techfore.2022.121763. (In Eng.).
27. Papavasiliou N. *The Vicissitudes of Law in the Digital Age: Automation as a Mechanism for Justice in Family Law*. Thesis for Bachelor of Laws (Honours). Brisbane, 2020. Pp. 1–5. (In Eng.).

28. John A. M., Aiswarya M. U., Panachakel J. T. *Ethical Challenges of Using Artificial Intelligence in Judiciary*. 2025. Available at: <https://arxiv.org/abs/2504.19284>. (In Eng.).
29. Salloum S. Trustworthiness of the AI. In: Al-Marzouqi A., Salloum S. A., Al-Saidat M., Aburaya, A., Guta B. (eds.) *Artificial Intelligence in Education: The Power and Dangers of ChatGPT in the Classroom*. Springer International Publishing, 2024. Pp. 643–650. DOI: 10.1007/978-3-031-52280-2_41. (In Eng.).
30. Salter S. Online Dispute Resolution and Justice System Integration: British Columbia's Civil Resolution Tribunal. *Windsor Yearbook of Access to Justice*. 2021. Vol. 34 (1). Pp. 112–129. (In Eng.).
31. Sourdin T. Judge v Robot: Artificial Intelligence and Judicial Decision-Making. *UNSW Law Journal*. 2021. Vol. 41. Issue 4. Pp. 1114–1133. (In Eng.).
32. Tolan S., Miron M., Gomez E., Castillo C. Why Machine Learning May Lead to Unfairness: Evidence from Risk Assessment for Juvenile Justice in Catalonia. *Proceedings of the Seventeenth International Conference on Artificial Intelligence and Law*. 2019. Pp. 83–92. (In Eng.).
33. van der Put C. E., Assink M., Boekhout van Solinge N. Predicting Child Maltreatment: A Meta-Analysis of the Predictive Validity of Risk Assessment Instruments. *Child Abuse & Neglect*. 2017. Vol. 73. Pp. 71–88. (In Eng.).
34. Federal Ministry of Justice (Austria). *IT Applications in the Austrian Justice System*, 2025. (In Eng.).
35. Yang Y. Who Should I Trust: Human-AI Trust Model in AI Assisted Decision-Making. *Lecture Notes in Education Psychology and Public Media*. 2024. Vol. 41. Pp. 236–241. DOI: 10.54254/2753-7048/41/20240805. (In Eng.).
36. Zakhrova A. V., Staroverova M. S. *Tekhnologii povysheniya professional'noy kompetentnosti pedagogicheskikh kadrov v usloviyakh inklyuzivnoy obrazovatel'noy organizatsii* [Technologies for Raising Professional Competence in Teachers Working in Inclusive Educational Institutions]. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru – Psychological Science and Education PSY-EDU.ru*. 2016. Vol. 8. Issue 3. Pp. 153–165. DOI: 10.17759/psyedu.2016080314. (In Russ.).
37. Završnik A. Algorithmic Justice: Algorithms and Big Data in Criminal Justice Settings. *European Journal of Criminology*. 2021. Vol. 18. Issue 5. Pp. 623–642. (In Eng.).
38. Zeleznikow J. Can Artificial Intelligence and Online Dispute Resolution Enhance Efficiency and Effectiveness in Courts. *International Journal for Court Administration*. 2017. Vol. 8. Issue 2. Pp. 30–45. (In Eng.).
39. Zhang Y., Liao V., Bellamy R. Effect of Confidence and Explanation on Accuracy and Trust Calibration in AI-Assisted Decision Making. *Proceedings of the 2020 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. 2020. Pp. 295–305. DOI: 10.1145/3351095.3372852. (In Eng.).

Информация об авторе:

С. С. Гулямов

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой киберправа
Ташкентский государственный юридический университет
100047, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Сайилгоҳ, 35
ORCID: 0000-0002-2299-2122

About the author:

S. S. Gulyamov

Tashkent State University of Law
35, Sayilgokh st., Tashkent, 100047, Uzbekistan
ORCID: 0000-0002-2299-2122

**Правила оформления и представления рукописей статей в журнал
«ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

1. Правовые и организационные основы публикации научных статей

Тематика журнала. В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам юридических наук, исследования современного состояния российского, международного, зарубежного законодательства и правоприменительной практики, теоретических и исторических аспектов государственно-правовых явлений, правовых вопросов социальной работы.

Язык и география журнала. Журнал издается на русском языке. На сайте журнала представлена полная версия журнала на английском языке, что позволяет расширить географию читателей и усилить интеграционные процессы в мировом научном сообществе.

Порядок подачи статей. Для подачи статьи автору необходимо пройти *электронную регистрацию* на сайте журнала и направить научную статью путем подачи *онлайн-заявки*.

Редакция принимает статьи (материалы) объемом 100 000 печатных знаков с пробелами.

Плата с авторов, в том числе с аспирантов, за публикацию рукописей не взимается.

Основы правового взаимодействия Издателя и Автора. Издатель (Пермский государственный национальный исследовательский университет) предлагает любому физическому лицу заключить с Издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором которой он является, на следующих условиях.

Автор безвозмездно предоставляет Издателю (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его статьи (Произведения) в том числе в составе журнала следующими способами:

- воспроизведение произведения, т. е. изготовление одного и более экземпляров произведения или любой его части в любой материальной, в том числе электронной, форме, включая воспроизведение произведения в любых базах данных;
- распространение произведения путем продажи или иного отчуждения его экземпляров в любом их количестве;
- импорт экземпляров произведения в целях распространения;
- перевод или другая переработка произведения;
- доведение произведения до всеобщего сведения, в том числе использование произведения либо любой его части в сети Интернет, иных компьютерных сетях и любых базах данных.

Предоставление Издателю указанных выше прав использования Произведения сохраняет за Автором право выдачи третьим лицам лицензий на аналогичные способы использования (простая, неисключительная лицензия).

Автор предоставляет Издателю указанные выше права на весь срок действия исключительных прав на статью.

Территория, на которой допускается использование Произведения указанными выше способами, не ограничена, т. е. включает в себя территорию всего мира.

Право использования Произведения предоставляется Издателю **безвозмездно**. Гонорар Автору не устанавливается.

Автор дает согласие на то, что Издатель имеет право предоставлять частично или полностью указанные выше права третьим лицам без дополнительного согласования с Автором и без выплаты Автору и иным лицам дополнительного вознаграждения (сублицензия).

Автор Произведения выражает согласие на внесение в Произведение сокращений и дополнений, снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями – Издателем или третьими лицами – на основании заключенных с Издателем сублицензионных договоров.

Автор Произведения выражает согласие на внесение Издателем или третьими лицами на основании заключенных с Издателем сублицензионных договоров редакторских и корректорских правок в Произведение, а также на изменение названия Произведения без дополнительного согласования, если эти изменения не приводят к искажению смысла и не нарушается целостность восприятия Произведения.

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», Автор Произведения дает Издателю согласие на автоматизированную, а также без использования средств автоматизации обработку путем сбора, систематизации, накопления, хранения, уточнения, использования, передачи и удаления своих персональных данных, сообщенных Издателю при заключении лицензионного договора: фамилия, имя, отчество, паспортные данные, дата рождения, адрес места жительства, контактные данные (телефон, адрес электронной почты), а также другие персональные данные, которые Автор Произведения сообщает с целью заключения с Издателем лицензионного договора.

При использовании Произведения:

- Издатель размещает фамилию, инициалы Автора, название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала;
- Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ). Направление Автором статьи Издателю является согласием Автора на подобное размещение и включение.

Если в течение двух лет с момента получения Произведения Издатель не начал использование Произведения или не предоставил право использования Произведения третьим лицам, Автор Произведения вправе расторгнуть лицензионный договор в одностороннем порядке, уведомив об этом Издателя электронным письмом по адресу: *vesturn@yandex.ru* не менее чем за 10 рабочих дней до даты предполагаемого расторжения лицензионного договора. В случае, если в указанный срок Автор Произведения не получит мотивированных возражений от Издателя, лицензионный договор считается расторгнутым.

Автор Произведения дает согласие на использование его Произведения на условиях открытой лицензии с указанием авторства СС BY.

Издатель будет считать себя заключившим лицензионный договор с Автором Произведения на вышеуказанных условиях с момента получения от него акцепта.

Акцептом признается согласие с условиями лицензионного договора, котороедается в электронном виде на сайте и предшествует online-подаче статьи.

2. Требования к качеству контента

Соблюдение международных стандартов этики является неотъемлемой частью политики нашего журнала. К публикации принимаются только уникальные научные исследования, не опубликованные ранее. Статьи, поступающие в редакцию, проверяются на уникальность текста с помощью системы **«Антиплагиат»**.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статьи с **的独特性 less than 75 %**.

Статья должна быть разбита на разделы:

- введение;
- основное содержание*;
- результаты/обсуждение;
- заключения/выводы.

* автор обязан дать самостоятельное оглавление контенту и разбить тело статьи на несколько блоков с присвоением каждому собственного наименования.

3. Требования к оформлению текста статьи

Параметры страницы. Формат листа, используемый для написания статьи, – А4. Поля – 2,5 см со всех сторон. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов – 1,25 см.

Основной текст статьи набирается шрифтом Calibri, размер – 14 пт, межстрочный интервал – полуторный. При оформлении статьи необходимо различать знаки дефис (-) и тире (–). Между цифрами ставится знак тире без отбивки (пробелов), напр.: 12–15.

Заглавие статьи набирается прописными (большими) буквами жирным шрифтом, курсивом и форматируется по центру.

Перед заглавием слева прямым шрифтом набирается УДК, под заглавием жирным шрифтом – И. О. Фамилия, светлым – ученая степень, ученое звание, должность, название вуза и его адрес (с индексом), идентификационные коды автора **ORCID** и **ResearcherID** (**обязательно!**), информация о статьях автора в БД «Scopus» или БД «Web of Science» (при наличии) путем указания DOI таких статей, адрес электронной почты автора.

4. Требования к структуре авторского резюме (аннотации)

Под указанной выше информацией помещается авторское резюме на русском языке (200–250 слов), набранный светлым курсивом.

Авторское резюме к статье является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал.

Обязательная структура авторского резюме:

- введение;
- цели и задачи;
- методы;
- результаты/обсуждение;
- заключения/выводы.

После текста авторского резюме следует указать 8–10 ключевых слов (словосочетаний), характеризующих проблематику статьи (набрав их светлым прямым шрифтом).

Пример оформления статьи:

УДК 347.4

**ВИНА ЭНЕРГОСНАБЖАЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ПРИ НЕПРАВОМЕРНОМ ПЕРЕРЫВЕ В ПОДАЧЕ ЭНЕРГИИ**

О. А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0001-6880-5604
ResearcherID: D-1066-2016
Статьи автора в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540
DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177
E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Введение: статья посвящена анализу состава вины энергоснабжающей организации как одному из условий ее ответственности за неправомерный перерыв в подаче энергии. Юридическая конструкция состава этого гражданского правонарушения ставит возникновение ответственности лица, осуществляющего деятельность по поставке энергии, в зависимость от наличия вины, что является исключением из общего правила повышенной ответственности предпринимателя. В связи с этим вопросы понимания содержания состава вины энергоснабжающей организации приобретают особое значение. **Цель:** сформировать представление о вине энергоснабжающей организации на основе анализа научных источников и материалов судебной практики привлечения к гражданско-правовой ответственности по пункту 2 статьи 547 ГК РФ. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применились частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** анализ практики применения и научного комментирования пункта 2 статьи 547 ГК РФ показал, что категории неправомерного перерыва в подаче энергии и вины отождествляются, вина «растворилась» в противоправном поведении энергоснабжающей организации и потеряла самостоятельность в составе данного правонарушения. **Выводы:** и в цивилистической науке и в гражданском законодательстве необходимо четко разграничить противоправное поведение должника, в том числе энергоснабжающей организации, и его вину, поскольку это разные условия (элементы состава правонарушения) гражданско-правовой ответственности, способные самостоятельно исключать гражданско-правовую ответственность. Легальное поведенческое понимание вины энергоснабжающей организации совпадает с субъективным признаком ее противоправного бездействия и не имеет собственной юридической ценности.

Ключевые слова: неправомерный перерыв в подаче энергии; вина энергоснабжающей организации; вина в гражданском праве; противоправное поведение энергоснабжающей организации; гражданское правонарушение; гражданско-правовая ответственность; презумпция вины

На первой странице в подстрочнике необходимо указать знак © и Фамилию И. О., год:

© Кузнецова О. А., 2024

5. Оформление сносок и библиографического списка

Библиографический список должен быть построен в алфавитном порядке. В нем указываются только научные источники: научные статьи, монографии, диссертации, авторефераты диссертаций, научные комментарии, учебная литература, электронные ресурсы и т. д.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет DOI, то его указание в разделе «References» является обязательным!

Ссылки на нормативно-правовые акты и судебно-арбитражную практику помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок, однако в библиографическом списке повторно не указываются. Сноски должны быть постраничными, нумерация сносок начинается с каждой страницы.

Сноски набираются шрифтом Calibri, размер – 10 пт, межстрочный интервал – одинарный.

В основном тексте указание на источник, помещенный в библиографическом списке, осуществляется следующим образом: в квадратных скобках указываются номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница источника: [5, с. 216]. Возможно также указание на том многотомного издания: [8, т. 1, с. 216].

Источники в библиографическом списке оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008.

В библиографическом списке обязательно наличие **не менее половины иностранных источников**, реально используемых при написании научной статьи. При этом иностранные источники указываются в библиографическом списке в алфавитном порядке строго после русскоязычных источников.

Избыточное и необоснованное цитирование не допускается.

Примеры оформления сносок в тексте научной статьи:

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

³ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 09.03.2015).

⁴ О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 (ред. от 29 июля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 29 (ч. 1), ст. 3482.

⁵ Гражданский кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. (ред. от 26 нояб. 2001 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, ст. 407 (утратил силу).

⁶ О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

⁷ Обзор практики применения арбитражными судами статьи 414 Гражданского кодекса РФ: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21 дек. 2005 г. № 103 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 4.

⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 9 дек. 1997 г. № 5246/97 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Примеры библиографических записей:

Библиографический список

1. Бурлака С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия и их реализация в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 25 с. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1191676>.
2. Добрынина С. Ненадежная субстанция // Российская газета. 2015. 12 февр.
3. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 2. 492 с.
4. Микрюков В. А. Ограничения и обременения права собственности и иных гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 214 с.
5. Плехова О. А. Проблема понятия объекта должностных преступлений // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. URL: http://www.hses-online.ru/2008/02/_12_00_08/13.pdf.
6. Рабцевич О. И. Реализация статей 5 и 6 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека в российском законодательстве // Право и политика. 2001. № 10. С. 43–51.
7. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования: сб. науч. тр. / под ред. А. Е. Марона. М.: Изд-во Институт образования взрослых, 2007. 118 с.
8. Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1999. 199 с.
9. Tsai L. L. Accountability without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China. Cambridge, 2007. 347 р.
10. Lindsnæs B. The Global and the Regional Outlook (How Can Global Public Goods Be Advanced from a Human Rights Perspective?) // Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. Pp. 71–111.

6. Англоязычный контент статьи

После библиографического списка приводятся на английском языке название статьи, И. О. Фамилия автора, место работы и его адрес, идентификационные коды автора (обязательно!), адрес электронной почты, аннотация (150–250 слов прямым шрифтом), а также ключевые слова.

После принятия статьи к опубликованию автор **обязан предоставить высококачественный перевод всего текста статьи на английский язык.**

**THE GUILT OF AN ELECTRIC POWER SUPPLY ORGANIZATION IN CASE
OF ILLEGAL INTERRUPTION IN POWER SUPPLY**

O. A. Kuznetsova

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

ORCID: 0000-0001-6880-5604

ResearcherID: D-1066-2016

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Introduction: the article is devoted to analysis of the guilt of an electric power supply organization as one of the conditions of its liability for illegal interruption in power supply. The legal structure of this civil offence makes incurrence of liability of the legal person engaged in power supply activities conditional on the presence of guilt, which is an exception to the general rule of an entrepreneur's enhanced responsibility. Thus, the issues of understanding the content of guilt of a power supply organization acquire particular importance. The **purpose** of the work is to form a concept of the guilt of a power supply organization basing on the analysis of scientific works and court practice material on cases of holding liable in accordance with Clause 2 of Article 547 of the Civil Code of the Russian Federation. **Methods:** empirical methods of comparison, description and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal dogmatic method and method of legal norm interpretation. **Results:** the analysis of the practice in the application of Clause 2 of Article 547 of the Russian Civil Code and its scientific commentary shows that the categories of illegal interruption in power supply and guilt are equated, the category of guilt dissolves in the category of unlawful behaviour of a power supply organization and loses its independence within the elements of this offence. **Conclusions:** both in the civil science and civil law, it is necessary to clearly differentiate between the unlawful behaviour of the debtor, including a power supply organization, and his guilt, since these are different conditions (elements of offence) of civil liability, each of which can independently exclude civil liability. The legal behavioural understanding of the guilt of a power supply organization coincides with the subjective indicator of its unlawful failure to act and does not have its own legal value.

Keywords: illegal interruption in power supply; guilt of an electric power supply organization; guilt in the civil law; unlawful behaviour of a power supply organization; civil offence; civil liability; presumption of guilt.

7. Транслитерация

В статье должен содержаться библиографический список на русском языке. Затем должна следовать транслитерация этого списка (т. е. перевод текста библиографического списка на латиницу) с указанием «References». Для этого рекомендуется использовать **специальную программу**. Кроме того, необходимо в квадратных скобках указывать название источника, переведенное на английский язык. Пример оформления библиографического списка на латинице с переводом на английский язык представлен ниже.

Для русскоязычных **статьей из журналов** должна быть соблюдена следующая схема библиографической ссылки:

- Авторы (транслитерация);
- Заглавие статьи (транслитерация курсивом);
- [Перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках] – каждое слово с заглавной буквы, кроме артиклей;
- Название русскоязычного источника (транслитерация курсивом);
- [Перевод названия источника на английский язык]*;
- Выходные данные (год, номер – Issue, при наличии – том);
- Страницы, на которых расположена статья в журнале (Pp. 17–34)
- Указание на язык статьи (In Russ.).
- Указание на DOI статьи (DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177).

* здесь приведен перечень названий наиболее популярных юридических журналов, а также корректный перевод этих названий на английский язык.

Для **монографий** должна быть соблюдена следующая схема библиографической ссылки:

- Авторы (транслитерация);
- Название монографии (транслитерация курсивом);
- [Перевод названия монографии на английский язык в квадратных скобках] – каждое слово с заглавной буквы, кроме артиклей;
- Выходные данные: место издания на английском языке: Moscow, St. Petersburg (без указания издательства);
- Количество страниц в издании (500 р.);
- Указание на язык статьи (In Russ. / In Eng.).

Примеры транслитерации:

References

1. Vitryanskiy V. V. *Dogovory bankovskogo vklada, bankovskogo shcheta i bankovskiye raschety* [The Contract of Bank Deposit, Bank Accounts and Bank Calculations]. Moscow, 2006. 556 p. (In Russ.).
2. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik; pod red. A. P. Sergeeva, Yu. K. Tolstogo* [Civil Law: textbook: in 3 vols; ed. by A. P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy]. Moscow, 2001. Vol. 3. 632 p. (In Russ.).
3. Danilenko S. *Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya ob"ekta bankovskoy tayny* [Some Problems of Legal Regulation of the Object of Banking Secrecy]. *Khozyaystvo i pravo – Business and Law*. 2007. Issue 10. Pp. 28–33. (In Russ.).
4. Dobrynina S. *Nenadezhnaya substantsiya* [Unreliable Substance]. *Rossiyskaya gazeta – The Russian Gazette*. 2015. 12 February. (In Russ.).
5. Kuznetsova O. A. *Spetsializirovannye normy rossiyskogo grazhdanskogo prava: Teoreticheskie problemy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Specialized Norms of the Russian Civil Law: Theoretical Problems: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2007. 24 p. (In Russ.).

6. Makhmadkhonov T. *Problemy pravovogo obespecheniya kommercheskoy tayny v zakonodatel'stve Respublikи Tadzhikistan: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Problems of Legal Support of Commercial Secrets in the Legislation of the Republic of Tajikistan: Synopsis of Cand jurid. sci. diss.]. Dushanbe, 2008. 24 p. (In Russ.).
7. Mikryukov V. A. *Ogranicheniya i obremeneniya prava sobstvennosti i inykh grazhdanskikh prav: diss. kand. jurid. nauk* [Restrictions and Encumbrance of Property Rights and Other Civil Rights: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2004. 214 p. (In Russ.).
8. Serkova Yu. A. *Ponyatiye yuridicheskoy konstruktsii i ego metodologicheskoe znachenie v issledovanii pravovykh system* [The Concept of Juridical Construction and Its Methodological Significance in Studying Legal Systems]. *Yuridicheskiy mir – The Juridical World.* 2013. Issue 7. Pp. 64–67. (In Russ.).
9. Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Russian Federation as the Subject of the Civil Liability. *World Applied Sciences Journal.* 2013. Vol. 24. Issue 1. Pp. 31–34. (In Eng.). DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177.
10. Tsai L. L. Accountability without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China. Cambridge, 2007. 347 p. (In Eng.).
11. Lindsnaes B. The Global and the Regional Outlook (How Can Global Public Goods Be Advanced from a Human Rights Perspective?). *Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights*; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. Pp. 71–111. (In Eng.).

8. Информация для цитирования

В конце статьи указывается наименование Вашей статьи с полными выходными данными на русском и английском языках для облегчения цитирования Вашей статьи.

Пример:

Информация для цитирования:

Кузнецова О. А. Вина энергоснабжающей организации при неправомерном перерыве в подаче энергии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. _____. С. _____.

Kuznetsova O. A. *Vina energosnabzhayushchey organizatsii pri nepravomernom pereryve v podache energii* [The Guilt of an Electric Power Supply Organization in Case of Illegal Interruption in Power Supply]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences.* 2025. Issue _____. Pp. _____. (In Russ.).

9. Порядок и сроки рассмотрения рукописей

Представленная автором рукопись направляется члену редакционной коллегии на рецензирование в соответствии с тематикой статьи. Рецензирование рукописей производится в соответствии с «Порядком рассмотрения и рецензирования рукописей научных статей, поступивших в редакцию журнала “Вестник Пермского университета. Юридические науки”».

Срок рассмотрения рукописи – 2–3 месяца.

Научные статьи не допускаются к опубликованию в случае наличия двух или более **типовых ошибок научных статей**, а также по причине несоответствия тематике выпуска, которая определяется редакционной коллегией с учетом поступивших в редакцию статей и политики журнала.

Преимущество при формировании очередного выпуска Издания отдается статьям, выполненным на английском языке.

Научные статьи, направленные авторам на доработку с помощью электронной почты, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный редактором срок через электронную почту Издательства: vesturn@yandex.ru.

Статьи публикуются в порядке общей очередности и по мере поступления от авторов.

Средний объем одного номера журнала: 25,0–30,0 усл. печ. л.

10. График выхода журнала в 2025 г.

Журнал является ежеквартальным изданием; выходит **в марте, июне, сентябре и декабре**.

Выпуск	Дедлайн подачи онлайн-заявки	Литературное редактирование и вычитка контента РИО ПГНИУ	Формирование макета журнала	Полиграфическая печать бумажной версии журнала (дата выхода)	Выгрузка электронной версии на сайт журнала	Выгрузка электронной версии в РИНЦ	Рассылка авторам, подписчикам, в РГБ и по библиотекам ведущих научных центров
1(67)	10 января	24 января – 7 марта	10–28 марта	31 марта	31 марта	1 апреля	31 марта – 7 апреля
2(68)	10 апреля	24 апреля – 10 июня	11–27 июня	30 июня	30 июня	1 июля	30 июня – 7 июля
3(69)	10 июля	24 июля – 10 сентября	11–28 сентября	30 сентября	30 сентября	1 октября	30 сентября – 7 октября
4(70)	10 октября	24 октября – 10 декабря	11–26 декабря	25 декабря	26 декабря	29 декабря	28 декабря – 10 января

После выхода очередного выпуска журнала Издатель обеспечивает рассылку авторских экземпляров по указанным авторами при онлайн-подаче статей на сайте адресам, рассыпает журнал в организации, получающие от производителей печатных изданий обязательный экземпляр, а также в ведущие российские и зарубежные научные центры.

Научное издание

Вестник Пермского университета

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025

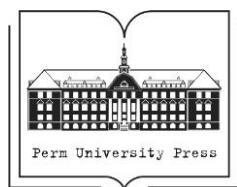
Выпуск 3(69)

Адрес учредителя и издателя:
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакционной коллегии:
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15
юридический факультет
Тел. +7(342)239-62-75, +7 963 0126422
E-mail: vesturn@yandex.ru
Сайт: <http://www.jurvestnik.psu.ru>

Редактор *Е. И. Герман*
Корректор *Я. А. Малышева*
Компьютерная верстка: *Т. А. Абасова*
Дизайн обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 29.09.2025. Выход в свет 30.09.2025
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 20,69. Тираж 500 экз. Заказ 107



Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-66-36

Отпечатано в типографии ПГНИУ
Тел. (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8650364/?phrase_id=396140. Подписной индекс 41046